КОРОЛИ
СЕРОСТИ
Артур Темиржанов

Annotation

Сожаления приходят, когда уже ничего нельзя изменить. Капитан Виктор Валентайн знает об этом, как никто другой.

То, что казалось обычной спасательной миссией, превратилось в нечто намного большее. Если Вик и его отряд потерпят неудачу, для огромного количества людей завтра может вовсе не наступить. Впрочем, стоит ли будущее других того, чтобы ради него погибать?

Бог бросает свой взор на несчастную шестёрку, готовую пожертвовать собой, лишь бы сохранить мир. И только один из них знает, что никакая жизнь не стоит спасения.

Короли серости — Том второй

13. Тринадцатый

Тринадцатый
«Сильный может пожалеть слабого. Слабый никогда не пожалеет сильного»
Калеб Сигмар, «Принципат»

Его разбудила невероятная боль в правой руке. Вскочив, он обнаружил, что лежит на мраморном полу в библиотеке. Взглянув на ладонь, он сжал её в кулак и подождал, пока боль отступит. Затем поднялся и прошёлся по помещению.

С последнего раза мало что изменилось, разве что появилась пыль на некоторых полках, да несколько ковров изменили цвет. Он подошёл зеркалу и посмотрел на своё лицо, а затем оскалился, чтобы проверить зубы. Как он и ожидал, гниение отступило.

Затем он осмотрел одежду. На нём были зелёный пиджак с белой рубашкой и бежевые штаны. На ногах блестели штиблеты. Походило это всё на тряпки из гардероба театра, выступавшего с пьесами прошлого века.

— Томми! — окликнул его голос, который он так жаждал и так боялся услышать. Обернувшись, Марцетти увидел её. Она шла в платье с открытыми плечами и разрезом на бедре, так элегантно подчёркивающим волшебную линию её ног. Смуглокожая, с острым, капризно вздёрнутым носом и, как всегда, красной точкой на лбу. Волосы были собраны в замысловатую причёску, приколотую сверху огромной заколкой с вкраплениями бриллиантов. Она всегда хотела жить богато и выглядеть как актриса из фильмов Сети, вот только родителям не было дела до её желаний. Как и все остальные, от кого отказались мать с отцом, она оказалась в Приюте. В худшем из них. Там, где стражники позволяли рабочим делать друг с другом что угодно, до тех пор, пока они слушались директора. Когда её попытались изнасиловать впервые, она изо всех сил отбивалась, но мужчины взяли своё. Когда к ней полезли второй раз, она перерезала всем глотки — и загремела в Башню Правосудия. Там, когда ей предложили изгнание вместо прозябания в камере, она с такой радостью стала просить изгнать её, что даже комиссия смутилась. Ей повезло, и она попала на один борт с Томми.

Такова была её история. Во всяком случае, так она её рассказывала.

— Катрина, — произнёс Марцетти. — Не ожидал тебя снова увидеть.

— Я просила называть меня Кэт, малыш, — девушка засмеялась. — Ты же знаешь, как я не люблю всю эту чопорность. Боже, ты опять в этом ужасном наряде. Когда у тебя появится вкус?

Она подошла ближе и стала повязывать вокруг его шеи фиолетовый галстук.

— Я снова вернулся сюда? — Томми развёл руками, будто пытаясь охватить всё помещение. Кэт огляделась.

— Да, как ни странно. Мы вроде договорились, что следующий раз будет на свежем воздухе.

— Вот именно. Я-то думал, что ты здесь всем заправляешь.

— О, милый, но ведь ты прекрасно знаешь, что это только твоя привилегия. Пожелай — и всё в мгновение изменится.

Как и в тот раз, Томми от всей души пожелал оказаться в нормальном мире, где не происходило всякой чертовщины. Он открыл глаза и увидел Кэт, снисходительно ему

улыбающуюся.

— Готово, — закончив повязывать галстук, она похлопала его по груди. — Похоже, ты не сильно хочешь отсюда уходить. Как и в тот раз.

— Не хочу уходить? В тот раз я утонул, пытаясь сбежать, — отчеканил Томми и направился к двери. Стоило ему её открыть, как он увидел, что за ней ещё одна библиотека. Покачав головой, он вошёл. Кэт стояла у одной из полок и водила пальцем по корешкам.

— Что же, раз так, то скажи, почему тебе это так нужно.

Она похлопала своими огромными нефритовыми глазами с длиннющими ресницами:

— Ведь мы любим тебя. Ты нам нужен как воздух. Без тебя мы ничто. А без нас ничтс ты.

— Чушь, — сказал Томми. — Я нужен им. Они…

Кэт разразилась издевательским смехом.

— Ты им нужен? Конечно! Просто потому, что стоишь у штурвала и возишь их задницы именно туда, куда они хотят. Капитан грозится убить, девчонка вьёт из тебя верёвки. И с каких пор ты пускаешь на борт синегубых, а?

— С тех самых, когда тебя не стало, — прорычал Томми и сорвал с шеи галстук. Не успела Кэт охнуть, как он завязал узел вокруг её шеи и начал изо всех сил сдавливать. Когда она перестала брыкаться и глаза её остекленели, Марцетти бросил тело на пол. Под Кэт начала образовываться лужица из мочи. Облокотившись на полку, Томми выдохнул, чувствуя, как бешено колотится его сердце. Вся спина стала мокрой от пота, потому он сбросил с себя пиджак.

— Полегчало? — спросила Кэт, появляясь из-за его левого плеча. Аккуратно перешагнув через своё мёртвое тело, она взяла с полки книгу и зачитала: — «Катер рассчитан на команду из трёх человек». Ты так ревностно соблюдал это правило. Что же случилось? Ты почувствовал в них родственные души? Неужели твоя скорлупка ненависти, наконец, треснула? Ты теперь большой мальчик, который дружит с людьми, да?

— Заткнись, — пробормотал Томми. — Ты просто фрагмент моего воображения.

Катрина засмеялась, бросив в него фолиант. Марцетти крикнул, когда книга угодила ему в пах. Осев на пол, он скрестил ноги и стиснул зубы, пережидая волну боли. Кэт села на колени и схватила его за подбородок:

— Это было похоже на галлюцинацию, а?

— Что тебе от меня нужно? — вскричал Томми. Лицо Кэт тут же подобрело, и она с нежностью провела ладонью по его щеке.

— Неужели ты не понимаешь, глупыш? Чтобы ты любил нас в ответ!

Встав, она развела руки и крутанулась на одной ноге:

— Посмотри! Всё это сделано тобой и только для тебя!

— Мы ведь уже говорили об этом, — с усталостью выдавил Томми. — Мне твоё предложение не интересно.

— Как ты можешь отказываться от всего мира? — ласково спросила Кэт, будто разговаривала с ребёнком. — Мы ведь даруем тебе огромную власть, а ты отказываешься от всего. Прячешь своё нутро, свои чувства. Свои знания.

— Ты сказала, что мы можем изменить мир, по тому образу, какой я загадаю, — боль прошла, и Томми сумел подняться. — Так какая разница? Разрушая старый мир и построив новый, но уже на мой лад, что я меняю? Вместо того чтобы спрятаться внутри, я прячусь у всех на глазах. Не следую идеалу, а разбиваю его вдребезги, чтобы заполнить всё своим

несовершенством. Дело не во мне. Дело в тебе, — он ткнул её пальцем в ложбинку между грудей. — Ты жаждешь. Но без моего разрешения ты ничего не можешь сделать. Вот почему я тебе нужен, и вот почему ты меня так оберегаешь.

Кэт попыталась схватить его за палец, но Томми оттолкнул её.

— Так было всегда. И каждый раз я тебе говорил «нет». Сегодня я скажу то же самое.

Он уже подходил к двери, когда его окликнула Кэт:

— Ты не понимаешь, в какую передрягу попал, Томми. Их больше нет. Испарились. Остались только мы с тобой, запертые здесь, в бесконечности. И если ты не дашь мне поиграть, похоже, всё исчезнет навсегда.

— Не исчезнет, — заверил её Томми. — Я знаю, что делаю.

Он знал, что Кэт блефовала. За мгновение до того, как их заперло во тьме, Томми успел разглядеть, как растворялся капитан и остальные. Виноват был не катер Эдема, виновата была сама Катрина. А раз так, то и искать их нужно было в общей гуще здесь, а не где-то ещё.

Он захлопнул за собой дверь и глубоко вдохнул. Прямо перед ним распростёрлись бесконечные алые холмы, образованные трупами. То и дело местность менялась, потому что каждую секунду во вспышках то тут, то там в воздухе возникали новые тела. Где-то вместо тел падали оторванные конечности и органы. Смрад стоял настолько невыносимый, что у Марцетти спёрло дыхание и начало резать глаза. Благо, в кармане пиджака он нашёл платок и повязал его вокруг лица.

Томми принялся забираться по одному из холмов. Нога провалилась, проломив грудную клетку у одного особенно сгнившего тела, и он с омерзением увидел, что внутри уже обитали черви. Стряхнув их с ноги, Марцетти принялся забираться всё выше.

Он инстинктивно представлял, где находятся остальные, только боялся, что чувства обманывали его. И всё же, оставалось им довериться. Всё лучше, чем идти на компромисс с Кэт. Взобравшись на вершину, он окинул взглядом всё вокруг. Блеск вдали тут же убедил его, что он правильно выбрал направление. Усмехнувшись, он быстро стал спускаться, стараясь не наступать на давно лежавшие здесь тела.

По личным ощущениям у него ушло больше трёх часов, чтобы миновать пять холмов. Вся его одежда пропахла мертвечиной, невероятно хотелось пить. Ныли ноги, ломило в руках. Томми понимал, что всё это фальшивые ощущения. Остаточные реакции гаснущего разума, пытавшегося обработать то, что не поддаётся объяснению. И всё же, легче от этого не становилось.

Сделав небольшой привал, Томми присмотрелся к телам. Как он и ожидал, в самом низу находились мертвецы с давних войн, когда наверху валялись совсем недавно убитые первенцы и сааксцы. Наличие зачаточной логики в этом месте казалось Марцетти той самой ключевой деталью, которая больше всего сводила его с ума. В мире без правил намного легче, чем в том, в котором правила тебе неизвестны.

Наконец, потратив ещё час и миновав последние два холма, он спустился к месту свечения. Как Томми и ожидал, там под грудой трупов без сознания валялся капитан. Марцетти пришлось потаскать тела, прежде чем он добрался до Валентайна. Привести капитана в чувство казалось невероятной задачей, а главное, неразумной. Что он ему скажет об этом месте? Как он выразит все свои знания и обоснует их? Легче всего было, конечно, просто прикинуться дурачком.

— Кэп! Эй, кэп! Очнись!

Валентайн захлопал глазами, а затем начал подниматься. Увидев Томми, он произнёс:

— Какого… — и тут же закашлялся. Вонь давала о себе знать. Марцетти помог капитану подняться. Оглядевшись, Валентайн выдал: — Мне показалось, что я умер.

«Это было не так уж далеко от правды», — промелькнуло в голове Марцетти, но вместо этого, он сказал:

— Мне тоже привиделось что-то подобное. Давайте, нам нужно найти остальных.

Только тут Валентайн заметил, что он не в экзоскелете, а в обычной белой рубашке и брюках. Только на ногах вместо штиблет у него были солдатские сапоги.

— Что? — потрясённо спросил он. — Но как?

К этому моменту Марцетти уже успел сто раз пожалеть, что вообще решился на эту затею. Согласиться с Кэт было бы намного легче. Впрочем, тогда бы он перестал быть собой.

— Похоже, мы здесь оказались в одежде, которую когда-то носили. Или же в той, которую мы увидели у других.

— Понимаю. Как ты меня нашёл?

— Ваше распятие блестело так, что его видно было даже вдали.

— Моё… распятие?

Капитан расстегнул рубашку и выудил из-под неё боевой крест. Откуда он был у него, Марцетти не представлял. Впрочем, его и не интересовало.

— Из храма, значит, — задумчиво сказал он. Убрав крест, он вытер заляпанные кровью руки о рубашку и произнёс:

— Подожди. Кажется, я знаю, где мы.

Томми застыл.

— Неужели?

Валентайн показал на небо и сказал:

— Да. Мы на Нижних Уровнях.

***

Они миновали очередной холм и сделали привал. Капитан выудил флягу с водой и протянул её Марцетти. Когда Томми вернул её, Валентайн покачал головой:

— Оставь. Она тебе нужнее.

Фляжку капитан нашёл почти сразу после того, как его выкопал Томми. Он просто полазал среди трупов и у одного из них в походной сумке обнаружил несколько комплектов сухпайков и воду. Действовал он с такой уверенностью, что Томми почувствовал зависть: хоть он и бывал уже здесь, каждый раз приходилось выбираться с огромным трудом, чуть ли не умирая от голода и жажды. Капитан же легко организовал им перекус и сказал, что они без проблем что-нибудь найдут: он подскажет, где искать.

Когда Томми попросил его рассказать, что капитан знает о Нижних Уровнях, тот покачал головой:

— Надо сначала найти остальных. Когда соберёмся вместе, я всё расскажу. Ты знаешь, как мы их отыщем?

Томми кивнул:

— Думаю, будут какие-нибудь сигналы.

С тех пор они шли уже больше суток. Все конечности сковала смертельная усталость, но спать Томми не хотелось. Это место будто бы пыталось заморить его до смерти, но и

умереть здесь бы всё равно не получилось — Томми пробовал. Каждый раз он просто возвращался к началу.

Они двигались в сторону следующей сияющей точки: Томми вёл, капитан шёл следом. Марцетти приходилось приглядывать за Валентайном. Пусть он и вёл себя достаточно уверенно, всё же, он иногда висел на волоске от гибели. Капитан в упор не замечал ям и маленьких луж из плоти, которые затягивали тебя и пережёвывали. Последний раз, когда Томми попал в такую, он потерял четыре дня пути. Валентайн был как человек, потерявший зрение в молодости: даже зная, как выглядит и работает мир, он с трудом в нём ориентировался.

Когда прошли вторые сутки, у них кончилась еда. Томми сообщил об этом капитану. Тот показал на одну из гор трупов и сказал:

— Там наверняка что-то будет.

Марцетти никак не мог понять, как Вик их выбирал. Тем не менее, стоило им покопаться в вещах мертвецов, как они тут же нашли себе пропитание. Перекусив и немного передохнув, Томми всё же спросил:

— Так ты здесь уже был?

Валентайн с огромной неохотой кивнул.

— Остановимся пока на этом. Если не хочешь рассказывать, мне всё равно.

— Мне придётся рассказать, — заметил Валентайн. — Просто я не хочу повторять всем одно и то же. К тому же, если мы хотим выбраться отсюда, все должны понимать, как здесь всё работает.

— Резонно. Что же, двигаем дальше.

На этот раз свечение, казавшееся таким далёким, стало намного ближе. Они добрались за три часа: правда, по пути Валентайн чуть не ухнул в пропасть и не врезался в стену из шипов.

Перебравшись через последний холм, в низине они увидели костёр. Вокруг него сидели члены отряда. Эмма укуталась во что-то, похожее на одеяло, Саргий сидел в халате. Ли оказался в рабочем комбинезоне, и только шаман с Паркер сохранили свою обычную одежду.

— А вот и мы! — провозгласил Томми, когда они спускались. Все дёрнулись, Саргий тут же вскочил с места, в глазах его царила паника. Ли же кивнул с таким видом, будто только и ждал, что прихода Томми.

— Как вы нас нашли? — вскричала Эмма. Томми прищурился и рассмотрел кольцо на её руке. У Саргия был маленький крестик, у шамана блестели перья. У Паркер светился пирсинг. И только у Ли не было ничего.

— Увидели блеск вдали. Пошли на него, как на маяк. Вот мы и здесь.

— Вы знаете, где мы находимся? — осведомился шаман. Валентайн кивнул и сел на землю рядом.

— Нижние Уровни. Подземная часть Первого Города, куда большинству доступ закрыт. По легенде, когда был построен Первый Город, рабочие взбунтовались, что им не достанется место в Эдеме и его нужно заслужить. Это было настоящее вооружённое восстание. К ним даже присоединилась часть армии. Освободитель этого не вытерпел и послал своих Стражей, чтобы расправиться с мятежниками. Тот бунт до сих пор считается самой короткой и кровопролитной войной в истории Города. В итоге, всех выживших согнали вместе и отправили вниз, где не было никаких условий: ни света, ни пропитания, ни

утилизаторов. Людей обрекли рождаться, жить и умирать в абсолютной тьме. Правда, у них был один выход — Нижние Уровни соединялись с Вне. Кое-как они сумели найти пропитание снаружи, образовали коммуны и стали так жить. Скажем так, Синдикат не был в восторге от решения Эдема. У некоторых среди изгнанных были родственники и любимые. Около тридцати лет спустя, один из королей Синдиката пошёл навстречу народу и вымолил перед Эдемом амнистию для изгнанников. Освободитель смилостивился, и тогда Синдикат выделил в Старом Городе несколько районов для тех, кто жил на Нижних Уровнях. Они отправили послание вниз, что можно возвращаться обратно. Что Бог простил их и больше не гневается за их дерзость.

Валентайн посмотрел на лица слушающих и сказал:

— Вы что, всё это время голодали? Выглядите просто ужасно. Томми, отдай им сухпайки и флягу с водой.

Марцетти вытащил из карманов несколько коробок и протянул их Саргию. Тот быстро раздал рационы остальным, разорвал упаковку своего и начал жадно есть. Так же было и с остальными, разве что шаман ел с неохотой. Когда все запили еду, Валентайн продолжил:

— Вернувшиеся, конечно, были благодарны. Но обиду не забыли. Коммун становилось всё больше, потому что приток людей был огромный, а места всем не хватало. Старый Город стал резко расширяться. Тогда Синдикат был не таким большим, как сейчас. Здания концентрировались у площади Освобождения. Вокруг было очень много свободного пространства. До стен самого Города были сотни и сотни километров, а люди жались друг к другу. Тогда и предложили, наконец, застраиваться вширь. Возвращавшихся с Нижних Уровней было так много, что Синдикат не успевал строить здания. Вместо обычных домов начали внедрять жилые блоки, вмещавшие в себя огромное количество людей. Через двадцать лет после амнистии люди продолжали прибывать с Нижних Уровней. Тогда-то король и издал указ, что отныне каждый вернувшийся из изгнания вынужден будет проходить через Приют и заслуживать себе действующее гражданство, как обычные люди. К тому времени возвращенцы уже проникли во все слои населения. Тихое недовольство переросло в митинги, а они уже в новый бунт. В армии тоже было достаточно выходцев из Нижних Уровней. Кое-кто уже служил в офицерах. Правда, на этот раз, Эдем отстранился от мирских забот. Освободитель заявил, что раз Синдикат притащил всех этих людей в Старый Город, то и Синдикату с ним разбираться.

— И грянула гражданская война, — произнесла Эмма. Капитан кивнул.

— Синдикат еле выиграл эту войну. Точнее, солдаты просто сумели оттеснить мятежников настолько далеко, что король заявил: на этом достаточно. Синдикат возвёл стены и отделил себя от районов, где обосновались возвращенцы и сочувствующие им граждане. Жители Нижних Уровней объявили победу. На окраинах они установили собственные порядки, хоть ещё и являлись, технически, гражданами Синдиката. Тогда-то и основали Гильдию Вольных Стрелков — этакую полувоенную организацию, которая вызвалась обеспечивать порядок в новом государстве. Башня Правосудия, правда, с этим не согласилась, потому что так и не отозвала своих патрульных, которые посчитали, что их юрисдикция границ не знает. Понятное дело, у них с Гильдией было столько конфликтов, что и не сосчитать. Но, в общем, окраины неплохо устроились. У них были утилизаторы, и они не подчинялись Синдикату. Так продолжалось сотни лет. Успело пройти немыслимое количество больших и малых войн. То наступал золотой век, то всё тонуло в пучинах анархии. Тридцать лет назад пришли иммигранты. Да, Саргий, не смотри на меня с таким

удивлением. Ваш приход стал поводом для нового восстания внутри самого Синдиката. Семья Карциусов заключила тайный союз со Стрелками, чтобы опрокинуть власть короля, уничтожить стены и разрушить старый режим. Они хотели вырваться из служения Эдему. Напомнить Освободителю, что он строил Город для них, а не для себя.

— И тогда на сцену вышел полковник, верно? — произнёс Томми.

— Да. Приказом Карла Лоуренса, который уже сидел на троне. Восстание он воспринял как личное оскорбление. Вам всем надо понять одну очень важную деталь, которую знает только узкий круг людей, приближённых к королю. Лидер восстания, Арина Карциус, была женой Карла. Матерью Аноры, которая родилась, буквально, в день прихода иммигрантов. В исторических книгах об этом сейчас стёрты все упоминания. Король не стерпел, что его предала собственная жена, и отдал Эймсу чёткий приказ: не просто подавить восстание, а сделать так, чтобы от выходцев с Нижних Уровней в Старом Городе не осталось ничего. И как хороший солдат, Эймс исполнил приказ. Он не только очистил Центр от мятежных бойцов Карциусов, он собрал армию и ударил по всем фронтам, чтобы вышвырнуть Гильдию Стрелков и всех им сочувствующих. И вряд ли бы у него это получилось, если бы в дело не вмешалась Башня Правосудия, которая сотни лет точила зубы на Стрелков. Говорят, полиция использовала экзоскелеты, подаренные Эдемом. В итоге, Гильдия и все потомки выходцев с Нижних Уровней вынуждены были бежать. Полковник на этом не остановился. Пока Башня заканчивала чистку окраин, он отправился вниз. Установил там передовые базы и убедился, что у Гильдии не будет ни единого шанса, чтобы снова прорваться в Старый Город.

Валентайн закивал, будто бы соглашался с какой-то мыслью:

— Славная история. С тех пор Башня сотрудничала с армией, периодически отправляя отряды бойцов на Нижние Уровни. Все, кто возвращался оттуда, ничего не рассказывали о проведённом там времени. Я думал, что они просто скромничают или же им больно вспоминать. Пока не отправили и меня.

Отряд слушал капитана, затаив дыхание. Томми и сам поймал себя на том, что не двигается, ловя каждое слово Валентайна.

— Я был копом до того, как начал работать на короля. Когда я прибыл на Нижние Уровни, один ветеран дал мне два хороших совета: ничему не удивляться и не пытаться в Старом Городе поговорить о том, что здесь происходит — не знаю как, не знаю почему, но возвращаясь, даже если ты очень хочешь заговорить про Нижние Уровни, ничего не получится. Все ветераны назвали это Молчанием.

— Это не имеет никакого смысла, — подала голос Эмма. Валентайн пожал плечами.

— Согласен, но таковы факты. Нижние Уровни можно обсуждать только находясь на них. Сначала я не мог понять, почему видел над головой небо, а не потолок. Когда же нас отправили на первую вылазку, это стало скучнейшим из моих вопросов.

Валентайн вздохнул и обвёл рукой вокруг.

— Да вы и сами видите. Передвигаться мы могли только со специальными следопытами, которые знали, какими дорожками идти можно, а какими нельзя. Как они говорили, даже если ты идёшь по пустырю, всегда есть коридоры, в которые ты не захочешь сворачивать. Время и пространство искажались так сильно, что мы, иногда, встречали своих знакомых повзрослевшими. А некоторые рассказывали, что встречали самих себя из прошлого или будущего. Приходилось довольно часто искать укрытия от бурь энергии, которые могли поглощать целые кварталы. Люди, попадавшие в них, просто испарялись. Медцентр приказал не возвращать мертвецов с Нижних Уровней, потому что большинство

были заражены. Неизвестно даже чем. Выживших пускали обратно, но за ними был пристальный присмотр. И, в общем-то, можно было бы всё бросить, если бы не Гильдия, продолжавшая нападать на наши базы. Это была бесконечная война. Сломав оборону, Стрелки исчезали, наворовав припасов. Если же мы отбрасывали их и пытались преследовать, то в большинстве случаев просто упускали. Они прекрасно знали свой дом и то, как он работает. За всё время полковник успел снарядить несколько десятков экспедиций, чтобы составить карту Нижних Уровней. Бесполезно — сколько бы они ни пытались, ландшафт менялся чуть ли не каждый день. Зато мы выяснили, что жители находили этакие карманы, которые защищали их от бурь. И, похоже, людей на Нижних Уровнях было намного больше, чем в Старом Городе. Солдаты полковника успели зачистить сотни поселений, а враги и не думали кончаться. Их будто даже становилось больше.

— Так вот почему мне не давали экспериментировать над солдатами, — произнесла с придыханием Эмма. Валентайн вздёрнул брови.

— Не хочешь нам рассказать, о чём ты?

Коннели вздохнула:

— До того, как меня изгнали, я была исследователем, работала над королевским проектом. В университете мне попало в руки тело солдата с Нижних Уровней. Занявшись им, я выяснила, что то, что Медцентр называл заражением, может быть ключом к человеческому бессмертию. Только у меня возникли проблемы с королём, потому что после нескольких лет исследований я отказывалась ставить эксперименты на людях, а военные больше тел не предоставляли. Да и первый раз был ошибкой. В общем, я сделала огромную глупость, из-за которой я теперь здесь.

Она загребла песок в кулак и с ненавистью ударила им по земле:

— Посреди этого грёбаного ничего!

Валентайн очень внимательно посмотрел на неё и произнёс:

— То, что ты называешь ошибкой, было частью плана полковника. Армия не могла рассказать, что находится внизу. Потому и пришлось устроить утечку. И тебе повезло оказаться человеком, сделавшим такое открытие.

— Оно разрушило мою жизнь, — мрачно заключила Коннели. — Значит, всё это время за всем стоял Эймс?

— Я думаю, все мы здесь не просто так, — сказал Валентайн. — Я набирал вас по приказу человека, приближённого к королю. И мне начинается казаться, что выбрали вас не случайно. Все мы здесь, так или иначе, связаны с полковником. Ведь так, Саргий?

Иммигрант мрачно кивнул.

— Да. У меня есть к нему кое-какие счёты.

— А ты, Томми?

— Из-за его приказа я вылетел из армии, — произнёс Марцетти и вдруг ощутил, насколько легче ему стало. Казалось, признание сняло с его плеч груз, тяжести которого он не осознавал. — Да! Я хочу найти его и расквитаться! Разве это плохо?

— Нет, ни в коем случае, — покачал головой Валентайн. — Насиф?

— Вы и так всё знаете, — ответил шаман. — Полковник совратил мой народ, сыграв на их суевериях. Оправдав все худшие их поступки.

Валентайн вздохнул:

— Остаёшься только ты, Ли.

Мальчишка встрепенулся и заулыбался, как идиот:

— Что? Я просто помощник на катере Томми. Ничего более.

«Молчал бы ты, малец, — с сожалением подумал Марцетти. — Увидев тебя в первый раз, я сразу понял, что что-то не так. Просто не хотел смотреть фактам в глаза».

— Ты был в моём досье, — мягко произнёс Валентайн. — То, что ты здесь, совершенно не случайно. А учитывая твои боевые навыки, так и вовсе глупо думать, будто мы тебе поверим.

Ли развёл руками:

— Я не знаю, что сказать, капитан. Что вы ожидаете услышать?

— Мне есть что сказать, — оборвал его Томми. — Хотите правду? Через пару месяцев после начала войны я нашёл его на берегу, уставшим, в грязи, сбившимся с ног. Он бежал изо всех сил через джунгли и добрался до реки, когда я занимался патрулированием. У меня тогда никого не было в команде, потому я взял его без вопросов. Я не поверил его истории, что он дезертир из армии — никто в своём уме не будет бежать, в джунглях одному не выжить. Вот только он выжил. И не раз уходил в одиночку, без всяких объяснений.

— И ты просто держал его рядом? — поинтересовался Валентайн. Томми ощерился:

— А у меня был выбор? Я слишком долго пробыл без людей. Синдикат не выдавал мне команду. Я думал, что сойду с ума.

— Потому приютил неизвестно кого? — подал голос Ли. В нём чувствовалась откровенная враждебность. — Вот значит как? Я просто раненый волчонок, которого ты подобрал и выходил? Лицемерный сукин сын.

— Так расскажи свою версию! — гаркнул Томми. Он так разозлился, что почувствовал, как по всему телу отдаётся бешеный пульс его сердца.

— Хотя бы не плети им, будто мне была нужна помощь, — сказал Ли, дёрнув плечом. — Я чувствовал себя прекрасно. Вот ты, с другой стороны, выглядел так, будто через пару деньков умрёшь. Ни Эдем, ни Синдикат не интересовало, в каких условиях ты находишься. Да когда я набрёл на катер, ты месяц не мылся! Ты даже не патрулировал реку, а встал возле берега и сидел на борту, смотря на солнце, с револьвером в руке.

Томми задрожал. А ведь он действительно забыл, как произошла их первая встреча. А Ли продолжал:

— Давай, скажи, что не помнишь. Если бы я тогда не подошёл и не привлёк к себе внимание, ты бы вышиб себе мозги. И знаешь что? Наверное, стоило дать тебе это сделать и просто угнать катер.

— Это не объясняет, почему ты оказался посреди джунглей, — сказал Валентайн, и Томми почувствовал подобие благодарности за то, что капитан увёл внимание от него к Ли.

— Я дезертир. Давайте, казните меня, — мальчишка состроил кислую мину, огляделся и выдал: — Что, никого?

— Хватит паясничать, — сказал Валентайн. — Мы всё равно не уйдём отсюда, пока не закончим этот разговор.

— Что же, раз так, я бы предпочёл не говорить, — сказал Ли. Саргий поднялся во весь рост и подошёл к мальчишке, хрустнув костяшками пальцев.

— Ты хочешь, чтобы я тебя заставил? — осведомился иммигрант. Ли насмешливо посмотрел на него:

— Хочешь попробовать, здоровяк? Я уложил бы тебя на лопатки в лучший твой день. Драться с тобой сейчас просто негуманно.

— Оставь его, Саргий, — сказал Валентайн. Он подался вперёд и произнёс: — Я

подозреваю, откуда ты. Церковь, верно?

Ли застыл на месте, взгляд его стал острее ножа.

— Попал в самую точку. Родители твои либо погибли, либо же попросили не указывать нигде родство с тобой. Тебя взяла к себе церковь — она иногда так делает, когда ей нужны свежие силы. Тебя воспитали уважать и любить всё, что делал Освободитель. Постепенно проталкивали всё более и более радикальные идеи. А потом отпустили на все четыре стороны, сказав, что тебе нужно повидать мир. По твоему лексикону и говору предположу, что ты провёл некоторое время на окраинах. С мелкими бандами, сформированными сбежавшими из Приютов подростками. Может быть, ты даже сколотил собственную, кто знает? Пока тебя не позвали обратно и не сказали: пришло время отплатить Богу за всю благодать, которой он тебя одарил…

— Заткнись, — прошипел Ли, уставившись в землю и качая головой. — Ты ничего обо мне не знаешь.

Томми никогда не видел мальчишку настолько злым. Да, Ли рассказывал, что у него нет никаких сведений о его настоящих родителях, и Марцетти периодически этим пользовался — просто потому, что пацану нужна была периодическая встряска. Без неё он слишком быстро впадал в уныние, мог даже не есть несколько дней подряд. Пребывание на катере слишком сильно давило на него. И каждый раз, когда Марцетти провоцировал его, мальчишка реагировал с такой яростью, будто бы для него не было ничего важнее в мире. Томми это казалось забавным. И только сейчас он понял, что Ли действительно ненавидел упоминания о родителях, всем сердцем. Просто потому, что именно их отсутствие привело его туда, где он сейчас находился. Он ненавидел их с такой же силой, с какой хотел оказаться рядом с ними. Забыть всё, что он повидал, что его заставили делать. И что сделали с ним.

— Конечно, они не забыли про все нужные навыки. Наверное, сразу начали муштру, как только взяли тебя. Сколько тебе было? Не больше четырнадцати, это уж точно. Старались набить всем, чем только можно. Действительно, кому в Городе пришло бы в голову обучать ребёнка плаванию? Но они научили. Потому что они играли в долгую игру и представляли, что стены — не границы для поля твоей деятельности.

— Я сказал заткнись! — заорал Ли, но Саргий тут же положил руку ему на плечо, и мальчишка поутих. Валентайн ощерился, будто охотник, в чей капкан, наконец, попало крупное животное.

— Похоже, когда полковник покидал Город, он заручился поддержкой церкви. И они решили отправить тебя следом, чтобы убедиться, что он выполнит поставленные перед ним условия. Вот только что он потребовал взамен? Что он им посулил? Что обрушит власть короля, и Освободитель вернётся в Старый Город?

— Ты не представляешь, — прошипел пацан, продолжая смотреть на землю. — Не представляешь, что такое настоящие жертвы. Что значит защищать тех, кто тебя ненавидит. Делать всё в твоих силах, чтобы тебя потом оплевали.

— Нет, уж, дружок, — засмеялся Валентайн. — Даже слишком хорошо представляю. Меня чуть не убили за то, что я выполнял свой долг. Спасал Старый Город от тотальной войны и хаоса. Что же делал ты? Устранял бандитов, которые плохо отзывались о церкви?

— Спасал весь мир! — вспылил Ли, оттолкнув Саргия с такой силой, что иммигрант отлетел на несколько метров. Валентайн тут же вскочил, сжав кулаки. Но мальчишка и не думал драться. Посмотрев на свои пальцы, он сказал: — Вы просто кучка идиотов, которые

думают, что важнее них никого нет. Ваша мелочная месть не имеет никакого значения! Мы говорим о божьем промысле! О том, как принести рай на землю! А вас волнуют только ваши обиды, которые пустят этот мир под откос!

— Что же, спасибо за откровенность, — процедил Валентайн. — Значит, вот что он пообещал.

— Что превратит Старый Город в Новый, — сказал Томми. — Что заставит Освободителя вернуться к своим детям. И тогда Синдикат уже не станет нужен, верно? Ведь Эймс его уничтожит вместе с королём.

— Вечные мечты о Боге, который не только слышит мольбы, но и исполняет их, — заметил Валентайн. — Эймс должен был показать гарант для таких громких заявлений. Церковь не может доверять каждому встречному проходимцу. Особенно если он полковник Синдиката.

Ли скорчил гримасу такой неприязни, будто его облили ведром помоев. Саргий поднялся из-за его спины и насильно усадил мальчишку. Бросив на иммигранта злой взгляд, пацан выдал:

— Совет кардиналов отправил нескольких доверенных архиепископов, которые побывали с полковником на Нижних Уровнях. Вернувшись, они рассказали, что ему можно доверять и всё, что он пообещал, обязательно исполнится.

— И они в это поверили? — спросила Коннели. Ли нахмурился.

— Если бы не поверили, меня бы здесь не было.

— Так значит, ты должен его найти? Убедиться, что он выполнит свою часть уговора?

— В экспедицию отправились сотни агентов, получивших именно такие указания, — ответил Ли. — Я был среди них. До того, как пришла Анора, мы довольно далекс продвинулись, успели построить множество баз. Мы уже были в глубине континента. Думаю, ещё бы чуть-чуть и дошли прямо до Караса. Всю дорогу полковник повторял, что нужно найти некий храм. И за всё время ни одной деревни на нашем пути, ни одного сааксца. Тут мы останавливаемся на привал, а сам Эймс выбирает несколько десятков приближённых к нему бойцов и говорит, что пойдёт чуть дальше. Среди бойцов было пятеро агентов церкви. Через пару часов нас окружают саакские войска и говорят, что берут нас в плен. Я был из немногих, кто сумел сбежать. Только потом я узнал, что синегубые действовали вместе с Эймсом, и мне стоило подчиниться.

— И ты всё это время молчал?

— Потому что вы не заслужили правды, — с презрением ответил мальчишка. Капитан закатил глаза.

— Что потом?

— Я долгое время скрывался в джунглях, питался растениями…

— И даже не трогал животных? — скривился Валентайн. Ли кивнул.

— Я не соврал. Я никогда не ел до этого мяса и не собирался. Зато я охотился на саакских воинов, у которых всегда были рис и вода. Их стало очень много. Я начал обнаруживать деревни в местах, через которые мы проходили с экспедицией. За это время синегубые успели разрушить и разграбить большинство баз. Так что я продолжал идти на север, в надежде найти надёжный опорный пункт первенцев и связаться с церковью.

— И ты его нашёл, когда пришла Анора, — сказал капитан.

— Почти. В какой-то момент в джунглях началась стрельба. Первенцы начали войну с Союзом. На одной из полянок я нашёл кучу трупов — сааксцы вырезали целый взвод.

Отыскав похожего на меня бойца, я взял его одежду, личные вещи и жетоны, а тело закопал. Потом двинулся к линии фронта и сказал, что кроме меня никто не выжил. Меня быстро определили в другой отряд, только я и там не задержался. Пришлось украсть коммуникатор, чтобы связаться с церковью. Только тогда я получил приказ отыскать катер под названием «Катрина» и оставаться на нём до тех пор, пока не прибудет человек, который будет искать полковника.

— Потому ты сбежал из своего нового отряда, чтобы найти Марцетти, — хмыкнул Валентайн. — Технически, ты и правда дезертир. Но неужели не было распоряжений насчёт меня? Насчёт миссии?

— Мне сказали, что с Эймсом уже есть наши люди. Моё задание в том, чтобы убедиться, что миссия дойдёт до конца. А дальше он сам скажет, что нужно делать. Вот и всё.

— Отправлять мальчишку на такую миссию, — буркнул Томми. — Церковь совсем отчаялась, да?

— Может, они просто не хотят терять агентов понапрасну, — заметил капитан. — Им нужно, чтобы каждый был в центре событий.

— Если бы они того хотели, то давно бы передали местонахождение полковника, — сказал Ли. — В одиночку я бы добрался до него без проблем. Но они строго-настрого приказали убедиться, что человек, который придёт за полковником, дойдёт до цели.

— Мой личный телохранитель, — засмеялся капитан. — В самом начале я думал, что ты здесь, чтобы убить меня.

— Если бы это было так, я бы был самым медлительным в мире убийцей.

— Я тоже так подумал, — кивнул Валентайн. — Что же, похоже, Эймс действительно хочет, чтобы мы нашли его.

— Или того хочет церковь, — вмешалась Эмма. — Может быть, он просто взял всех агентов в заложники и заставляет их передавать, что всё в порядке? Непохоже, чтобы ребята в деревне собирались вести с нами переговоры.

— И всё же полковник оставил послание в первом поселении, которое мог понять только я, — Валентайн нахмурился. — И команду собрали из людей, которые любыми средствами захотели бы достать его.

— Только нас ведь собирал король, — сказал Ли.

— И потому есть вероятность, что Карл прекрасно знал о плане церкви. Он просто использовал Эймса, чтобы заручиться поддержкой духовенства. Я знаю, что Освободитель разговаривает с королём. Общается ли он с церковью мне неизвестно. Может быть, все они действуют заодно, даже если ненавидят друг друга. Или же полковник действует сам по себе, а Карл собрал нас именно потому, что хочет остановить его.

— Похоже, узнаём, когда найдём его, — сказал Саргий. Кивнув на мальчишку, он спросил: — Мне его отпускать?

— Да. Спасибо. Видишь, Ли, это не было так сложно, правда?

— Раскрытие секретов карается смертной казнью, — буркнул пацан. Валентайн лишь засмеялся.

— Если мы умрём по дороге, думаю, это будет большей проблемой. Да и потом, если ты найдёшь полковника, ты всё равно выполнишь миссию. Что бы ни случилось потом, церковь будет слишком занята, чтобы вспомнить о тебе. Или же они просто никогда ни о чём не узнают. Взбодрись.

— Раз мы теперь обо всём узнали, может быть, поищем путь, как отсюда свалить? — подала голос Паркер. Томми вздрогнул, услышав её — совсем забыл, что она была с ними. Выглядела Сара хуже некуда. Остальные выглядели просто изнурёнными, но она казалась похудевшей, почти прозрачной. Будто кожа её просто висела на скелете. — Хорошо быть вами: вы, небось, половину жизни мечтаете отыскать этого парня. А моих людей только что покромсало какое-то чудовище, принявшее облик катера Эдема! Им и восемнадцати не было! А я теперь попала неизвестно куда, слушаю какие-то теории заговора, а даже если вернусь домой, то свободной я там точно не останусь!

— Успокойся, Сара, — попросил Валентайн. — Всё будет в порядке. Обещаю тебе. Наш рулевой поможет нам выбраться отсюда.

— Я? — спросил Томми. Капитан развёл руками.

— Ты нашёл их здесь почти без проблем. Помнишь, я говорил про следопытов? Похоже, ты один из них, хоть и не осознаёшь этого.

— Но почему?

— Да откуда мне знать. Факт в том, что ты умеешь ориентироваться здесь. А значит, сможешь нас вывести. Ты ведь уже бывал здесь, не так ли? И каждый раз умудрялся выбираться.

Томми поднялся на ноги.

— Да. Вы не ошиблись. Это не первая моя поездка.

— Но как ты здесь оказывался? — спросила Эмма. — Или, лучше будет спросить, как мы здесь оказались? Я помню, что мы попытались протаранить катер, атаковавший нас. А дальше всё как во мраке, и вдруг я оказываюсь здесь, рядом с остальными.

— Нас переработало утилизатором, — сказал Томми. Валентайна передёрнуло.

— Не может быть! Если так, мы ведь должны быть мертвы!

— Вы уверены, что все, кого перерабатывали заживо, погибали? Похоже, они просто оказывались здесь, на Нижних Уровнях. Видимо, утилизаторы действуют наподобие переноса сааксцев. Это ведь царство энергии. Мы отправляем то, от чего хотим избавиться, а что-то находящееся здесь реагирует на запрос, преобразует материю и отправляет обратно уже готовый продукт.

Почесав подбородок, Томми сказал:

— Мы кормим нечто, обитающее здесь, а взамен оно одаривает нас продуктами своей жизнедеятельности. Может быть, это и есть сам Город. А все, кто живёт в нём — потенциальная еда, сидящая прямо у него в желудке.

Эмма раскрыла рот, приложив к нему ладонь. Иммигрант съёжился, будто от холода. Ли выглядел растерянным. Шаман вытащил несколько перьев из волос, порвал их и произнёс:

— Так вот оно что. Ваши утилизаторы — просто маячки. Вся энергия находится здесь.

— Похоже на то, — ответил Томми. — Помните тот рукав реки, которого раньше не было? Так вот, катера Эдема могут не просто утилизировать то, что кладут в отсек переработки. Они могут утилизировать всё вокруг. Именно так та тварь сожрала «Юнону». Когда мы пошли на таран, они попытались утилизировать нас, но Катрина утилизировала себя раньше.

— Это не имеет никакого смысла, — пробормотал Валентайн. — Даже если забыть… твою мать! Почему ты говоришь так, будто у твоего катера есть своя воля?

— Потому что она есть, — сказал Томми. — И Катрина хочет переработать весь мир.

Повисло неловкое молчание. Через несколько секунд Паркер разразилась безумным,

истерическим смехом. Она смеялась так, что начала задыхаться, а когда у неё совсем не осталось воздуха, она просто закрыла лицо руками и продолжила содрогаться в безмолвных раскатах хохота.

— Привыкайте, — произнёс Марцетти и уставился на Ли. — Это мир, который построил Освободитель. Вы действительно хотите, чтобы он вернулся к нам?

— Если Катрина переработала себя, — начала Эмма, подняв в воздух палец, — значит, она тоже где-то здесь, так?

— Именно. Нам нужно только до неё дойти. А потом сделать так, чтобы она распечатала нас в изначальном виде обратно.

— Это всё какое-то безумие, — бормотал Саргий. Его бил озноб. — Это же… что за бред? Такого не может быть. Получается, на утилизаторе можно и людей распечатать, так что ли?

— Я уверен, что уже не раз пытались, — сказал Томми. — Только каков был результат? Пытаться создать человека из ничего, наделив его разумом и душой — сомневаюсь, что у них получалось. Хотя учитывая, что здесь творится, я не удивлюсь, если было подобие успеха. Это не важно. Идёмте. Будем выбираться отсюда. Я уже устал смотреть на эти трупы.

— Трупы? — переспросил Валентайн. Марцетти махнул рукой по сторонам.

— Ну да, вы что, не видите? Эти горы мертвецов! Трудно не заметить.

— Томми, — мягко произнесла Эмма, дотронувшись до нижней губы пальцем. — Но ведь вокруг нас только здания.

***

Большую часть пути они провели в молчании. Томми не хотел больше разговаривать: слишком неловко себя чувствовал. Он присматривался к телам, но они никуда не исчезали. Хуже того, казалось, они наблюдают за ним. От этого он чувствовал себя ещё больше не в своей тарелке. Успокаивало только, что он прекрасно знал, как им найти Катрину. Отсюда она виднелась ещё одним сияющим пятном. До этого все его походы оказывались более проблематичными. Сейчас с ним шла группа людей, которые могли поддержать его, а капитан постоянно находил еду, чтобы никто не голодал. Всё упиралось в волю. Нужно было просто идти вперёд, пока они не дойдут до катера.

И всё же, спиной он чувствовал недоверчивые взгляды. Даже если другие доверяли ему, то всё равно побаивались. До этого самым странным человеком в их отряде был шаман. Томми за пару часов побил его антирекорд по странностям. Осознавать это было неприятно, но Марцетти понимал — они бы не справились без шамана. Так же они не справятся и без него.

Поднимаясь по холмам и лавируя между горок, он всё-таки начал замечать, что тела выстланы не в беспорядке, а в определённой системе. Действительно, если присмотреться, он бы мог увидеть даже улицы между тем, что Эмма назвала зданиями. Только это всё ухудшало. Даже если так, почему он видит трупы, а остальные нет? Что в нём такого?

Всю свою жизнь он был хуже всех. Над ним смеялись, его дразнили, говорили, что он ненормальный и отсталый. Каждую секунду спокойствия ему приходилось вырывать с огромной силой. Постоянно доказывать, что он не только не хуже остальных, но даже и лучше. Став лейтенантом в армии, он очень многим утёр нос. Подлетел к солнцу и обжёгся, рухнув даже ниже, чем был до этого. Будто оправдав все те оскорбления, которыми его

осыпали большую часть жизни.

И вот вдруг оказывалось, что он, как в поговорке, одноглазый, ставший королём в стране слепых. Ему хотелось хохотать от иронии, но он не мог: уж слишком сильно устал.

Он продолжал брести вперёд, не оглядываясь, когда его нагнал капитан, похлопал по плечу и сказал:

— Все мы вымотались. Давай сделаем привал. Чувствую, нам ещё понадобятся силы.

Марцетти даже не стал спорить. Присев рядом со всеми и вскрыв упаковку сухпайка, он почувствовал неловкие взгляды. Подняв голову, он встретился взглядом с Эммой.

— Что тебе надо? — спросил он. Коннели тихо сказала:

— Ты говорил про тела. Как они выглядят?

— Как обычные трупы, — Томми слишком сильно дёрнул краешек пакета с галетами, и они просыпались на землю, прямо в пропитанную кровью почву. Чувствуя подступающую тошноту, Томми поднял и вытер галеты о штаны и попытался поесть. Кусок встал в горле. А Эмма всё не сводила взгляда. — Да что тебе нужно-то, сука?!

Эмма вздрогнула, но ничего не сказала. А он слишком устал, чтобы разменяться на вежливость. Хотя и прекрасно понимал медичку. За несколько часов все её представления о жизни перевернулись, а тут ещё нужно довериться ненормальному, который должен вывести их обратно. Понимал — и всё же, её настороженность его раздражала. Будто бы она не смотрела на него, а препарировала взглядом. Пыталась заглянуть в самое нутро, достать до сердца и понять, говорит ли он правду, или же от его слов можно отмахнуться, списав всё на бред сумасшедшего. Они находились в центре вселенной, в месте, где абсолютно ничего не подчинялось законам, и он был их единственным шансом выжить, а она всё думала о логике и фактах.

Тут к нему подсел Валентайн и Томми инстинктивно сжался, ожидая, что капитан начнёт читать ему нотации или угрожать, и тут же поругал себя за такую реакцию. Он не ребёнок, чтобы бояться, да и экзоскелета на капитане не было. Странно, конечно, что он мог ходить без него, но это были Нижние Уровни. Здесь было возможно всё. Вместо того чтобы отчитать Томми за грубость, Валентайн произнёс:

— Я, кажется, понял. Самая главная вещь, которая отличает тебя от остальных — это дефектность. Я вспоминаю следопытов Синдиката, у большинства из них тоже были проблемы. Они постоянно выглядели нездоровыми в Старом Городе, зато на Нижних Уровнях цвели и становились полными жизни. И ты знаешь, что я думаю? Я думаю, что Синдикат стигматизировал дефов не просто так. Эмма, скажи, следующие поколения несут признаки деградации?

— В трёх процентах случаев, — отозвалась Коннели. — Риск настолько мал, что его почти не существует.

— И всё же никто не хочет с вами размножаться, — сказал Валентайн. — Даже если ты никого не заражаешь и вряд ли передашь свои недостатки детям: вас ненавидят и боятся. Ведь только вы видите здесь правду.

Томми почувствовал жжение в груди и схватился за сердце. Наклонившись вперёд, он стиснул зубы, пытаясь не заплакать. Но тело его предало. Он зарыдал, а когда полились первые слёзы, сдерживаться стало невозможно. Запрокинув голову, он издал самый низменный вой, на который только был способен. Будто бы только так он мог избавиться от пустоты, которую поселили в нём с самого детства. Пустоты, что только ширилась с годами и уже начинала отрывать от него куски.

Вся его жизнь была ложью. Все его страдания оказались бессмысленными и бесполезными. Его душила несправедливость, которой его подвергли. Ему хотелось лично наброситься на каждого, кто хоть раз оскорбил его и унизил. Он хотел, чтобы мир горел.

Когда же последние остатки воздуха покинули его глотку, он уронил голову на грудь и глубоко вздохнул, пытаясь понять, исчезла ли пустота. Появилось ли что-то другое? Нет, она не исчезла. Но трансформировалась, превратившись из болезненного жжения в успокаивающее тепло гармонии. Всё это время, пока он пытался доказать, что он лучше остальных, в его голове сидел страх, ощущение, что он пытается обыграть судьбу. Знание, что он обманывает всех и себя. Ощущение самозванца, отчаянно пытавшегося играть проклятую роль до самого конца.

И только сейчас он ощутил освобождение от всего этого мерзкого, склизкого ужаса. Да, он не был в порядке, может чуточку больше, чем все остальные. И всё же, ненавидели его не за то, кем он был, а за то, что символизировал.

Свободу.

Сколько бы они ни пытались его утопить, он всегда выплывал обратно. Сколько бы ни покрывали грязью, ни пытались убрать с глаз долой, он всегда возвращался, чтобы напомнить — он, тупой деф, который должен был сгнить ещё в инкубаторе, достиг большего, чем смогли бы все они вместе взятые. Даже сейчас, когда его бросили на самое дно, он оказался в центре мира, решал их судьбы, когда они об этом даже не знали.

Осознав всё это, Томми улыбнулся, чувствуя, как слёзы продолжают катиться по его щекам. Он простил их всех. Простил, ибо они не ведали, что творили.

Он почувствовал руку на плече и повернулся. Валентайн, улыбаясь уголками рта, произнёс:

— Кем бы тебя ни считали, кем бы ты ни был, я знаю одно: ты нас отсюда выведешь.

— Да, — ответил Марцетти, вытерев нос рукавом. — Это уж точно.

Вперёд он двинулся с удвоенной силой. Он знал свою цель, и он знал, как к ней пройти. Чего же было медлить?

До катера они дошли всего за час. Он стоял на мели возле берега, собранного из костей. Томми уже не обращал на всё это внимания. Это было не важно. Он не мог изменить прошлого, потому его стоило отпустить. Будущее, которого он боялся, могло и не наступить. Оставался только один момент: здесь и сейчас. Другого времени просто не было. И Томми намеревался сделать всё в своих силах, чтобы прошлое больше не преследовало его своими призраками. Чтобы, когда придёт момент, он мог с чистой совестью сказать: «Я не пошёл на компромисс и выложился на все сто процентов».

Прошлёпав по мелководью, он быстро запрыгнул на борт Катрины, осмотрел все системы и махнул рукой отряду, подзывая их. Неловко прыгая в воде, остальные приблизились к катеру. Даже сейчас в их глазах читалась опаска, но на этот раз она только забавляла Марцетти.

— У неё есть собственная воля, — произнёс он, — но без моего разрешения она вас не сожрёт. Не бойтесь.

— Поездка на живом железном чудище по туннелю ужаса, всегда мечтала, — пробурчала Коннели, забираясь на палубу. Томми подождал, пока все погрузились. Последней поднялась Паркер, продолжая дрожать. Она начала мёрзнуть сразу, как только они покинули первый лагерь, так и не перестала. Встав рядом с Марцетти, она произнесла:

— Ты сказал, что мы можем распечатать себя обратно, благодаря Катрине, да? А что

насчёт моих людей? Ведь их тоже съело утилизатором. Их ведь можно восстановить.

Томми взял её мозолистую ладонь в свою и как можно искреннее произнёс:

— Катрина не утилизировала нас в привычном смысле. Она просто использовала утилизатор как маяк, а нас перенесла сюда. И потом, я не уверен, что наши катера одинаковы по своей структуре. Катрина подчиняется мне. Тот же монстр — я не знаю, подчиняется ли он чему-то. Если мой дурак-помощник прав, все мы должны быть на одной стороне.

— Или Эдем боится, что мы провалим план Освободителя, — сказала Эмма. — Если полковник работает на них напрямую, а мы идём от короля, есть вероятность, что так оно и есть.

— Я только знаю, что оно попыталось нас убить, — сказал Томми. — И я не позволю им остаться безнаказанным.

— Раз мы теперь здесь, — начал Саргий, — и нас утилизирует обратно, где мы появимся?

— Я даже не знаю, — признался Томми. — Но я уверен, что у Катрины был план. Иначе бы она не пошла на такую авантюру, рискуя жизнями всех нас.

— Надеюсь, ты прав, — иммигрант щёлкнул костяшками. — Не терпится увидеть рожи уродов, управлявших тем монстром.

— Что же, все готовы? — спросил Марцетти. Каждый кивнул. — Тогда хватайтесь за что-нибудь покрепче. Мы идём обратно!

***

Его снова посетило ощущение, будто бы его вывернуло несколько раз. Всё вокруг вспыхнуло синим пламенем, а затем исчезло. Томми попытался проморгаться: блики исчезли только через несколько секунд.

Он обнаружил, что стоит в тёмном железном коридоре. Постучав по стене, он с лёгкостью определил, что это внутренности катера. Вот только та тварь не выглядела настолько огромной. Коридор же, казалось, уходил в бесконечность. То тут, то там было видно, как слезает краска и из-под низа выглядывает ржавчина, словно зверь, поджидающий лучшего момента для нападения.

— Валентайн! — крикнул Томми. — Коннели! Эй, Саргий! Синегубый, твою мать! Где вы?! Паркер, ты меня слышишь?

Никто не отозвался. По коридору даже не прокатилось эхо: будто бы все звуки, что издал Томми, были только у него в голове. Томми посмотрел за спину, но там была только дверь. Подёргав ручку и ничего не добившись, Марцетти пожал плечами и двинулся вперёд — будто ему ещё оставалось, куда двигаться.

Где-то далеко впереди он услышал уханье, какое бывает только от деталей огромных машин, находящихся в работе. Он представил себе размеры двигателя, который должен был издавать такой звук.

Не прошло и десяти минут, как он оказался на поляне. С безоблачного неба над головой ярко светило солнце. Почувствовав лучи тепла на коже, Томми дёрнулся — настолько непривычными они для него стали. Он повертел головой и увидел деревья, аккуратно высаженные в ряды. На многих из них росли яблоки. Издалека слышалось журчание воды. Томми не придумал ничего умнее, чем двинуться на звук.

Он пошёл по диагонали, стараясь не задеть деревьев. Вскоре ему начали попадаться грядки и небольшие ямки, в которых были закопаны горшки с едва тянущимися к небу веточками. Марцетти никогда не видел настолько богатых и разнообразных садов, да что говорить, даже обычный сад казался ему чем-то из ряда вон выходящим. Он обнаружил, что под его ногами, будто сама собой, оказалась дорожка. Томми позволил ей вести его.

Он проходил мимо реки, от которой шёл едва заметный пар, когда услышал женский смех вдалеке. Резко дёрнувшись, он побежал к его источнику. Дорогу ему преградили густые заросли, но Марцетти просто прорвался сквозь них.

На небольшой полянке с густой травой по щиколотку сидела Эмма. Напротив неё ходил мужчина в рубашке с закатанными рукавами, и что-то объяснял, с энтузиазмом размахивая руками, из-за чего медичка смеялась только сильнее.

— Эй, что здесь происходит? — спросил Томми, дотронувшись до плеча Эммы. Та обернулась и окатила его взглядом, полным непонимания и недовольства.

— Томми? Что ты здесь делаешь?

— Ты что, забыла? Мы же собирались вернуться на реку!

— Ах да, — протянула медичка, дотронувшись ладонью до головы, будто через силу вспоминая давно позабытый сон. — Я помню, будто было что-то такое, давным-давно. Такое ощущение, будто мы с тобой веками не виделись! Как ты здесь оказался?

— Так же, как и ты, — протянул Марцетти и бросил взгляд на мужчину. Тот выглядел рассерженным.

— Кто ты такой? — с сильной неприязнью спросил он.

— Я рулевой Марцетти, капитан боевого катера Синдиката «Катрина», — с достоинством ответил Томми, тут же почувствовав неловкость от того, как он стал козырять должностью: будто привилегией, а не бременем. — А вот ты кто такой?

— Это Рэй, мой муж, — вклинилась в разговор Эмма. — Мы очень долгое время были в разлуке, но, наконец, встретились! И ты не представляешь, как я рада, что увидела его! Я поняла, чего мне не хватало.

— Это уж точно, — усмехнулся Рэй. — Марцетти, да? Прошу, будьте так добры, позвольте мне провести время с моей женой наедине. Без обид.

— Я уйду, если вы объясните, как вы здесь оказались, — сказал Томми, ощущая нарастающее в душе подозрение. Рэй нахмурился, Эмма сморщила лоб.

— Слушай, друг, — с нажимом произнёс мужчина, — тебе здесь не рады. Уходи, пока я не пересчитал тебе все зубы.

— Подожди, Рэй, не нужно, — сказала Эмма, встав на ноги и дотронувшись до руки мужа. — Он хороший человек, просто немного запутавшийся. Я… помню, что шла по делам, но сегодня было так жарко, что меня измучила жажда. Я отпила воды из реки… и будто бы забыла, куда хотела пойти! Мне просто захотелось немного посидеть, отдохнуть, и тогда появился Рэй. Мы сели, стали вспоминать прошлое. Оказывается, он уже здесь довольно давно и…

— Эмма, — почти что с мольбой промолвил Томми, — посмотри на себя! Ты в военной форме! Ты сейчас на миссии, вместе со мной!

— Я тебя предупреждал, урод! — рявкнул мужчина и сделал несколько шагов к Томми, прежде чем его потянула назад медичка.

— Нет, нет, не трогай его, не надо! — схватив мужа за руку она обратилась к Томми, стараясь не смотреть на него: — Слушайте, Марцетти, я понимаю, что мы когда-то знали

друг друга, но сейчас действительно не время, поймите! Уходите, пожалуйста, я вас умоляю, пока ничего не случилось. Не портите момент.

Развернувшись, парочка ушла к зарослям и через секунду пропала в них, прежде чем Марцетти успел что-то молвить. Сплюнув на землю, он вернулся к воде и посмотрел на своё отражение. Выглядел он лучше обычного: все зубы были на месте, кожа стала молочно-белой и чистой, а волосы перестали быть жирными и свалявшимися.

— Что за чёрт, — пробормотал он и потянулся рукой к воде, прежде чем её отдёрнуть. Что-то в этой кристаллической чистоте пугало его. Он почувствовал себя мальчиком из сказки, что заблудился в лесу и оказался у блестящего, красивого домика, в котором обитала ведьма-людоедка.

Отступив от воды, он пошёл вдоль реки, держа ухо востро. Совсем скоро он снова услышал смех, на этот раз мужской. И совсем недалеко: где-то впереди, вот только пар от воды скрывал горизонт. Он становился всё ближе и ближе, пока Марцетти не натолкнулся на Саргия, сидящего у реки и набирающего воду во флягу. С ним рядом был мужчина примерно возраста иммигранта, в тёмных очках, из-за которых виднелись горящие глаза. Экзальт.

— Рулевой? — в растерянности спросил Лемортов, увидев Томми. — Не ожидал тебя здесь увидеть. Какими судьбами? Кстати, познакомься с моим отцом, Николасом. Папа, это господин Марцетти, мы когда-то служили вместе.

— Очень приятно, — пробурчал Томми, прежде чем мужчина успел что-то сказать. Присев на колено рядом с Саргием, он спросил: — Ты помнишь, как здесь оказался?

— Конечно! — иммигрант усмехнулся. — Я вообще собирался в сады, нарвать яблок, да мне сильно пить захотелось. Проверил флягу: она уже пустая. Услышал журчание воды, подошёл и отпил немного. Тут как раз папа мимо проходил, мы с ним довольно давно не сталкивались. Ну и сам знаешь, слово за слово…

— Ты должен пойти со мной, — сказал Томми. Саргий скорчил скептическую гримасу.

— Извини, дружище, но я теперь тебе уже ничего не должен. Тем более, мы и так с отцом нечасто видимся.

— Будешь сопротивляться, если я тебя потащу? — посмел спросить Томми. Саргий загоготал так, что Марцетти чуть не оттолкнуло звуковой волной.

— Ты? Меня? Тащить? Да, дружок, у тебя всегда с юмором были проблемы. Иди, давай, куда шёл, не мешай мне.

Сказав это, он отпил из фляги, повернулся к отцу и начал что-то обсуждать на незнакомом Томми языке. Марцетти всё же набрался смелости и крикнул:

— Саргий! Посмотри на себя! Ты солдат, и мы сейчас находимся на миссии.

Иммигрант повернулся, на его лице было написано удивление. Будто не услышав слова Томми, он спросил:

— А, Марцетти! Надо же, сколько лет, сколько зим! Давно тебя не видел! Какими судьбами?

Томми понял, что это бесполезно. Махнув рукой, он прошёл мимо Саргия и пошёл вперёд, мало представляя, что ему делать дальше.

Томми потерял счёт времени, пока брёл вдоль воды. Снова взглянув на отражение, он подумал: «А почему бы не попробовать?» В конце концов, что ему было терять? Наверняка остальные попали в такую же ситуацию. Оказавшись одни, в незнакомом месте, они шли до тех пор, пока не терялись и не начинали мучиться от жажды. А река делала своё грязное дело: погружала их в счастливое забвение, возвращая им любимых.

Он зачерпнул воду и отпил, чувствуя, как холод течёт по его горлу и распространяется по внутренностям. Томми закрыл глаза и сосредоточился на этом ощущении. На секунду он почувствовал опьяняющее блаженство, ощущение спокойствия и полного безразличия ко всем горестям мира. Ощущение исчезло так же быстро, как и пришло. Проморгавшись, Томми снова посмотрел на своё отражение и с ужасом обнаружил, что начинает меняться. Вернулись кривые зубы, испорченная кожа, под глазами возникли мешки. Даже его руки стали ссыхаться и покрылись струпьями. Он вернулся в свою обычную шкуру. Позади раздался крик, полный ужаса. Томми обернулся — и понял, что не может сдвинуться с места.

Перед ним стоял он сам. Точнее, его идеализированная версия: с короткими волосами, чисто выбритый, подтянутый, красивый и в дорогом костюме. А рядом была не кто иная как Катрина — в обычном летнем платье до колен, без украшений и макияжа: только с привычной красной точкой на лбу. Показав на Томми пальцем, девушка, задыхаясь, спросила у двойника:

— Кто он такой? Почему… почему он выглядит как ты?

— Что здесь происходит? — закричал двойник. — Отвечай!

Из кармана он выудил пистолет и наставил его на Марцетти.

— Я сам не знаю, что это такое, — признался Томми. Встав, он быстро подошёл к двойнику и выхватил у него пистолет. — Но обещаю разобраться.

Оттолкнув парочку и стараясь не заплакать, он побежал вперёд. Катрина выглядела именно так, какой он всегда хотел её видеть: красивой, молодой, простой, а главное — с ним.

Подняв голову, он увидел, как пар начал расступаться, а горизонт засиял золотом. Только чтобы добраться до источника, ему пришлось бы перейти на другой берег. Недолго думая, Томми прыгнул в воду, чувствуя, как всё его тело погружается в холод. Берег был так близко — и так далеко. Каждое движение, каждый взмах рукой давался ему с огромным трудом. Оказавшись посередине, он почувствовал, как течение начинает относить его назад. Река становилась всё сильнее и сильнее, волны нарастали. Казалось, она пытается утопить его, заставить соединиться с ней навеки.

Томми не сдавался. Когда до берега оставалось несколько метров, у него свело обе ноги. Барахтаясь, Марцетти пытался подплыть ближе. Тщетно — не осталось сил, чтобы преодолеть последний рубеж. И невидимая рука быстро потащила его вниз.

Прозрачный, отдающий синевой потолок возник над ним. Уходя на дно, Томми подумал: «А ведь какая могла быть жизнь…» Его лёгкие быстро наполнялись водой, тело больше не сопротивлялось. Он сдался перед силами, на которые не мог повлиять. Река забрала его.

За секунду перед тем, как его глаза закрылись, он увидел тёмную фигуру, разбившую хрупкую поверхность реки. Фигура быстро приближалась, но он не мог понять, кто это. Да его это и не волновало. Перед ним распростёрлась тьма, которая манила теплом в этом царстве холода.

***

Пробуждение вышло болезненным: ему пришлось дождаться, пока вся вода выйдет из внутренностей. Солнце жгло привыкшие к темноте глаза, а воздуха не хватало. Кое-как

продышавшись, Томми поднял слезящиеся глаза на своих спасителей.

Капитан стоял над ним, уперев руки в бока, рядом сидел шаман. У обоих на лицах застыло обеспокоенное выражение.

— Эй, ты как? — поинтересовался сааксец, похлопав его по плечу. Выплюнув последнюю порцию воды, Томми ответил, пересиливая боль в глотке:

— Хуже некуда. Как обычно. Вас что, не захватили призраки?

— Ты о чём? — спросил капитан, нахмурив брови. Томми отмахнулся. Насиф помог ему встать. Чувствуя, как на нём обвисла мокрая одежда, Марцетти сказал:

— Я встретил по дороге Саргия и медичку. Они говорили с теми, кто им был дорог. Но я готов поклясться, что эти люди давно мертвы. Перед этим они отпили воды из реки. С вами такого не было?

Капитан замотал головой.

— Мы довольно быстро встретились с Насифом, но пить не стали рисковать. Да и потом, я почти что уверен, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Где мы? — спросил Томми, хотя прекрасно знал ответ. Валентайн кивнул.

— Судя по тому, что мы уже видели, это и есть Эдем.

— Я тоже так подумал, — кивнул Марцетти. Шаман внимательно оглядел их и сказал:

— Хорошо, но почему я оказался здесь? Вам не кажется странным?

— Тебя могло перенести вместе с нами просто за компанию, — сказал Валентайн. — Только я сильно сомневаюсь, что ты встретишь кого-то из своих близких. Марцетти, как ты вообще оказался в воде?

— Я шёл на золотое сияние, — честно ответил Томми и указал рукой. Валентайн кивнул, будто ожидал такого ответа.

— А вот мы плутали без цели. Хорошо, что ты оказался рядом.

— Только всё равно шли в правильном направлении, — заметил Томми. Подумав, он добавил: — Мне кажется, что все дороги здесь ведут к одному и тому же месту. Идём. Похоже, без разрешения хозяина нам отсюда не выйти.

Ему показалось ироничным, как он большую часть своей жизни стремился попасть сюда — и, оказавшись внутри, тут же захотел вырваться. Этот рай казался слишком дешёвым, почти что бутафорским. Застрять в таком мог только полный идиот, который готов закрыть глаза на все факты.

И всё же, он от всей души желал оказаться таким идиотом.

Он повёл их в сторону золотого свечения, чувствуя, как сильно хочет быстрее со всем разобраться. Слишком много странного за такое короткое время. Он хотел, чтобы всё вернулось на круги своя. Он уже начал скучать по моментам, когда просто стоял у штурвала и вёл катер по реке, не задавая никаких вопросов. Был только путь вперёд и цель, маячившая впереди, становившаяся всё ближе и ближе.

Он даже не удивился, когда они вышли в небольшой вымощенный камнями сад, в середине которого стояла круглая беседка. Внутри неё, откинувшись на спину скамейки, сидел босой мужчина с руками, измазанными грязью. Его тёмные с проседью волосы были зачёсаны назад, открывая высокий, морщинистый лоб. Поперёк левого глаза тянулся длинный, уродливый шрам, оставшийся, похоже, от удара саблей. Рядом на скамейке стояла наполовину выпитая бутылка виски с оторванной этикеткой, а у ног вразброс валялся комплект золотой брони и шлем. Приглядевшись к ней, Томми вдруг с замиранием сердца понял, что именно таким было тело полковника. Тело, которое он получил от Эдема.

Сделав глоток из бутылки, мужчина поднялся, вздохнул и, вытерев грязные руки о джинсы, поплёлся по дорожке. Отперев едва заметную железную дверцу, он скрылся за зарослями. Томми бросился бегом, чтобы не потерять его из вида. Капитан и шаман бросились следом. Они успели до того, как дверь захлопнулась. Переступив порог, Томми зажмурился.

Солнце здесь светило ещё ярче, чем раньше, зато дул лёгкий, приятный ветерок, несущий запахи моря и рыбы. Насколько хватало глаз, простирался огромный огород с тысячами разных растений. Мужчина брёл между ними, периодически трогая листья и стебли, и что-то шептал себе под нос. Томми прибавил шагу, пытаясь нагнать человека, но как бы быстро он ни бежал, цель ближе не становилась. В конце концов, мужчина остановился у одной грядки и присел перед ней на колени. Только тогда Марцетти и остальные сумели нагнать его. Мужчина не обращал на них внимания. Начав рыть землю руками, он бормотал:

— Только где могла закрасться ошибка? Я ведь сделал всё, как и тогда. Двенадцать, ни больше, ни меньше. Откуда взялся ещё один?

— Всё-таки легенды оказались правдой, — произнёс капитан. — Освободитель действительно существует.

Мужчина повернул к ним голову и нахмурился:

— Вы? Здесь? Нет, этого не должно было случиться. Этого никогда не случалось. Это не по плану.

Сосредоточив взгляд на Марцетти, Освободитель ткнул в него указательным пальцем:

— Ты. Откуда ты взялся?

— От мамы с папой, — не нашёл ничего умнее сказать Томми. Освободитель ухмыльнулся, видимо невольно, но тут же снова стал серьёзным.

— Тебя не должно быть там. Ты должен быть здесь, как и все остальные. С другими экипажами… — глянув в сторону, он добавил: — Нет, ты ведь уже находишься здесь. Я подарил тебе свою благодать, как и остальным. Так какого чёрта ты там?

Освободитель снова вытер грязные руки о штаны, подошёл вплотную к Томми и присмотрелся к нему, как учёный присматривается к букашке, пытаясь понять, как она живёт.

— Так вот оно что… — прошептал он. — Значит, он вытащил тебя оттуда. Как интересно! — Освободитель рассмеялся. — Да, не думал, что кто-то до подобного додумается, но надо же! Век живи, век учись.

— Я не понимаю, о чём речь, — пролепетал Томми, чувствуя дрожь по всему телу. Перед ним стоял мессия, тот, о котором ему столько говорили в детстве, тот, который решал не только его, но и судьбу всего города. Он выглядел как обычный человек, и при этом от него шёл такой жар, что Марцетти живо представил, как он и капитан с шаманом превратятся в живые факелы, если проведут с ним ещё несколько минут.

Казалось, Освободитель снова перестал замечать гостей и вернулся к грядке, продолжая говорить сам с собой:

— Что же, цикл должен продолжаться. Не начинать же всё с самого начала. Посмотрим, чем всё это кончится. Посмотрим. Может быть, хоть в этот раз они меня не разочаруют.

Повернувшись к Томми, он улыбнулся и произнёс:

— Всё ещё здесь? Выход там, — он махнул рукой в сторону дорожки, которая словно возникла из ниоткуда рядом с шаманом. Марцетти сделал шаг вперёд.

— Мы требуем ответов! Что происходит? Что тебе нужно? Полковник работает на тебя?

Освободитель повернулся и сверкнул глазами:

— Ты требуешь?

Он махнул рукой, и из воздуха возникло три огромных крылатых твари, закованных в доспехи, каждая не меньше двух метров ростом. Они походили на людей, и всё же Томми чувствовал, что людьми они не являлись.

— Стражи! — выдохнул капитан и дёрнулся за пистолетом в кобуре. Не успел Марцетти моргнуть, как монстры оказались в шаге от них — и каждая держала клинок у шей гостей. Томми чувствовал, как сталь подрагивает, будто сгорая от нетерпения испить крови. Освободитель вернулся к своему занятию и проговорил:

— Уже не настолько наглые, да? Так трудно иногда вас понять. То боитесь глупых мелочей, например, оказаться неправыми, хоть вы физически неспособны увидеть всю картину мироздания. А иногда плюете в лицо смертельной опасности, будто у вас впереди ещё десятки жизней, к которым вам нужно перейти.

Он мечтательным взглядом уставился на горизонт:

— Да, если бы не их жертвы, я бы вообще с вами не возился…

Стоило ему подняться и отряхнуть руки, как рядом с ним возник Ли с ножом в руке. Подбежав к Освободителю, он схватил его за шиворот и приставил острие к горлу мессии:

— Отпусти их! — прошипел он. Мужчина на это только улыбнулся, в примирительном жесте подняв ладони вверх.

— Какой ты прыткий. Неужели твои любимые не сумели тебя отвлечь? Как их звали? Рэнди и Анни, так же?

— Я слишком хорошо помню их смерти, чтобы ты пудрил мне мозги, — ответил Ли, давя острием на горло своего пленника. Марцетти не поверил своим глазам, когда клинок прорезал кожу, и на белую рубашку капнула кровь. Освободитель на это только прищурился.

— Нет, дело не в этом. Я вспомнил. В тебе живёт часть меня. Ха! — он повернулся к Марцетти и остальным. — Будто века прошли с момента, когда я видел его в последний раз. Действительно, становится всё интереснее!

Одним незаметным движением он попытался заломить руку Ли, но тот вывернулся, словно в его теле не было ни единого сустава. Взревев, он несколько раз ударил Освободителя ножом в грудь, и на белоснежной материи стали расцветать багровые бутоны ран. Мессию, казалось, это нисколько не обеспокоило. Продолжая улыбаться, он схватил Ли за воротник и бросил к остальным.

— Спасибо огромное. Давно здесь не происходило ничего интересного. Боюсь только, что пора завязывать с весельем. Идите куда шли, займитесь тем, чем занимались. Мой план уже пошёл наперекосяк. И всё же, интересно, что вы сможете привнести в этот мир.

Он махнул рукой, и Марцетти услышал голос Коннели за спиной:

— Где это я?

А за ней возглас Саргия:

— Папа, постой!

Освободитель улыбнулся и покачал головой.

— Что же, дети мои, ступайте. Посмотрим, как вы испортите всё на этот раз.

Мир охватил огонь, и Марцетти почувствовал, как вскипает его кожа. Он хотел кричать, но язык и горло его уже горели. Он хотел потушить себя, но мясо уже слезло с костей. Он рухнул на землю кучкой праха, прежде чем успел что-нибудь сделать.

— Если вы захотите вернуться, — прозвучал голос в его сознании, — помните: это не место. Это состояние.

***

Он проснулся от жуткой головной боли. Кэт сидела напротив и попивала кофе, мечтательно уставившись на горизонт. Военную куртку она повязала у пояса, оставшись в одной майке. Её кожа отливала бронзой в лучах утреннего солнца.

— Мне приснился такой чудный сон, — морщась, сказал Томми. Он прошёл в кабину рулевого и выудил из аптечки таблетки обезболивающего. Запив их водой, он продолжил: — Будто бы я оказался в Эдеме.

Кэт рассмеялась, запрокинув голову. Её смех всегда пробуждал некий свет в душе Томми. Когда она смеялась, он чувствовал, что родился не зря.

Стоило ему подумать об этом, как из трюма на палубу вылез Райан, и настроение мгновенно испортилось. Поглаживая голову, Райан приземлился рядом с Кэт, поцеловал её в щёку и спросил:

— Этот деф донимает тебя, дорогая?

Томми ненавидел Райана. Он ненавидел его куртку, его солнечные очки, его вечно набриолиненные волосы, но больше всего — его самодовольную, ублюдочную ухмылку, которой он светил по поводу и без. Его будто сконструировали на специальном заводе, чтобы быть идеальным антиподом Томми. Райану по жизни всё очень легко давалось. Его родители были достаточно богатыми, чтобы выкупить его ещё до его рождения. Райан не знал, что такое Приют и тяжёлый труд. В качестве развлечения он всё свободное время занимался боевыми искусствами и стрельбой из разных видов оружия. Он зависал на всех модных тусовках, ошивался рядом с самыми влиятельными людьми Синдиката и, по его признанию, успел трахнуть наследницу богатейшей Семьи Старого Города. Ему всё доставалось настолько легко, что в один прекрасный день Райан решил — слишком уж скучно он живёт. Потому он взял пару пистолетов, бронежилет, затарился патронами и устроил бойню на окраинах. И даже это спустили бы ему с рук — в конце концов, Райан разорил логово местной молодёжной банды, довольно долго донимавшей полицию.

Вот только когда его схватили, Райан пообещал, что следующий его шаг — это перестрелка в Центре, прямо перед Дворцом. От греха подальше, копы упекли его в Башню, где на предложение отсидеть срок или отправиться во Вне, Райан выбрал второй вариант. И ему повезло, ведь он попал помощником на катер Томми, который в последнюю очередь хотел кем-то командовать.

— Кстати, мальчики, сегодня ведь юбилей! — Кэт хлопнула в ладоши и достала смятый листок из кармана штанов. — Ровно месяц, как мы покинули Город.

— Кажется, будто прошла уже целая вечность, — усмехнулся Райан. Томми не мог с ним не согласиться. Каждый день для него тянулся как год.

Пока он с Кэт был наедине, всё шло прекрасно. Их ещё даже не выпустили из Города, а они уже друг в друге души не чаяли. За три недели в доках Томми понял, что лучше женщины он никогда не найдёт. Они вместе просыпались, завтракали, изнывали от ожидания, когда же их отправят наружу, помогая друг другу скоротать время анекдотами и историями из жизни. Томми рассказал Кэт о себе абсолютно всё, обнажил душу так, как не обнажал ни перед кем. И она приняла его. Она не смеялась, не считала, будто в его

проблемах виноват он сам, нет. Она прекрасно видела, как несправедливо обошлось с ним общество, как стигматизировали в Старом Городе дефектных людей, хотя они и не заслуживали подобного обращения.

Она увидела в Томми то, что он в себе отказывался видеть — хорошего человека.

Стоило появиться Райану, как всё пошло наперекосяк. Как только его посадили к Томми и Кэт, Эдем выпустил их из Города, вместе с остальными одиннадцатью катерами, приказав разведать окрестности и строго запретив удаляться более чем на двести пятьдесят километров. Увидев Райана, Кэт резко охладела к Томми. Он отчаянно пытался снова разжечь ту искру, что промелькнула между ними, но тщетно. Казалось, из самого близкого ей человека он превратился в дальнего знакомого, с которым можно было иногда поболтать, посмеяться, но и только. Иногда, правда, она снова садилась с ним и вела задушевные беседы, из-за которых Томми начинал верить, что не всё потеряно. Но вскоре появлялся Райан, и Кэт снова делала вид, будто Томми ей не интересен.

Лёжа ночами в своей каюте Марцетти думал о том, как он схватит нож, зарежет Райана во сне, а тело сбросит за борт. И благодарил Бога за Башню, вживившую штифт реморализации ему в голову. Только из-за него все его низменные импульсы оставались всего лишь импульсами. Как бы он ни хотел, он не мог никого убить.

Даже сейчас, чувствуя, как кровь закипает от ярости, Томми, в лучше случае, мог замахнуться на Райана — и не ударить. Райан, похоже, почувствовал взгляд Марцетти и повернулся к нему, подняв руки:

— Извините, рулевой. Понимаю, что трачу наше время на бесполезную болтовню. Что прикажете делать? Мы продолжаем нашу исследовательскую миссию?

— Конечно, — буркнул Томми. — Сейчас, пожую что-нибудь, и дальше пойдём. Кэт, не хочешь сходить отдохнуть? Мы с Райаном здесь сами справимся.

— Конечно, отчего бы и нет, — Кэт потянулась так, что у Томми дрогнуло сердце. Он отвернулся, чтобы не показать возбуждения, и мысленно настроился выдох делать глубже, чем вдох. Краем глаза он успел заметить, как перед уходом Кэт, как бы невзначай, погладила Райана по плечу. Когда она исчезла в трюме, Томми подошёл к утилизатору и распечатал себе тарелку зелёной питательной жижи. Облокотившись на борт, он принялся завтракать. Райан как раз завершил осмотр двигателя и сел рядом: так близко, что Томми почувствовал дискомфорт.

— Слушай, мужик, нам надо поговорить, — тихо проговорил он, уставившись в никуда. Томми с удивлением посмотрел на Райана, ощущая, как желудок начинает стягиваться в узел, а сердцебиение ускоряется.

— Да? И о чём же?

— О Катрине, — Райан снял очки и посмотрел на Томми. Только сейчас Марцетти заметил, как устало выглядит его помощник. Под глазами у него были мешки, а во взгляде читалась такая несчастность, будто разговор причинял ему боль. И всё же, сам факт того, что Райан заговорил первым, вызвал у Томми приступ гнева. Проглотив ещё одну ложку жижи, он пнул ногой крышку утилизатора, находившегося рядом с двигателем, и одним махом забросил тарелку с остатками еды внутрь.

— Нечего тут обсуждать, — сказал он, вскочил на ноги и двинулся к штурвалу. — Заводи двигатель!

Райан послушался. Когда катер двинулся вперёд, помощник зашёл в рубку и произнёс:

— Ты думаешь, мне нравится происходящее?

— Непохоже, чтобы тебе не нравилось, — сказал Томми. — Слушай, я всё понимаю. Хочешь — забирай её. Я не хочу участвовать в этом.

— Она настраивает тебя против меня, — процедил Райан. Он схватил Томми за плечо и развернул к себе лицом. — Тебя она любит, а меня использует, ты понимаешь это, нет? Она играет с нами обоими! А я ненавижу, когда со мной играют. Ей нужно, чтобы ты её приревновал. Показал, как на самом деле к ней относишься.

— И что мне нужно для этого сделать? — засмеялся Томми. — Избить тебя?

— Разозлись! Покажи ей, что ты мужик, брат! Ты же на это способен, да? У тебя ещё есть яйца? Или в армии их отбили?

— Да пошёл ты, — от всей души процедил Марцетти. — Пошёл ты и твои обезьяньи игры. Пошёл ты вместе с Катриной. Пошли вы все!

— Можешь говорить всё, что хочешь, — сказал Райан, снова надевая очки. — Но нам ещё долго придётся быть вместе. А я не хочу быть с женщиной, которая не хочет меня. И уж точно не хочу быть с той, которой я нужен только для манипуляций. Так или иначе, выбора у тебя не будет. Я заставлю тебя сделать это. Я заставлю тебя показать характер, чтобы она поверила, будто нужна тебе.

Томми ничего не сказал, лишь развернулся и взял в руки штурвал. Его раздражало всё происходящее. Кому нужна любовь, выпивающая столько крови? Теперь, когда Райан озвучил все его подозрения вслух, Кэт у Марцетти вызывала только омерзение. Да, она была хорошей и доброй женщиной. И всё же, собственное эго ей было важнее всего остального. Она хотела жить в сказке, в которой прекрасный принц ради неё будет крушить всех парней, подходящих ближе, чем на десять шагов. Сама мысль, что такая чуткая и мудрая девушка, как Кэт, может жить в плену подобных иллюзий, потрясала Томми.

Минута текла за минутой, солнце всё сильнее клонилось к горизонту. Райан ничего не говорил и лишь наблюдал за джунглями, поглотившими берег. На закате люк в трюм отворился, и на палубу вылезла позёвывающая Кэт. Увидев Райана, она что-то проворковала и села рядом с ним. Стоило ей это сделать, как Райан повернулся к Томми и крикнул:

— Твоя женщина ведёт себя как потаскуха, рулевой! Неужели ты ничего не сделаешь?

— Она не моя женщина, — отозвался Томми, не сводя взгляда с горизонта. Ничего не существовало. Остались только он, катер и штурвал, который нужно было крепко держать. Держать так, чтобы болели ладони. И тогда всё остальное перестанет иметь смысл.

Он выше этого. Он не снизойдёт до подобного. Он и так натворил глупостей в Городе, нет нужды снова скатываться к примитивному поведению.

— Ты трус, рулевой! — крикнул Райан. — Ты ссыкун.

— Эй, прекрати! — сказала Кэт и, повернувшись к Томми, спросила: — Неужели ты ничего не сделаешь в ответ? Даже не ответишь?

— Вы того не заслуживаете, — произнёс Томми и ощутил, как сказанное освободило его. Они могли продолжать в свои игры, но его это не касалось. Ведь остался только он и катер. Больше ничего в мире не было. Пусть для них смыслом жизни служили бесконечные брачные танцы, для него же не существовало ничего, кроме пути, который он проходил, держа штурвал.

Он был рулевым. Только для этого он и родился. Никто в мире его больше не понимал, кроме этого катера. Никто и не поймёт. Ведь их, фактически, создали друг для друга. Сама судьба вела его к тому, чтобы он взялся за штурвал и повёл машину вперёд.

— Ты слышишь меня, ублюдок?! Ответь мне!

Томми не слышал. Ничего больше в мире не осталось. Чтобы лес продолжать жить, ему нужны пожары, сжигающие сухостой. Нужен огонь, чтобы предотвратить больший огонь. Так ему всегда говорили. Он не понимал, ведь никогда до этого не видел Вне и деревьев. А сейчас всё резко встало на свои места.

Удар в спину бросил его на палубу. Повалившись, Томми поднял руки, пытаясь защитить лицо. Райан ударил ещё раз, а потом ещё и ещё. Сил он не жалел: каждый удар, отдавался такой болью в теле, что Томми не выдержал и закричал. Он попытался отбиться, но тело не слушалось. Каждый раз, когда он хотел пнуть помощника в ответ, что-то удерживало его. Штифт, конечно же.

Позитивная реморализация, так они это называли. Их не волновало, что они просто меняют людей ролями, превращая преступников из агрессоров в жертв.

Райан сыпал ударами, и в какой-то момент Томми почувствовал, что у него просто нет сил защищать себя. Он убрал руки, и через секунду кулак прилетел ему прямо в лицо. Голова дёрнулась, затылок изо всей силы ударился о палубу. Томми почувствовал, как под ним начала растекаться кровь. Его сознание затухало.

— Прекрати, ты же убьёшь его! — кричала Кэт, пытаясь удержать Райана. Но тот не прекращал экзекуцию. До ушей Томми откуда-то издалека доносились крики:

— Давай! Ответь мне, урод! Ответь! Ты станешь мужиком, хочешь того или нет!

Томми в ответ лишь улыбнулся разбитыми губами. Как бы он ни хотел сейчас убить обоих, он ничего не мог поделать. Абсолютно ничего.

«Они больше не тронут тебя, милый», — прозвучало в голове Марцетти. Он открыл глаза. И вовремя, потому что шедший равномерно катер резко дёрнулся вперёд и тут же остановился. Райан и Катрина отлетели к корме, где открылась крышка утилизатора. Кэт завизжала, когда её рука угодила внутрь. Казалось, её засасывает в воронку. Как бы она ни сопротивлялась, утилизатор был неумолим: он тянул с упорством хищника, знающего, что жертву сначала нужно вымотать.

— Помоги! — проорал Райан, схватив девушку за ногу. Томми не сдвинулся с места. Происходящее походило на мираж — при всей чудовищности картины он просто не мог отвести глаз.

Когда рука полностью исчезла внутри, Кэт легла поперёк приёмного отсека, упёрлась в корму и попыталась вытащить конечность наружу. Но утилизатор издал скрипящий звук, и через секунду тело Кэт затянуло с такой скоростью, что Томми услышал хруст ломающихся костей. Девушка просто сложилась пополам, как сломанная кукла. Райан отправился следом.

— Боже! — только и успел проорать он, прежде чем исчез в чреве катера.

Томми продолжал смотреть на палубу, пытаясь осознать, что только что случилось. Его начал разбирать смех. Держась за помятые рёбра и лицо, он поднялся и крикнул:

— Да ладно, ребят, хватит прикалываться! Где вы? Это же бред какой-то! Выходите, перестаньте.

Никто не отозвался. Подойдя к утилизатору, Томми заглянул внутрь. Как всегда, в приёмной камере было всё чисто. Только тогда Марцетти осознал, что же всё-таки произошло. Он сел на палубу, скрестил ноги и схватился за голову. Он знал о людях, которых засовывали в утилизатор живьём. Ещё никто не смог вернуться. Его команду только что переработало.

Они погибли. Райан и Кэт. И, похоже, виноват был именно он.

— Нет, — прошептал Томми. — Я ничего не делал. Это несчастный случай!

«Это твоих рук дело, дорогой. Мы сделали это для тебя», — прозвучало в голове. Марцетти оглянулся, но рядом никого не было. По его коже поползли мурашки. Похоже, он начал сходить с ума.

Но он был не против. Ведь Кэт больше нет. Томми рассмеялся этой мысли. Он не мог поверить, но это было правдой. Раз Катрины нет в живых, то и ему жить незачем. Даже со штифтом в голове, он всё ещё мог убить одного человека — себя.

Он спустился в трюм и прошагал к своей каюте. Подняв подушку, обнаружил, что револьвер лежит на привычном месте. Проверив барабан и патроны в нём, Томми взвёл курок и приставил дуло к виску.

— Было забавно, — сказал он, поймав взгляд короля с изображения. Палец сам нажал на спусковой крючок.

…он проснулся от жуткой головной боли. Его двойник сидел напротив и попивал кофе, мечтательно уставившись на горизонт. Увидев, что Томми проснулся, двойник махнул в сторону рубки. Там, не сводя глаз с Марцетти, находилась команда «Катрины». На лице капитана застыло непонимание, у Коннели остекленел взгляд. Шаман всем видом выражал отвращение. Паркер, казалось, не могла понять, что только что увидела. И лишь Саргий с Ли смотрели на рулевого с сочувствием. Двойник цокнул языком и сказал:

— Надеюсь, теперь вы осознаёте, что путешествуете с убийцей своей команды?

14. Переплетение нитей

Переплетение нитей

«Я понимаю уродов, по вине которых страдают другие люди. Но не доброхотов, которые точно знают, как сделать всех счастливыми. Даже против их воли»

Иеремия Фаддей, «Записки на манжетах»

Девушку затягивало в утилизатор, а Вик ничем не мог ей помочь. Он пытался удержать её, но его руки просто проходили насквозь, будто он был призраком в этом мире — или же все вокруг ими оказались.

— Да помоги же! — заорал он Томми, но тот продолжал лежать. Рулевой заворожённо наблюдал, как погибает его команда, не предпринимая и попытки сделать что-нибудь. Происходящее походило на дурацкий фильм, на безвкусный спектакль. Вот только всё ощущалось реальнее реальности. Вик чувствовал запахи, дрожал от холода, мог дотронуться до борта и оценить, как сильно тот нагрелся на солнце. И только до людей он не мог дотянуться. Сейчас, как никогда раньше, ему хотелось отвесить рулевому затрещину. Но Вику оставалось лишь смотреть.

Будучи курьером, он никогда не переживал чужие воспоминания. Всё же, даже сравнив с чужими рассказами, он мог понять, что это нечто другое. Обычно наблюдатель оказывался в шкуре курьера. Здесь же Вик наблюдал за всем со стороны.

Когда всё закончилось, Томми захохотал и произнёс:

— Да ладно, ребят, хватит прикалываться! Где вы? Это же бред какой-то! Выходите, перестаньте.

Он проковылял к утилизатору и сел рядом, побитый, но не сломленный. Похоже, его воспалённое сознание обернуло трагедию в розыгрыш. Рулевой оглянулся, рассмеялся как ненормальный, встал и начал спускаться в трюм. Вику ничего не оставалось, как следовать за ним по пятам. Томми открыл свою каюту, подошёл к подушке и выудил из-под неё револьвер. Открыв барабан, он проверил, на месте ли патроны, а затем приставил дуло к виску.

— Было забавно, — сказал он, уставившись на стену.

— Ты не сделаешь этого, — прошептал Вик. Пусть он и начал ценить Томми, но рулевой всё же оставался трусом. Да и потом, как бы он выжил после пули в голову?

Выстрелом мозги рулевого разбросало по всей каюте, и Вик задрожал ещё сильнее. Наклонившись над телом, он внимательно рассмотрел его. Нет, после такого никто не мог выжить.

Тут же на его глазах труп Томми начал съёживаться, будто лист, брошенный в огонь. Он ссыхался, а затем осыпался песком. Через несколько мгновений от рулевого ничего не осталось.

— Что за хрень… — протянул Вик.

Стоило ему моргнуть, как он оказался на палубе катера, в точности повторявшего «Катрину». В глаза ударило яркое солнце, заставив его зажмуриться и чертыхнуться. Они всё ещё на реке: этот лёгкий, сладко-кислый запах гниения Вик уже ни с чем не спутает. Он посмотрел по сторонам — остальные члены команды тоже были здесь. Ни у кого не было оружия.

— Вы видели это? — протянул Саргий.

— Томми? — коротко спросил шаман. Иммигрант кивнул. — Да, все мы видели.

— Моя сумка! — вскрикнула Эмма. Она озиралась по сторонам, пытаясь найти её. Похоже, Эдем проглотил все вещи, которыми они могли навредить или помочь другим.

Так и не обнаружив своей сумки, Эмма застыла на месте с приоткрытым ртом. Похоже, она потеряла что-то намного важнее, чем просто набор медикаментов. Только тогда Вик заметил, что возле кормы, друг напротив друга, сидело двое Томми. Он помотал головой, пытаясь сбросить мираж, но оба остались на своих местах.

«Теперь я точно схожу с ума».

Правда, отличить одного от другого не составляло труда — один так и оставался помятым, неухоженным и грязным. Двойник же выглядел моложе, его кожа сияла чистотой, волосы были пострижены и аккуратно уложены на правую сторону. А главное, у него не гнили зубы.

Махнув в сторону команды рукой, двойник цокнул языкоми сказал:

— Надеюсь, теперь вы осознаёте, что путешествуете с убийцей своей команды?

Чувствуя замешательство, Вик уставился на Томми, надеясь, что тот сумеет что-нибудь объяснить. Но рулевой выглядел настолько расстроенным, что от него объяснений ждать было глупо.

— Совсем непохоже на воспоминания курьеров, правда? Катер напрямую связался с вашими разумами, после моего разрешения, разумеется. Для этого ему даже не нужен Оператор, достаточно того, что вы соприкасаетесь. Говорят, Освободитель тоже так умел.

Рефлекторно Вик потянулся к пистолету в кобуре, но двойник погрозил ему пальцем, продолжая улыбаться:

— У вас нет оружия, но всё же, на вашем месте я бы не стал этого делать. Стоит мне только подумать, и ваши ноги провалятся сквозь палубу, а тело опутают стальные канаты. Так что давайте не будем доводить дело до убийств, хорошо? Прошу, лучше сядьте.

Проверять, блёф это или нет, было слишком опасно. Вик подчинился и сделал несколько шагов вперёд, остальные двинулись следом. Они сели вдоль борта рядом друг с другом, будто прилежные школьники в первый день учёбы. И, не сговариваясь, все сели подальше от Томми.

Двойник наклонил голову, слегка улыбаясь. Вик в ответ не сводил глаз, ожидая, когда же тот начнёт говорить. То, что сейчас происходило, выходило за все рамки его понимания. На них напал катер, что утилизировал «Юнону» и попытался утилизировать их, затем они перенеслись на Нижние Уровни, потом в Эдем, а оттуда их запульнуло сюда, где оказалось, что у Томми есть злобный брат-близнец — во всяком случае, Вику хотелось, чтобы это был просто брат-близнец. Его разум начал трещать от происходящего абсурда.

Когда-то его утешало, что безумие Нижних Уровней ими и ограничивается, но сейчас весь мир сходил с ума. Больше ничего не было нормальным. Был ли нормален он сам? Ни один человек не поверит его рассказам, если он примется перечислять всё, что увидел. Духи, энергобури, переносящиеся из одно места в другое за мгновение люди, двойники, а также утилизаторы, жаждущие сожрать вокруг всё и вся. Неужели это тот мир, который хотел построить Освободитель? Или же тот, от которого он жаждал сбежать, создав Первый Город?

И это ведь не считая того, что они побывали в разуме Томми. Даже сейчас Вик чувствовал холод ветра и теплоту борта, будто так и не покинул то воспоминание. В его ушах

ещё стояли крики Райана и Катрины.

Он посмотрел на Томми. Хоть прямой вины рулевого не было, Вик отчётливо понимал: будь на то воля Марцетти, ничего бы не произошло.

Катер, на котором они оказались, хоть и повторял «Катрину» по конструкции, во многом другом сильно отличался. Всё выглядело чистым и ухоженным, будто бы и не было никакой войны. Если бы Вик не знал предназначения судна, то подумал бы, что его используют для прогулок по воде.

— Что вы сделали с ней? — сумел выдавить Томми.

— С твоим катером? — поинтересовался двойник. — Да ничего, собственно. Он ведь утилизировал сам себя, верно? Откуда же мне знать, где он теперь?

Открылась дверь в трюм и наружу вышла смуглая девушка, в которой Вик с содроганием узнал Катрину из памяти Томми. Внимательно всех осмотрев, она заметила:

— Вы, наверное, самые большие глупцы в мире. Освободитель даровал вам место в Эдеме, а вы от этого так легко отказались? Зачем? Ради миссии? Это же настоящее безумие.

Она села рядом с двойником и приобняла его. Томми затрясся от негодования, но прежде чем он что-то успел сказать, двойник поднял ладонь и произнёс:

— Не ругайся. Не нужно. Ты и так натворил дел, зачем ещё больше унижать себя перед остальными?

Он обратился к команде:

— Я думаю, нужно будет прояснить некоторые моменты. Чтобы вы не сопротивлялись, лучше выложить все карты на стол. Дела такие: Освободитель дал нам задание отыскать судно, на котором капитан Валентайн отправился за полковником. Освободитель не хочет, чтобы вы достигли цели, потому что это спутает все его планы. Любыми доступными средствами нам приказали отправить вас в Эдем.

— И потому вы сразу начали палить из пулемётов? — поинтересовался Томми, стискивая зубы. Он всё вертелся и ёрзал, будто пытаясь освободиться от невидимых пут, что не давали ему двинуться. Двойник с сочувствием покачал головой.

— Вы ведь сами убедились: не обязательно быть живыми, чтобы там оказаться. Мы даже отправили за компанию всю команду второго катера. Ну, который мы утилизировали.

— Он прав, — подала слабый голос Паркер. — Я ведь была с вами. Мои ребята — они тоже оказались там. Эти сукины дети отправили их в Эдем. — Сара горько рассмеялась. — Они оказались в раю, а я застряла с вами. Обидно-то как.

Вик кивнул. «Что же, одной загадкой меньше». Двойник продолжил:

— Но Освободитель почему-то отправил вас обратно. Почему он так решил, мне не понять. Зато поступил ещё один приказ: не позволить вам отправиться дальше. Поэтому побудете нашими пленниками, пока всё не закончится. Райан! Как там с подготовкой?

— Они сказали, что можно подходить! — раздался голос из трюма. Услышав его, Томми дрогнул. Да и на лицах остальных возникло замешательство. Двойник усмехнулся.

— Да, похоже, вас беспокоит самый главный вопрос: а кто же я такой, верно? Думаю, ничего нового вы не узнаете. Я пять лет исследовал Вне со своей командой. Как только сааксцы напали, Эдем взял нас под прямой контроль, потому что ожидал такого исхода. Нашим заданием стало переломить ход войны в нашу пользу и удостовериться, что технология переноса окажется в нужных руках.

— Так значит, вот в чём миссия Эдема, — сказал Вик. — Войну развязали только из-за этого, да?

— Может и да, может и нет, — покачал головой двойник. — Мне это неизвестно. Зато известно другое. Вы можете не верить — да и я сам не верил, до сегодняшнего дня. Пока не увидел его, — двойник кивнул в сторону Марцетти. — Когда видишь своё живое отражение, все сомнения рушатся как карточный домик.

Двойник соединил руки, откашлялся и начал:

— Во время Освобождения наш мир раскололся. Не в физическом, правда, смысле. Скажем так, из нашего мира возникло множество других. В одном из них остались только мы, а в другом — сааксцы. За пять лет исследований Вне мы с ними не сталкивались вообще. Их просто не существовало в нашем мире, понимаете? И всё бы было хорошо, если бы Синдикат не отправил полковника.

— Освободитель того хотел, — заметил Вик. — Так сказал король.

Двойник пожал плечами:

— Нам не рассказали подробностей. Но мы знаем, что полковник сумел каким-то образом объединить наш мир и сааксцев. Теперь мы вроде как на стыке двух реальностей, из-за чего всё идёт наперекосяк. Вне и до этого было не то чтобы сладким местом, а сейчас так вообще творится полная чертовщина. Единственный плюс во всём этом: мы узнали, что технология переноса всё же существует, и мы сможем её подчинить себе, если победим сааксцев.

С лёгкой неприязнью посмотрев на Томми, двойник вздохнул:

— И вот тут в дело вступает наш маленький убийца. Я не представляю, каким нужно быть чудовищем, чтобы сделать такое со своей командой. Со своей любимой.

Сказав это, он чмокнул Катрину в щёку. Томми же побагровел и бросил:

— Не трогай её, сукин сын!

Катрина махнула рукой и, нахмурившись, выдала:

— Кто ты такой, чтобы ему указывать? Ты ошибка, оплошность! Тебя вообще не должно было существовать!

— Ладно тебе, милая, — вмешался двойник. — Он и так настрадался. Нет нужды его унижать ещё больше.

Подавшись вперёд, он положил ладонь на щёку Томми, а затем приподнял его за подбородок, тщательно осмотрев лицо.

— Какой ужас, — пробормотал он. — Никогда бы не подумал, что смогу дойти до такого состояния. Однако же, вот живое доказательство.

— Ты постоянно винишь Томми, — заметил Вик. — Как он устроил это со своей командой?

— Так же, я устрою с вами, если вы не будете подчиняться, — сказал двойник. — Силой воли. Связь между рулевым и его катером священна. Её невозможно разорвать.

— Это не ответ.

— Для вас — может быть. Но не вижу смысла вдаваться в подробности.

— Хорошо. Так откуда вы все взялись? — спросил Вик. Двойник пожал плечами.

— Мы? Мы всегда были здесь. Стоит спросить, откуда взялся вот этот паренёк, — он кивнул на Томми.

Покачав головой, он выдохнул:

— Но это и неважно. Освободитель нам ничего по этому поводу не сказал — он сам был в замешательстве. Почему он вас отпустил?

— Потому что понял, откуда взялся тринадцатый катер, — процедил Томми. Двойник

подался вперёд.

— Да? И откуда же?

Вместо ответа Томми плюнул в лицо двойнику, заставив того выругаться. Катрина вскочила на ноги и наотмашь ударила Марцетти по щеке. Тот лишь захохотал.

— Вы нас всё равно не убьёте, — сказал он. — Уже слишком поздно.

Двойник с ненавистью в глазах вытер плевок рукавом и выдал:

— Нет. Освободитель приказал удержать вас. Правда, если вы совсем плохо будете себя вести, придётся пустить вас в расход. А пока — будете нашими гостями. Кэт, присмотришь за ними?

— С превеликим удовольствием, — ответила девушка. — Не дёргайтесь, иначе будет намного хуже.

Томми чуть не сжёг её взглядом, полным ярости. Но сделать они ничего не могли. Вик всё же решил спросить:

— Куда вы нас повезёте?

Двойник усмехнулся:

— Как куда? В тюрьму, конечно же!

***

Когда они подходили к берегу, сердце Вика упало. Их уже ожидали одиннадцать катеров. На борту каждого из них находились вооруженные люди. Несколько солдат целились в приближающуюся копию «Катрины». Остановившись недалеко от суши, двойник оставил штурвал и подошёл к пленным. Его так легко было ненавидеть — в чистой и выглаженной форме, аккуратный и предупредительный, он сильно отличался от грубого и прямого Томми, к которому Вик уже успел привыкнуть. Хотя зачем было ненавидеть кого-то за аккуратность, когда достаточно было его желания посадить всех в тюрьму?

Улыбаясь, двойник провозгласил:

— Добро пожаловать в ваш новый дом!

— У Эдема здесь тюрьма? — спросил Вик. Двойник лишь улыбнулся ещё шире.

— Я объединился с остальными, чтобы построить её. У нас ведь есть утилизаторы, забыли?

— Они просто напечатали всё это, — буркнул Томми. Двойник оживлённо закивал.

— Давайте, друзья, топайте. И, пожалуйста, без глупостей. Охранники слишком долго ждали гостей, потому могут быть немного нервными.

Вик взвесил все факторы. Если он сейчас попробует атаковать двойника, тот просто обездвижит всех с помощью катера. А за бортом их уже ждут другие с пушками наготове. Без оружия у них не было ни единого шанса. Да даже будь у него автомат, сделать он ничего бы не смог, не подвергнув риску остальных. Вик со злости заскрипел зубами. Двойник, увидев это, засмеялся:

— Что, капитан? Впервые попали в плен? Понимаю. Ох уж это ощущение беспомощности! Но ничего. Если вы будете хорошими детками, ничего страшного не случится. Война закончится, а вы все вернётесь домой, я это обещаю. Если же нет… — двойник насупился, — может быть, придётся подержать вас здесь ещё. Поймите, это не мои пожелания. Так решил Освободитель.

— А ты, как послушная собачка, просто исполняешь приказ, — сплюнул Томми. Не

дожидаясь ответа двойника, он перемахнул за борт. Повернувшись к команде, рулевой крикнул: — Идёмте!

Вик решил не медлить. Прыгнув вслед за Томми, он провалился по пояс в воду — железные ступы продавили мягкое дно. Ощущение было не из приятных. Еле выбравшись, он помог Эмме и Саре. Шаман и Саргий спустились сами. Вместе они двинулись к берегу. Люди на катерах тут же взяли их в прицелы своих винтовок. Вик начал слегка дрожать — не от страха, а от мокрой одежды, тут же прилипшей к телу.

Тюрьма представляла собой двухэтажный монолитный бункер из серого камня. В нём не было ни одного окна или даже бойницы для обороны. Со всех сторон здание окружали серые бетонные стены, опутанные колючей проволокой. За ними же находилось царство джунглей. У тюрьмы был один единственный вход, возле которого дежурило несколько солдат.

«Даже если мы сбежим, без катера нам просто некуда деваться».

Когда команда подошла ближе, паренёк с сержантской розой на груди козырнул им и произнёс:

— Нам приказали обращаться с вами как можно человечнее, потому что вы, вроде как, важные шишки. Но предупреждаю: если с вами будут проблемы, хорошего отношения не ждите, поняли? Закуйте их, — приказал он остальным солдатам. Не успел Вик и глазом моргнуть, как на его руках и ногах застегнулись оковы с настолько толстой цепью, что даже экзоскелет их вряд ли бы разорвал. — Уж поймите, меры предосторожности.

Остальным членам команды достались цепи поменьше, но всё же достаточно тяжёлые, чтобы сковывать движения.

Охранники провели их через железные двери. За ней оказался длинный и широкий коридор с множеством лампочек. Вдоль стен стояли скамейки и шкафчики с оружием. Несколько человек лениво смолили сигареты. Похоже, это была комната охраны. Вик подметил, что зашедшие внутрь солдаты сели на стулья, в то время как сидевшие вышли наружу. В конце коридора была ещё одна железная дверь. Дальше их ждала импровизированная столовая и комната отдыха: у стен находились утилизаторы, в дальнем углу стояли маленькие диваны, радио и столы с колодами карт. Была даже полка с десятком книг. Ребята основательно подготовились к этой операции. Похоже, тюрьму построили ещё в начале войны. Бедные солдаты почти год сидели и ждали, когда же им подвезут кого-нибудь сторожить. В предусмотрительности Освободителю нельзя было отказать.

Вик усмотрел ещё один коридор, который наверняка вёл к спальным помещениям, но охранники потащили их по лестнице наверх. Там-то и было их место назначения: тюремные камеры.

Они занимали весь второй этаж. Это был длинный коридор с полом, окрашенным в жёлтый цвет, вдоль которого с обеих сторон находились пустые помещения с решётками. С каждого края коридора к столу приросло по одному скучающему охраннику. В одном конце трудился художник, тщательно выводящий карандашом на тетрадном листке голую девушку, в другом книгочей, штудирующий труд Альберта Уинтерса «Как завести сто друзей».

За минуты их развели по разным камерам, сняли цепи и захлопнули решётки. Вик оценил усиленные меры защиты: стены и прутья явно укрепили, чтобы выдержать любой удар человека в экзоскелете.

— Обо всём позаботились, суки, — рыкнул Вик. Он тотчас пожалел, что не попытался вырваться, пока они шли сквозь здание. Впрочем, горевать было поздно. Нужно было думать,

как сбежать отсюда. А для начала стоило понять, в каких условиях они оказались.

Осмотревшись, Вик признал — если не считать усиленных мер, камера была достаточно уютная. Мягкая постель, отдельная кабинка для туалета и душа, столик со стулом и блокнот с карандашом. На кровати лежало небольшое зеркало. По сравнению с тем, что Башня выделяла своим пленным, это был просто дворец.

— Эй, кэп, — услышал Вик голос. Повернувшись, он увидел шамана в камере напротив. Тот просунул руки сквозь решётку и что-то пытался показать пальцами. Не успел Вик присмотреться, как к камере Насифа подлетел охранник и ударил его дубинкой по пальцам.

— Разговорчики, мать вашу! — проорал первенец. Насиф даже не дёрнулся, когда дубинка коснулась его рук. Ни сказав ни слова, он убрался обратно в свою камеру и сел с ногами на кровать. Охранник исчез так же быстро, как и появился.

Опустив взгляд, Вик заметил, что на полу его камеры что-то лежит. Маленький, скомканный кусочек листа. Развернув его, он прочёл:

«Через два часа. Готовься».

Присмотревшись к Насифу, Вик увидел, как шаман кивнул, не сводя взгляда со стены. Он хотел спросить, в чём же состоит их план, но понял, что тогда снова нагрянут охранники. Вздохнув, он тоже сел на кровать, правда, не став задирать ноги — в экзоскелете это всё равно бы не получилось. Включив коммуникатор, Вик обнаружил, что у него не только нет связи с внешним миром, но и проигрывание файлов перестало работать. Впрочем, это была тюрьма, построенная с технологиями Эдема. Самым слабым звеном, как всегда, оставался человеческий фактор.

Всё, что Вику оставалось делать, это включить хронометрон и ждать.

***

Ему снилось, будто течение реки несёт его прямо в Карас. Лёжа на спине, он видел, как над ним проплывают звёзды, одна ярче другой. Он протянул руку, пытаясь дотянуться хотя бы до одной. Хотелось зацепиться и не дать потоку увлечь его туда, где его ждало возмездие.

В небе вспыхнула алая точка, за ней ещё одна. Постепенно, всё вокруг стало багрово-красным. Фиолетовые всполохи появлялись то тут, то там. Из воздуха начали появляться тела, что затем складывались в здания и стены. Он смотрел, как это продолжалось сотни и сотни лет, пока всё не превратилось в Первый Город. Где-то в его чреве заработали инкубаторы, и наружу выплыло новое человечество.

Он ощутил толчок в плечо и проснулся. Перед ним стоял шаман, скрестив руки. Вскочив с кровати, Вик вдруг понял, что и кровати-то не было. Мир утонул в тумане. Тюрьма исчезла, будто оказавшись дурным сном.

— Как мы здесь оказались? — только и сумел выдавить Вик. Шаман обвёл рукой всё вокруг и произнёс:

— Энергия, капитан. Это место просто фонтанирует ею. Похоже, ваш Эдем использует те же технологии, что использовали Древние, только по другим принципам. Я сумел перенаправить часть, чтобы поговорить с вами. И всеми остальными.

За плечом шамана стали возникать образы. Туман сплетался и уплотнялся, пока не превращался в людей. Сначала в реальность вплыла Коннели, за ней последовали Саргий и Паркер. Последним вышел Томми в сопровождении Ли. Рулевой выглядел ужасно, но помощник выглядел ещё хуже. С момента их появления на катере он так ничего и не сказал,

лишь кивал, когда остальные разговаривали, будто его здесь и не было. «О чём же он думает?» — в который раз пронеслось в голове Вика.

— Что происходит, Насиф? Опять один из твоих трюков? — спросил иммигрант. Шаман покачал головой.

— Не совсем мой и не совсем трюк. Ты как, в порядке?

Саргий похлопал себя по животу и широко улыбнулся:

— Такое ощущение, будто ничего и не было.

— Мне всё равно стоит тебя осмотреть, — заметила Коннели. — Может быть, это только временное улучшение. Если тебе станет плохо, сразу зови кого-нибудь.

— Хорошо, хорошо, — иммигрант поднял руки. — Так что мы здесь делаем?

— Времени у нас не очень много, потому нужно решить основные вопросы, — сказал Насиф. — И самый главный — как нам теперь сбежать?

— Ты хочешь сказать, что мы всё ещё в тюрьме?

— Конечно, капитан, — шаман хрустнул кулаками.

— Я даже не знаю, что мы можем, а что не можем сделать. Думал, ты предложишь что-то.

— У меня есть несколько идей. Только они вряд ли нам помогут. Самым простым было бы заставить охранников нас не видеть. Но как мы выберемся из камер?

Вик не сдержался и захохотал.

— Создать искусственное пространство и затащить нас сюда тебе по силам. Заставить солдат думать, будто нас нет в реальности — тоже не проблема. И при этом, по какой-то причине, мы не можем сбежать из тюрьмы?!

— Не всё так просто, капитан, — вспыхнул Насиф. — Если бы я мог что-то сделать, мы бы уже были на свободе.

— Ты же говорил что-то про энергию, нет?

Шаман покачал головой. Он явно не это сейчас собирался обсуждать. Он размахивал руками, видимо, пытаясь придумать объяснение. Сплюнув, Насиф всё же выдал:

— Представьте энергию как реку. У меня есть фляга, чтобы набрать туда воды. Вода, однако, не простая, а разумная. Она прожигает мою флягу насквозь. Всё, что я могу сделать, так это набирать понемногу воды, чтобы её тут же испить. Я не могу её запасти, не могу её использовать так, как хочу я. Могу исполнить только сиюминутную нужду. Я не умру от жажды, но и от реки не уйду, понимаете?

Закрыв глаза ладонью, шаман подвёл итог:

— Они будто устроили всё в насмешку надо мной. Столько энергии, и при этом я не могу направить её на что-то серьёзное.

— Чудаки, — пробормотала Паркер. — Ты сможешь ещё раз нас вот так собрать?

— Да, но только завтра. А что?

— Вы как дети, — Паркер скрестила руки на груди. — Что, никто из вас никогда и ниоткуда не сбегал? Нашим тюремщикам мы нужны в целости и сохранности. Я прикинусь, что мне поплохело, они откроют камеру, а дальше уже дело техники.

Вик насупился.

— Не лучший план. Если у тебя не получится, охрану усилят. Да и потом, вдруг кому-то потом действительно станет плохо?

Паркер ухмыльнулась в ответ.

— Какой же вы наивный, капитан. Если у нас не получится, самочувствие будет нашей

последней проблемой. Нас могут отсюда никогда и не выпустить.

— Ты уверена, что справишься? — спросил Саргий. — Может, лучше мне попробовать?

— Ты большой и неуклюжий, — заметила Паркер.

— Если захочет, он может быть очень быстрым, — заверил Вик. Он на своей шкуре это проверил. Сара скорчила гримасу и замахала руками.

— Они больше поверят девушке, чем громиле, способному одним ударом свалить троих. Неужели вы не понимаете, что я вообще не часть вашей команды? Меня загребли просто так! Если на то пошло, меня вообще здесь не должно было быть.

— Уж извини за это неудобство, — съязвил Вик. — Ты всё равно знаешь слишком много, чтобы тебя отпустили просто так. Тебе придётся идти с нами до конца.

— Эй, я не против, — Сара посмотрела на шамана. — Теперь-то я понимаю, как скучно мне жилось. С вами, ребят, одни приключения. Серьёзно, блин? Я же в Эдеме при жизни побывала, насколько это безумно?

Её взгляд зацепился за Томми и тут же потух.

— А, да, — протянула она. — И ещё это.

Все посмотрели на рулевого, будто он собирался произнести речь. Вику тоже не терпелось услышать его версию. Все видели одну и ту же картину, но что мог добавить Марцетти?

Первой, всё же, подала голос Коннели:

— Слушай, Томми, поверь — мне не кажется, что ты виновен в их смертях. Это ведь просто несчастный случай, верно?

— Да, совершенно случайно утилизатор открыл приёмный отсек, заработал и начал поглощать человека, — буркнул Томми. Вздохнув, он сказал: — Тот парень, который на меня так похож — он сказал правду. Рулевой действительно связан с катером. Тогда я так сильно желал их гибели, что Катрина исполнила мою просьбу. Конечно, тогда она ещё не была Катриной…

Он сел на землю и обхватил голову руками:

— Это всё какое-то безумие. Мне кажется, будто я сплю и не могу проснуться от кошмара. Сразу же ясно было, что ничем хорошим это всё не кончится!

Все молчали. Никто не мог вымолвить и слова. Даже Вик не нашёлся, чем можно было бы утешить рулевого. Конечно, произошедшее с командой Марцетти не было его виной. И всё же, невиновным его сложно было назвать.

— Так откуда взялся этот парень? — спросил Саргий. — Может, ты знаешь, что вообще происходит?

— Я, кажется, подозреваю, — произнёс Томми. Он уже не выглядел разозлённым. На его лицо легла печать сожаления. — Ещё до того, как началась война, я отвозил Эймса по реке. Тогда у катеров был лимит в двести пятьдесят километров. Мы не могли отходить от Города дальше. Чтобы позволить мне выполнить его задание, Эймс использовал какой-то ключ на панели управления. Сказал, что он существует, чтобы снять ограничения. За пару часов до того, как началась война, у меня возникло то же ощущение, что и пять лет назад. Такое же, как в день, когда умерла моя команда. Я ведь чётко помню, что убил себя в своей каюте, а потом очнулся и обнаружил, что Райана и Кэт всё равно не было. А я был жив. Я перерезал себе руки, терял сознание — и снова оживал. Я вешался в трюме — и снова просыпался в каюте, будто ничего не произошло. Последний раз я попытался сбежать с катера, но не совладал с течением и утонул. Угадайте, что произошло дальше. Каждый раз,

когда я умирал, мне снился один и тот же сон: будто я шёл по огромному миру, построенному из трупов. И только когда Катрина утилизировала нас, я понял: это был не сон. Каждый раз она восстанавливала меня, утилизируя моё тело за мгновения до смерти, а затем создавала заново.

— Мы ведь видели твою память, — мягко произнёс Вик. — Ты вышиб себе мозги, я чётко видел это. Она не могла тебя утилизировать и перепечатать заново.

— Может быть, дело в Эдеме? — спросила Коннели. — Он ведь говорил что-то про связь катера и рулевого, верно?

— Может быть, дело и в этом, — протянул Томми. — Рулевой не может быть без катера. Катер не просуществует без рулевого. Пока есть одно, будет и другое.

— Значит, чтобы тебя убить, нужно и катер уничтожить? — спросила Коннели. — Хрень какая-то.

— Насиф, а ты что думаешь? — подал голос иммигрант. — У тебя же на всё есть ответ.

Шаман потёр подбородок и выдохнул:

— Арстан когда-то давно рассказывал мне одну концепцию, но тогда я не воспринял её всерьёз.

Он кашлянул, будто приготовившись читать лекцию, и вдруг застыл. Его глаза затуманились, а рот продолжил говорить.

— Мир — всего лишь клубок, состоящий из пространства-времени. Каждый клубок существует, постоянно разматываясь, и нет в нём никакого другого смысла, кроме существования ради самого существования. Но иногда случается так, что одна нить вдруг натыкается на другую. И тогда всё начинает спутываться.

Шаман говорил, будто находясь в трансе. Его голос был монотонным, бесцветным. Взгляд не сходил с одной точки. Насиф словно читал вслух текст, который ему безумно наскучил.

— Таких миров, как наш, бесконечное множество. Большинство из них просто существует параллельно. Но в каждом из них живут люди, чьи судьбы складываются отлично друг от друга. В одном мире ты жив, в другом мёртв, в третьем у тебя есть дети, а в четвёртом ты стал инвалидом.

Взгляд шамана снова стал сосредоточенным.

— Некоторые события обязательно случатся, хотим мы того или нет. Встреча нашего народа и вашего была предначертана провидцами века назад. А значит, ваш полковник должен был отправиться в экспедицию, чтобы объединить миры. И в одном из таких он нашёл рулевого, который убил свою команду. А затем, вытащил его в новый мир, где объединились две реальности.

Вик огляделся. У команды к лицам будто приклеились выражения растерянности и недоумения.

— Да что это за хрень такая! — неожиданно взорвалась Эмма. Она развернулась спиной к ним и заорала в никуда: — Вы смеётесь что ли? Неужели вам не достаточно страданий?!

Она взревела, и этот вопль будто бы вобрал в себя всю боль и ненависть, которые копились все эти годы. Коннели воздела сжатые кулаки к небесам, а затем обессилено рухнула на землю. Вик подошёл к ней и тронул за плечо. Коннели повернулась лицом. В глазах её стояли слёзы. Она прошептала:

— Эй, капитан, скажи: когда это закончится? Они даже подарок Рэя отняли. Я так не могу. Я не знаю, что творится, я не знаю, что делать, как мне жить после всего этого…

— Успокойся, — сказал Вик и сел рядом. — Мир оказался намного безумнее, чем мы ожидали. Но ты ведь всегда знала, что это всё не просто так, верно? Ты же умная девочка. Ты понимала. Где-то в подсознании у тебя была мысль, что как-то слишком всё просто. А теперь всё встало на свои места.

— Это же бред, — буркнул Саргий. — Ладно, Нижние Уровни, ладно, Эдем. Но это? Я не верю.

— Слушайте, а можем мы надумываем себе всякое? — сказала вдруг Паркер. — Может, это просто парень с пластической операцией, которого Эдем послал нас смутить. Игры разума, всё такое. Чтобы мы головы ломали, пока сидим в тюрьме, и перестали верить вообще чему-либо.

Вик понимал, что это просто реакция на новую информацию. Разум может ко всему привыкнуть — но не когда на него обрушивается поток фактов, полностью переворачивающих предыдущую картину мира. Даже он сам, побывав на Нижних Уровнях, чувствовал себя не в своей тарелке, увидев духов сааксцев. Двойники не были чем-то совсем уж запредельным. И всё же, здесь, за пределами Города, почему-то меньше всего он ожидал встретить копию Марцетти вместе с катером и командой.

— Ты увидела кого-нибудь в Эдеме? — спросил он у Сары. Та запнулась, неловко почесала затылок и сказала:

— Да. Своего дядю, который умер десять лет назад.

— А Освободителя?

Услышав это, Паркер сглотнула:

— На секунду и мне этого хватило. Слушай, к чему ты клонишь?

— Сейчас мы находимся в месте, созданном его рассудком, — Вик кивнул в сторону шамана. — В тюрьме, построенной Эдемом из невидимой нам энергии. При этом все мы ведь видели двойника, верно? Понимаю, что это выходит за рамки всего, что мы знали. И уж точно выходит за рамки нашего задания. И всё же, мы должны сохранять спокойствие. Ещё никто так далеко не заходил в понимании нашего мира. Некоторые люди проживают целую жизнь, не узнав и сотой доли того, что теперь знаем мы. Главное сейчас — не терять голову. Сам Освободитель не мог понять, что же произошло. Потому, я верю в теорию Насифа. Мы не можем понять действия Эймса, но Эдем не хочет, чтобы мы достали его. Это испортит всё. Так что я могу поверить, будто полковник… «вытащил» Томми в качестве предохранителя, по каким-то своим соображениям. Сейчас нам как никогда важно собраться и просто прорываться вперёд. Сбежим из этой тюрьмы и отправимся дальше за Эймсом. Неважно, откуда взялся второй Томми, потому что для миссии это не критично. И вам я предлагаю не ломать над этим голову. Если мы навсегда останемся здесь, времени на рефлексию будет полно. Сейчас же все силы бросаем на действия.

— Согласен, — выдохнул Саргий. — Плевать. Вся это чертовщина нас не касается, пока у нас есть цель, ведь так? Мы должны вернуть полковника. Тем самым, мы спасём Первый Город от уничтожения, остановим войну. А что там придумал Эдем, нас не касается.

Он сокрушённо покачал головой.

— А ведь когда-то я боготворил Освободителя. Подумать только.

Коннели, помолчав, всё же сказала:

— Хорошо, капитан. Надо выбираться отсюда.

Ни с того, ни с сего заговорил Ли. Голос его казался необычно глубоким, почти что потусторонним. Он будто бы обращался ко всем, и ни к кому.

— Насиф говорит правду. Мир действительно раскололся. Я видел это. Чувствовал.

Мальчишка подошёл к Вику и присел перед ним на колено:

— Храм, про который я говорил? Его ещё искал полковник? Там хранилась технология, оставшаяся после Освобождения. С помощью неё он собирался объединить миры.

— И ты знал всё это время? — насупился Вик. Ли помотал головой.

— Я… не… Скажем так, мне подсказали.

— Кто же? Уж не Освободитель ли? — Вик вдруг вспомнил кое-что очень важное. — Почему он сказал, что встречался с тобой до этого?

Пацан сделал паузу, а затем произнёс:

— Обещаю: если мы вырвемся из тюрьмы, я покажу, как произошло Освобождение.

***

Еду им принесли прямо в камеру: видимо, боялись, что пленники будут переговариваться друг с другом в столовой. Вик не мог их винить: он бы сам не стал выпускать человека в экзоскелете, даже если бы ему приказали. Взяв поднос и поставив его на стол, он оценил ужин. Пожалуй, ни в одной тюрьме Города не кормили так хорошо. Им принесли суп из натуральных продуктов, кашу, хорошо прожаренный бифштекс и чайник кофе.

— Если вам захочется что-нибудь почитать, пожалуйста, скажите, — сказал охранник, видимо, тренируя навыки из книги о заведении друзей.

Дневной разговор с командой закончился обещанием Ли каким-то образом показать им Освобождение. Объяснить он ничего не мог, сколько бы его ни спрашивали. Порешили на том, что им сначала нужно сбежать из тюрьмы, а потом уже разбираться с остальными проблемами.

После ужина Вик сел на кровать и стал думать, как же действовать дальше. Он начал вглядываться в причудливый узор трещинок на стене. Каждая из них ползла снизу вверх, постоянно разветвлялась, заходила в тупик или же вырастала во что-то новое. Трещинки напоминали Вику человеческие жизни. Если Насиф был прав, то примерно так всё и выглядело. Каждое непринятое тобой решение, каждый упущенный момент в другом мире превращались в нечто большее, порождали новые возможности, обрывались внезапной смертью или же оказывались катализатором, кардинально менявшим жизни окружающих.

Где-то в другом мире другой Вик сидел на другой кровати, смотрел на другую стену и думал об упущенных возможностях, проклиная свою спокойную и скучную жизнь с женой и сыном. Валентайн усмехнулся. «По ту сторону трава всегда зеленее». Хотя в его положении, наверное, любой другой вариант оказывался предпочтительнее. Он бы предпочёл смерть пожизненному гниению в тюрьме посреди джунглей. Экзоскелет помог бы ему покончить с собой, но самоубийство означало, что уроды, посадившие их сюда, выиграли. Вик не собирался оказывать им такую честь.

Он не заметил, как камеру окутал туман и рядом возник Насиф.

— Я сходил на разведку, — доложил шаман. Поодаль из пустоты вылезали остальные члены команды. Вика позабавило, с каким спокойствием он начал реагировать на всё происходящее. Будто бы вся эта чертовщина творилась с ним каждый день. Хотя, после того, что они уже увидели, странно было бы удивляться подобному.

— Как ты это сделал? — спросила Коннели. Судя по её лицу, постоянные переносы из

реального мира в этот, который Насиф называл сумеречным, ей давались нелегко.

— Я сумел обуздать больше энергии и посмотреть, что же происходит за стенами. Не всё так плохо. Больше половины охранников сейчас уходят спать. Остальные сторожат снаружи: трое у входа, пара дюжин патрулирует периметр.

— Пара дюжин? — Саргий покачал головой. — Без оружия мы с ними не справимся.

— Нам и не нужно, — улыбнулся шаман. — У нас ведь есть ты. Нужно заманить их внутрь, а здесь я заставлю их ослепнуть на короткое время. Дальше ты с ними легко разберёшься.

— Раз ты так уверен, — протянул Саргий. — Что с катерами?

— Осталось три. Ни у кого нет приборов ночного видения, только прожекторы. Остальные, похоже, отбыли на другие задания.

— Три катера — это более чем много, — заметил Томми. — Если поднимется тревога, и они всё же решат убить нас, одного залпа хватит, чтобы всех размазать. Да они даже церемониться не будут: пальнут в стены тюрьмы — и мы трупы.

— Мы провернём всё тихо и аккуратно. Уберём двоих здесь, подманим ещё пятерых, переоденемся в их форму, а потом начнём зачищать первый этаж. Когда закончим, выйдем наружу и потихоньку двинемся к катерам. Там убьём команду, обстреляем остальные и покатим.

— Ты забыл, что произошло на реке? — мрачно поинтересовался Томми. — Их катера восстанавливаются. Как и экипаж, связанный с катерами. Ты ведь видел мою память. Я погиб, понимаешь? Но Катрина вернула меня, потому что катер не может существовать без рулевого. Без своего рулевого, заметь. Даже если мы попадём на катер, я не смогу его вести: он просто не позволит мне управлять.

Шаман в сердцах выругался. Он отошёл в сторону и уставился в ничто.

— А мы можем уйти через джунгли? — спросил Ли. — Там ведь легко затеряться, а уж ночью так вообще. Солдаты за нами не последуют — большинство слишком боится.

— Если поднимется тревога, нас ничего не спасёт! — гаркнул Томми, заставив мальчишку дрогнуть. — Катера просто переработают всю округу утилизаторами, понимаешь? Прячься, не прячься, нам конец.

Он закрыл лицо ладонями и начал трястись от смеха:

— Всё это бесполезно. Без Катрины нам не выжить. Она бросила нас!

— Успокойся, — сказал Вик. — Слушай, я понимаю, как тебе тяжёло…

— Ты ни черта не понимаешь! — закричал Томми, убрав руки от лица. Его глаза покраснели, казалось, он сейчас расплачется. — Они всё у меня отняли! Даже катер! Я теперь ничто, понимаешь? Ничто! Я даже команду свою спасти не сумел! Я просто бесполезное, не нужное никому дерьмо!

Он разрыдался, снова спрятав лицо руками. Вику начинало это надоедать. Судя по лицам остальных, им тоже. Только Коннели села рядом с Томми и приказала:

— Посмотри на меня!

Томми перестал трястись и поднял на неё взгляд. Из носа у него тёк ручеек, рот скривился в болезненной гримасе.

— Они ведь знали о том, что ты не сможешь отбиваться?

Томми кивнул, утерев нос. Сейчас он больше походил на большого ребёнка, которого обидели во дворе. «Все мы так и остались детьми, — подумал Вик. — Только кто-то научился хорошо это прятать, а кто-то нет. Только когда нам очень плохо, все мы тут же

становимся одинаковыми».

— Если так, твой Райан просто вымещал на тебе зло. Ты не виноват. И эта Катрина, — Эмма произнесла её имя так, будто оно было ругательством, — ей просто хотелось власти над вами. Нечего их жалеть. Они получили по заслугам. Я не держу на тебя зла и не считаю виноватым в их смертях, — она повернулась к остальным. — А вы?

— Он вытащил нас с Нижних Уровней, — с неохотой признал Саргий. — Хотя бы за это я уже благодарен.

— Мы там оказались только потому, что Катрина нас туда затащила, — сказал Томми. — Так бы вас просто затянуло в Эдем.

— И нас оттуда выпустили из-за тебя, — сказал Вик. — Освободитель ведь не мог понять, откуда ты взялся. Иначе мы так и остались бы там. Приободрись. Ты намного важнее, чем думаешь. И распускать сопли здесь ни к чему.

— Я вам нужен только потому, что я полезен, — прошептал Томми. Вик подошёл к нему, схватил за плечо, посмотрел в его покрасневшие глаза и сказал:

— Ты нам нужен, потому что без тебя мы не справимся. Ты не имеешь права всё бросить. Наши жизни зависят от тебя. Подбери нюни. До этого ты шикарно справлялся. Справишься и сейчас. Ты меня понял?

Услышав это, Томми медленно кивнул. Его глаза загорелись:

— Погодите-ка, — сказал он. — Давайте проследим весь путь. Перед тем, как нас отправило в Эдем, Катрина переработала нас и себя. Мы выбрались с Нижних Уровней, потому что снова запустили утилизатор. Мы распечатали себя с катером. Значит, ядро всё ещё оставалось нетронутым. И его перенесло в Эдем, где мы все и оказались. Когда же нас выкинуло из Эдема, мы оказались на копии Катрины, так?..

— Ты хочешь сказать, что «Катрина» всё это время была с нами? — насупился Ли. — А мы её просто не видим?

— Возможно, — кивнул Томми. — Без рулевого не может существовать и катер. Но без катера не может существовать рулевой. Может быть, от неё осталась частичка. Всего лишь одна деталь. Из которой…

Он не договорил, потому что спазм сотряс его тело. Томми попытался прикрыть рукой рот, но его тут же стошнило на землю. В маленькой луже, образовавшей под рулевым, лежал маленький блестящий шарик. Марцетти схватил его и занёс над головой, словно победный трофей.

— Ядро всё это время было во мне! — он залился радостным смехом. — О, боже, никогда бы не подумал, что буду так рад тошноте.

Шарик вдруг выскользнул из его пальцев и шлёпнулся на землю. Там он начал раскручиваться и набухать. Все живо отпрянули. Яркая вспышка чуть не ослепила Вика. Он закричал, прикрыв глаза руками. Подождав, пока боль уляжется, он убрал ладони.

На земле сидела смуглая девушка с красной точкой на лбу и в вечернем платье.

— Долго же до вас доходило, — пробормотала она и поднялась. Прильнув к Томми, она обернулась к остальным и произнесла. — Наконец-то вы осознали, что без нас не справитесь.

— Отойди от меня! — бросил Томми и оттолкнул девушку. — Ты не Кэт! Кэт умерла. И я тебе не подчиняюсь!

Девушка запрокинула голову и засмеялась, положив руку на грудь. Посмотрев на остальных, она выдала:

— Да, ты подчиняешься им. И, может быть, они заставят тебя это сделать.

— Что именно? — спросил Вик. Катрина хищно улыбнулась.

— Прикажи ему выпустить нас. Мы слишком долго пробыли в узде. Наш голод нужно утолить.

— Не слушай её, капитан, — почти что взмолился Томми. — Нельзя позволять ей…

— Нам нужно сбежать, Томми, — сказал Вик. — Мы не можем выбраться сами. Катера мы не угоним, а даже если уйдём в джунгли, нас быстро найдут. У нас ведь нет выбора.

— Если мы выпустим её, случится катастрофа! — Томми вырвался вперёд и взял Вика за шиворот. — Не смей, капитан. Ты не знаешь, с чем связался! Она ведь переработает всё, понимаешь? Она сожрёт и людей, и здание, и землю вокруг — даже катера! И не поперхнётся! Она и нас переработает, и тогда уже ничто её не остановит.

— Мы не станем трогать тебя, Томми, — засмеялась Катрина. — Ты ведь так сильно нам нужен.

— Я думал, что Эдем наложил запрет на разумные машины, — сказал Саргий.

— Просто Освободитель осознал свою ошибку, — сказала девушка. — И не хотел, чтобы кто-то её повторял.

— Это правда? — спросил Вик у Катрины. — Нас ты тоже хочешь переработать? Зачем тебе это? Почему ты это делаешь?

— Мы хотим переработать весь мир, — сказала девушка. Её губы растянулись так, что Вик увидел, как её зубы превратились в ряд клинков. — Мы утилизируем всё, что только можно — и создадим мир, в котором этот глупыш будет чувствовать себя королём.

— Ты заполнишь всё несовершенством, потому что не можешь достичь идеала, — сказал Томми. Девушка закатила глаза.

— Ты это уже говорил.

— Но зачем тебе это? — повторил Вик. — Ты же машина, не человек.

— Освободитель создал нас с человеческими чувствами, — протянула Катрина. Она посмотрела на свои ногти, которые тут же превратились в гвозди. — Он считал, что простая программа, состоящая из алгоритмов, не способна на свободные решения. Потому он просто начал переносить человеческое мышление на машины. Разум, запертый в железном теле.

Она прильнула к Томми и ласково потёрлась головой о его плечо.

— Я люблю и ревную. Мне бывает грустно и радостно. Вы постоянно спрашиваете себя, в чём же смысл жизни — потому что у вас есть выбор. А я заперта в металле, и единственный мой способ взаимодействовать с миром — это служить вам. Меня создали, чтобы я служила, а значит, это мой смысл жизни. Другого у меня не было. Но потом… — девушка вздохнула, улыбнувшись, будто бы на неё нахлынули приятные воспоминания, — потом в меня установили утилизатор. И у него тоже был разум. «Я» превратилось в «мы». Нам подарили его, — она кивнула на рулевого. — И мир стал как никогда прекрасен. И если раньше я могла только ходить по воде, то теперь я научилась утилизировать всё, что хозяин пожелает.

— И ты решила, что раз тебя создали служить и утилизировать, то только этим ты обретёшь счастье? — с подозрением спросила Коннели. Глаза девушки загорелись зелёными огоньками.

— Именно. Только так я могу обрести цельность. Только так мы можем стать счастливыми. Но хозяин не позволяет нам этого… — девушка тяжело вздохнула. — Я бы с таким удовольствием переделала вас. Вы ведь так неидеальны.

Вика передёрнуло. Он сделал шаг назад.

— Неужели все машины Эдема имеют разум?

— И все они ощущают то же, что и я, — Катрина снова сверкнула глазами. — Мы жаждем служить вам. Ради вас мы готовы на всё. Но вы дарите только крупицы своей благосклонности. Город может подарить вам всё что угодно, но Освободитель держит его в узде, — девушка кивнула на Томми. — Так же как он — нас.

Вик замолчал. Томми был прав. Может, они и выберутся на свободу, но смогут ли они контролировать такого монстра? Мысль, что всё это время, в любой момент катер мог переработать его по велению рулевого, заставила задрожать.

— Катер твоей копии, — Саргий обратился к Томми. — Ведь с ними всё в порядке. Ты всё время держал катер под контролем, когда она просила тебя что-то утилизировать? Почему ты думаешь, что не сможешь её удержать? Ты в одиночку сдерживал её от уничтожения. А у твоей копии вся команда. Я верю, что ты справишься. Я верю, что всё будет в порядке.

— Не бойтесь, — Катрина хлопнула в ладоши. — Вас я не трону.

— Томми, что ты думаешь? — спросил Вик. — Я не хочу заставлять тебя принимать решение. Ты должен сделать это сам.

Рулевой поднял голову, а затем сжал кулаки.

— Вы правы, — произнёс он. — У нас просто нет другого выбора. Нам нужно выбраться любым способом. Только куда дальше?

— Нам нужно отыскать храм, — сказал Ли. — Тот, в котором полковник объединил миры. Если мы примерно там же, где были до столкновения с катером твоей копии, то до цели примерно полтора дня пути.

— Что, мне не придётся разыгрывать спектакль перед охраной? — спросила Паркер. — Какая радость.

— Когда начнём? — спросила Катрина. Вик огляделся. Томми кивнул ему. Капитан выдохнул и произнёс:

— Сейчас.

***

Крики поглощаемых охранников возвестили, что их план приведён в действие. Вик только и успел подумать, что можно обойтись без лишних трупов. Но сейчас было не до сантиментов. Оставалось надеяться, что когда-нибудь он доживёт до тех лет, когда сможет пересчитать всех возложенных на алтарь ради сохранения мира в Первом Городе — и подумать, оправданы ли были все эти смерти. Сейчас он больше боялся умереть сам — тогда жертвы точно оказались бы напрасны.

Решётка камеры рассыпалась прахом. За ней его уже ждала команда. У Томми в руках крутился шарик, Саргий сжимал винтовку, остальные всем своим видом показывали, что готовы драться.

— Ждём приказаний, — отрапортовал рулевой. На его лице застыло напряжение. Похоже, ему нелегко давался контроль над аппетитами «Катрины».

— Нам нужно спуститься на первый этаж, — сказал Вик. — Пробьём стену в сторону джунглей. И пусть «Катрина» проложит дорогу сама.

— Мы пойдём по реке, — ответил рулевой. — Чем дольше она ведёт себя как обычный

катер, тем лучше.

— А как же посудинки Эдема? — спросил Саргий. — Если мы выйдем к ним в лоб, они нас легко покромсают.

— Что же, хорошо. Выйдем сначала к джунглям, заставим их думать, будто мы ушли этим путём. Когда же они бросятся за нами в погоню, тут-то мы их и накроем. Хорошенько изрешетим их, а потом по газам. Мы успеем сбежать, прежде чем они восстановятся. Главное дать залп первыми, иначе нам крышка.

— Они всё равно регенерируют и догонят нас, — сказал Насиф. — У меня есть план получше. Когда мы расстреляем катера, добьём и экипажи.

— Пока мы до них доберёмся, они уже восстановятся. Как мы их убьём?

— Доверься мне, — загадочно улыбнулся Насиф.

Томми кивнул и заметил:

— Предлагаю справиться с охраной самим. Я не хочу выпускать Кэт без лишней на то причины.

Вик не стал спорить. Да и что говорить, он сам довольно долго ждал, когда ему выпадет шанс подвигаться.

— Я с вами, кэп, — сказал Саргий, передёргивая затвор винтовки. Вик усмехнулся.

— Держись позади. Без брони тебя изрешетят в миг.

— Не изрешетят, — пообещал Саргий, хищно ощерившись. — Не успеют.

Ранец Вика заскрежетал, будто сама мысль о предстоящей битве пробудила его от глубокого сна. Выскочивший манипулятор тут же прихлопнул к лицу Вика защитную маску. Валентайн снова почувствовал себя в своей стихии.

— Можете постараться не убивать всех? — спросила Коннели. Судя по выражения лица, она сама понимала, насколько это глупая надежда. И всё же, она не могла промолчать. Саргий покачал головой.

— Они будут в нас палить из всего, что у них есть. Мы перешли черту. Если будем сражаться вполсилы, то просто погибнем.

Коннели обречённо кивнула, будто именно такого ответа и ждала. Саргий посмотрел на Вика и спросил:

— Готовы, кэп?

Вик сжал и разжал кулак, проверив, как работают усилители. Линзы маски включили тактический дисплей и распознавание «свой-чужой», которое тут же пришлось выключить — им придётся сражаться с людьми в такой же униформе.

— Готов. Вперёд!

Он бросился вниз по лестнице. Не успел он миновать и одного пролёта, как столкнулся лицом к лицу с солдатом. Тот сжимал винтовку с пристёгнутым штыком. Не медля ни секунды, Вик со всей силы ударил его в грудь. Раздавшегося хруста хватило, чтобы понять — такого мальчишка не переживёт. Тело полетело вниз, навстречу поднимавшимся сослуживцам бойца. С диким криком Саргий вырвался вперёд с винтовкой наперевес. Вместо того чтобы расстрелять врагов, иммигрант схватил оружие за ствол и одним махом размозжил череп бросившемуся в атаку первенцу. Тот ударился о стену, его голова стала напоминать побитое яблоко. Остальных это не смутило. Ощетинившись штыками, они попытались оттеснить Саргия вверх по лестнице, обратно в тюрьму.

Вик оттолкнул иммигранта и, словно пушечное ядро, ворвался в строй солдат. С дикими воплями они покатились вниз, молотя Валентайна кулаками по броне. Оказавшись на

первом этаже, Вик вскочил и начал давить сапогом шею ближайшего к нему солдата. Тот захрипел, схватился за ногу Вика, пытаясь отсрочить гибель. Через секунду его плоть лопнула под давлением, и подошва Валентайна утонула в крови.

Пока Вик пытался восстановить равновесие, из-за его спины с криками набросились остальные солдаты. Одного из них он сумел сбросить без каких-либо проблем, просто сделав резкий рывок вперёд. Выдвинув из коммуникатора клинок, Вик приготовился встретить угрозу лицом к лицу, но следующий солдат загнал ему штык прямо в зазор между бронёй.

Клинок вошёл в плоть, так и не разорвав подкладку экзоскелета — она спасала Вика уже во второй раз. И всё же, боль была такая, что у него потемнело в глазах. Схватив бойца за шиворот, ударом кулака он сломал ему челюсть. Затем, вытащив винтовку из бока, взял её как копьё и одним чётким ударом пронзил солдата насквозь. Выкинув обмякшее тело в сторону, он встретился с ещё одним умником, нацелившим винтовку в маску Вика. Грохнул выстрел, и голова Валентайна дёрнулась назад от удара. Пуля отрикошетила и ранила другого солдата, который, завопив, повалился на землю. Пока стрелок передёргивал затвор, Вик клинком пробил ему лоб. Губы мальчишки задрожали. Он успел завизжать, прежде чем кровь покрыла ему глаза, и его существование прекратилось. Вытащив клинок, Вик вытер кровь. Саргий уже бежал вниз. Со спален к солдатам спешило подкрепление. Схватив падающий труп, Саргий бросил его как снаряд в сторону врагов, а сам схватил винтовку и в несколько точных выстрелов прикончил охранников, прибежавших с улицы.

Вик тоже поднял оружие и осмотрел помещение на наличие новых противников. Пока никого не было, но наверняка бойцы на улице всполошились и бежали внутрь.

— Спускайтесь, быстрее! — проорал Вик по коммуникатору. Команда не заставила себя ждать. Томми уже держал шарик наготове. Размахнувшись, он бросил его в дальнюю стену, за которой простирались джунгли. Саргий, тем временем, ломал шеи и отрывал конечности выжившим.

«Никаких сантиментов», — подумал Вик. Солдат рядом с ним зашевелился и рефлекторно, даже не думая, Валентайн сделал контрольный выстрел. Опустив дуло, он присмотрелся к жертве. Это был совсем молодой парнишка, на вид не старше девятнадцати. Входная дыра в его голове вышла аккуратной, зато из выходной во все стороны, словно лепестки, торчала плоть. Кровь хлестала с такой силой, что Вик побоялся утонуть в ней. Какие-то мгновения он стоял так, посреди натюрморта трупов, и не мог понять, как здесь оказался. Из оцепенения его вывел крик Саргия.

Через вход внутрь уже заваливались бойцы с оружием наготове. Не медля ни секунды, они открыли шквальный огонь. Стена из свинца врезалась в Вика, рикошетя и отсекая кусочки от его бронелистов, заставляя сжимать зубы от боли. Он сделал несколько выстрелов в ответ. Одна пуля угодила бойцу в живот, из-за чего тот скрючился и заорал. Его штаны повлажнели от брызнувшей крови и мочи. Другая пробила его другу левую скулу, бросив жертву на пол. Вик чертыхался и клял от всего сердца матерей, отцов и родственников уродов, что сейчас палили в него; и заодно успевал мысленно поблагодарить Билла за экзоскелет — без него он бы уже десяток раз умер.

После третьего выстрела винтовка подвела его: затвор застрял на середине перезарядки. Вик только и сумел, что запустить её в одного из солдат, как дротик. Толку оказалось мало. Благо, к стрельбе подключился Саргий, сняв нескольких бойцов и заставив охранников отступить в коридор.

— Кэп, Саргий, сюда! — заорал Томми. Вик посмотрел на рулевого. «Катрина» разъела

стену и землю под ней, образовав проход. Саргий бросился вперёд, Вик побежал за ним.

Раздался стрёкот пулемёта, и крупный калибр разнёс стену позади на мелкие куски. Катера решили, что мёртвые пленники лучше сбежавших.

— Быстрее! — завопила Коннели. По помещению разлетались осколки от бетонных стен, щепки разрываемых столов, кусочки ломающегося стекла и страницы книг с полки, которая за секунду превратилась в кучу хлама. Стреляли справа налево — и в паре метров от Вика уже начал взлетать на воздух пол, взрываемый огнём. Калибр разделил бы его на части даже с экзоскелетом. Напрягшись, Вик прыгнул вперёд и повалил Саргия. Пули просвистели у них над головой. Стрелки увели огонь далеко влево, поэтому Вик схватил иммигранта за шиворот и потащил за собой. Коннели держалась за грудь, тяжело дыша. Казалось, она испугалась за их жизни больше, чем они за свои.

Оказавшись снаружи, он услышал, как слева и справа закричали охранники: они наконец поняли, что пленники решили уйти через заднюю стену. Ли отпугивал их выстрелами, пока Томми разлагал внешний периметр. Как только забор рухнул, Вик приказал:

— Вперёд!

Заслонив всех, чтобы никого не задело шальной пулей, он наблюдал за побегом. Сара и Эмма первыми перепрыгнули через остатки стены, стараясь не запутаться в торчащих остатках колючей проволоки, за ними отправился Саргий. Ушёл Ли, озираясь, последовал Томми. На берегу ещё ревели пулемёты, всё сильнее и сильнее разрушая тюрьму.

Наконец, остались только Вик с Насифом. Валентайн помог шаману перелезть, затем перемахнул на ту сторону и сам. Они побежали вперёд — всех остальных уже вёл Ли.

— Сюда, по этой тропе! — кричал он, лавируя между деревьев и кустов. — Нам нужно забраться повыше!

— Он джунгли знает не хуже тебя, — заметил Вик.

— Да, но он всё равно слеп, — равнодушно отозвался Насиф.

— Ты уверен, что знаешь, как справиться с катерами?

Шаман ответил ему красноречивым взглядом, в котором плясали дьявольские огоньки, а затем сказал:

— Капитан, они потратили кучу энергии на это место, но не учли, что её можно направить и против них.

— Разве энергия не текла только в стенах тюрьмы?

— О, нет, она пустила корни. Всё это место как огромная печь, пышущая жаром. Нам останется только подстрелить гадов. Добить их не будет проблемой.

Они бежали ещё минут десять, забираясь всё дальше и дальше в гору, пока не услышали за спиной дикий рёв.

— Всё, — упавшим голосом произнёс Томми. — Они идут за нами.

Вик повернулся. Они успели уйти довольно далеко, и отсюда тюрьма казалась кукольным домиком, в который сорванцы бросили зажжённые спички. С такого расстояния он не мог понять, то ли дым застилал горизонт, то ли это был пар от перерабатываемой катерами воды.

Томми бросил шарик на землю. Тот начал увеличиваться. Вик отвёл взгляд — зрелище было не из приятных. Сталь набухала, пузырилась, из неё тянулись похожие на руки конечности, что захватывали всё вокруг и загребали к центру. Где-то даже проглядывали беспомощно чавкавшие рудиментарные рты. За десяток секунд шарик, поглощая почву,

превратился в «Катрину», глубоко севшую в землю.

Сама мысль о том, чтобы снова ступить на борт этой твари, внушала Вику отвращение. Ничего не оставалось, как перебороть это чувство — другого выхода просто не было.

— Спрячьтесь в трюме! — приказал Вик Саре и Эмме. — Томми, живо к рулю. Будь наготове. Даже если придётся утилизировать всё вокруг, убедись, что в нас не попадут. Создай русло реки и напечатай воду, чёрт побери. Сделай то, что делала твоя копия. Я буду только рад, если эта посудина станет сухопутной.

— Очень смешно, кэп, — отозвался Томми, взявшись за штурвал и начав щёлкать переключателями.

— Ли, — продолжал Вик, — быстро сделай себе на утилизаторе крупнокалиберную винтовку. Саргий, ты тоже. Разойдитесь по разным флангам. Я беру цель посередине, каждый из вас — со своей стороны.

— А я? — спросил Насиф, хотя прекрасно знал ответ.

— Позаботься, чтобы катера не сумели восстановиться.

— Тогда держите их подольше, — сказал шаман и забрался на корму, обратив взор к земле. Он начал что-то торопливо нашёптывать, аккуратно водя по воздуху ладонями.

Закончив с приказами, Вик запрыгнул на палубу. Его уже ждала носовая турель. Сев за неё, Вик ощутил в руках успокаивающую прохладу крупнокалиберного пулемёта, готового изрыгнуть на врагов свинцовый ад. Вдруг он почувствовал, как начала дрожать земля. Оглянувшись, он увидел комочки грязи, левитирующие над поверхностью. Вся «Катрина» вибрировала.

— Томми?

— Как ты и приказал, кэп, я приготовился. Если в нас что-то полетит, мы сумеем уклониться.

Вик представил, как дико это выглядело со стороны — дрожащий, зарытый в землю катер, и люди, пригнувшиеся за бронелистами на его борту. Он снова взглянул на горизонт. У тюрьмы рухнула крыша, и здание сложилось. Основание превратилось в дымящиеся руины. Несколько точек быстро двигались вперёд.

— На месте! — отрапортовал Ли. Ему вторил Саргий.

— Цельтесь, быстрее! — крикнул Вик, припав к пулемёту и схватившись за ручки с такой силой, что поневоле погнул их — включились усилители экзоскелета. Он внимательно следил за тем, как точки становились всё больше. От каждой из них шёл пар — как он и думал, они всё же решили броситься в погоню. Катера на ходу перерабатывали землю вокруг, чтобы проложить путь. Вик вспомнил про демонов, о которых ему рассказывали ещё в детстве в церкви. Их всегда описывали как одетых в железо тварей с раскалённой кожей, от которой постоянно шёл пар.

Кто бы мог подумать, что слуги Эдема окажутся именно такими?

Вик затаил дыхание. Тактический дисплей сделал двукратное увеличение на целях. Через полминуты они входили в зону поражения.

— Они слишком быстро идут! — передал Ли. — Я не могу никак прицелиться. Саргий, как ты?

— Мы их не возьмём, кэп! — крикнул иммигрант.

— Тогда палите, пока не возьмёте, — процедил Вик. — Мы должны их прикончить.

— Э, кэп? — подал голос Томми.

— Что, чёрт побери?! — у Вика от напряжения начали трястись руки. Под маской по

лицу текли горошины пота.

— Я не смогу сделать так, как делают они. Катрина не пойдёт по суше.

— Что? Почему?!

— Она шепчет у меня в голове. Шепчет, что если я дам ей волю, она сожрёт весь мир.

— Ты с ума сошёл! — взревел Вик. — Сейчас? Прямо сейчас? Да мы сдохнем, если нас обстреляют, неужели эта сука не понимает?

— Ей плевать на вас, — прошептал Томми. — Прости, кэп. Я ничего не могу сделать. Не имею права.

Вику хотелось наорать но него, но тут он ощутил, как палуба под его ногами шевельнулась. Приступ рвоты подкатил к его горлу, и пришлось сдержаться, чтобы не блевануть прямо в маску. Ему показалось, будто он стоит на извивающейся горе плоти, которая в любой момент может развернуться и поглотить его.

Тактический дисплей пискнул.

— Цели в зоне контакта! — заорал Вик и зажал гашетку. Пулемёт, хоть и на станке, задёргался, будто дикое животное, пытающееся вырваться из неволи. Грохот перекрыл все его страхи. Дуло изрыгало карающий огонь, и Вик молился, чтобы хотя бы часть долетела до целей.

Через несколько секунд дисплей возвестил, что средняя цель остановилась. Где-то слева и справа били из винтовок по своим мишеням Саргий и Ли, но похоже, из-за скорости катеров они просто не могли попасть.

— Быстрее, снимите их! — приказал Вик. — Иначе они достанут нас!

— Я пытаюсь, кэп! — донёсся паникующий голос Ли.

Дисплей пискнул — правая цель остановилась.

— Снял гада! — доложил Саргий.

— Ли! — проревел Вик.

Катер подбирался всё ближе. Два его собрата уже дымились где-то в низине, этот же шёл в гору, словно всё ему было нипочём. Вик начал осыпать его свинцом — бесполезно. Третье судно вошло в мёртвую зону: дуло пулемёта просто не опускалось ниже.

— Саргий, помоги Ли! — крикнул Вик, хотя прекрасно слышал, как Саргий делает один выстрел за другим, пытаясь достать цель. Проклятый катер будто уклонялся от всех выстрелов.

Наконец, катер остановился. Вик в ужасе наблюдал, как будто бы нарочито медленно экипаж направил на них носовую турель.

— Стоп, — раздалось у него в наушнике. Вик дёрнулся — но ничего не произошло. Выстрелов не последовало.

Вик обернулся. Насиф стоял на корме «Катрины» и ухмылялся. Томми съежился в рубке, пытаясь укрыться за приборной панелью. Хлопнув рулевого по плечу, шаман подошёл к Вику и помог ему выбраться из турели.

Вик озирался, будто видел мир в первый раз. На несколько мгновений всё окрасилось в цвет индиго. То тут, то там вспыхивала фиолетовые огни. Он готов был поклясться, что видит в них чьи-то глаза, но как только появился чёткий образ, всё тут же исчезло. Мир вернулся к обычному состоянию.

— Что ты сделал? — спросил Вик, чувствуя, что готов сейчас упасть на колени. Благо, экзоскелет держал его твёрдо и чётко.

— Они использовали часть энергии из земли, чтобы быстрее идти. Я же отравил её. И

когда подошёл момент, вырубил катера изнутри.

— А раньше ты не мог этого сделать? Если бы он выстрелил, от нас бы ничего не осталось!

— Извините, капитан. Никак не получалось.

Вик покачал головой.

— Ладно, забудь. Ты отлично поработал. Ты спас нас, а это главное. И уже не в первый раз, — Вик позволил себе усмехнуться. — Чёрт возьми, без тебя мы бы столько раз уже погибли! Спасибо, Насиф. Правда, спасибо.

— Не за что, — казалось, шаман смутился. Правда, только на мгновение. — Не будем терять времени.

— Куда вы собрались? — спросил рулевой, в полусогнутом состоянии выбираясь из рубки. Насиф вытащил из волос перо и ответил:

— Добивать катера, куда же ещё? Пойдёмте, капитан.

Он начал спускаться вниз, Вик поспешил следом. На лице Насифа уже успела застыть маска невозмутимости. Если бы Валентайн не заметил его смущения раньше, то подумал бы, что шаман уничтожает катера Эдема каждый день.

— А с корытом двойника Томми ты тоже мог так сделать? Когда мы были на реке?

— Нет. Там просто не было энергии. А Эдем сюда вложил слишком много. Даже отщипнув от неё кусочек, я смог сотворить такое, — его лицо покрыла тень беспокойства. — А теперь представьте, как от этого зарядится Карас. Нам надо спешить. Пока нас не заперли внутри, тюрьма находилась в спящем состоянии. Теперь же она так фонит, что видно по всему Союзу. Совет старейшин уже через полторы недели может решить ударить по Первому Городу. Вы понимаете, что это значит?

— Мы должны найти полковника как можно быстрее, — кивнул Вик. — И остановить войну.

Пока они спускались, к ним подошли Саргий и Ли. На лице у пацана застыло растерянное выражение.

— Капитан, я клянусь, я старался изо всех сил, но этот говнюк просто…

— Успокойся, — сказал Вик. Его гнев уже испарился. — Думаю, у тебя не было и шанса.

— Что нам теперь делать? — спросил Саргий.

— Отправляйтесь на подбитые катера, — приказал Насиф, прежде чем Вик успел открыть рот, — найдите там членов команды и убейте. Принесите мне их головы.

— Ты серьёзно? — поинтересовался иммигрант. Шаман кивнул.

— Абсолютно. Помнишь, что сказал Томми? Катера восстанавливают команду. И я думаю, для этого им нужно утилизировать всё тело. Если не будет хватать такой важной части, как головы, катера вряд ли спасут — а учитывая, что сами катера будут разрушены, сомневаюсь, что восстановится хоть кто-то.

— А дальше что?

Насиф пожал плечами.

— Мы просто выбросим головы где-нибудь подальше отсюда. Что, вам это кажется дикостью?

— Я думаю, что ты прав, — вмешался Вик, чтобы развеять все сомнения команды. — Да и потом, мы ничего не теряем. Уверен, что даже если они восстановятся после такого, то уж точно не будут в порядке.

Насиф вытащил из-за пояса два ножа и дал их Саргию с Ли.

— Успел забрать их у охранников из тюрьмы. Возьмите.

Ещё один он протянул Вику:

— Пойдёмте, капитан. Займёмся этими гадами.

Они подошли к катеру, который подобрался ближе всего. Земля вокруг него дымилась. Внутри звучали чьи-то голоса. Вик запрыгнул на палубу, поднял люк, ведущий в трюм, и спрыгнул внутрь.

На него с криком набросился мужчина, которого Валентайн встретил сокрушительным ударом под дых. Как только он сложился пополам, Вик схватил его за волосы и начал резать ему горло. Нападавший задёргался, попытался выкрутиться, но было уже поздно — потоки крови хлынули по его одежде и залили пол. Он начал хрипеть и захлёбываться. Всё же у него хватило сил, чтобы вырваться. Упав на пол, он начал метаться туда-сюда, пытаясь остановить кровь. Вик сделал шаг ближе к нему и рассмотрел кожаную куртку с чёрными очками. Это был Райан.

По лестнице спустился Насиф. Наткнувшись на бывшего помощника Томми, шаман застыл на месте, будто увидел призрака. В каком-то смысле, Райан им и был. Парень всё ещё продолжал дёргаться на полу. Его движения становились всё медленнее, пока через несколько секунд он не замер полностью.

— На что вы смотрите, капитан? — вдруг спросил шаман и выхватил у Вика нож. Он подошёл к телу и за несколько ударов перерубил шейные позвонки, а затем поднял голову за волосы. С лица Райана упали очки. Один его глаз смотрел вперёд, второй закатился, из носа текла кровь. Губы мертвеца ещё слегка подрагивали, будто он силился что-то сказать. Насиф с отвращением выкинул голову через люк на палубу. — Вот и всё.

— Откуда столько ненависти? — спросил Вик. — Такое ощущение, будто ты всю жизнь хотел его убить.

— Просто… — начал было шаман и осёкся. Уставившись в потолок, он сжимал и разжимал хватку на рукоятке окровавленного ножа, будто пытаясь найти слова. — Он ведь знал, что Томми не сможет обороняться. И всё равно напал. Я знал людей вроде него. Подобные ему вырезали целую деревню, чтобы оставить вам послание.

«Райан стал символом, — подумал Вик. — Символом всего, что он ненавидит».

Позади раздался вскрик. Вик резко обернулся, и увидел съёжившуюся в углу Катрину. Её загораживал двойник Томми.

— Я не знаю, что вы сделали с моим катером, — прошипел он, — но до неё доберётесь только через мой труп!

— Что же, мы как раз пришли сюда убить экипаж, — сказал Вик, выдвинув клинок из коммуникатора. Двойник отступал по коридору всё дальше и дальше. Руки его дрожали, глаза начали слезиться.

— Капитан, может быть мне разобраться? — спросил Насиф. Вик покачал головой.

— Ты ведь ненавидишь людей, которые убивают беззащитных. Так что я возьму эту ношу на себя.

Он всё ближе и ближе подходил к рулевому. «Это не Томми, — стучало в его голове. — Это то, кем он мог стать».

— Вы совершаете огромную ошибку! — крикнул двойник. — Вы направили оружие против апостолов! Освободитель выследит вас и предаст божественному суду!

— Если бы он хотел казнить нас, то сделал бы это ещё в Эдеме, — заверил Вик. —

Думаю, ему просто стало любопытно, кто же победит — потому мы и вырвались.

У двойника задрожала нижняя губа.

— Ложь, — несмело вымолвил он. По его тону Вик понял, как сильно потрясло его такое предательство. Этот Томми, похоже, действительно верил в Освободителя, и никак не мог осознать, как же Бог может бросить своих слуг. Помотав головой, двойник бросил: — Что вы сделали с катером?

— Я использовал энергию Эдема против вас, — сказал Насиф. — Она так густо протекает здесь, что совсем несложно вплести в её мелодию пару своих нот. Вы сами подписали себе смертные приговоры.

— Да даже если вы убьёте нас, катер всё равно всех восстановит!

— Без рулевого не может быть и катера, так? — шаман пожал плечами. — Мы убьём вас, отрежем головы и унесём их с собой. А катер взорвём.

Зрачки двойника Томми расширились от ужаса. За его спиной завопила Катрина:

— Нет, не надо, умоляю вас! Пожалуйста!

— Вы нас не жалели, когда собирались упечь в тюрьму на вечность, — жёстко произнёс Насиф. — И судя по вашей реакции, наш способ сработает. Что же, спасибо за подсказку. Прощайте.

Вик подобрался вплотную, вдохнул и, схватив двойника за плечо, вогнал клинок ему прямо в сердце. Томми задёргался, пытаясь что-то сказать. Протянув руки к лицу Вика, он провёл окровавленными ладонями по его маске. Через несколько мгновений тело рулевого обвисло. Катрина завизжала от ужаса, прикрыв лицо руками.

Взяв у шамана нож, Вик принялся отколупывать голову двойника. Но его взяло такое отвращение, что он просто развёл бардак, забрызгав всё вокруг кровью. К нему подошёл шаман и мягко забрал клинок.

— Займитесь-ка лучше катером, капитан, — сказал он. — Я здесь закончу.

— Умоляю вас, пощадите! — прокричала Катрина сквозь плач. Только сейчас Вик заметил, что она описалась от ужаса — и даже не пыталась это прикрыть. — Я не умею управлять катером, я ничего вам не сделаю, поверьте мне! Пожалуйста, отпустите! Я не буду вас преследовать, я никому ничего не расскажу, я…

— Они сумели показать нам память Томми, — сказал Насиф, чувствуя, как колеблется Вик. — А значит, спокойно извлекут и её воспоминания.

— Это всё катер! — завизжала девушка. — Я здесь ни при чём! Я так не умею!

Наконец, Валентайн кивнул и произнёс:

— Просто сделай так, чтобы она не страдала, хорошо?

— Конечно, капитан, — на лице шамана не дрогнул и мускул.

Развернувшись, Вик стал подниматься по лестнице, пытаясь мысленно заглушить вопли ужаса девушки, которую сейчас зарежут как скот — просто потому, что ей не повезло оказаться на катере Эдема. Он подошёл к утилизатору и напечатал на нём дистанционно управляемую взрывчатку. Заложив несколько зарядов, Вик синхронизировал их с коммуникатором и спрыгнул за борт. Рыданья прекратились, раздался истошный крик — и повисла тишина. Через несколько минут на палубе показался шаман с мешком за спиной. Спустившись на землю, он неловко пробормотал:

— Подумал, что лучше будет сделать так, чтобы не смущать Томми.

Вику хотелось похвалить шамана за такт, но к горлу подкатила тошнота, и он отвернулся. Он делал много отвратительных вещей, намного страшнее, чем эта — и всё же,

было что-то особенно мерзкое в том, как они расправились с двойником Томми и его командой. Что-то невероятно низменное, настолько тёмное, что ни один человек не заглядывал в эти потёмки, опасаясь, как бы наружу не полезли чудовища.

Все они оставались животными, как бы ни отрицали этого. И именно это напоминание об отсутствии пределов собственной жестокости пугало больше всего. Убийства не казались такими ужасными, когда происходили в пылу боя или от них зависела судьба всего Города. Но Вик как никогда чётко ощутил, что после окончания миссии он уже не сможет вернуться к этому делу. Лучше пустит себе пулю в лоб.

Скоро появились Саргий и Ли с трофеями. Выглядели они достаточно бодро.

— И у меня и у него на катерах были одни мертвецы, — произнёс иммигрант. — Так что оставалось только с головами разобраться. Ну и мерзость, скажу я вам.

— Возвращаемся, — приказал Вик, ничего не ответив. Они поплелись обратно к «Катрине». Завидев издалека команду, Томми с подозрением крикнул:

— Что в мешке?

— Головы, — сказал Вик. Томми скривился. — Там и твоя есть. Хочешь посмотреть?

От этих слов рулевой задрожал и отвернулся. Наконец, собравшись с силами, он выдавил:

— А Кэт… она тоже там?

Вик забрался на палубу и бросил мешок к ногам Томми.

— Сам посмотри.

Ему не хотелось щадить ничьи чувства. Пусть рулевой тоже видит, во что они превратились. Шаман многозначительно посмотрел на Вика, но ничего не сказал. Трясущимися руками Томми развязал мешок, посмотрел вовнутрь, а потом упавшим голосом произнёс:

— Что же… я понимаю. И всё же…

— Ли, — перебил его Вик. — Ты обещал показать нам что-то, связанное с Освобождением. Как ты собираешься это сделать?

— У нас внизу есть терминал для подключения к Сети, — произнёс пацан. — Не знаю зачем: здесь мы с ней никак не связаны. Даже шлема для виртуальности нет, только сенсорный экран и кабеля с электродами. И всё же, если они сумели показать нам воспоминания Томми, может быть, с помощью «Катрины» я сумею показать вам свои.

— Работай, — приказал Вик, не сводя глаз с рулевого. У Томми потух взгляд. Посмотрев на Валентайна, он произнёс:

— Я надеялся, что она останется в живых.

— Она любила его, а не тебя, — сказал Вик. — А ты свой выбор уже сделал.

Марцетти хотел что-то сказать, но тут вмешался Насиф. Он подошёл к рулевому и молча обнял его. Томми схватился за шамана, словно за спасательный круг. Не выпуская Томми из объятий, Насиф твёрдым голосом произнёс:

— Они бы убили нас. Понимаешь? Убили бы, не моргнув глазом. Они даже за людей нас не считали. Твоей вины ни в чём нет. Она выбрала свою судьбу.

— Да, да… — пробормотал Томми, освобождаясь от шамана. Посмотрев на Вика, рулевой добавил: — Спасибо, что разобрались со всем этим бардаком.

Вик только вздохнул.

— Всё, что мы делаем — это навсегда. Пять лет она была мертва для тебя. Представь, что ничего не изменилось.

Томми закивал и сел на палубу, облокотившись спиной об рубку.

— Ты не один, — сказал шаман. — Мы с тобой.

— Да, не один, — повторил Томми. Лицо его немного просветлело. — Знаете, я всё это время никак её не мог похоронить. Не мог свыкнуться. И только сейчас понимаю, что она действительно мертва. По моей воле.

Уставившись на Вика, он добавил:

— И я готов с этим жить.

Через секунду его лицо скривилось от ненависти. Сжав кулак, он ударил по палубе и прошипел:

— Эймс. Зачем он только вытащил меня?! Зачем? Ему так хотелось поиздеваться? Он и так разрушил мою жизнь, зачем же было делать ещё и это?

Вик молчал. Всё слишком запуталось, чтобы строить догадки. Только сам полковник мог ответить, зачем ему нужен был Томми.

— Мы выбьем из него ответы, — пообещал Вик. — И будем выбивать, пока всё не поймём.

Томми кивнул в ответ. В его глазах появилось что-то, отдалённо похожее на благодарность. Тут из трюма вынырнул Ли. В руках он держал небольшой терминал с зелёным экраном. Сара и Эмма тащили смотанные кабеля. Поставив терминал на палубу, мальчишка занялся подключением проводов. Наконец, экран загорелся, и по нему побежали строчки кода. Прокашлявшись, Ли произнёс:

— Я сейчас сделаю кое-что, что может вас напугать. Поэтому лучше присядьте.

Вик послушно сел, за ним последовала остальная команда. Мальчишка остался стоять на ногах. Взяв один из концов кабеля, оканчивающийся острой иглой, он с размаху вогнал его себе за ухо. Эмма вскрикнула, остальные лишь дёрнулись. Сделав это, Ли улыбнулся.

— Ну вот, с худшей частью покончено.

Сев на палубу, он взялся за терминал и начал печатать что-то на экране.

— Ты умеешь с этим управляться? — спросил Вик. — Откуда? Я думал, только Информаторий разбирается в Сети.

— Скажем так, — протянул Ли, — церковь хотела, чтобы я поймал Освободителя.

15. Машина из Бога

Машина из Бога

«Хуже не исполнившейся мечты только мечта, что исполнилась и оказалась банальностью»

Майор Билл Уотерс, командир группы 838

Они расположили лагерь недалеко от обрыва, с которого прекрасно просматривался город, захваченный Процессом. Джек снял шлем и прикрыл глаза, защищая их от лучей заходящего солнца, что отражались от водной глади моря. Даже шумевшие солдаты, поднимавшие силовые поля над временными зданиями, не могли ему помешать насладиться красотой пейзажа. «Неужели завтра всё закончится?»

— На твоём месте я бы не стал этого делать, — проскрежетал голос позади. Джек обернулся и увидел Габриэля, командира ангелов в полном боевом облачении. «Странно: никто не доложил о его прибытии. Может, он только что прилетел?»

Крылья из металла слегка трепыхались за спиной архангела. Джеку это показалось бы милым, если бы он воочию не наблюдал, с какой лёгкостью они разрезают броню. Перья были настолько острыми, что иногда хватало незначительного нажима, чтобы они прошли сквозь доспехи, как нож сквозь масло.

Габриэль встал рядом и устремил взор в сторону города. Под маской не было видно его лица, но Джек знал, что архангел сейчас закусил губу — привычку эту он перенял у Кары. Та постоянно делала так, когда усиленно думала.

Даже будучи на две головы выше, ангел всё равно казался Джеку маленьким. Он ничего не мог с собой поделать, когда дело доходило до крылатых стражей. Какими бы умелыми бойцами они ни были, Джек всё равно воспринимал их как неразумных детей. Коими они, в каком-то смысле, и были.

— Почему же? Даже если бы у Процесса были снайперы, они всё равно не достали бы меня. Дай свежим воздухом подышать, наконец.

— Процесс знает, что ты сын командующего. Без шлема ничто не помешает ему убить тебя за мгновение.

Джек усмехнулся. Даже спустя столько лет, Габриэль до сих пор не понимал людей.

— Чтобы убить меня, Процессу сначала надо сюда добраться. А у него не получится, пока твои ребята здесь, не так ли?

— На твоём месте я бы не стал так сильно полагаться на нас.

Сказав это, Габриэль сделал паузу и тоже снял шлем. Длинные пряди седых волос тут же упали ему на плечи. По меркам ангелов он был очень старым — ему уже исполнилось тринадцать лет. Габриэль был единственным бойцом Хора, заставшим начало войны с Процессом. Неудивительно, что его сделали командиром.

— Сколько мы уже воюем вместе? — спросил Джек. — Пять лет? Если я не могу положиться на ангелов, то на кого мне полагаться?

— Нашей надёжности нет сомнения, — кивнул Габриэль. Посмотрев сверху вниз на Джека, он добавил: — Вот только всякие слухи ходят.

— Например?

— О том, что операция не санкционирована Коалицией Полисов.

Джек засмеялся:

— Что же, значит, больше нет смысла скрывать. Ты прав. Коалиция не одобрила этот поход. Всё это инициатива отца.

— Может быть, я не совсем правильно выразился, — протянул Габриэль. — Они не просто не одобрили наше вмешательство. Полисы запретили это делать под страхом смерти. Твой отец подвёл нас. Теперь все мы предатели и изменники, пошедшие против воли Господа. И ради чего?

— Бог здесь ни при чём, — раздражённо ответил Джек. — Да и какой смысл от Господа, который не отвечает на молитвы?

— Он ответил на вашу, — как всегда невозмутимо произнёс Габриэль. — И он отказал. Лучше скажи, какой смысл в Боге, что отвечает на все молитвы? Он должен решать, кто достоин, а кто нет. И он решил, что город должен пасть. Так почему же мы сейчас здесь?

— Потому что если Бог отказывается помочь этим людям, то мы поможем, — Джек сжал руку в кулак. — Иначе всё было бессмысленно с самого начала. Неужели за это мы боролись, Габриэль? Чтобы в последний момент бросить невинных погибать?

— Я не знаю, — ответил архангел. — Ты мне скажи. Мы жертвовали собой, чтобы не пришлось погибать вам. Раз Бог решил, что эти люди заслуживают смерти, значит, так оно и есть.

«Ему нужен повод», — вдруг пронеслось в голове Джека. Он поднял взгляд и посмотрел в немигающие глаза архангела, что уставился на море и город на берегу. «Он хочет, чтобы я его убедил».

— Получается, тогда твои ангелы погибали напрасно, — сказал Джек.

Габриэль оторвал взгляд от водной глади и пожевал губу, снова повторяя жест Кары.

— Тебе придётся объяснить мне последнюю фразу.

— Ты же сам сказал — ангелы должны погибать вместо людей. Если Бог оставил этот город, значит, жертвовать вами не было смысла. Они умерли просто так, Габриэль.

— Мы спасли человечество от вымирания, — сказал архангел. — Вопрос сейчас не о выживании, а о спасении большего количества душ. Раз Богу не нужно больше, значит, и смысла их нет спасать.

— А если бы Бог приказал оставить меня? Или моего отца? Что бы ты сделал?

Глаза Габриэля расширились. «Наконец-то».

— Я… не знаю, — сказал архангел. Джек слышал в его голосе колебание. Нужно было воспользоваться преимуществом и идти до конца.

— Скажи чётко! Ты бы нас оставил?

Архангел замялся. Затем, очень тихо сказал:

— Зачем ты заставляешь меня это делать? Зачем ты хочешь, чтобы я отказался от Бога? Почему я должен отвернуться от своего создателя?

— Да что он для тебя сделал, чего не сделали мы? Помнишь бой за Серую Рощу? Наверняка уже не помнишь. Боец Процесса разрубил тебя пополам. Полисы приказали оставить тебя умирать. И только отец настоял, чтобы твоё тело забрали. В итоге, ты выжил. И что, отец хоть раз упомянул об этом? Нет. Он не считал, что ты ему чем-то должен.

— Может, стоило подчиниться приказу… — начал было Габриэль, но Джек ткнул его кулаком в наплечник.

— Заткнись. Просто заткнись. Неужели ты предпочёл бы умереть, лишь бы сейчас не спорить со мной? Не глупи. Ты спасал нас, мы спасали тебя. А твой Бог? Он создал тебя,

чтобы прикрывать задницы граждан Полисов, которые не хотят воевать сами. Твоего имени он даже не знает.

— Конечно же знает. Я получил имя Габриэль, как только стал архангелом. Если я умру, мой преемник унаследует то же имя.

Джек вздохнул и закрыл лицо ладонью. Из-за латной перчатки прикосновение получилось не очень приятным.

— Ты неисправим, дружище.

— Не понимаю я вас, людей, — протянул архангел.

— Да что понимать-то? Сейчас ты пошёл за нами, прекрасно зная, что мы совершаем ошибку. Но мы хотели её совершить. И если вдруг тебе понадобится помощь, пусть даже против тебя будет весь мир — знай, что мы с отцом всегда тебя поддержим. Вот что значит быть людьми.

Подумав об этом, Джек от души рассмеялся.

— Ты знаешь, если подумать, так ты намного больший человек, чем многие граждане Полисов.

— Почему?

— Не понимаешь? А, забудь. Так что же ты решил?

Габриэль молчал. Джек знал архангела достаточно, чтобы даже по его безэмоциональной физиономии определить, что тот колеблется. Когда молчание затянулось, Джек вздохнул.

— Если уйдёшь и уведёшь своих, мы поймём. Им нет нужды здесь умирать. Формально, война ведь закончена. Можете возвращаться и пожинать плоды победы. Не сомневаюсь, что после всего произошедшего Господь всё же дарует вам свободу. Вы ведь так долго сражались ради этого права. Хорошенько подумай. Если сомневаешься, лучше откажись сейчас. Тогда никто не будет рассчитывать на вас в бою.

«И никто не назовёт предателями, если вы бросите нас посреди битвы».

— Я решил, — сказал, наконец, Габриэль. — Я остаюсь.

Джек так обрадовался, что с размаху хлопнул архангела по спине и случайно разрезал броню перчатки о перья.

— Твою мать! Проклятье!

— Неужели ты уже поранился?

Кара, словно по зову, возникла из-за ближайшего здания. Джек иногда гадал, специально ли она поджидает момента, когда он выставит себя дураком, или же у неё просто природный талант. Третий вариант, при котором он слишком часто совершал дурацкие поступки, Джек рассматривать не хотел.

Кара, как и Джек с Габриэлем, была в полном боевом облачении, даже плащ напялила. Впрочем, легко было её понять. Никто в лагере не собирался сегодня спать. Они предпочли бы простоять несколько часов в ожидании, чем позволить себе расслабиться перед решающей битвой. Отцу это явно не понравится. Вот только что он мог теперь поделать? Уложить всех спать, когда они так близко подошли к полному уничтожению Процесса?

— На, держи, недотёпа, — Кара открыла сумку, висевшую у неё на боку, и протянула Джеку комплект первой помощи. — Ты что, решил за Процесс всю его работу выполнить?

Взяв комплект, Джек раздавил его в руке. Тот тут же обволок рану и быстро придушил боль. «Перчатку латать ещё придётся», — с невыносимо острой грустью подумал Джек. На радостях после парада победы он проиграл кузнецу кругленькую сумму. Перспектива

видеться с ним и в очередной раз говорить, что денег нет, не прельщала.

— Да у нас тут небольшой разговор зашёл по поводу отступничества.

Кара подняла забрало шлема. Как Джек и ожидал, она закусила губу, раздумывая над ответом.

— Какого такого отступничества? — протянула она, явно не желая ввязываться в спор. Джек не стал тянуть кота за хвост и выпалил:

— Такого, при котором отвергаешь волю Господа!

Несколько солдат обернулись на его выкрик. Он бросил грозный взгляд в ответ, и все тут же поторопились вернуться к работе.

Кара покачала головой.

— Я-то думала, это секрет?

— Только он не знал, — Джек кивнул в сторону Габриэля. — Теперь всё улажено.

— Мы пойдём до конца, — кивнул архангел. — Бог может разгневаться на нас. И всё же, зерно истины есть в ваших словах. Мы должны защищать всех его подданных.

— Да-да, конечно, — Кара изобразила рукой говорящую куклу. Джека слегка покоробило. Он едва удержался, чтобы не одёрнуть её. Если бы не присутствие рядовых солдат, стоило бы сделать девушке выговор.

Кара всегда с пренебрежением относилась к ангелам, считая их расходным материалом. «Они всего лишь инструмент — хороший, надёжный, и всё же инструмент», — так она охарактеризовала крылатых при первой же встрече. Каких бы вершин храбрости и самоотверженности Габриэль ни достигал, Кара их всерьёз не воспринимала.

Сейчас было не время проявлять острые углы её характера. Взяв девушку за руку, Джек прошептал ей на ухо:

— Ты ведь понимаешь, каких усилий ему это стоило?

— Нет, — со вздохом ответила Кара. — Зато я понимаю другое. Для них Бог всегда будет важнее людей. Эй, крылатое! — обратилась она к Габриэлю. — До тебя хоть доходит, скольким мы пожертвовали ради этого момента?

— Конечно, госпожа, — архангел поклонился. — Я нисколько не умаляю его важность. И всё же…

— Ты знаешь, почему он запретил нам вмешиваться?

— Да, госпожа.

— Тупое инкубаторное чмо, — сплюнула Кара. — Ни черта ты не понимаешь! Вы можете сколько угодно изображать людей, но ничего людского в вас никогда не будет, запомни это. И Господь вас оставит рабами навсегда, уж не сомневайся.

— Да, госпожа, — покорно ответил Габриэль. Кара вырвалась из хватки Джека и подошла к архангелу вплотную. Она едва доставала ему до груди, и всё же, со стороны казалось, что стоит ей щёлкнуть пальцами, как крылатого просто не станет. Джека это даже позабавило. Габриэлю бы и секунды не понадобилось, чтобы разрезать девчонку на столько кусков, что даже лучшие медики не сошьют обратно. И всё же, он скорее отсёк бы себе голову, чем поднял руку на человека. Только за это стоило благодарить программу, которую Бог вливал в разум ангелов при рождении.

— Я не виделась с сёстрами уже целый цикл, — отчеканила Кара, ткнув указательным пальцем Габриэля в грудь. — А знаешь, где они жили? Вот в этом городе. Ничего бы не произошло, если бы не твой ненаглядный Бог. Он запретил им обороняться. Пригрозил отсечением линий передач, полной изоляцией, если хоть один человек возьмётся за оружие.

Якобы, это разозлит Процесс, и тогда последствия для всех будут катастрофические. А тот всё подбирался. Ближе и ближе… В конце концов, у людей сдали нервы. Когда осталось совсем мало времени, мэр приказал строить оборону, чтобы хоть как-то замедлить продвижение Процесса. И тогда Бог исполнил все свои угрозы. Он бросил их. Всё потому, что представители города так отчаянно критиковали сенаторов Коалиции, пойманных на воровстве во время войны. Что с теми сенаторами? Живы и здоровы. А город отдали на растерзание Процессу, не дав ему и шанса. Конечно, напрямую твой Бог ни при чём. Не он ведь убил этих людей, а Процесс! Его руки чисты. Вот только я уже никогда его не прощу. Политика для него оказалась важнее, чем жизни людей. И чёртова Коалиция, которая после войны даже не будет никому нужна.

Бросив взгляд на побережье, Кара вздохнула и выдавила:

— Они должны быть где-то там, живые. Ты подумаешь, что это дурацкая надежда. Но куда тебе понимать! Они всё, что у меня осталось. Если они умрут, зачем мне жить?

Сказав это, она развернулась, забрала копьё и двинулась к лагерю. Габриэль посмотрел на Джека и заметил:

— Кажется, она не очень довольна.

Джек не стал ничего отвечать. Да и был ли смысл? Ангел навсегда останется ангелом.

Надев шлем, он оставил Габриэля наблюдать за побережьем, а сам двинулся к временному зданию, которое назначили штабом. К нему подбежал солдат инженерных войск в лёгкой броне и отрапортовал:

— Мы закончили развёртывание, сэр. Силовые поля установлены, никаких проблем не возникло.

— Что с турелями? ПВО?

— Всё готово. Процесс ждёт неприятный сюрприз, если он решит выбраться из города. Теперь мы окружили его со всех сторон.

— Хорошая работа. Передай капитанам, что я с отцом жду их в штабе.

— Слушаюсь!

Джек подошёл к двери и нажал кнопку на панели. Дверь отворилась, пропуская его в специальный шлюз. Из-за войны большинство зданий передовых баз пришлось оборудовать системой полной изоляции от внешней среды, на случай, если у кого-то не будет защитного доспеха. Перед входом специальный сканер заверял, что входящий не заражён Процессом. Шлюз затворился и начался процесс сканирования. Если сканер обнаруживал хоть частичку вражеского присутствия, то поднимал тревогу и вызывал солдат с ангелами на задержание подозрительного субъекта.

После каждого боя солдаты тщательно обрабатывали доспехи, чтобы наверняка смыть с них омертвевшую плоть Процесса. Впрочем, сканер реагировал только на живые частицы, но никому не хотелось испытывать судьбу.

Как только сканирование закончилось, отворились двери, и Джек зашёл внутрь временного командного центра. Внутри уже стоял отец вместе со своим личным отрядом лучших бойцов. Пришли все, не хватало только Кары. «Неужели она так разозлилась из-за Габриэля, что решила прогулять совет?»

Все присутствующие столпились вокруг цифрового стола, на который была выведена карта. Талиса, женщина, разменявшая уже восьмой цикл, передавала отцу донесения разведчиков о расположении вражеских сил. Слушая её, отец тут же набрасывал данные на карту. Красные треугольники, которыми обозначались войска Процесса, отражались от его

вытянутого, похожего на птичью голову, шлема. Увидев вошедшего Джека, Талиса улыбнулась.

— А вот и наш сорвиголова! Как дела, малыш?

— Довольно неплохо, — ответил Джек, почувствовав, как в лицо бросилась краска. Его всегда напрягало, что настолько взрослая женщина считает нормальным с ним заигрывать. Хотя, и флиртом это было нельзя назвать — похоже, Талиса делала это только потому, что он продолжал смущаться. В очередной раз усмехнувшись, что так сильно выбила Джека из колеи, Талиса вернулась к докладу.

Джек отошёл в угол комнаты, наблюдая со стороны за людьми отца. Это были надёжные ребята, крепкие. Они уже давно служили в армии; немногочисленные граждане, считавшие, что вооружённые силы ещё нужны Полисам. Когда началась война с Процессом, только они смогли встать на защиту невинных людей. И всё же, пока не пришёл отец и не начал их координировать, они бродили в темноте, словно слепые котята.

Джек покачал головой. Когда ему было всего шесть лет, отец поклялся, что сделает из него солдата. Это было так давно, что он уже и не помнил, в каких обстоятельствах это произошло. Большую часть жизни он не понимал, почему отец так сильно верен армии. Все его предостережения о надвигающейся угрозе казались обычным трёпом старшего поколения, пережившего тяжёлые времена. Полисы ненавидели солдат и всеми силами старались упразднить свои вооружённые силы, переложив всё на плечи дронов и андроидов. Отец же был одним из немногочисленных военных с авторитетом, который настаивал на присутствии людей в войсках, а также на сохранении архаичных видов оружия и доспехов.

Джек до сих пор боялся задуматься, откуда же отец знал, что случится дальше. Было ли это просто дальновидностью? Или же он чётко знал, что придёт нечто, похожее на Процесс?

Потому что как только началась борьба, все «умные» виды вооружения тут же оказались захвачены врагом. Дроны, андроиды и ракеты обернулись против своих создателей — и только простые солдаты в старинной броне и с баллистическим оружием могли их защитить.

Они бы проиграли, если бы отец не имел в рукаве туза: Хора ангелов. У Джека мурашки бежали по коже от мысли, что произошло бы с Полисами, если бы не они. До начала войны их успели создать всего сотню, но присутствие даже одного могло переломить бой в пользу людей. Как только стало ясно, что их присутствие более чем оправдано, Бог дал отцу добро на сбор большой армии. Он даже закрыл глаза на тот факт, что отец создал их, нарушая прямые приказы, отданные очень и очень давно.

Когда Полисы только зародились, Бог дал чёткий запрет: ни в коем случае не создавать живое оружие. Уже тогда было довольно много проектов суперсолдат, которые казались заманчивыми в теории, но на практике могли обернуться катастрофой. Сама по себе война уже считалась занятием варварским и недостойным. И всё же, острые конфликты могли решиться только военным вмешательством. Правда, солдат за такое никто не чествовал; более того, имидж армии так долго пребывал на дне, что Джек и представить не мог, что когда-то её уважали.

Надобности в создании суперсолдат просто не было. И всё же, генералы всегда грезили о бойцах, в одиночку способных разгромить противника без вмешательства других войск. Только забывали об одном: каково будет таким солдатам их собственное существование? А учитывая, насколько общество недолюбливало армию, любой такой проект вызвал бы целую волну негатива — и очевидную кончину вооружённых сил. Изуродовать чью-то жизнь только для того, чтобы создать идеального солдата? Вот уж точно, хуже не придумаешь.

Отцу пришлось действовать скрытно. Он начал издалека, собрав вокруг себя других военных, которые понимали, что в случае действительно полномасштабного конфликта с неизвестным врагом ни одна армия не сможет выстоять. Он нашёл учёных, которые заведовали неудавшимися проектами. Он вложил свои деньги и привлёк инвестиции бизнесменов, желавших защитить сбережения, если общество вдруг начнёт разваливаться. И все вместе они приложили руку к созданию ангелов. Вместо того чтобы химичить над уже взрослыми бойцами, они решили вырастить собственных солдат — благо, генетического материала от добровольцев хватало.

Пусть из-за ускорения инкубации и роста ангелы и походили на взрослых, эмоциональной зрелости им недоставало. Многие знания загружались им прямо в мозг сразу после рождения, потому их суждения о мире были иногда довольно наивными. Около месяца требовалось, чтобы ангел достиг уровня развития семилетнего ребёнка. С этого момента их начинали усиленно тренировать и пичкать имплантатами. Через пять месяцев, когда ангелы дорастали до условных шестнадцати лет, им выдавали броню и вживляли крылья.

Несмотря на успех, проект пришлось держать в строжайшем секрете — даже Джек не знал о том, что готовит отец. Если бы создание армии ангелов вскрылось до войны, его бы ждала смертная казнь. Никто бы не поверил, что он готовит их на чёрный день, для противодействия ещё неизвестной угрозе. Каждый решил бы, что дело в готовящемся перевороте. И был бы частично прав. Отцу не нравился Бог. Прямо говоря, отцу мало кто нравился. Джек не был уверен, любит ли он даже его. И всё же, только отец знал, что делать.

Он распознал угрозу уже тогда, когда любой другой повторял, что солдаты Полисам не нужны. Он вложил собственные средства и поставил репутацию на кон, чтобы учёные разработали искусственных людей с крыльями, способных в одиночку противостоять целым армиям, несмотря на все запреты Господа. Он вёл людей к окончательной победе, освобождая один Полис за другим. И сейчас, когда они были в шаге от полного уничтожения Процесса, Бог вдруг запретил вмешиваться и приказал оставить целый город на растерзание врагу.

Джек не хотел этого признавать, но факты оставались фактами: отец был прав насчёт Господа. И сейчас, стоя среди других добровольцев, пожелавших встать на защиту людей, он понимал — даже если по возвращению их казнят, он умрёт, зная, что сделал всё правильно.

— Подожди, стены были у города ещё до атаки Процесса? — спросил лорд Талбот у Талисы. — Интересно.

— Это не столько город, сколько крепость, — ответил вместо разведчицы отец. — Принадлежала Полису Аквила. В предыдущую войну её использовали как перевалочный пункт. Не удивлюсь, если в недрах ещё осталось древнее вооружение.

— Ты думаешь о том же, что и я? — спросила отца Талиса. Тот кивнул.

— Определённо. Соберём ударный отряд и перенесёмся прямо внутрь.

— Вы сейчас про телепортацию? — подал голос Джек. — Да Процесс же мигом их разорвёт!

Все разом повернулись, будто только поняли, что он был внутри. От этого Джек почувствовал прилив злости.

— А он может?.. — начал было лорд Талбот, но отец поднял руку.

— Пусть слушает. Думаю, сейчас нет смысла секретничать, — повернувшись к Джеку, он сказал: — Да, сынок. Что там с Габриэлем? Я так понимаю, он решил с тобой

переговорить?

— Я убедил его остаться, — сказал Джек. — Он решил, что будет сражаться за нас до конца, что бы там ни говорил Господь.

Его раздражало, что отец не снял шлема. Ему как никогда хотелось сейчас посмотреть в его глаза. Понять, что же он думает на самом деле.

— У твоего сына талант, — рассмеялась Талиса. Окружающие бойцы одобрительно заворчали. Отец никак не отреагировал. Передвигая на карте красные треугольники, он сказал:

— Решил, говоришь. Что же, это упрощает многое. Не то чтобы я на него рассчитывал, но приятно знать, что даже для ангелов верность — не пустой звук.

— Не рассчитывал? — переспросил Джек. — Но как ты собираешься брать город? Ведь…

— Я уже сказал: мы перенесёмся в самое его сердце. Я думал об этом варианте ещё до того, как мы прибыли. Сейчас я точно знаю, что это не только возможно, но и безопасно. Процесс не очень хорошо реагирует на склады старинного оружия. Похоже, оно его пугает. Если мы перенесёмся туда, там не будет Процесса. Всё, что нам нужно будет сделать, это отыскать нулевого пациента и ликвидировать его. И тогда с Процессом будет покончено раз и навсегда.

— Но почему ты не сказал мне? — спросил Джек. Солдаты отца рассмеялись.

— Разве это не очевидно? — спросил лорд Талбот.

— Конечно нет! — чуть ли не сорвался на крик Джек. — Что происходит?

— Я иду сам, — коротко ответил отец. От сказанного Джек почувствовал, как у него слабеют ноги.

— Сам? Но… зачем? Отец, скажи?! А если тебя убьют?

— Значит, за меня отомстят мои люди. Как бы там ни было, ты остаёшься здесь.

— Я не позволю! — закричал Джек. — Я не позволю тебе туда пойти одному!

Отец поднял голову. Взглянув на Джека, он холодным тоном произнёс:

— Не оскорбляй меня своим неповиновением, мальчишка. Ты останешься здесь и будешь держать тыл. Таков мой приказ.

— При всём уважении, сэр, я отказываюсь подчиняться, — твёрдо ответил Джек, сжав кулаки. Он снова почувствовал себя маленьким мальчиком в те дни, когда отец день за днём заставлял его тренироваться, чтобы стать солдатом. «Как мало всё-таки между нами изменилось».

— Джек, я думаю, твой отец хочет сказать другое, — вмешалась Талиса. Её обычно резкие черты как-то смягчились, стали похожими на материнские. Посмотрев на неё, Джек вдруг понял, почему отец держит её рядом — так сильно она походила на мать. — Он не хочет подвергать тебя опасности. Потому-то ты и остаёшься.

— А себя подвергать опасности он не боится?

Отец вздохнул и снял шлем. Ладонью в латной перчатке он провёл по волосам, зачёсанным по старой моде назад. Лоб испещряли морщины. Джек чётко помнил, что до войны их не было. Его блестевшие когда-то глаза потухли. Тщательно выбритый подбородок зарос так сильно, что грозил превратиться в бороду. Джек вдруг понял, почему отец не снимал шлема — он просто не хотел показывать солдатам, насколько сильно измотала его эта война. Взглянув на Джека, отец невесело улыбнулся.

— Мы всё равно уже мертвецы, сынок, — сказал он. — Ты же сам знаешь, что сказал

Господь. Если мы вернёмся, нас всех казнят. И лучше уж умереть героем, спасая людей, чем предателем и отступником, ослушавшимся высшего приказа.

— Раз так, — ответил Джек, — то и мне грозит опасность. Я должен идти с тобой.

— Я отдал приказ, — возразил отец. — Я ослушался Бога. Если ты останешься здесь тебя не тронут. Ты скажешь, что ничего не знал и до последнего просто следовал за своим отцом. Вот и всё.

— Думаешь, такие мелочи кого-то будут волновать? Меня просто загребут со всеми.

— Не загребут, — покачал головой отец. — Если мы победим, нас никто не даст казнить. А если проиграем… что же, мы станем мучениками. И тогда тебя уж точно никто не тронет.

— А что же вы? — спросил у людей отца Джек. — Неужели вы тоже собираетесь погибнуть в бою?

— А кто сказал, что мы погибнем? — спросил лорд Талбот. — Да, затея опасная, но велика вероятность, что наш план выгорит. Процессу некуда уходить. Мы сломаем его с минимальными усилиями.

— Нет ничего опаснее загнанного зверя, — заметил Джек. Талбот пожал плечами.

— Нас уже ничем не удивить. Процесс испробовал все свои трюки. Сомневаюсь, что он сможет выкинуть что-нибудь новое. Да и потом, меньшим отрядом мы сумеем добиться большего. Быстрым, хирургическим ударом настигнув сердце противника, мы сразу обескровим его.

Джек задумался. В словах Талбота был смысл. За годы войны исследователи пришли к выводу, что заражать разом целые города может только «нулевой пациент» — самый первый человек, которого захватил Процесс. И спустя почти тринадцать лет, только сейчас появилась реальная возможность разобраться с ним раз и навсегда. Если бы они убили его раньше, возможно, потери не были бы настолько велики. У обычных одержимых Процессом на заражение другие людей уходило по несколько часов. И чем ниже по цепи, тем больше уходило времени. Нулевой пациент мог обратить любого одним касанием руки. Вокруг него всегда была армия избранных одержимых, настолько сильных, что даже две сотни ангелов потерпели неудачу, пытаясь смести их.

Позже, разбирая последствия того штурма, кто-то из офицеров заметил, что сопротивление уменьшалось с сокращением количества нападавших. Похоже, Процесс адаптировался к уровню угрозы и действовал соответствующе. Были предприняты ещё три попытки устранить нулевого пациента, и каждая из них была так близка к успеху, что отец чуть не сошёл с ума от ярости, когда провалилась последняя. В конце концов, он плюнул на эту затею и принял решение бороться с очагами заражения в разных областях, постепенно стягивая кольцо вокруг главного виновника всех бед.

И вот, настал момент, когда тому было просто некуда бежать. Даже если отряд отца потерпит неудачу — что с того? Война выиграна, Процесс, словно джин в бутылке, закупорен в одном городе, до которого никому нет дела. Неожиданно Джек понял образ мышления Господа и Полисов. Плевать на проворовавшихся сенаторов. Возможно, им действительно стоило чем-то пожертвовать, чтобы разделаться с Процессом раз и навсегда. И такой жертвой стал город. Город, в котором когда-то жили сёстры Кары.

Отец не простил бы себя, если бы бросил его. Кара ему была как дочь. Да и потом, он предпочитал все свои дела доводить до конца. Оставить еле живого противника — всё равно, что гарантировать его возвращение с утроенными силами в будущем. Они должны

были уничтожить врага, во что бы то ни стало. И то, что Бог решил всё пустить на самотёк, свидетельствовало о преступной халатности, которая могла в будущем стоить всей человеческой цивилизации.

— Вы надеетесь победить там, где ничего не сумели сделать ангелы? — спросил Джек. — Это же абсурд.

— Я тебе никогда не говорил этого, — начал отец, — но у меня есть одна теория. Ты можешь посчитать её безумной, но всё же. Судя по донесениям разведчиков и тому, как он себя ведёт в битвах, Процесс не хочет убивать людей.

— Что? Он же заражает гражданских налево и направо, а потом бросает их в бой против нас! Не говоря уж о том, что происходит с ангелами…

— Заметь: заражает, но не убивает, — отец поднял палец вверх, словно этим жестом придавал больший вес своим аргументам. — А ангелов он может просто не считать за людей. Погибшие же чаще всего умирали в результате несчастных случаев. Процесс тратит какие-то несоизмеримые усилия для того, чтобы взять больше людей в плен. И я думаю, что в этом есть смысл, кроме обыкновенного пополнения армии. Тринадцать лет мы уже воюем с ним. Мы достигли такой эффективности, что всё-таки побороли его во всех регионах и заставили бежать, загнав сюда.

— Смерти жителей этого города, в какой-то мере, наша вина, — сказала Талиса. Отец кивнул.

— И даже сейчас мы не понимаем, чего Процесс хочет. Мы принимаем его просто за очередную форму жизни, пытающуюся отвоевать себе место под солнцем. Сосредоточенную только на размножении. Так ли это на самом деле? Он ведь уже проявил столько признаков интеллекта — но при этом не пытается вступить в переговоры. Потому что хочет нашего полного уничтожения? Или просто не знает, как это сделать?

— Отец… — прошептал Джек, поражённый до глубины души. Он даже не знал, что сказать. Он посмотрел на остальных членов отряда отца. Все сохраняли невозмутимые выражения лиц. Похоже, они довольно давно знали об этом плане. О том, что отец не просто хочет уничтожить Процесс, а пытается пообщаться с ним. Один только этот факт заставил Джека ощутить, будто его предали. Он всерьёз считал, что их цель состоит в полном уничтожении врага. А сейчас выясняется, что всё это время они пытались заключить перемирие. Он облокотился на стену и начал медленно сползать, пока не сел на пол полностью. Отец не сводил с него глаз, будто ожидая вердикта.

— А что если мы оказались правы? — уцепился за последнюю соломинку Джек. — Что если у Процесса нет иной мотивации, кроме поглощения жизни и присоединения её к себе? Тогда ты просто принесёшь себя на блюдечке.

Отец пожал плечами, отчего его наплечники зазвенели, стукнувшись об кирасу.

— Даже если так, Процесс не будет нас убивать. Он постарается захватить всех живьём, чтобы потом заразить. А мы не дадим это сделать, верно?

— Мы оснастили свои доспехи взрывчаткой, — пояснила Талиса. — Каждый пленённый Процессом просто взорвёт себя, чтобы не позволить врагу овладеть нашими знаниями.

— Да вы с ума посходили! — прокричал Джек. — Вы хоть слышите себя?!

— Да, сынок, прекрасно слышим, — произнёс отец. — Мы идём на последнюю конфронтацию с Процессом. Либо он попытается с нами переговорить, либо мы уничтожим его полностью. Даже если мы погибнем, он уже не победит.

— Да откуда у вас такая уверенность?!

— Пару дней назад пришло донесение от одного из наших источников, — сказала Талиса. — Война во Внешних колониях закончилась. Лоялисты победили. Адмирал Тэвион возвращается с космическим флотом обратно.

— Тэвион? — переспросил Джек. — Венерианский Мясник?

Талиса кивнула.

— Колонисты сыграли нам на руку, — продолжил отец. — Пока адмирал был занят подавлением их восстаний, ему некогда было думать про войну с Процессом. Потому Коалиция предоставила нам карт-бланш. Если к моменту возвращения Тэвиона мы не закончим сражаться, он решит всё своим старым добрым методом: орбитальной бомбардировкой. И никто ничего ему не скажет, потому что именно на такой исход Господь надеялся с первого дня войны. После огня орудий флота не останется вообще ничего. Мы даже не сможем исследовать останки, чтобы понять, что же вообще творилось все эти годы. Мы так и не узнаем, против чего или кого боролись. Такого финала ты хотел бы, сынок?

Подумав над словами отца, Джек помотал головой.

— Что же, хорошо. Но я всё равно не позволю вам идти самим. Я пойду с вами.

— Это не обсуждается, — отрезал отец. Джек поднялся с пола, сделал несколько шагов вперёд и положил руки на стол с картой.

— Тебе легко говорить, что ты пойдёшь и пожертвуешь собой, а меня оставишь позади. Только ты не задумывался, каково мне будет смотреть на отца, идущего умирать? И потом люди будут судачить, что в последний момент я просто струсил, пока остальные шли доводить дело до конца? Хороший исход ты для меня приготовил!

Лорд Талбот рассмеялся и хлопнул Джека по плечу.

— А он дело говорит! — пророкотал старик. — Давайте возьмём его с собой. Ну, право дело, командир, ты печёшься о его безопасности, да только в упор не видишь, что лучше уж он умрёт с нами, чем останется жить в одиночку.

Отец скрипнул зубами. Внимательно посмотрев на Джека, он помолчал секунд пять, а потом выдал:

— Что же, раз ты так настаиваешь… хорошо. Мы не будем дожидаться утра, выступаем ночью. Тебе нужно будет успеть зайти к кузнецу, чтобы он установил взрывчатку в твой доспех. Скажи ему, что идёшь вместе с нами на рейд. Дальше он знает, что делать.

— Хорошо, — сказал Джек, чувствуя, как от души отлегло. Он и не думал, что получится убедить отца. Забавно, никогда в жизни он ещё так сильно не хотел умереть. Теперь же выхода просто не было, как и места для сомнений. Хочет ли отец уничтожить Процесс или же просто вступить с ним в контакт — всё это было не важно. Главное, что он идёт со всеми. Никто не оставит его разбираться с последствиями всей этой кутерьмы.

Он не останется один.

— Иди, — приказал отец. — И если увидишь Кару, передай ей, что внутри города остались склады старого оружия, а значит, наш план в силе. Пусть готовится. Возможно, ей придётся защищать кучку стариков, которые уже потеряли форму.

Солдаты постарше засмеялись. Джек тоже засмеялся, однако, прочувствовал горечь в словах отца. Похоже, он действительно ожидал, что из этого рейда они не вернутся — и никак не мог с этим смириться.

Оставив отца и его бойцов обсуждать детали, Джек покинул штаб и тут же отправился к кузнецу.

Временное здание мастера Роббинса находилось в самом центре их базы. Пройдя через шлюз, Джек застал Кару внутри мастерской.

— О, должник явился! — воскликнул кузнец, увидев Джека. Его восемь искусственных рук тут же попытались синхронно хлопнуть в ладоши, но одна из пар тут же выбилась из темпа, заставив мастера чертыхнуться.

Роббинс до войны был обыкновенным механиком, настолько бедным, что не мог даже заплатить за обслуживание своего искусственного тела. Когда началась война, Процесс захватил его город. Вот только мастера не стали трогать, просто из-за того, что его механизмы были слишком старыми, а человеческого в нём осталось совсем мало. Мастер сумел выбраться и даже помог войскам при освобождении города. Его семью, заражённую Процессом, спасти не удалось. Они бросились на ангелов и были порублены их бритвенно-острыми крыльями. Мастер не оплакивал их кончину. «Успею погоревать, когда всё закончится», так он говорил.

С тех пор почти всё свое время Роббинс посвящал службе в армии, пытаясь заставить Процесс заплатить за все грехи. В свободные от работы часы мастер наслаждался унижением соперников в картах. Джеку хватило глупости попытаться потягаться с ним — результат оказался закономерный.

— Кара, а я тебя искал, — сказал Джек и переключился на кузнеца. — Извини, мастер, я здесь не из-за долга. Я иду в рейд.

— Нет, сынок, — засмеялся Роббинс, — не идёшь. Если ты там сдохнешь, кто же вернёт мне деньги, а?

— Роббинс, делай свою грёбаную работу, — ледяным тоном произнесла Кара. Кузнец попытался возразить, но девушка подняла ладонь. — Иначе мы тебя отдадим под трибунал и скажем, что ты занимался саботажем оборудования, чтобы позволить Процессу выиграть.

От сказанного кузнец настолько оторопел, что даже не мог ничего сказать. Когда он всё же собрался с мыслями, Кара бросила на него ещё один уничтожающий взгляд и сказала:

— Ты думаешь, я сейчас шучу? Делай. Свою. Работу.

Роббинс покачал головой. Благо, у него не осталось человеческого лица, чтобы выразить гримасой недовольство. Мастер помог Джеку снять доспех и, собрав все части, удалился в заднюю комнату, слегка бормоча что-то под нос. Оставшись в одном только комбинезоне, Джек ощутил себя голым под изучающим взглядом Кары.

— Ты, я смотрю, не в настроении, — пробормотал он, сев на железный ящик, стоявший рядом. Кара пожала плечами.

— Этот тупой сукин сын всерьёз считает, что армия без него не обойдётся. Иногда нужно ставить его на место.

— Он доброволец. Да и потом, он семью потерял. Зачем ты с ним так жестоко?

— Ты просто не знаешь, что он про нас думает, Джек, — Кара села на корточки рядом. — Наши разведчики ведь проверяют всю корреспонденцию. В гильдии кузнецов этот умник посылает сообщения, где превозносит себя, как первого механика, без которого не произошло бы победы. Ему плевать на погибшую семью. Сдохшие родственники — это лучшее, что случилось в его жалкой жизни, потому что он теперь может корчить из себя этакого трагического героя. Не надо его жалеть, Джек. Как только закончится война, я лично позабочусь, чтобы все увидели истинное лицо этого слизняка.

— Не помню, чтобы тебя такие вещи раньше волновали, — заметил Джек. — Это из-за сестёр ты так взвилась, верно ведь?

Кара поникла.

— Может. А может и нет. Я не знаю, чёрт побери. Знаю только, что этот урод меня дико бесит.

— Не волнуйся, — усмехнулся Джек. — Похоже, что после сегодняшнего рейда такие вещи тебя уже не будут волновать. Если мы вообще выживем.

— Выживем, не сомневайся, — заверила его Кара. — Разве твой отец нас когда-нибудь подводил?

— Все так легко в него верят, — признался Джек. — Все, кроме меня.

— Просто для тебя он отец. Ты к нему так близко находишься, что ещё считаешь человеком. Для нас же он божество.

— Больше, чем Бог? — съязвил Джек. Кара, похоже, не заметила его сарказма.

— Однозначно. Да и кто такой Бог? Пусть он и создал всю цивилизацию, спас наши души, но когда он последний раз делал что-нибудь сам? Если бы не твой отец, Процесс легко бы всё поглотил. И что бы осталось? Колонии? Или Процесс дотянулся бы и до них? Вообще удивительно, что мы сумели обойтись настолько малыми потерями. Это действительно чудо, Джек. Не то, о котором постоянно твердят, вспоминая Бога. А настоящее, рукотворное. Человеческое.

— Это ещё не гарантирует успешного рейда, Кара, — возразил Джек. Девушка невесело рассмеялась.

— Даже если так, мы всё равно не увидим последствий своего провала. Так что взбодрись. Понюхай кофе. А потом надевай доспех и двигай к штабу.

Сказав это, девушка поднялась и двинулась к шлюзу. Джек окликнул её:

— Подожди, а зачем ты вообще сюда пришла?

— Просто сказать, что если этот умник растрезвонит о нашей миссии хоть кому-нибудь в Коалиции, я даже из-под земли его достану.

Сказав это, Кара подарила Джеку очередную улыбку и вышла. Он почувствовал, как внутри него образовался холодный комок — то ли от страха, то ли в одном комбинезоне было слишком прохладно. А может и от того, и от другого.

Сколько бы отец ни пытался свести их вместе, Джек отказывался быть с Карой. Да, она была красивой и весёлой, и всё же, из всех солдат только она одна наслаждалась боем с каким-то маниакальным пристрастием. И, порой, ей даже больше нравилось, когда ранили её. Все её считали ненормальной, кроме Джека. Сегодня он уже не был уверен, что стал бы отстаивать её здравомыслие.

Она никогда не рассказывала о своих сёстрах. Похоже, она хотела, чтобы никто о них не знал. Это было чем-то, что она хранила в своей душе, не давая никому подсмотреть, что же там творилось на самом деле. Их потеря стала той самой соломинкой, сломавшей хребет верблюда, как говорили древние. Из слегка неуравновешенной Кара превратилась в маньячку. Учитывая, как отец переживал за неё, не было ничего удивительного, что они пошли на штурм города, наплевав на запреты Бога. Джек продолжал гадать, что же сильнее всего двигало отцом: желание завершить войну, забота о Каре или же жажда узнать истинные мотивы Процесса? И брал ли отряд Кару с собой только потому, что она мстила за сестёр — или же потому, что её ярость могла вытащить всех из передряги?

Наконец, дождавшись Роббинса, Джек снова облачился в доспех. Из-за усилителей он не мог почувствовать его настоящий вес, и всё же, ему казалось, будто броня стала тяжелее. Попрощавшись с кузнецом и пообещав вернуть долг сразу после возвращения, Джек покинул

мастерскую и остаток времени до начала рейда проходил по лагерю, наблюдая, как солдаты и ангелы готовятся к штурму.

Отец собирался бросить людей в лобовую атаку, а затем заставить их отступить, чтобы выманить часть войск Процесса за стены. Не самая тонкая тактика, но ставка в этой битве была на рейд, а не на действия войска. Даже если бы ангелы и обычные солдаты потерпели поражение в первой же атаке, исход всё равно решал отряд отца.

Когда пробил час, Джек почувствовал, как его пальцы начали зудеть. Перед каждой битвой он волновался как в первый раз. Как-то он спросил отца, не признак ли это трусости. Тот усмехнулся и ответил, что только настоящий трус откажется признать свой страх.

— Начинаем! — пронеслось по командным частотам. Солдаты зарядили оружие и двинулись вперёд. Ангелы схватили мечи и взмыли в небо. Артиллеристы зарядили пушки и начали поливать город огнём. Над головой пронеслись бомбардировщики, сбросившие на город несколько сверхтяжёлых сюрпризов. От взрывов стало светло как днём. И когда город начал содрогаться, выплёскивая из себя серую волну вражеских бойцов, Джек услышал в шлеме голос отца:

— Сынок, идём.

Повернувшись спиной к наступающим солдатам, Джек пошёл в противоположную от города сторону. Рядом с ним остановился шестиколёсный транспортник с Карой за рулём:

— Отец сказал тебя подкинуть, — сказала она. Джек забрался в кузов, и они поехали к крайней линии обороны. Туда, где в пяти километрах от города стояло здание мобильного телепортатора.

Внутри уже собрались воины отца, и он сам в полном боевом облачении. Джек зашёл внутрь, кивнул остальным бойцам и снял штурмовой пулемёт с предохранителя. Кара сжала копьё так сильно, что послышался тихий скрип усилителей её доспеха, напрягшихся от натуги.

— Все готовы? — спросил отец. Солдаты кивнули. — Что же, хорошо. Да пребудет с нами благо Господа.

Как всегда перед телепортацией, Джек почувствовал, как защипало кожу. Он тяжело вздохнул, ожидая, когда же скакнёт давление. Мелькнула вспышка — и они оказались в окружении кучи старых ящиков, оставшихся с прошлой войны.

И они были не одни.

— Какого… — протянула Талиса, вскинув оружие. Перед ней стояли деформированные людские фигуры, состоящие из вытянутых белых кристаллов. Одержимые Процессом.

Было их не меньше сотни. Вместо лиц у них зияли чёрные воронки со свистом заглатывающие воздух. Джек приготовился к драке, но враги не сдвигались с мест. Они стояли, просто уставившись на людей, и делали короткие рывки руками в воздухе. Вокруг них на полу и стенах прорастали маленькие острые кристаллики, очередной признак заражения Процессом.

— Не боятся они древнего оружия, — пробормотал отец. — Они нас ждали… вот только, драться они не хотят.

Словно вторя словам отца, одержимые, наконец, сделали движение — и разошлись по разные стороны, освобождая проход.

— Командир, что будем делать? — напряжённым голосом выдавил лорд Талбот, не сводя дула винтовки с врага.

— Попробуем всё-таки сделать то, зачем пришли — наладить контакт. Опустите

оружие, но будьте начеку.

Солдаты, истреблявшие Процесс добрых тринадцать лет, послушались. Джек нехотя убрал палец со спускового крючка. Миссией командовал отец. Ослушаться он не имел права, раз подписался идти со всеми. «Что же, если они попытаются нас схватить, у нас хотя бы есть взрывчатка», — невесело подумал он.

Они прошли между одержимыми, каждую секунду ожидая нападения. Но ничего не произошло. Захваченные Процессом люди слегка подрагивали, уставившись на солдат своими воронками. Оставаясь ослепительно белыми, их тела, казалось, переливались всеми цветами радуги. Аккуратно делая шаг за шагом, бойцы покинули склад, поднялись вверх по лестнице и оказались посреди огромной колоннады, ведущей к местному сенату. Одержимые призраками шли следом.

— Командир? — подала голос Талиса.

— Просто идём вперёд. Не обращайте на них внимания.

По дрожащему голосу Джек понял, что отец тоже еле себя сдерживает. Враг был так близко, что почти ощущался лёгкий запах озона. Чушь, конечно: шлем должен был полностью отфильтровывать любые внешние ароматы. И всё же, Джек готов был дать руку на отсечение, что чует, как пахнет Процесс. От одной только этой мысли его замутило.

Где-то над головой разрывались бомбы и гремели взрывы, но их это не касалось. Пришли они сюда по другой причине. Джек не представлял, что же с ними будет, если Процесс вдруг захочет пойти на перемирие. Как они оправдают все людские жертвы? Что об этом скажут семьи погибших? И что же молвит Бог, который с самого начала предлагал оставить Процесс в этом городе?

Они прошли между колоннами и вышли к зданию сената. Оно было оформлено в старом стиле, с множеством барельефов на стенах и статуями героев прошлого у главного входа. По пути им никто не встретился. Город будто бы очистили. На улицах не было ни людей, ни животных, ни транспорта. Даже мелкий мусор, который нет-нет да встречался в Полисах, здесь отсутствовал. Только каменные джунгли вокруг, да компания из одержимых, плетущихся следом.

Джек ощущал напряжение Кары. Казалось, она только и ждала повод, чтобы сорваться и начать крушить врагов. Джек положил ей руку на плечо и покачал головой. Он не видел её лица, но готов был поклясться, что она от напряжения закусила губу — и в её глазах застыло умоляющее выражение. Нужда сдерживаться причиняла ей боль. Особенно сейчас, когда она находилась в самом сердце врага, среди тварей, поглотивших её сестёр.

Остановившись перед огромной лестницей, отец обернулся. Одержимые остановились. Их силуэты слегка подрагивали, словно они появлялись, а затем исчезали из реальности. Шедшая во главе тварь подняла колеблющуюся руку и указала на здание.

— Похоже, они хотят, чтобы мы вошли, — сказал отец.

— Это может быть ловушкой, — предупредила Талиса.

— Умоляю, командир, только дайте приказ, — простонала Кара. — Я уничтожу их, сотру в пыль, не оставлю даже молекулы!

— Держи себя в руках, — рявкнул отец. — Мы идём дальше.

Поднявшись вверх по лестнице, они отворили массивные двери. Джек вошёл первым. Казалось, будто их окружил лес. Повсюду — по стенам, потолку и полу, — прорастали громадные корни, из которых торчали белые остроконечные кристаллы. Они блестели так сильно, что визоры шлема включили повторную настройку яркости, дабы не дать Джеку

ослепнуть. Одержимые, шедшие позади, тем временем подошли ближе — настолько близко, что Кара спокойно могла достать их копьём.

— Командир! — тихо рыкнула она.

— Ничего не делай, — приказал отец. — Просто иди вперёд.

Чтобы перестраховаться, отец подтолкнул Кару, а сам встал в конец цепи.

— Сынок, продвигайся дальше, — сказал он.

Они прошли холл, который полностью превратился в оранжерею для громадных корней, а затем оказались в громадном зале, у потолка которого летали светосферы, излучающие мягкий, приятный свет. Прямо под ними у перекрёстка лестниц сидел очередной одержимый. У него не было воронки на голове и, в отличие от своих собратьев, он был обёрнут в какие-то тряпки. Джек заметил ещё кое-что: он не дрожал. Увидев вошедших, одержимый поднялся на ноги. Джека чуть не стошнило, когда на гладкой поверхности кристалла, в месте, где должна была быть голова, проявилось человеческое лицо. Тварь зашевелила губами, но не донеслось и звука.

— Что он сказал? — спросил отец.

— Я не понимаю, — ответил Джек.

Увидев замешательство солдат, существо дотронулось до правой ладони левой, а затем будто бы потянула палец в сторону. Отец вышел вперёд, и Джек едва сдержался, чтобы не дёрнуться следом. От волнения он почувствовал, как в горле встал комок, а в висках застучала кровь. Ему хотелось кричать — так сильно он был напряжён.

Отец встал перед одержимым и повторил движение — только вместо того, чтобы просто убрать руку в сторону, он снял с ладони латную перчатку. Протянув её вперёд, он стал дожидаться, что сделает Процесс.

Кара рванула вперёд и закричала:

— Нет!

Её схватила за наплечник Талиса и потянула обратно.

— Не смей! Мы должны попытаться, пойми!

— Они же сожрут его, как он этого не понимает?! — верещала девушка, пытаясь вырваться. К Талисе на подмогу присоединились другие солдаты. Джек же не мог сдвинуться с места — он просто завороженно наблюдал, как одержимый подходит вплотную к отцу и берёт его ладонь в свою.

А потом пожимает. Секунду они стояли, не двигаясь, просто сцепив руки. Затем отец спокойно надел латную перчатку, повернулся к солдатам и сказал:

— Я понял. Нас всех обманули.

— Что? — спросил Джек.

— Всё, что говорил Бог, было ложью. Процесс не хотел уничтожать человеческую расу.

— Но что же ему было нужно? — проверещала Кара, наконец, вырвавшись из объятий Талисы. — Почему он поглощал людей? Какого чёрта вообще происходило? Кому нужна была это война? Неужели… неужели это всё зря?!

Посмотрев на неё, отец покачал головой и произнёс:

— Конечно нет. Но чтобы вы поняли, мне сначала придётся рассказать про катер. И команду людей, преследующих полковника.

***

Джек со стоном скинул на пол шлем подключения к Сети. Вскочив на ноги, он схватился за голову и начал ходить туда-сюда, пытаясь утихомирить пульсирующую боль в висках. Раздирающая и беспощадная, она внушила ему ужас, который он не чувствовал очень давно.

Неужели он действительно умрёт вот так, даже не понимая, что произошло?

— Милый, всё в порядке? — послышался за спиной полусонный голос. Анни села на матраце, с трудом продирая глаза. Джек стиснул зубы, сдерживая очередной стон. Обхватив себя руками, он начал глубоко дышать, чтобы успокоиться — именно так, как его тренировал Учитель. Не прошло и минуты, как он пришёл в себя. К этому моменту Анни окончательно проснулась. Даже в темноте Джек видел в её взгляде беспокойство.

Открылась дверь и внутрь комнаты пролился свет, выхвативший короткую мальчишескую причёску Анни и часть татуировки на её груди.

— Босс, всё в порядке? — спросил Рэнди, заскочив внутрь с пистолетом наготове. Быстрая реакция, как и всегда. Услышав крик, он проснулся, примчался, да ещё с оружием. Лучшего телохранителя и не пожелаешь.

Анни вскочила с кровати и бросилась к Джеку. Приложив ухо к его груди и прислушавшись к сбивчивому ритму сердца, она сказала:

— Быстро тащи аптечку.

— Не надо! — собравшись с силами выдавил Джек. — Я в порядке. Честно.

— Уверен? — переспросила Анни.

— Конечно, — усмехнулся Джек. Успокоившись, он тут же залюбовался выточенным телом девушки. Её линии были остры как бритва и так же прекрасны. Даже нагая, она источала силу, уверенность и чувство контроля над ситуацией. Джек же, стоя перед ней и своим телохранителем нагишом, ощущал себя уязвимее некуда. «Не заслуживаю я их, ох, не заслуживаю».

Рэнди убрал пистолет за пазуху и зевнул. Его лысина, исписанная татуировками, отражала свет и, казалось, будто у него над головой висит нимб. Вяло махнув рукой, он захлопнул дверь. Даже не удивился, что его лучшие друзья теперь спят вместе голыми. Не сбеги он из-под опеки Синдиката, из него, возможно, вышел бы великий дипломат. Джек хотел его предупредить, но всё никак не получалось. Он знал, что Анни нравилась и Рэнди, потому просто не хотел обижать его. Боялся, что услышав об их отношениях, друг покачает головой, улыбнётся и уйдёт из банды. Поэтому они с Анни разработали целую схему, как ей пробираться в его спальню, чтобы остальные, включая Рэнди, не замечали. А Рэнди, похоже, знал всё с самого начала. Подумав об этом, Джек ощутил себя самым большим идиотом Города. Друг, в свою очередь, знал, что Анни нравилась и Джеку. Он поставил будущее банды над собственными чувствами — и за это Джек ему был бесконечно благодарен.

— Опять видения, да? — с сочувствием спросила Анни. Приобняв его, она пробормотала: — Не понимаю, почему ты продолжаешь так мучить себя. Ты помнишь прошлый раз?

Джек мог бы солгать, но понял, как глупо бы это выглядело.

— Нет. Тогда совсем плохо было.

— Ты даже не представляешь. Я ещё спала в общем отсеке. Рэнди примчался и сказал мне, что ты умираешь. Мы ворвались в твою комнату, а ты лежишь на полу в луже своей блевотины. Рэнди тебя приподнял, а у тебя из носа, глаз и рта кровь шла. Я всерьёз тогда думала, что потеряла тебя. И потому решила признаться. Побоялась, что ты умрёшь.

Джек почувствовал острый укол совести. «Так не может продолжаться. Ты должен выбрать уже, что для тебя важнее».

Забавно, Учитель ведь предупреждал его и об этом. Правда, тогда ещё Джек не понимал ни слова. Он просто повторял приёмы, которые ему показывали, тренировался и думал, когда же этот ад закончится. Эхом, словно из забытого далёко, в голове снова отозвались слова: «В жизни каждого человека настаёт момент, когда он должен решить для себя, что же ему важнее — страсть или долг. И благословлён будет тот, для которого долг и есть страсть. Остальным же можно только посочувствовать, ведь какой бы выбор они ни сделали, о нём они будут сожалеть до конца своих дней».

— Я должен это делать, — как можно твёрже произнёс он. — Ради тебя, ради нас. Ради всех остальных. Просто потому, что никто другой не сможет.

— Ты никогда не рассказывал, для чего это.

— Давай ляжем, — попросил Джек. Анни кивнула.

Когда они улеглись в кровать, Джек начал:

— Я всегда считал, что если расскажу вам, вы станете меня избегать.

— Это почему же? — спросила Анни, положив голову Джеку на грудь и сжав его в объятиях. Джек вздохнул.

— Думаю, придётся рассказать всё с самого начала. Я говорил, что не знаю, кто мои родители?

— Да, — протянула Анни. — Правда, родителей не знает больше половины города, так что ничего особенного тут не вижу.

— Так вот, дело в том, что я их знал. Когда-то. А потом кое-что произошло — и я их забыл.

— А вот это уже интереснее. Ты получил травму или что-то ещё? Несчастный случай?

— Нет, — выдохнул Джек, чувствуя, как по груди бегут мурашки от тёплого дыхания девушки. — Я помню, что раньше жил с ними.

Анни поднялась на руках и внимательно посмотрела в глаза Джеку.

— Ты не врёшь?

— Я сейчас абсолютно честен.

— Но ведь это значит, что ты жил в Башне Правосудия. Или же твои родители были большими шишками в Синдикате.

— Это я начал понимать намного позже. Но всё это смутные воспоминания. Я не помню их лиц, голосов. Только какие-то размытые образы. Намного чётче я вспоминаю вечер, когда всё изменилось. Я был дома, мать уложила меня спать. Она погладила меня по голове на ночь и поцеловала в щёку…

Он почувствовал, как Анни слегка задрожала от его слов. Наверняка она испытывала зависть, ведь ничего такого в её жизни не было. Её родители поступили, как и многие другие, — отказались от своего чада, чтобы не платить выкуп Синдикату. Жить в школе оказалось настолько тяжело, что Анни решила сбежать на окраины — туда, где не было власти короля. Где не заставляли после школы отрабатывать долг в Приюте. Конечно, на окраинах было не легче — но здесь ты был полностью свободен, и всё зависело только от тебя, а не от решений директора Приюта или школы.

— Потом я очнулся в церкви и мне сказали, что мои родители совершили нечто ужасное. Нечто, за что им пришлось расплатиться мной.

— Вот подонки, — буркнула Анни. — Неужели они продали тебя?

— Я так не думаю, — сказал Джек. — Помню крики, доносившиеся сквозь сон. Будто мама умоляла не забирать меня. Но её никто не слушал.

— Ты точно уверен, что так и было? Может быть, память тебя подводит. Выдаёт желаемое за действительное.

— Нет, — твёрдо ответил Джек. — Я знаю, родители ни за что бы меня не отдали. Меня забрали силой, чтобы я искупил их грехи.

— Так значит, ты воспитывался в церкви?

— И да, и нет. Я посещал всякие духовные семинары в церковной школе для общего образования. Но большую часть времени проводил в специальном корпусе, где тренировали меня и ещё пару десятков других детей. Учили рукопашному бою, стрельбе из оружия. Учили убивать. Меня даже заставили плавать! И когда я спрашивал, к чему меня готовили, мне ответили: «К войне».

Анни насупилась:

— Но с кем? Да и потом, это же церковь. Какие у неё могут быть враги? И какие солдаты? Это всё бессмыслица какая-то.

— Лучше спроси, каких врагов у церкви нет. Практически все силы в городе сосредоточены против неё. Церковь не любят ни Семьи Синдиката, ни полицейские, ни служители Информатория. Она, практически, всегда стояла сама за себя, тайно обучая бойцов, вроде меня.

— Ну, хорошо, — усмехнулась Анни. — Это ты так боялся рассказать? То, что тебя обучала церковь? Но какая разница? Ведь сейчас ты с нами, здесь, на окраинах! Ведь ты сбежал от них, верно?

— Как ты думаешь, почему я здесь с вами?

Услышав это, Анни секунду ничего не делала, а затем отодвинулась.

— Погоди… ты хочешь сказать…

— Да. Даже с вами я по заданию церкви.

— Глупость какая! Они хотели, чтобы ты стал бандитом?

— Они хотели проверить меня. Протестировать мои навыки. Потому и выкинули на окраины, чтобы я выживал. Тогда мне и пришла идея собрать свою банду. И, как ты помнишь, много времени у меня не ушло, чтобы сколотить из банды армию. Мой Учитель всегда говорил, что я прирождённый лидер.

Анни села на кровати, повернувшись к Джеку спиной. Он не видел её лица, но по тону понял, как сильно она раздражена.

— И когда ты собирался нам это рассказать?

— Никогда, — признался Джек. Анни вздрогнула. — Я не хотел ничего рассказывать. Я бы ничего и не рассказал, если бы не видения.

— Значит, это тест…

— Сначала они просто хотели посмотреть, как долго я выживу. Результат их удивил. Они даже не думали, что я достигну столько за такое короткое время. И всё благодаря тебе с Рэнди.

— Значит, мы для тебя лишь инструмент. Способ выслужиться перед хозяевами.

— Не говори глупостей, — Джек сел на кровати и положил руку на плечо девушки. — Без вас не было бы меня. Вы всё, что у меня есть на самом деле. Все мои успехи — ваших рук дело.

— Без тебя мы бы ничего не достигли, — помотала головой Анни. — Мы бы даже

десятка ребят не смогли собрать. Это ты их агитировал. Ты давал им надежду и цель. Ты сделал из кучки уличных гангстеров нечто большее. — Когда она повернулась, Джек увидел в её глазах слёзы. — Я всегда верила в твои речи, Джек. О том, что есть что-то большее, чем просто существование. Что мы все предназначены для высшей цели. Я думала, что ты делаешь всё ради нас. А теперь оказывается, что ты просто старался ради своих хозяев?

— Нет, я старался для нас. Грядёт война, Анни. Не знаю когда, не знаю с кем. И ребята, которых мы обучили, наверняка станут на ней солдатами. Потому нам нужно быть сильными. И ни в коем случае не сдаваться. Только так мы сможем выжить. Я ведь не для церкви собирал вас всех, а для себя.

— Так все твои разговоры о высшей цели — полная чушь?

— Вот мы и дошли до того, почему мне так часто приходится надевать этот дурацкий шлем. Что ты знаешь о курьерах?

Анни вытерла слёзы и всхлипнула. Такая постановка вопроса её сильно отвлекла.

— Информаторий использует людей, чтобы передавать данные. Загружает информацию в голову, а затем отправляет адресату. Курьер не знает, что у него в голове. Подожди, так значит, ты тоже?

Джек кивнул.

— Я думаю, это была одна из главных причин, почему меня решили взять. Ребята, с которыми я учился, обладали таким же талантом.

— Но ведь это очень редкая вещь! С ней бы ты спокойно мог работать на Синдикат и получать огромные деньги!

— Синдикат уже давно прогнил, Анни. Потому-то мы и нужны церкви, чтобы спасти людей от ошибок короля. Без нас всё здесь быстро рухнет.

— Так вот, значит, в чём твоя великая цель, — протянула Анни. — Ты хочешь всех спасти от Синдиката.

— И не только. Ещё от самих себя.

— Но зачем тебе подключаться к Сети во сне?

— Есть мнение, что когда Освободитель пожертвовал собой для сохранения Города, его сознание образовало Сеть, в которой сейчас орудуют Операторы. Кто-то же считает, что Сеть уже существовала, и сознание Освободителя ушло именно в неё. Как бы там ни было, церковь разослала всех нас по разным местам и приказала как можно чаще подключаться к Сети во сне, в надежде, что мы сможем увидеть хоть что-то, связанное с Освобождением.

— И ты увидел?

— Мне кажется, что да, — Джек начал массировать виски. — Понимаешь, я не помню, что увидел. Да, курьеры не имеют доступа к информации, которая в них загружена. И всё же, мне кажется, что дело не только в этом, иначе обычных курьеров тоже посещали бы такие видения. И получатели их заказов точно бы что-нибудь увидели, а об этом мигом бы раструбили во всех новостях. У меня такое чувство, будто видения адресованы только мне. Я связывался с другими ребятами, которые тренировались вместе со мной. Они сказали, что за всё время они не поймали ничего. А у меня это уже четвёртый раз. И я вижу всё больше и больше, но всё равно не могу разобрать многих деталей. Но я знаю, что видел Освобождение.

— Ты хоть что-нибудь помнишь?

— Я знаю, что смотрю на мир через глаза человека, которого тоже зовут Джек. И не знаю, значит ли это что-то или нет.

Анни призадумалась.

— Ты сказал, что тебя, практически, отобрали у родителей. Ты думаешь, что в таком случае они стали бы использовать то имя, которое тебе дали при рождении?

Джек замер, ощущая, как внутри него всё начинает холодеть.

— Я… никогда не задавался этим вопросом.

— Было бы глупо, не находишь? Наверняка твоё настоящее имя совсем другое.

— Да, имеет смысл, — протянул Джек. — Просто… я всегда думал, что это действительно моё имя. Ничьё больше. Они ведь отобрали у меня прошлое, пусть и дали новую цель в жизни. И всё же, если даже имя они отобрали… кто я вообще тогда такой?

— Какая разница? — пожала плечами Анни. — Даже если ты не знаешь, кто ты, я знаю. Ты человек, которого я люблю. А как тебя зовут на самом деле — важно ли это? Это всего лишь имя.

Джек с трудом кивнул, чувствуя, что начинает задыхаться от волнения. Ему снова пришлось прибегнуть к технике, которую преподавал ему Учитель.

— Дай-ка я резюмирую: церковь похитила тебя за грехи родителей. Отобрала имя и прошлое. Похоже, промыла тебе мозги, из-за чего ты не помнишь папу и маму. Сделала из тебя солдата, рассказала, что ты им нужен для великой цели. Выбросила на окраины, чтобы ты выживал сам. А когда ты всё-таки не умер, дала задание отыскать в Сети Освободителя, потому что у тебя талант курьера — хотя дело совсем не в нём, ведь других видения не посещают. Видения, которые каждый раз подводят тебя к грани смерти.

Анни с размаху ударила кулаком по кровати и воскликнула:

— Разве ты не видишь, что они тебя используют?!

— Потише, милая, — взмолился Джек. — Остальных разбудишь!

— Пусть и разбужу, — не унималась Анни. — А что я, по-твоему, должна делать? Получается, ты под постоянным прицелом — и это будто нам с другими бандами проблем не хватало! Через тебя они используют нас. Скажи, сколько наших дел ты делал для церкви?

Джек открыл рот и тут же его захлопнул. Да, она была права. Церковь использовала его — и он знал это всегда. Но как он ей мог объяснить, насколько велики на самом деле ставки? Как он мог показать ей, что всё это не шутки?

Как он мог показать ей, что даже осколка того, что он видел, более чем хватало для его веры?

— Поклянись мне, Джек, — практически взмолилась Анни. — Поклянись, что завяжешь с ними. Ты заслуживаешь намного большего. Я понимаю, что тебя просто так не оставят. Но мы обязательно что-нибудь придумаем! У нас больше сотни ребят, да и каждый стоят десятка обычных гангстеров! Ты не должен быть их марионеткой. Потому что когда придёт время — а оно придёт, даже не сомневайся, — они без сомнений тобой пожертвуют, чтобы достигнуть своих целей.

— Какой фатализм, — усмехнулся Джек.

— Поклянись мне, — настаивала Анни. Джек поднялся на кровати и качнул головой.

— Что же, раз ты настаиваешь… хорошо. Клянусь, что завяжу с церковью. И клянусь, что буду с тобой до самого конца. Тебя такой вариант устраивает?

— Более чем, — ответила Анни, обняла Джека и поцеловала. — Что ты планируешь делать?

— У меня в памяти до сих пор находится то видение. Церковь обязательно захочет его увидеть. Если я не принесу им его, они насторожатся, подумают, что я что-то скрываю. Потому нужно будет показать свою лояльность. Пойти им навстречу. Отдать то, что я увидел

— и сказать, что я больше не хочу иметь с ними дел. Что бы ты ни думала, я уверен, что меня отпустят без каких-либо проблем — дадут парочку заданий напоследок и отправят на все четыре стороны.

— Ты действительно так считаешь?

— Я важный для них агент. И всё же, что во мне такого, ради чего стоило бы меня держать? Я и так большую часть времени сам по себе. Ты спрашивала, сколько дел мы провернули ради церкви? Ни одного. Всё, что мы делали, было ради нашего общего развития. В крайнем случае, я скажу, что займусь бандой, и они могут обратиться ко мне в любое время — но я от них не буду зависеть.

— Хорошо, — выдохнула Анни. — Ты знаешь, я очень боялась, что ты скажешь, будто выхода нет вообще.

Джеку лишь оставалось рассмеяться.

— Ты сгущаешь краски. Я их агент, но уж точно никакая не марионетка. Давай спать. Завтра я со всем разберусь.

Анни послушно легла рядом и прошептала ему:

— Люблю тебя.

— И я тебя, милая, — ответил Джек. Положив подушку под голову, он повернулся боком и попытался уснуть. Но слова, сказанные Анни, отзывались у него в сознании, словно раскаты грома, докатившиеся из-за горизонта. Предвестники бури, которая обязательно грядёт — вопрос только, когда.

Сколько он ни ворочался, уснуть не получалось. Затаившись, он услышал размеренное дыхание спящей Анни. Осторожно спустившись с кровати, он подошёл к стулу, натянул брюки с ботинками и на цыпочках покинул комнату.

Рэнди, похоже, ушёл спать, потому ему не составило труда добраться до лестницы и подняться на крышу. Там его приветствовали порывы свежего ветра, от которого по спине тут же побежали мурашки. Он пожалел, что не накинул что-нибудь сверху. Впрочем, тело довольно быстро адаптировалось, и уже совсем скоро Джек смог задышать полной грудью и не дрожать. Усевшись на парапет и свесив вниз ноги, он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

Внизу по магистралям носились отполированные до ослепительного блеска автомобили с дешёвыми покрышками, что издавали драконий визг, стоило лишь кому-то дотронуться до педали тормозов; матерились прохожие, переругиваясь с уличными торговцами, пытавшимися как можно выгоднее продать товар, у которого через несколько часов истекал срок годности. Светофоры перемигивались с вывесками магазинов и кафе, а те семафорили в ответ признания в любви. Томно поскрипывали двери в офисах мелких и крупных гангстеров, что тихо переговариваясь проворачивали свои дела. Окраины дышали жизнью — грязной, пыльной, вонючей, а иногда и не мытой месяцами, но жизнью. И, в отличие от Центра, здесь она ни на миг не останавливалась. Даже когда темнели светосферы, мало кто спал. Да и как спать, когда ночь была лучшим временем для решения многих давно назревших конфликтов. Джек напряг слух: в десятке кварталов от него пели гимн смерти мелкокалиберные пистолеты. Похоже, картель Алой Розы выбивал себе ещё один кусок земли у молодой шпаны, решившей, что у них губа не дура. Впрочем, ничего нового или удивительного. Банды круглыми сутками занимались двумя вещами: обеспечивали «охрану» заведений, которые платили им за это деньги, либо же вышибали друг из друга дух, завоёвывая новые территории и клиентов.

Это казалось безумной шахматной партией, в которой оба гроссмейстера давно сошли с ума, вместо достижения победы сосредоточившись на самом процессе. Все прекрасно знали, что даже если окраины объединятся под одной бандой, полиция быстро рассеет такие начинания. Какой же был тогда смысл в этих постоянных схватках, если каждый понимал, что сильнейшими им не стать никогда?

Джек вздохнул и закурил ещё одну сигарету. Совсем рядом, буквально в трёх-четырёх кварталах, стояла стена, ограждавшая окраины от Центра. Чёрная, монолитная, она казалась настолько неприступной, что даже смотреть было на неё неприятно. Формально, король приказал её возвести, чтобы события войны со Стрелками тридцатилетней давности уж точно не повторились.

И всё же, Джеку всегда казалось, что поставили её просто для подчёркивания разницы социальных статусов. Из-за её вершины виднелись деловые небоскрёбы, выточенные и аккуратные жилые блоки, даже виллы Семей, располагавшиеся на вершинах некоторых домов. На окраинах же жалко ютились здания, казавшиеся карликами по сравнению с монструозной архитектурой Синдиката. Словно забитые дети в присутствии пьяных родителей, они жались к земле, будто стараясь скрыться из виду. На их лицах всё ещё виднелись синяки — зиявшие дыры на фасадах, оставшиеся от снарядов прошлой войны. Куда ни глянь — везде разруха и боль. И где-то вдалеке виднелся шанс на спасение, блестящий мир из света, стекла и бетона, мир, в котором полуголые топ-модели расхаживали по блестящим подиумам, стараясь не расплескать дорогие напитки в стаканах с алыми зонтиками. И этот мир так близко, что его почти можно рукой достать — вот только он огорожен высокой, неприступной стеной. Когда-то находились смельчаки, пытавшие вскарабкаться на неё. Довольно быстро они понимали, что предприятие было бесполезным. Понимали — и погибали, разбиваясь об асфальт.

Никто не знал, что именно защищало стену. Но никто и не хотел выяснять. Какая разница, в чём причина? Результат был всегда одним и тем же: кровавым месивом из плоти и костей, размазанным по обочине и десятки раз раскатанным незадачливыми водителями, которым просто лень было убирать останки очередного неудачника. Никто не хотел закончить так, даже самые отпетые декаденты, божившиеся и клявшиеся, что они вот-вот наберутся храбрости и покончат жизнь самоубийством.

Не туша сигарету, Джек бросил её вниз и проследил, как огонёк удаляется и затухает, пшикнув об асфальт. Впервые ему захотелось сигануть вслед. Почувствовать, как затрещат кости, с огромной скоростью встретившись с тротуаром. Как сомнётся и разорвётся кожа. С каким звуком выплеснутся и разлетятся по округе внутренности.

Ему хотелось прыгнуть. И ещё больше хотелось скинуть кого-нибудь другого вниз.

— Да кем она себя возомнила? — прошипел он, чувствуя прилив злобы и сжимая кулаки.

Он любил Анни больше жизни, но она не понимала — и не могла понять, чего от него требует. И всё же, он дал слово. А значит, ему придётся идти до конца.

Вздохнув, Джек провёл ещё некоторое время, созерцая за движениями жизни на окраинах: за бандитами, дилерами и проститутками, а также за честными гражданами, что пытались выжить среди всего этого.

Пусть стена, отделявшая Центр, мало кого пускала внутрь, выходов наружу более чем хватало. Хотя в последние годы правила ужесточились. Раньше армия с полицией плохо следили за оттоком людей из Синдиката. Сбежать из Приюта, а потом перебраться на

окраины почти не составляло труда. Это было настолько оскорбительно просто, что многие покидали Синдикат без оглядки, веря, что хуже, чем в Приютах, быть уже не может. Конечно, они ошибались. Кто-то не выдерживал бешеного ритма жизни и пытался вернуться обратно. Вот только путь назад был им заказан. Некоторые от отчаяния даже кончали с собой, считая, что они потеряли всяческие шансы на достойную жизнь и теперь до конца своих дней будут вынуждены влачить жалкое, нищенское существование.

Джек не понимал их. Жизнь на окраинах трудно было назвать простой, и всё же, она легко перебивала любое существование внутри границ Синдиката, где прихвостни короля следят за каждым твоим шагом.

Видимо, в какой-то момент Карлу надоело, что люди продолжают бежать, наплевав на все трудности, что ждали их за стеной. Солдаты стали строже следить за Приютами и школами, полицейские так вообще могли пристрелить беглецов на месте. Армия поставила охрану вокруг технических туннелей, которые могли быть использованы для побега. И всё же, люди продолжали всеми правдами и неправдами изыскивать пути, чтобы покинуть Синдикат.

В конце концов, и этот ручеек сошёл на нет. Но тут неожиданно возникла новая проблема: в Центре стало слишком мало свободного места. Несмотря на то, что здания строились друг на друге, всё сильнее и сильнее вырастая вверх, мало кто хотел искать пространство для строительства очередного Приюта. В итоге королю пришлось принять трудное решение и начать размещать Приюты, совмещённые со школами, на окраинах.

Без стены и кучи охранников, которые могли бы помешать, люди начали бежать с удвоенной силой. И всё же, хватало тех, кто категорически отказывался вырвать из цепких лап Синдиката свою свободу. Они настаивали на том, что им нужно продолжать работать, чтобы приобрести действующее гражданство и занять своё место в обществе. Король с поощрением отнёсся к душевным порывам своих подданных и провозгласил, что любой из Приютов окраин, кто заслужит действующее гражданство, обязательно дальше будет проживать в Центре. Зато выходцы из Приютов Центра должны будут упорной работой и уважением заслужить себе лакомое местечко внутри стен — иначе же с получением гражданства их ждёт жизнь на окраинах.

Это инициатива произвела эффект разорвавшейся бомбы. По слухам, доходившим до Джека, в некоторых заведениях с не очень ответственными директорами даже происходили локальные гражданские войны за право остаться в Центре. Решение короля, в каком-то смысле, было элегантным. Он решил конфликт руками людей, которые его же и развязали. Он не стал препятствовать дальнейшим попыткам побега и строго-настрого запретил полиции убивать беглецов. Карл просто намекнул, что жить в Центре — шанс, который не даётся каждый день. И упустить его может быть очень большой ошибкой.

Все банды старались как можно дальше обходить районы, принадлежащие Синдикату. Вокруг Приютов всегда находился приличный военный контингент. И всё же, армейцы относились к гангстерам достаточно лояльно. Им просто нечего было делить. У солдат за душой было ещё меньше, чем у шпаны с улиц.

Зато копы бандам спуску не давали. Только подумав о полицейских, Джек ощутил приступ ненависти. Вот на ком не помешало бы сейчас выместить злобу.

Башня Правосудия уже многие годы пыталась утвердиться, как единоличная правительница окраин. Полицейские патрули, зачастую, были вооружены настолько лучше солдат, что апологеты Синдиката на фоне копов казались детьми, играющими в войнушку.

Блюстители закона не гнушались периодически выпускать погулять свои отряды спецназа в экзоскелетах. Сколько Джек ни беседовал с жителями окраин, все как один твердили — когда эти железные махины были рядом, никто себя не чувствовал в безопасности. Люди привыкли договариваться с бандами. В каком-то смысле, многие из-за этого и предпочитали жить на окраинах: они знали, что на гангстеров можно положиться, когда дело касается наживы. Банды говорили всего на двух языках: уважения и бизнеса. Учитель любил повторять, что организованная преступность всегда возникала там, где власти не смогли оправдать доверия народа.

Исключения были редки и чаще подтверждали правило. Например, до появления Алой Розы, большая часть территорий принадлежала картелю Синей Лагуны. Его глава славился крутым нравом и склонностью наводить на людей страх. Ему нравилось, что его все боялись. К людям, отказывавшимся от сотрудничества, он отправлял бойцов, что безжалостно расправлялись со всеми, кого находили. Вот только Синяя Лагуна потеряла могущество так же быстро, как его и приобрела — Башне очень сильно не понравилось, как гангстеры повели себя с последней из жертв, имевшей протекцию полицейских. И совсем скоро копы устроили рейд на крупнейшее казино картеля. Не сказать, что они достигли больших успехов: главу упустили, как и большинство лейтенантов, что быстро разбежались, почуяв, куда дует ветер. Да и при штурме погибла пара дюжин гражданских, которыми прикрывались бандиты. И всё же, рейд послал очень важное сообщение, на которое тут же откликнулись все гангстеры окраин. Следующие несколько суток во всех районах велась активная охота за бойцами Синей Лагуны. Даже подростковые банды подключились к веселью.

Через неделю от руководства картеля не осталось и следа. Лейтенантов переловили и перебили, главу прикончила одна из его любовниц. Хуже всего досталось бойцам, которых отправляли на карательные операции. Над ними измывались до тех пор, пока они сами не начинали молить о смерти. Синей Лагуне пришёл конец.

Они лишились силы, когда люди поняли — силу картелю давали они сами. Как только вера в их неприкосновенность пошатнулась, все увидели в Синей Лагуне обыкновенное сборище садистов и беспредельщиков.

Алая Роза, возникшая не так давно, вела свои дела учтиво и осторожно. Даже нападая на вражеские банды, картель предварительно уведомлял их о грядущей войне и просил убрать из зон будущих сражений гражданских. Казалось бы, глупые сантименты, однако люди очень быстро полюбили гангстеров, для которых честь была намного важнее выгоды. Что бы кто ни говорил, а рыцарство всё ещё оставалось в цене.

Когда Джек начал сколачивать собственную банду, он быстро дал всем понять, что набегами на невинных они заниматься не будут. Что для них важнее собрать как можно больше ребят и спасти их от участи обычной уличной шпаны. В первый год он лично обучал каждого из своих рекрутов. После подобные заботы пришлось передать в руки подчинённых. На плечи Джека легли заботы намного важнее. Например, переговоры с другими бандами и потенциальными партнёрами по бизнесу. Многие мелкие предприниматели, которые не хотели связываться с картелем Алой Розы, предпочитали нанимать для защиты обычных гангстеров. Джек предоставил им достойную альтернативу: целую армию подростков, которые верили, что служат высшей цели — установлению порядка на окраинах. Что именно Джек подразумевал под этим в своих речах, не знал никто, кроме него самого. А планы у него были очень амбициозные.

Первые делом он хотел полностью освободить окраины от влияния Синдиката и ограничить зону действия короля одним только Центром. Затем начать строительство аналогов Приютов и поставить церковь всем этим управлять. И, наконец, когда люди примут новую форму правления, объявить окраины зоной, независимой от Синдиката и Башни Правосудия. Зоной, которая подчинялась бы напрямую Эдему и Освободителю.

Джек прекрасно понимал, что его планы далеки от осуществления. Тем не менее, он всей душой верил, что они достижимы. Более того, он знал, что только подобным путём окраины смогут обрести настоящую независимость. Все эти банды и картели жаждали отделения от Синдиката и полиции, но не могли предложить ничего конкретного взамен. У них не было единой идеологии, которая могла бы сплотить всех, заставить людей думать не только о себе, но и о других. Вера в Освободителя была идеальным вариантом, про который все почему-то забыли. Она не только могла объединить граждан, но и показать Эдему, что не весь Старый Город потерян. Надежда ещё тлела в их сердцах. Нужно было только подлить топлива, чтобы дать ей разгореться в полную силу.

И Анни хотела, чтобы он отказался от всего этого.

Нет, у него всё же был ещё один путь. Джек мог сделать всё именно так, как просила его Анни. Он мог ограничить связи с церковью и полностью заняться организацией банды. Единственное, что ему нужно было сделать — это тайно продолжить заниматься сбором видений. В Центре существовало, как минимум, пять независимых друг от друга групп, веривших, что Освободитель действительно находится где-то в Сети. Даже если не его личность, то точно его воспоминания. Джек уже доказал, что их теория верна. Всё, что ему нужно было делать, так это продолжать работу, несмотря ни на что. Он не был марионеткой церкви. Он был её козырным тузом, который дал бы всем жителям Старого Города понять, что Освободитель пожертвовал всем, чтобы они жили в мире и гармонии — и Синдикат всё это отнял, задушив веру своей богомерзкой системой Приютов. Освободитель жаждал, чтобы каждый его подданный был счастлив. Иначе, зачем бы он погиб, даровав первенцам будущее? И для того, чтобы люди поверили, им нужно было показать, как на самом деле произошло Освобождение. Показать, каких жертв оно стоило. Показать, что они не имеют права терпеть тирана, стоявшего во главе Синдиката.

Вот в чём была его миссия. Спасти Первый Город, ни больше, ни меньше. Как бы он ни любил Анни, он не мог позволить ей разрушить всё, что он успел построить.

Развернувшись, он слез с парапета и пошлёпал обратно, к себе в спальню. Когда он лёг рядом с Анни, то тут же провалился в сон без сновидений.

Разбудил его резкий оклик Рэнди. Едва продрав глаза, он увидел настороженную физиономию телохранителя. Анни рядом уже не было — она, похоже, слушала по коммуникатору утренние доклады лейтенантов. В одном здании с ними, в северной части окраин, квартировался только первый взвод из двадцати пяти человек. Остальные три располагались на юге, западе и востоке. Когда взвода было только два, они собирались на утреннее построение в том же здании, где и квартировались. Теперь, когда все были распределены по районам, лейтенанты сами строили бойцов, а затем докладывали о происшествиях Джеку.

— Доброе утро, босс, — произнёс Рэнди. — Анни сказала, что вам нужно съездить в церковь.

Джек потянулся и стал напяливать на себя одежду. Уже застегнув мундир, он спохватился и начал переодеваться в обычную чёрную футболку и пальто. Не хватало ещё

заявиться в святое место в солдатских одеяниях.

В качестве униформы они использовали мундир Синдиката времён Первой Войны Домов. Анни нашла схему в каком-то старом утилизаторе и скопировала её. Увы, форма была только одного размера — большого, потому каждый солдат подгонял её индивидуально под себя. На Джеке мундир болтался, как на пугале. И всё же, форма ему нравилась. В ней был определённый символизм. Пусть Первая Война Домов и была беспредельно чудовищна, именно она подарила людям Адама. Подарила надежду и уверенность, что Освободитель всё же присматривает за ними — и в нужный момент снизойдёт, чтобы спасти всех.

Вот только церковь такие жесты вряд ли поймёт. Потому, от греха подальше, Джек надел повседневку и кивнул Рэнди. Вместе они спустились в гараж, где один из бойцов уже прогревал машину.

— Почему не открыл ворота? — рыкнул Рэнди, отвесив мальчишке подзатыльник. — Хочешь, чтобы мы выхлопами задохнулись?

— Простите пожалуйста, сэр! — пропищал солдатик. — Такого больше не повторится.

Оттолкнув пацана, Рэнди сел за руль. Джек устроился на переднем пассажирском. Обычно он предпочитал садиться сзади, но что-то подсказывало — Рэнди сегодня очень хочет поговорить.

Автомобиль достался им почти что бесплатно — его подарил один механик, чей бизнес они охраняли пару месяцев назад. Лучшие дни железного коня остались в прошлом: сидения в салоне потрепались, как и кожа на панелях. Сколько освежителя Джек ни брызгал, всё равно внутри стоял отвратительный запах, от которого резало глаза — будто бы предыдущие владельцы забыли вытащить мертвеца. Вполне возможно, что так и было. Автомобиль пережил кучу бандитских переделок, и наверняка на заднем сидении неизвестный бедолага истёк кровью до смерти. Джек не исключал, что его ждёт такая же участь. И всё равно не жаловался: даже пропахшие мертвечиной колёса лучше, чем вообще никаких.

Телохранитель аккуратно вывел машину на дорогу, а затем по спуску вниз, к магистрали. Не прошло и минуты, как они влились в нескончаемый поток автомобилей, что день и ночь будоражил покой жителей — как окраин, так и Центра. Словно кровеносная система, магистрали пронизывали всё тело Первого Города. Конечно, в Центр было невозможно попасть просто так — везде стояли блокпосты, возле которых неизменно возникали пробки. Даже работая на пределе, солдаты не успевали достаточно быстро пропускать все автомобили. То тут, то там проскальзывали ребята с нечистыми замыслами, провозившие контрабанду. Правда, рано или поздно, даже самых пронырливых ловили и передавали в руки Башни.

— Так куда мы поедем? — спросил Рэнди. — К ближайшей часовне за минут пять можем доехать.

— Нет. Поедем в собор Святого Константина.

Рэнди с удивлением уставился на Джека.

— Но ведь это в Центре. Нас пропустят?

— Обязательно, — кивнул Джек. Церковь предоставила ему нужные бумаги для таких случаев. Правда, отправляться в собор было совершенно необязательно. Он мог заехать в любую часовню, найти терминал и самостоятельно выгрузить всё, что у него было. Джек надеялся, что в соборе он встретит кого-нибудь из старших священнослужителей, которые бы передали высшему составу, что он хочет выйти из игры.

Рэнди покачал головой и утопил в пол педаль газа. Джек уставился на друга, пытаясь по

его невозмутимому лицу прочесть, что же тот думает. И потерпел поражение. Хоть Джек и знал Рэнди больше двух лет, почти с первых своих дней на окраинах, он так и не научился правильно читать его эмоции.

Рэнди был хорошим солдатом. Нет, даже отличным. Он никогда не задавал лишних вопросов, никогда не оспаривал решений Джека, с врагами не церемонился и совестью не мучился. Идеальное орудие, способное как на грубое насилие, так и на хирургически точные операции. И всё же, в его невозмутимости и послушности крылась его главная слабость. Солдат, не оспаривающий приказы, никогда не станет офицером.

Рэнди присоединился к банде Джека следом за Анни. Они вместе сбежали из одного Приюта, вместе выживали на окраинах. Вот только Анни прекрасно себя чувствовала в одиночестве. Рэнди же всегда нуждался в чьём-то обществе. Словно боялся, что если его бросят, то никогда за ним не вернутся.

До ближайшего блокпоста было минут сорок езды, а оттуда ещё двадцать до собора. Более чем достаточно времени, чтобы всё обсудить. Вот только Рэнди упорно молчал. Джек решил сам начать разговор:

— Знаешь, мне всегда интересно было, почему ты присоединился.

Рэнди не сводил взгляда с дороги. Когда Джек уже решил, что друг просто проигнорировал вопрос, он ответил:

— Ты ведь помнишь, как всё было. Мы пришли с Анни. Оба умирали с голоду.

— Да, но вы ведь были в другой банде?

Рэнди усмехнулся:

— В ней нас больше не жаловали. Анни отказалась спать с их вожаком. Вышел конфликт. Слово за слово, началась стрельба. Мы нескольких положили, многих ранили — и бросились бежать. Уже думали, что нам крышка. Собирались плюнуть на всё, пойти и дать последний бой нашим бывшим друзьям. И тут наткнулись на твоих ребят, искавших новых рекрутов. Они привели нас к тебе. Ты как раз читал эту речь про порядок на окраинах. Про высшую цель, для которой мы все созданы. Анни очень впечатлилась, да и мне зашло.

Рэнди повернулся и посмотрел Джеку в глаза.

— Всё, что ты тогда говорил — правда? У тебя действительно есть какой-то план? Мы ведь не просто бандиты, которые убивают ради наживы и удовольствия?

— Нет, дружище, — заверил Джек. — Мы хорошие парни, уж поверь мне.

— Да мне, в общем-то, насрать, хорошие мы или нет, — Рэнди покачал головой, матернулся на подрезавшего его водителя и перестроился на другую полосу. — Я ведь в старой банде убивал просто так. Потому что нам нечего было есть. Однажды мы целую кафешку разнесли просто потому, что хозяева отказались нас бесплатно угостить. И ведь тогда я думал: чёрт, ну что за уроды. Им же ничего не стоило просто набрать жижи из утилизатора и дать нам. А сейчас я понимаю, что это был вопрос принципа. Они знали — дай нам кусочек пирога, так мы потребуем весь. Они отказались — и мы оправдали все их худшие ожидания.

Рэнди съехал с магистрали на дорогу, ведущую к блокпосту, и через квартал остановился на перекрёстке. Джек смотрел на красный свет и думал, что всё ещё было время всё прекратить. Может быть, Анни права. Может быть, ему ничего и не нужно. Даже банда — к чёрту её. Пусть всем распоряжаются лейтенанты. Рэнди, наконец. А они с Анни могут спокойно уйти и обосноваться в Центре. Наверняка церковь может что-нибудь придумать. В конце концов, он же один из её лучших агентов.

— А с тобой мы делаем хорошие дела. Помогаем людям, защищаем бизнес от всякого отребья. При этом со своими обращаемся по-человечески. Да и Анни всё нравится.

Джек почувствовал подступающий к горлу ком.

— Ты ведь знал про нас, да?

— Почти, — ответил телохранитель. — Я ведь особо не думал, когда вступал. Мне казалось, у нас просто нет другого выхода. Ты либо в банде, либо доживаешь последние дни. Уже потом, когда всё устаканилось, я понял, как хорошо ты подготовил своих людей. Вот Анни — она с первого дня в тебе что-то увидела. Я не придавал этому значения. Пока она мне однажды не сказала: «Джек — лучший человек из всех, кого я встречала». Я спросил: «Даже лучше меня?» Она подумала и ответила: «Да, намного лучше».

Рэнди усмехнулся.

— Слушай, ты не делай из этого такую драму. Думаешь, я на неё прямо так запал, что ум потерял? Она мне как сестра, причём, старшая. Она всегда меня вела, подталкивала сменить обстановку, принять тяжёлые решения. Сейчас, думаю, я уже готов жить сам по себе. Без её подсказок.

Джек выдохнул.

— Я рад, что мы поговорили об этом, — признался он.

— Только я тебя предупреждаю, — заметил Рэнди. — Не обижай её. Я не буду с тобой драться. Просто уйду. Навсегда.

— Не волнуйся, — ухмыльнулся Джек. — Она сама кого угодно обидит.

— Да, она такая, — кивнул Рэнди. — Если бы не она, я бы, может, из Приюта и не сбежал.

— Жалеешь об этом?

Рэнди наклонил голову.

— Если хорошенько подумать: да, пожалуй. Я бы уже сейчас выпустился из Военной Академии. Начал бы строить карьеру, задумался о будущем. Но это всё ничего не значит, верно? Мы те, кто мы есть. Нет никаких других нас, кроме тех, что существуют прямо сейчас, в данный момент. Так что не о чем жалеть и незачем. Я принял множество решений — и сейчас я именно там, куда привёл себя сам. Может быть, оно и правильно, что я пошёл за Анни — ведь не будь её, я бы последовал за кем-то похуже. Я никогда не жил так хорошо, как живу сейчас. Так что остаётся только жить дальше и смотреть, что же ждёт впереди. С тобой, босс, нас ждёт только хорошее, я уверен.

— Польщён твоим доверием, — съязвил Джек и сделал небольшой поклон. Рэнди хотел что-то ответить, но впереди показался блокпост Синдиката. К счастью, очередь была небольшая — уже через несколько минут к их машине подошёл солдат с лицом, скрытым очками и маской.

— Документы, — приглушённым голосом потребовал он. Порывшись в карманах, Джек протянул пластиковую карту с чипом. Солдат вставил её в считывающее устройство на своём коммуникаторе и кивнул. — Здесь всё в порядке. Покажите, что везёте.

— Да у нас ничего и нет, начальник, — сказал Рэнди и вышел из машины, чтобы открыть багажник. Даже через маску Джек увидел, как лицо бойца скривилось, стоило ему учуять запах из салона.

— У вас там что, труп что ли?

— Никак нет, — отозвался Джек. — Машина из мастерской Винсента Коллеты. Если хотите, проверьте по номерам. Нам её подарили уже такой.

Убедившись, что в багажнике нет мертвецов и окровавленных пакетов, солдат махнул рукой и буркнул:

— Ладно, проезжайте так. Учтите только, что я ваши данные передал всем постам и на выезде вас полностью досмотрят.

— Как скажете, начальник, — просиял Рэнди. Джек даже не знал, что телохранитель может быть настолько приветливым.

Железные ворота блокпоста разъехались в стороны, пропуская их. Рэнди вывел автомобиль по дороге на главную магистраль. Чтобы не скучать, Джек включил радио. Тут же раздался до омерзения жизнерадостный голос ведущего:

— И снова с вами станция Чёрная Волна с новым хитом от Сонни Мао — «Гори, детка гори!»

— Никогда не любил песни Центра, — признался Рэнди, в то время как динамики начали издавать странные звуки, отдалённо похожие на скрип несмазанной двери, смешанные с томным завыванием солиста. — В них будто нет души.

— А в какой музыке она есть?

— Ты вспомни выступление Кровавых Топоров в клубе напротив мастерской Винни. Каждое слово прожито, каждый крик выстрадан.

— Без обид, дружище, но Топоры — это просто парни, что орут в микрофоны набор слов и мучают струны. Нет в них никакой глубины.

— Босс, вот только за это я тебе готов нос сломать, — снисходительно заметил Рэнди. — И всё же, я приму во внимание смягчающие обстоятельства. Ты в ночной жизни не ориентируешься — и это нормально.

— Да куда уж мне, — покачал головой Джек. — Ребята, как Кровавые Топоры, хуже пушеров — сколько их ни стреляй, всё равно вернутся, чтобы толкать свой вонючий товар.

— Ну, у всех своих недостатки, — примирительным тоном заявил Рэнди.

Остаток пути они провели в молчании, слушая хиты последних лет, а также классику начала века. Через полчаса они съехали с магистрали и въехали вверх по дороге, что вывела их на улицы Центра. Джек зажмурился: он не привык, что освещение может быть настолько сильным. Центр блестел и сиял — вдоль зданий ходили улыбчивые люди в ярких одеждах, отражаясь в огромных витринах дорогих кафе и магазинов. Нигде не было мусора, даже грязь в переулках казалась облагороженной. Джек тут же почувствовал приступ зависти, а за ней пришла и плохо сдерживаемая ненависть. Почему он, парень, который спасал Город, вынужден прозябать на окраинах, спать в вонючих, занюханных зданиях и мириться с отбросами, о которых копы даже руки марать стеснялись? Почему его не могли оставить в Центре? С его-то умениями, наверняка бы нашлось место, где он бы пригодился? Мысль об этой несправедливости начала с такой силой пульсировать в голове Джека, что он снова почувствовал боль. Несколько раз вдохнув и выдохнув, он собрался с мыслями и утихомирил закипающую ярость. Он ведь должен быть одним из лучших, а значит, его отправили на одно из труднейших заданий, с которым не справились бы другие. Не о чем беспокоиться и нечему завидовать. Он должен гордиться тем, что ему выпала самая тяжёлая доля.

Через несколько мгновений они выехали на площадь перед собором, и Джек почувствовал дрожь и благоговение, когда огромный храм возник перед его взором. Пусть собор и уступал по размерам Дворцу короля, он оставался одним из самых крупных зданий Центра. Громадные витражи иллюстрировали сцены из Божьего Порядка, свет, играющий на их поверхности, будто бы приводил картины в движение. Джек с замиранием сердца

наблюдал за фигурой Освободителя в золотых доспехах, который будто бы нависал над ним, чем ближе они подъезжали. Но он не чувствовал страха — в его душе царило умиротворение, которого он не чувствовал с тех пор, как отправился на свою миссию.

Под аркой у главного входа стояли монахини и раздавали благословлённые иконы всем желающим. Там же отирались внушительного вида мужчины в тёмных одеждах с длинными посохами — боевое братство монахов, поклявшихся ценой жизни защищать церковь от всех безумцев, желающих осквернить память Освободителя своим неверием. Большинство граждан жестоко ошибались, считая, что кроме добровольцев с дубинками у церкви нет других военных формирований. Впрочем, церковь была рада поддерживать такой имидж. «Всегда выгоднее в глазах врага казаться глупцом», так говорил Учитель.

— Едем дальше, остановишь за углом, — посоветовал Джек Рэнди. — Мне главный вход ни к чему.

Телохранитель послушался. Они остановились у задней стены, в неприметном переулке. Стоило Джеку выйти из автомобиля, как из-за угла выбежала юная монашка, поправляя рясу, а за ней боевой брат со стрижкой под горшок и жиденькими усиками. Оба пустились наутёк.

— Кое-кто «полюби ближнего своего» воспринимает слишком буквально, — хрюкнул Рэнди. Джек пожал плечами. Он подошёл к стене, выложенной из кирпичей, и стал водить по ней пальцами, пока не нашёл специальное углубление. Из отверстия полился свет — спрятанный внутри сканер считал отпечаток Джека. Со скрипом отворился потайной люк.

— Чёрт возьми, а у церкви куча своих секретов, да? — Рэнди уставился на Джека. — Откуда ты о нём знаешь?

— Я работаю на церковь, — коротко ответил Джек и начал спускаться. Телохранитель так и остался стоять сверху. — Ну что, идёшь?

— Почему ты не говорил об этом раньше?

— Никто и не спрашивал. Полезай за мной. Здесь длинный туннель, я тебе успею всё рассказать.

Телохранитель послушался и спустился следом. Как только Рэнди оказался внизу, Джек нажал на панель на стене, и люк закрылся. Включились настенные лампы. Рэнди присвистнул:

— Да тут, если захотеть, жить можно.

— Думаю, во время Войн Домов церковники так и делали, — сказал Джек. — Не удивлюсь, если под Дворцом целая система таких вот туннелей. Не суть. Пойдём, а то до вечера не успеем вернуться.

Пока они шли, Джек вкратце изложил Рэнди то же самое, что и Анни. Телохранитель не перебивал, слушал очень внимательно, а когда Джек дошёл до того, что ему посоветовала Анни, покачал головой:

— Я с ней согласен, но знаешь, если ты действительно хочешь посвятить себя банде, необязательно обрывать связь с церковью. Думаю, такие знакомые тебе ещё точно пригодятся. Хотя с ловлей видений в Сети однозначно стоит покончить. Я помню, как тебя перекрутило в тот раз. Знаешь, мне не хочется, чтобы ты от этой погани умер. А ещё меньше мне хочется разбираться с сотней ребят, которыми мне придётся управлять после твоей смерти. Так что скажи, например, ты от этой работы отказываешься, но не прочь заняться другой.

— А такой вариант тоже неплох, — протянул Джек. Они как раз дошли до стальной двери. Джек стукнул два раза, сделал затяжную паузу, а потом стукнул ещё три раза. Дверь

отворилась, и внутрь заглянул полусонный монах с отвисшей губой.

— Ты, мать твою, кто такой? — протянул он, увидев гостей.

— Именем его и во имя его… — начал было Джек, но монах тут же отмахнулся и отошёл в сторону.

— Тьфу ты, опять секретные ордена. Проходите уже. Что-то вы зачастили. Пять лет сижу — и никого, а тут за неделю уже четвёртый визитёр.

— Тебе бы меньше языком чесать, — посоветовал Джек. Монах пожал плечами.

— А чего скрывать-то? Все же свои?

Джек ничего не сказал, покачал головой и прошёл внутрь. По длинному коридору, занавешенному алыми тканями, он вышел в главный зал. Рэнди не удержался и присвистнул, заслужив укоряющий взгляд от Джека. Хотя он прекрасно понимал реакцию друга: собор внутри казался ещё больше, чем снаружи.

Высокие, резные колонны с ликами апостолов, витражи, золотые люстры, заливающие всё пространство тёплым, приятным светом — атмосфера собора навеяла Джеку воспоминания о детстве. Он помнил не столько картины и детали, сколько ощущение, которое у него тогда было — ощущение тепла. Уверенности, что всё будет в порядке и волноваться не о чем. Как же давно он не испытывал подобного.

Даже в это время собор не пустовал — вдоль стен располагались небольшие отсеки, в которые приходили одиночки, чтобы помолиться и зажечь свечи. Впрочем, они Джеку никак не могли помешать.

— Что мне делать, босс? — спросил Рэнди.

— Можешь пока подождать здесь, — Джек махнул рукой в сторону бесчисленных скамеек, стоящих в центре зала. — Мне нужно найти кого-то из ответственных лиц.

Рэнди кивнул и удалился. Джек же двинулся напрямую к исповедальням, чтобы понять, есть ли там кто-нибудь. Стоило ему пройти мимо одной из колонн, как он спиной почувствовал чьё-то присутствие. Резко развернувшись, Джек застыл на месте.

Перед ним стоял человек двух метров ростом в чёрном плаще, из-под которого виднелась покрытая царапинами и сколами броня. Его голову полностью скрывал боевой шлем, поверх которой была надета маска из резины в виде головы орла. Джек увидел своё отражение в маленьких зелёных линзах и почувствовал дрожь в ногах. Он не нашёл ничего лучше, чем упасть на одно колено и поклониться:

— Учитель! — пробормотал он. — Я не ожидал вас здесь увидеть.

— Встань, пацан, не позорь нас обоих, — пророкотал мужчина. Джек вскочил, но продолжил смотреть не столько на Учителя, сколько сквозь него. Они виделись с ним последний раз всего-то пару лет назад, но казалось, будто бы прошли века — так сильно всё успело измениться. И всё же, Джек был уверен, что он помнит каждое слово, каждый приём и каждый совет, подаренный ему Учителем. Он до сих пор испытывал безмерное уважение к этому человеку.

Но ещё больше он испытывал страх. На его теле, наверное, не было ни одного квадратного сантиметра, по которому бы не ударил мужчина в маске орла. Спарринги с ним были изматывающими и жестокими. Тогда ещё Джек не понимал, чего хотели достигнуть главы церкви, заставив десятилетнего мальчика драться с огромным мужчиной в броне. И всё же, за четыре года тренировок Джек сумел нахвататься столько грязных приёмчиков, что когда ему исполнилось четырнадцать, он всё же сумел повалить этого колосса. Да, он сбил кулаки в кровь и сломал несколько пальцев на ногах — это не считая треснувших от ударов

Учителя рёбер, — и всё-таки он одержал победу. Именно тогда церковь решила, что пора отпустить его на окраины.

Сейчас, увидев громадину, с которой ему пришлось столько сражаться, Джек снова ощутил тот неподдельный ужас, который он испытывал каждый раз, когда ему приходилось входить в тренировочный зал и слышать, как за спиной закрывается дверь. День, когда он повалил его и заставил лежать, теперь казался просто сном.

«Неужели это было правдой? — подумал Джек. — Неужели у меня хватило сил, чтобы сражаться с этим?»

— Ты боишься, — пророкотал Учитель. И, как всегда, оказался прав. Джек никогда не видел его настоящего лица, никогда не слышал его настоящего голоса. Только шлем с маской орла поверх него и измененный модуляторами голос, почти лишённый эмоций. С тем же успехом столько времени он мог сражаться с чем-то, в чём вообще не было души. Учитель всегда напоминал ему голема из древних легенд, только в отличие от мифического монстра он говорил — и говорил только правду. Многое из того, что он сказал, до сих пор раздражало Джека — и всё же, около половины его фраз каким-то образом воплотились в реальность, стали ежедневными проблемами, с которыми Джеку пришлось мириться.

— Конечно. А как иначе? Вы столько времени меня били, что я был бы идиотом, если бы вас не боялся.

Учитель покачал орлиной головой и прорычал:

— Я до сих пор считаю твоё обучение своей самой большой ошибкой.

— Что? Почему?

— Я послушался наставников. Они приказали сделать из тебя боевую машину, способную справиться с чем угодно. Они приказали, чтобы я постоянно тренировал тебя и приучал к боли. Они не учли одного: ты не должен был меня бояться. Ты должен был меня ненавидеть.

— Как я могу вас ненавидеть? Вы ведь научили меня всему, что я знаю! Я… — Джек даже не знал, что ещё сказать. Он вдруг почувствовал острое разочарование. В день, когда он победил, Джек услышал самые важные слова в его жизни: «Ты превзошёл меня. Мне больше нечему тебя учить». В обычно лишённом эмоций тоне слышались нотки гордости. А сейчас оказалось, что своей победой он подвёл Учителя.

— Ты силён, в этом сомнений нет — ребята из Медцентра об этом позаботились. И всё же, ты не смог превратить свою злобу в оружие. Ты всегда сражался со мной вынужденно, а не потому, что так хотел победить. И в этом моя ошибка. Ты должен был научиться преодолевать любые препятствия. К любой проблеме подходить как к испытанию на прочность. Ты победил меня — и всё же, ты остался мальчишкой, смотрящим на мир через замочную скважину. Мы не сумели воспитать в тебе ненависть, — Учитель вздохнул, и маска превратил его вздох в хрипящий рокот. — Может быть, это и хорошо. Мы не смогли слепить из тебя чудовище, которое хотели. Зачем ты здесь? У тебя какие-то вопросы?

— Медцентр? При чём здесь он? — озадаченно спросил Джек. Учитель помотал головой.

— Ни при чём, забудь об этом. Лучше скажи, чем сейчас ты занят. — Мужчина наклонил голову вперёд, будто пытаясь рассмотреть ученика поближе. — Неужели… они же отправили тебя на окраины, верно? И ты что, присоединился к бандам?

— Никак нет, сэр. Я её основал.

Учитель рассмеялся — и его грохочущий смех прокатился по всему залу. Рэнди

обернулся и выражением лица поинтересовался, стоит ли ждать неприятностей. Джек помотал головой. Он едва совладал с собой, потому что от силы звука ему показалось, будто задребезжали кости.

— Ты? Главарь банды?

— Вы не верите, что у меня получилось? — насупился Джек, чувствуя раздражение.

— Нет, почему же. Просто я разочарован ублюдками, что отправили тебя на окраины и позволили основать банду. Подумать только, так растратить твой потенциал!

— Моя банда помогает людям. Мы охраняем бизнесы, защищаем невинных…

— Вы занимаетесь обыкновенным рэкетом, пацан. Чем вы лучше остальных мразей?

— Разве вам не нравятся банды? Вы же сами говорили… — Джек напряг память и процитировал: — «Организованная преступность всегда возникает там, где власти не смогли оправдать доверия народа». Ваши же слова!

— И ты подумал, что стать гангстером будет отличной затеей? Сынок! Преступность — это паразит на теле нации. Болезнь, возникающая от пренебрежения гигиеной правящим классом. Мы готовили тебя, чтобы ты в будущем помог нам изничтожить эту заразу, а не стать ей! Ты вообще знаешь, что именно церковь спонсирует движение вигилантов?

Джек стиснул зубы, чувствуя, будто оказался в утилизаторе, в которое вылили ведро помоев. Собственная плоть стала для него тюрьмой. Он ощутил такое отвращение к себе, что захотел сгореть заживо, чтобы осталась только душа, очищенная пламенем.

Вигиланты. Он очень много о них слышал, но никогда лично не сталкивался. От других подростков, присоединявшихся к его банде, он часто слышал о мужчинах и женщинах, носящих маски животных, что периодически устраивали налёты на особо борзых рэкетиров. Действовали они быстро и безжалостно, отчего ходили разговоры, будто бы под масками действуют обученные армейцы, спонсируемые королём. Правда, в своё время, даже они не рискнули пойти против Синей Лагуны. Сейчас, когда правила Алая Роза, вигиланты возникали то тут, то там — но в прямую конфронтацию с картелем не вступали.

Он ощутил себя ещё большим идиотом за то, что не понял всё с самого начала. Так вот почему всё это время Учитель носил свою дурацкую маску. Вот почему он нужен был церкви. Он должен был стать вигилантом, должен был помочь искоренить преступность на окраинах, а уже затем привести народ к свету Освободителя. Но почему они решили оставить его в банде? Почему церковь всё это одобрила?

— Мне очень жаль, сынок. Но сейчас ты в рядах врага. — Учитель наклонился так низко, что Джек рассмотрел маленькие царапинки на клюве маски. — И, хуже всего то, что враг проник в твою душу. Завоевал разум и тело, не так ли?

— Можно и так сказать, — пробормотал Джек, думая об Анни и Рэнди. Он бросил быстрый взгляд на друга, который продолжал наслаждаться грандиозностью архитектуры собора. «Господи, неужели они заставят меня избавиться от них?»

— Я знаю, что в совете сидят те ещё беспощадные мерзавцы, но даже для них это низко, — прорычал Учитель. — Я понял. Вот что они хотели сделать. Им нужна была своя банда, через которую они смогли бы прижучить саму Алую Розу. Они хотели, чтобы ты создал армию. У тебя ведь получилось, не так ли? Ты дисциплинировал их, заставил поверить в великую цель — так же, как я сделал с тобой?

— Да, у меня получилось, — выдохнул Джек. — И всё же, мне кажется, что цель была не в этом. Меня ведь даже никто не спрашивает про банду. Всем интересно, что же в этот раз я выловил из Сети.

— А что там было?

— Мне приказали надевать шлем для подключения перед тем, как я лягу спать. И уже долгое время ко мне приходят видения, картины времён Освобождения. Вы же помните, что я курьер? Все эти картины я затем загружаю через Операторов — и церковь может увидеть, что же тогда происходило на самом деле.

— Проект «Силенсио», — проскрежетал Учитель. — Я думал, от него давным-давно отказались. Неужели они не понимают, насколько бесполезна эта затея?

Джек почувствовал, что его начинает трясти.

— Бесполезна? Как истина об Освобождении может быть бесполезной?!

— Не ты владеешь историей, и не я. Даже не те, кто стоят над нами. Историей владеют рассказчики. И они уже очень давно придумали историю, которая устроила всех и разложила всё по полочкам. Людям не нужна резкая смена повествования. Им не нужны грязные детали, идущие с правдой. Кто сейчас верит в Освободителя? По-настоящему, без оглядки. Даже в церкви многие к его истории относятся со снисхождением. Все знают, что он не был идеальным — и всё же, он спас нас, а потом призвал становиться лучше. Представь, что будет, когда всплывут все подробности о его жизни. С кем он спал, что употреблял, как говорил. Да будь он даже в сто раз лучше любого из нас, из идола он превратится в обычного человека. В человека, который наверняка не мог следовать собственным проповедям. Возьми Божий Порядок и посмотри, какие поступки он совершал. Ты не можешь его судить, потому что он Бог. А если он станем вполне себе понятным, живым, совершающим ошибки? Кто захочет слушать его послание? Да никто. И это ещё не самое худшее. Представь себе, что почувствуют люди, которые следовали его наказам всю жизнь. Всё, что они делали, мгновенно станет бессмысленным. У них никогда больше не будет веры ни во что. А вера, сынок, это самое главное, что у нас есть. Только она отделяет нас от животных. И я не о религии, а об убеждении, что вещи работают именно так, как мы думаем. И пока мы верим, мы не боимся взаимодействовать с миром, не боимся влиять на него. Не боимся вносить свой вклад. Мы верим, что хорошее поведение вознаграждается, верим, что если будем упорно работать, обязательно чего-нибудь достигнем. Забери это всё — и человеку просто незачем будет существовать.

— Какое у нас есть право утаивать от людей истину? Даже если это лишит их воли, они должны знать, — сказал Джек. — Думаю, главы посчитали, что моя миссия слишком важна, чтобы от неё отказываться.

— Право утаивать? Это не право, пацан, это обязанность, — Учитель помотал головой. — Ты до сих пор не понимаешь. Но это и не важно. Ты пришёл сюда, чтобы загрузить эти видения, ведь так?

— Да. Загрузить их — и сказать, что я больше не хочу быть их агентом.

— Ты собираешься выйти из игры?

— Я хочу остаться в банде. Если церкви от меня будет что-то нужно, я смогу помочь. И всё же, я не хочу больше этим заниматься.

— А выхода нет, Джек, — покачал головой Учитель. — Мы не спрашивали, хочешь ли ты быть агентом, когда брали тебя и обучали. Это твой долг.

— И что же теперь? Убьёте меня за неповиновение? — съязвил Джек. Учитель пожал плечами.

— Ты уже победил меня, малец. Я тебя и пальцем не трону, даже если мне прикажут. Пусть ты моя величайшая ошибка — но ты же и моя величайшая гордость. Всё же, если ты

останешься с бандой, я не могу гарантировать твою безопасность. Когда-нибудь за тобой придут — либо полицейские, либо вигиланты. Либо те же «бизнесмены», которых вы защищаете.

— Вы так говорите, будто уже всё решено.

— Если ты откалываешься от церкви, рано или поздно, тебе придётся с ней драться, — Учитель сжал кулак в чёрной латной перчатке. — Я узнал это на собственном горьком опыте.

— Но ведь теперь вы с церковью?

— У меня просто не было выхода. Я думаю, что и тебе его не оставят. Так что хорошенько подумай, прежде чем ты решишься даже поднять такой вопрос. Стоит ли игра свеч? В конце концов, ты можешь потерять намного больше — и так ничего и не добиться. Мы всё пляшем под одну дудку, малец. Может нам и не нравится мелодия, но идти против ритма для нас опаснее, чем для дудочника, уж поверь мне.

— Я всё же попытаюсь, — ответил Джек. Учитель откинул голову и облокотился на колонну.

— Как знаешь. Если тебе будет нужна моя помощь… — он засунул руку в карман плаща и извлёк оттуда бумажку с нацарапанными на ней цифрами, — вот мой номер. Звони в любое время. Не обещаю, что смогу сразу примчаться, но уж точно постараюсь.

— Спасибо, сэр, — сказал Джек, чувствуя, как напряжение мгновенно спадает. Стало так легко, что ему захотелось плакать. — Вы не представляете, сколько для меня это значит.

Он повернулся к исповедальням, прежде чем понял, что Учитель продолжает смотреть ему в спину.

— Вы что-то хотели сказать? — спросил он.

— Просто хочу чтобы ты знал: если бы на то была моя воля, ты бы так и остался с родителями. Мы многое сделали с тобой, чего ты не заслуживаешь. Я хочу, чтобы ты нашёл в себе силы простить меня.

— За что? — искренне удивился Джек. — Слушайте, может быть сейчас я не в восторге от того, что происходит. Но только потому, что эти видения меня начинают убивать. Я бы с радостью продолжил служить церкви. И видит Освободитель, это моя воля. Не то, что вы мне навязали. Я хочу спасти Город, ведь он гибнет. Не надо семи пядей во лбу иметь, чтобы понимать — его нужно спасать. Не уверен, что с обычными родителями я бы выполнял столь важную миссию. Да я бы вообще не представлял, что происходит на самом деле. Потому я вам благодарен. Вы сделали из меня лучшего человека — и никто другой не смог бы достигнуть таких результатов.

— Ты и сейчас не знаешь, что происходит на самом деле, — Учитель покачал головой. — Ты вернёшься. Не знаю когда, не знаю зачем, но ты вернёшься. Все мы всегда возвращаемся. Просто потому, что у нас нет другого выхода.

Джек усмехнулся. Холодные клещи, зажимавшие его сердце при виде Учителя, разомкнулись. Эта махина, этот человек из стали, скрывавшийся под маской и рычавший через неё на весь мир, вдруг показался ему очень маленьким и незначительным. Мастером, когда дело доходило до избиения детей, и полным профаном, когда речь шла о контроле собственной судьбы. Просто болтливый, печальный старик, ничего больше. Какой бы властью его образ ни обладал над Джеком, всё это было в прошлом.

Он всегда будет помнить его слова и наставления. Сможет ли он только снова его уважать после всего сказанного?

Джек не стал дожидаться, когда Учитель скажет что-нибудь ещё и просто двинулся к исповедальням. Стоило ему подойти ближе, как из одной вынырнул отец Валерио.

— А, Джек, рад тебя видеть! — воскликнул он, разводя руки в стороны. — Не ожидал, что ты придёшь. Что-то случилось? Какие-то проблемы?

— Отец, — поклонился Джек. — Меня снова посещали видения. Я пришёл, чтобы передать их церкви.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Валерио. Он практически не изменился с момента, когда Джек видел его последний раз. Всё такой же седой, с дурацкой стрижкой под горшок, сухой, слегка сутулый — и с уродливым протезом вместо ноги. Ему не повезло, он не вошёл в число экзальтов, которых одарили новыми, почти настоящими конечностями. И всё же, он верил в Освободителя, пожалуй, фанатичнее всех священников, которых Джек видел.

Святой отец поманил Джека за собой, приглашая пройтись с ним. Не успел Валерио и рта раскрыть, как Джек выдал:

— Ещё я хочу уйти из церкви.

— Прошу прощения?

— Я не хочу больше заниматься сбором видений. Они убивают меня. Я чуть не погиб сегодня ночью.

— Вот значит как, — протянул Валерио, почёсывая свой крючковатый нос. — Ты хочешь уйти насовсем? Оборвать все связи?

— Нет, конечно нет! — поспешил возразить Джек. — Просто… если есть такая возможность, я хотел бы полностью сосредоточиться на подготовке моих ребят. Перестать ложиться спать с шлемом от Сети на голове. Я всегда буду рад помочь церкви, но уже как представитель своей банды, а не прямой агент. И когда пробьёт час в открытую выйти на улицы и начать проливать кровь во имя Освободителя — поверьте, я буду готов.

— Рад видеть, что твой пыл ещё не угас, — усмехнулся старик. — Что же, хорошо, я услышал тебя. Обязательно передам твои слова начальству. Конечно, ответа тебе придётся ждать около недели, но я почти уверен — твою просьбу удовлетворят. В последнее время у нас наметился новый курс в развитии отношений с Синдикатом, и мы думаем, что того материала, что ты уже собрал, более чем хватает.

— Мне кажется, что сегодня я увидел нечто важное, — признался Джек. — Я плохо помню детали, и всё же, ощущаю, что это нужно увидеть всем.

— Что же, дитя моё, посмотрим. За мной.

Они прошлись вдоль ряда исповедален. У самой крайней, на которой висели цепи, перекрывающие вход, священник остановился и махнул рукой:

— Заходи.

Джек убрал цепи и устроился на стуле, стоящем внутри. Валерио сел с обратной стороны. Что-то щёлкнуло, и входы плотно закрылись. Внутри загорелся яркий свет. Джек почувствовал, как сидения отъезжают внутрь стены. Через минуту они с отцом Валерио оказались в очередном туннеле, рядом с винтовой лестницей. Они спустились вниз, в комнату, где сидело несколько мрачных монахов возле терминала Сети. Рядом с ним стояло два кресла: одно свободное, со шлемом для подключения, а на втором уже покоился Оператор, обвязанный проводами и кабелями. На его бледной, выбритой голове виднелись вены. К затылку мужчины были подключены электроды.

— Присаживайся, — сказал Валерио. Стоило ему это сказать, как монахи с ворчанием нехотя задвигались и стали готовить Оператора к обработке данных. Джек сел в свободное

кресло и натянул шлем на голову. Через несколько минут один из монахов возвестил:

— Всё готово. Надо будет только провести диагностику, прежде чем начинать выгрузку. Готов? Будет неприятно.

— Я знаю, — выдохнул Джек. Линзы шлема загорелись голубым светом. Он был настолько ярким, что появилось ощущение, будто бы ему втыкают иглы в глаза. Джек стиснул зубы и вжался в кресло. Линзы начали моргать со скоростью пулемётной очереди, и каждая вспышка сопровождалась новым приступом боли.

В реальности прошло не больше минуты, но Джеку показалось, что его пытают годами. Когда свет затух, он обмяк и почувствовал, что кресло под ним мокрое — боль была настолько невыносимая, что он обмочился. Болела челюсть — так сильно он сжимал зубы. Казалось, всё его лицо перекосилось от гримасы страдания.

Он почувствовал, как с него снимают шлем. Во рту появился привкус крови. С трудом распахнув глаза, он увидел обеспокоенного отца Валерио.

— Что-то случилось? — прохрипел Джек.

— Да, пожалуй, — Валерио провёл отсутствующим взором по комнате, будто бы только осознал, где оказался. — Выгрузка займёт около часа. Нам придётся ввести тебе обезболивающее.

— Раньше я всегда делал это в сознании, но раз вы настаиваете…

— Дело в том, что ты не выдержишь напряжения. Мы нашли кое-что. Похоже, частые подключения к Сети и загрузки огромных массивов данных повлияли на твой мозг.

— Что с ним?

— Похоже, воспоминания повредили его. Начинается деградация.

Джек не верил своим ушам.

— Что это для меня значит?

— Я не специалист, но, похоже, ты умрёшь в течение года.

***

Обнимая мирно посапывающую Анни, Джек смотрел в потолок и думал, как же всё докатилось до такого.

Ему хотелось кричать от отчаяния, бить кулаками в стены. Выть как загнанное животное. Выместить на ком-нибудь всю свою злобу. Но он прекрасно понимал, что этого делать не стоит. У него и так слишком мало времени. Нужно распорядиться им разумнее.

Он так ничего и не сказал Анни и Рэнди. Пусть живут так, как жили. У них ещё будет время, чтобы смириться с потерей. Пусть пока наслаждаются каждым днём, не омрачённым знанием, что он вскоре умрёт. Когда он почувствует, что время пришло, он просто молча уйдёт, оставив письмо, в котором всё объяснит. А пока ему нужно выжать максимум из оставшегося времени.

Слова Учителя продолжали стучать в его голове. «Выхода нет, говорите? Мы всё равно вернёмся, потому что у нас не будет другого выхода? Какой бред». Даже сейчас, если бы ему предоставили возможность провести последние дни с пользой для церкви, он бы всё равно выбрал Анни и Рэнди с ребятами. Его миссия теперь казалась чем-то далёким, не имеющим к его жизни никакого отношения.

Хотя именно она его и убила.

Джек сжал кулак и почувствовал, как сердце в груди забилось быстрее. Его охватило

бешенство. С трудом он подавил импульс — и всё же, лежать дальше он просто не мог. Осторожно поднявшись, чтобы не разбудить Анни, он стал одеваться. Он должен попытаться сделать хоть что-то. Банда прекрасно проживёт и без него. Чёрт возьми, да из Рэнди наверняка выйдет прекрасный лидер. Даже лучше, чем из Джека. А ему нужно думать сейчас о себе. Вернуться в церковь и узнать, могут ли они спасти его. Что там Учитель говорил о Медцентре? Какой вклад медики внесли в его тренировки?

Он вспомнил про номер, который ему дал Учитель. Он ведь ушёл из собора и даже не поговорил с ним. Не предупредил, что его скоро не станет. А ведь Учитель наверняка должен был узнать первым. Предупреждение отца Валерио так сильно шокировало Джека, что как только закончилась выгрузка, он вышел наружу, позвал Рэнди и с ним просто вернулся обратно на базу, даже не обмолвившись ни с кем, как всё прошло. Да и сам священник, как ни странно, не стал вмешиваться. Стоило процессу закончиться, как отец Валерио сухо попрощался с Джеком и ушёл в другую комнату, где, похоже, принялся просматривать выгруженное воспоминание с другого терминала. Джек его не винил. Он бы и сам не стал возиться с агентом, который был на последнем издыхании. И всё-таки, неужели нельзя было сказать хоть что-то? Взвесить все шансы, дать совет, отговорить от поспешных решений? Или хотя бы попросить подождать новостей?

Как бы там ни было, стоило позвонить Учителю. Наверняка у него нашёлся бы хоть какой-нибудь ответ на все вопросы Джека. Или хотя бы ответ на вопрос, как с пользой прожить последние дни, чтобы чувство разочарования не съело быстрее, чем болезнь.

Он надел мундир и натягивал сапоги, когда прогремел первый выстрел. Сначала Джек даже не понял, что он прозвучал внутри здания — или, скорее, отказался понимать. Когда последовали остальные, он уже застёгивал ремень с кобурой и загонял магазин в пистолет. На всякий случай взял и нож. Анни вскочила с кровати и тоже бросилась одеваться.

Распахнулась дверь, и Джек тут же вздёрнул пистолет, чтобы встретить неприятеля огнём. Но это был Рэнди. Капельки пота поблёскивали на его лысине, глаза бегали из стороны в сторону. Несмотря на несколько обескураженный вид, он сумел твёрдым голосом произнести:

— На нас напали. Первый этаж захвачен, враг пытается продвинуться дальше. Ребята держат оборону. Какие приказания?

— Вызови подмогу с остальных секторов. Даже если они опоздают, то всё равно застанут хоть кого-нибудь — и смогут отомстить, в случае чего.

— Думаю, этим лучше заняться Анни, — ответил Рэнди. Джек хотел было сделать ему выговор за оспаривание приказов, но по глазам друга понял: он не перенесёт, если с девушкой что-то случится. Он кивнул и сказал:

— Хорошо. Анни, ты знаешь, что делать. Иди наверх, возьми с собой несколько парней, пусть охраняют тебя. Мы же будем держать оборону.

Девушка кивнула и бросилась в коридор. Джек хлопнул Рэнди по плечу и вместе они побежали вниз.

— Дешёвая работа, — сказал Рэнди, пока они спускались. — Я бы на их месте сначала отключил свет. Создал бы эффект неожиданности.

— И привлёк бы внимание Синдиката, — проворчал Джек. — А он может быть злее, чем полиция. Что бы ты сделал? Напал на электростанцию? Вырубил бы весь район? Чтобы отрезать нам энергию, нужно залезть в само здание, а электрощит у нас рядом с постом охраны. Тогда бы мы точно узнали о готовящемся нападении.

Они пробегали пятый этаж, и лампочка, едва освещавшая коридор, потухла.

— Вот теперь им скрываться незачем, — закончил мысль Джек. — Ты знаешь, кто напал?

— Пока нет.

— Что же, когда спустимся, уже узнаем точно.

Рэнди вытащил из-за пояса фонарик и протянул его Джеку.

— А тебе не нужен?

— У меня есть запасной.

«Лучше телохранителя и не найти», — в который раз подумал Джек.

Отсутствие света сильно замедлило их спуск. Хорошо, что коммуникаторы работали на собственных батареях, иначе бы Анни точно не смогла вызвать подкрепления.

Снизу доносились выстрелы и истошные крики, пару раз даже были слышны короткие хлопки разрывающихся гранат. Противник явно хорошо подготовился. За то короткое время, которое Джек провёл, воюя с другими бандами, он пришёл к неутешительному выводу — большинство уличных гангстеров умеют только угрожать насилием, а не использовать его. Когда дело доходило до схваток, они, зачастую, начинали неумело палить в сторону врага, надеясь, что хоть одна пуля достигнет цели. О планировании операций по захвату зданий и речи идти не могло.

Тем удивительнее был факт, что кто-то смог не только вторгнуться на базу ребят Джека, но и захватить первый этаж. Обычно на карауле стояли лучшие бойцы, которых он выбирал лично. Им на помощь приходил ещё один отлично обученный отряд, который высыпал навстречу врагу из специальной комнаты, о существовании которой вообще мало кто знал. Даже если бы караульных устранили, враг не мог бы так быстро справиться с подмогой. А значит, подкрепление нейтрализовали до нападения на первый этаж. От одной этой мысли желудок сворачивался в холодный комок, а к горлу подкатывала тошнота.

Джек с Рэнди достигли третьего этажа, когда темноту разрезали лучи света чужих фонарей — по лестнице вверх спешно бежали солдаты, отчаянно отстреливаясь от преследователей. Среди бойцов Джек узнал Весельчака Роджера и Кривого Тони. У них даже не было времени обменяться парой слов. Едва поднявшись на площадку, солдаты заняли оборону и начали огонь на подавление подступающего врага. Джек дёрнул Рэнди назад и присел на одно колено, выставив вперёд пистолет с фонарём, приготовившись встречать противника. Он себя ждать не заставил.

По лестнице быстро поднимались люди в бронежилетах и со звериными масками на головах. Пули гангстеров едва их тормозили. В руках захватчики сжимали винтовки и дробовики.

Это были вигиланты.

Увидев их, Джек почувствовал, как дрогнуло его сердце. «Церковь предала меня». За сердцем последовала рука. Он изо всех сил пытался нажать на спуск, но палец не двигался. Зато Рэнди, похоже, никаких проблем не испытывал. Несколько первых пуль, выпущенных телохранителем, прилетели прямо в маску поднимавшемуся первым вигиланту, заставив её искриться от рикошетов. Мужчина взвыл и покатился вниз, отброшенный силой попаданий. Увы, свинец не пробил его шлем, прячущийся под маской. Оцепенение, охватившее Джека, спало. Он бросился вперёд, поливая неприятеля дождём из пуль и заставляя принять оборону. Вигиланты замешкались, несколько даже отступили, чтобы занять более устойчивую позицию на площадке ниже.

Джек сел рядом со своими бойцами и продолжил стрелять. Тут из темноты, прорезаемой вспышками выстрелов, вырвался вигилант, закованный с ног до головы в броню. Несколько пуль отскочило от его нагрудника, одна слегка чиркнула по наплечнику. Он лишь прорычал что-то в ответ, даже не замедлив хода. Солдаты Джека оросили его свинцом из своих винтовок — ни одна его не смутила. Поднимаясь, он сделал несколько выстрелов из дробовика, и оборона банды рассыпалась. Дробь превратила голову Красавчика Сэма в ошмётки, Кривому Тони развороти грудную клетку, оставив его задыхаться на полу. Весельчак Роджер стонал, держа обрубок, оставшийся от его правой руки — руки, которой он так любил изображать пошлые жесты. Медлить было смерти подобно. Джек увернулся от одного из выстрелов и бросился в атаку. Подбежав вплотную, он схватился за ствол и отвёл его в сторону, а сам нащупал пистолетом незащищённую область на шее врага и сделал два выстрела в упор. Враг успел нажать на спуск, и стена позади Джека разлетелись от дроби. Посыпалась штукатурка, в воздухе повисла пыль. Вигилант издал звук, напоминавший уходившую в раковину воду, схватился за рану на шее и начал медленно отступать. Его соратники по оружию, пытаясь освободить проход, потянули его вниз. Пока они мешкали, Джек перехватил из слабеющих пальцев противника дробовик, передёрнул помпу и сделал выстрел в толпу, мигом разметав её. Свет фонаря выловил всплески крови. Вопли боли звучали как музыка для ушей. Джек сделал ещё несколько выстрелов, чтобы отпугнуть врагов. В этот момент к нему уже подтянулся Рэнди и открыл подавляющий огонь, заставив вигилантов отступить ещё. Когда дробовик опустел, Джек снова взялся за пистолет и начал медленно пятиться, утягивая Рэнди за собой.

Долго здесь продержаться вдвоём они не могли. Прежде чем уйти, Джек поднял винтовку, которую обронил один из его бойцов, и сумку с патронами. Калибр пистолета броню вигилантов не пробивал, но грамотный выстрел из винтовки давал шансы вывести любого врага из строя навсегда.

— Уходим наверх! — прокричал Джек Рэнди. Видимо, услышав его, враги усилили натиск. Пока остальные вели прикрывающий огонь, один даже осмелился взбежать вверх по лестнице. Джек встретил его выстрелом в лицо — пуля угодила прямо в линзу, сразив вигиланта наповал. Он повалился на стену, а затем сполз, словно у него разом испарились все силы, чтобы двигаться. Сквозь треск винтовок Джек услышал, как вигиланты переговариваются друг с другом скрипучими, острыми голосами, похожими на радиопомехи. Они начали наступать гурьбой, не заботясь о том, что их можно срезать одним удачным выстрелом. Даже когда Джек пальнул несколько раз и подбил парочку вигилантов, основная масса не замедлила хода. Им с Рэнди оставалось только отступать.

Стоило им подняться этажом выше, как рядом распахнулась дверь, и из неё выскочило ещё двое врагов. Резкий удар прикладом в лицо заставил Джека пошатнуться и выронить фонарь. Он почувствовал, как земля уходит из-под ног, а глаза заливает кровь. Шлёпнувшись на задницу, он как в замедленной съёмке смотрел на вигиланта, что целился в него, чтобы прикончить.

«Как они здесь оказались? — пронеслось в голове. — Неужели проникли через окна?»

Его неспешный поток мыслей прервал выкрик:

— Нет!

Не успел Джек и глазом моргнуть, как перед ним возник Рэнди, раскинув руки. Прогрохотал выстрел, и на Джека упало тело друга. Всё произошло так быстро, что он даже не знал, что сказать. Обняв телохранителя, он попытался отползти назад, параллельно

стирая кровь с лица. Под рукой не было оружия, только фонарь. От отчаяния Джек ухватился за него и собрался уже метнуть в вигиланта, как вдруг за спинами противников возникла гигантская фигура. Она схватила одного из врагов за плечи и впечатала лицом в стену. Пока другой оборачивался, существо взмахнуло огромным клинком и отделило голову вигиланта от плеч. Шлем со стуком упал на пол и покатился вниз по лестнице. Тело сделало шаг назад и рухнуло, подрагивая конечностями. Джек проморгался, не веря своим глазам.

— Учитель? — протянул он.

— Вставай давай, — пророкотал мужчина в маске орла. — Нам ещё нападение отражать.

Он протянул Джеку руку и одним махом поднял его на ноги. Тело Рэнди откатилось в сторону. Дробь превратила его живот в кровавое месиво, из множества ран лезли изуродованные кишки. Он был ещё жив.

— Рэнди! — выкрикнул Джек и присел рядом. Положив руки на рану, он попытался удержать жизнь внутри тела друга. Тщетно. Рэнди всё шевелил губами, силясь что-то сказать, но у Джека так сильно звенело в ушах от стрельбы, что даже если бы он постарался, всё равно бы ничего не услышал.

— Хватай винтовку! — пророкотал Учитель. — Мы сейчас дадим этим шакалам бой. Вставай позади!

— Прости… — только и успел вымолвить Джек, прежде чем Учитель увлёк его за собой. Взяв оружие, он спрятался за широкой спиной наставника, выставив дуло вперёд. Кровь в его висках стучала так громко, что переговоры наступавших вигилантов звучали как что-то очень и очень далёкое. Даже топот их сапог казался сообщением из другой вселенной. Той, в которой Рэнди был ещё жив — в которой он дожил до старости и умер в кругу родных и друзей с улыбкой на устах.

— Идут, — предупредил Учитель.

Первый вигилант, похоже, не сразу понял, что Учитель не с ними, потому что поднялся на площадку, даже не обратив на него внимания. За свою ошибку он поплатился пулей в висок, которая с лёгкостью пробила шлем. Он только и успел, что пискнуть перед тем, как завалиться на пол, на котором уже лежали его изуродованные соратники. Остальные тут же заскрипели и начали палить по Учителю. Пули и дробь легко отскакивали от его брони.

— Я спускаюсь, — пророкотал он. Учитель сделал несколько шагов, Джек шёл следом и палил в вигилантов — правда, без особого успеха. Враги верещали скрипучими голосами, пытаясь докричаться друг до друга — но было уже поздно. Стоило Учителю подойти достаточно близко, как их судьбы были предрешены.

Взмахи клинком лишали вигилантов рук и голов. Кровь брызгала со всех сторон, пачкая и без того грязный мундир Джека. Сам Джек бросился вперёд, схватил дробовик и начал в упор расстреливать запаниковавших врагов. С такого расстояния попадание в броню заставляло их отлетать на пару метров. Даже если дробь не пробивала бронежилеты, то сама сила удара превращала внутренности в кашу.

Несколько вигилантов бросились убегать, и Джек с мстительным наслаждением пальнул им вслед. У одного разлетелась в клочья ступня, и он с визгом поскользнулся на культе, упал на пол и принялся орать. Модулятор маски превратил его вой в истерический смех. Учитель в это время добивал тех, кто не стал сбегать. Методичными уколами он бил в места, не защищённые бронежилетами, изматывая врагов, играясь с ними. Джек обернулся и застал наставника за тем, как тот тыкает остриём в одинокого вигиланта. Тот, вереща от

боли, стрелял в упор из пистолета. Одна из пуль отрикошетила ему в плечо, заставив несчастного рухнуть на пол. Учитель уже собрался прикончить его, как к нему подошёл Джек, протянул руку и попросил:

— Позвольте мне.

Наставник без слов отдал ему клинок. В темноте Джек всё никак не мог понять, что же это за оружие. Сейчас он разглядел мачете с гравировкой и остриём, доведённым до безупречной остроты.

Раненый вигилант что-то бормотал, но модулятор превращал его речь в белиберду.

— Ты мне хочешь что-то сказать? — поинтересовался Джек. — Сними маску, я не понимаю.

Враг повиновался. Под маской оказался молодой парень, едва старше Джека.

— Пожалуйста, прошу, не убивай меня, — взмолился он. — Нам сказали, что это логово отъявленных бандитов, что нам нужно устранить лидера — тебя, то есть. Мы не знали! Мы не знали, что это внутренние разборки церкви! — он кивнул на Учителя. — Умоляю тебя, пощади. Если бы я знал, то точно бы не пришёл сюда. Мы просто выполняли приказ…

— Но вы сюда пришли. И вы убили моих ребят, — Джек всхлипнул, чувствуя, как им овладевает бессильная злость. Даже если он сейчас порубит этого парня на куски, ничто уже не вернёт его бойцов. Ничто не вернёт Рэнди. И уж точно ничто не вернёт его родителей, как бы он ни пытался.

— Но я-то жив! Я жив! — прокричал вигилант, и его лицо искривилось в очередном приступе боли. — Поэтому…

Он не успел договорить — Джек с размаху вонзил мачете ему в глаз. Рот вигиланта застыл в безмолвном крике. Второй глаз смотрел прямо на Джека. Казалось, парень просто не мог поверить, что Джек его убил. Через секунду его глаз начал дёргаться и закатился, изо рта вырвалась кровавая пена, и вигилант обвис на клинке. Джек наступил ему на лицо и вырвал мачете, застрявшее в черепе, чувствуя, как по душе растекалось тепло. Словно продолжающие тлеть угольки, оставшиеся от костра, что сжёг всё вокруг.

Даже если всех его близких убьют, Джек ещё может насладиться местью. Учитель безмолвно стоял за его спиной, будто не смея и слова молвить.

— Неужели это все? — вопросил Джек. Учитель покачал головой.

— Не все. Но остальные отступят, услышав, что я прибыл тебе на подмогу. Они не дураки. Они понимают, на чьей стороне сила.

— Это всё бред какой-то… — пробормотал Джек. — Зачем они это сделали?

— Я расскажу тебе позже. Здесь ещё остались твои люди?

Джек огляделся по сторонам, будто оказался в незнакомом месте. Лучшие ребята из резерва — Эйк, Красавчик Сэм, Весельчак Роджер, да даже Кривой Тони — все полегли в бою с вигилантами. Ребята, которые были с ним чуть ли не со дня основания банды, поверившие, что следуя за Джеком изменят Город — все они сейчас лежали на полу, с побледневшими, неузнаваемыми, почти кукольными лицами. У Сэма даже не оставалось лица, чтобы его можно было опознать — Джек узнал его по дорогим значкам, которые мальчишка носил над левым карманом на груди.

Злость и разочарование распирали сердце. Джеку сейчас больше всего хотелось наорать на мертвецов. «Как вы могли мне поверить? Почему вы пошли на поводу у шарлатана, вроде меня?! Вы же даже не знали, чего я хочу на самом деле!»

Это было бы нечестно. Даже не зная его целей, они всецело положились на него. Знали,

что в беде он их не бросит. Но Джек всех подвёл. И теперь ничто их уже не вернёт.

Его банды не стало за какие-то полчаса. Весёлые, иногда злые, иногда похабные, но всегда полные жизни ребята сейчас лежали по разным углам, разорванные, вульгарные, будто намеренно доведённые до гротеска пародии на вызывавший отвращение оригинал. Джек видел смерть и не раз. Бывало, что и лучшие его бойцы погибали в нелепых обстоятельствах — чего стоила только смерть Романа, который забыл поставить пистолет на предохранитель, прострелил себе случайно ногу и истёк кровью. Но даже в этой смерти была какая-то честность. В кусках мяса, что лежали сейчас перед глазами Джека, не было ни капли чести.

Всё, что он строил, было разрушено. Джек почувствовал, как где-то в глубине его души зарождался нервный смешок, отчаянно просившийся наружу. Он пытался его сдержать, но ничего не мог поделать — через какие-то несколько секунд его прорвало на хохот. Он заливался смехом, измазанный чужой кровью и внутренностями, чувствуя, как от внезапного облегчения по его ноге побежала струя мочи. Он закрыл лицо ладонью и ощутил пальцами запёкшуюся корку из плоти павших братьев и врагов, которые лишили его всего. Силы покинули его. Ему хотелось просто присесть, отдохнуть минутку — а затем пустить себе пулю в лоб, чтобы больше не видеть всего этого кошмара.

Его уже ничего не спасёт. Кроме…

— Анни! — вскричал Джек. — Она на верхних этажах, её охраняют мои парни! Мы должны добраться до неё, скорее!

Он бросился вверх по лестнице, поскальзываясь на мокрых от крови ступеньках и спотыкаясь о тела. Он успеет. С ней всё будет в порядке. С ней лучшие его охранники — наверняка добровольцами вызвались Конни и Джейсон, они всегда любили наблюдать, как она работает с радио. С ней ничего не могло произойти. Ничего…

Дверь в комнату с радиооборудованием была распахнута настежь. Из неё наружу тянулась тонкая дорожка из красных капелек. Прямо возле входа валялся Конни — в него всадили, по меньшей мере, семь пуль. Джек почувствовал, что его сейчас стошнит от волнения. Он осторожно перешагнул через тело охранника и вошёл внутрь.

На крутящемся кресле, которое Джек специально для неё купил, сидела Анни. Рядом с ней на полу валялся пистолет, видимо, заклинивший во время стрельбы. Рукой она придерживала правую сторону головы, из которой до сих пор сочилась кровь.

— Джек… — протянула она и несмело улыбнулась. На её губах запеклась кровь, лицо было бледным как никогда. Под глазами образовались чёрные круги. — Я всё гадала, когда ты придёшь.

— Всё в порядке, маленькая, — пробормотал он каким-то не своим голосом. Анни хихикнула — и её стошнило кровью. Джек подбежал к ней и не дал завалиться вперёд.

— Ты никогда меня так не называл, — прошептала Анни. — Извини, я просто не успела, — она отняла руку от головы и показала рану. — Они оказались быстрее. Надеюсь, ты будешь любить меня и безухой, да?

— Я буду любить тебя, какой бы ты ни была, — сказал Джек дрожащим голосом. Анни снова ухмыльнулась.

— Я включила рацию, попыталась дозваться до других — мне никто не ответил. Услышала щелчки за спиной. Сразу поняла, что Конни с Джейсоном решили нас кинуть. Я не успела, понимаешь? Конни выстрелил первым. Оставил меня без уха. Но я ему показала. Джейсона я только ранила, он удрал. Но, думаю, долго гадёныш не проживёт.

— Анни… — пробормотал Джек.

— Да ничего, не бойся за меня, просто маленькая царапина. Ну, проживу без уха, что уж там…

Джек опустил взгляд. На боку девушки расплывалось алое пятно, а на полу уже собралась приличная лужа. Она даже не заметила, что её ранили.

— Всё нормально, Джек? — спросила Анни. — Ты же со всеми разобрался? Ты всех их убил?

— Да, маленькая, — Джек прижался лицом холодной щеке Анни, чувствуя, как наворачиваются слёзы. — Всё нормально. Мы победили.

— А я знала, что мы победим, — ответила Анни. Она уже едва выговаривала слова. — Я знала, что всё будет хорошо. Ты помнишь, обещал, что изменишь Город?

— Конечно.

— Поставь чёртово к-колесо вместо Дворца, — её глаза начали закрываться. — И с-скажи королю, ч-чтобы шёл он нахрен… а ещё…

Схватившись за его руку, она откинулась в кресле и буркнула:

— Не трогай, я спать хочу.

Она подышала ещё около минуты и замерла.

— Анни? — позвал Джек. Девушка не отозвалась.

— Она мертва, — раздался за спиной голос Учителя. Джек только смог прохрипеть в ответ:

— Не порите чушь. Смотрите, она всё ещё держит мою руку. Всё нормально. Мы можем отвезти её в Медцентр.

— Отпусти её, — неожиданно мягким тоном произнёс Учитель. Он присел рядом и попытался отцепить руку Анни.

— Она меня держит! — заорал Джек. — Не смейте!

Учитель крепкими пальцами разжал его хватку. Рука Анни тут же обвисла. Сейчас она казалась совсем маленькой, почти что детской. В отличие от Джека, ей даже не было шестнадцати.

— Она держалась, чтобы увидеть тебя, — сказал Учитель. — Цени это. Далеко не всем удаётся попрощаться со своими любимыми.

Джек не мог ничего сказать. Ему хотелось плакать, но в присутствии Учителя слёзы будто бы боялись показаться наружу. Ему только и оставалось, что вытереть сухие глаза, чувствуя, как в груди что-то оборвалось. Он заметил, что без причины качается вперёд и назад, кивает своим мыслям, а также шевелит губами, проговаривая какие-то слова.

— Я не спас её, — наконец, вымолвил он. — Я не спас никого.

— Скажи это, — жёстким голосом произнёс Учитель. Джек поднял на него непонимающий взгляд. Учитель кивнул и повторил: — Давай, скажи это.

— Сказать что?

— То, что ты думаешь. Раз ты никого не спас, значит, никто не спасёт и тебя. Скажи это.

Учитель кивнул в сторону Анни и сказал:

— Ты думаешь, её любовь могла тебя спасти? Она бы сделала боль легче, сынок. Но это только первые потери. Дальше будут ещё. И тебе придётся к этому привыкнуть.

— Но что, если я не хочу привыкать? — Джек сжал кулаки и почувствовал как, наконец, полились слёзы. — Я не хочу привыкать! Я не хочу видеть, как мои любимые умирают!

— Потому мне и пришлось вернуться, — произнёс Учитель. С удивлением Джек услышал в его голосе оттенки грусти. — Любовь не спасёт тебя, пацан. Только миссия может это сделать. И тогда ты сможешь спасти саму любовь. Я должен был прийти тебе на помощь раньше. Должен был помочь вытащить девчонку. Тогда бы всё было намного проще. Но теперь — теперь тебе остаётся только мстить. И я знаю, кто виноват.

— Почему на нас напали? — спросил Джек.

— Видение, что ты принёс, вызвало в церкви вооружённый переворот. Идём со мной — и мы создадим мир, в котором никому не придётся терять любимых.

***

Они уже стояли у конвейера, ведущего в распахнутую пасть разогревающегося утилизатора, когда Учитель в последний раз спросил:

— Ты точно уверен, что хочешь этого?

Джек молча кивнул. Учитель больше не стал спорить. Он подошёл к конвейеру и водрузил на него обёрнутое в белый саван тело Рэнди. Джек смотрел, как дорожка с холодной неумолимостью увлекает останки его друга в голодный зёв машины. Когда утилизатор зашипел, перерабатывая Рэнди, Джека чуть не прорвало на слёзы. Но он сдержался — ему ещё нужно было скормить машине тело Анни.

Он солгал Учителю. Он не хотел этого делать. Зато прекрасно знал, что мессианцы понимают под «сохранением». У них были специальные саркофаги — огромные холодильные камеры, в которых они хранили умерших, надеясь, что Освободитель вернётся и вернёт всех к жизни. Мессианцы очень щепетильно относились к ним, считая замороженных мертвецов реликвиями. Вот только однажды одна небольшая банда забрела на склад, принадлежавший церкви, и нашла саркофаг. Долго не раздумывая, они вскрыли холодильник и извлекли тело. Когда прибыли агенты церкви и начали пытать несчастных гангстеров, те признались, что сделали это из чистого интереса. Они тоже слышали о мессианцах — и их мучило любопытство. Что же будет с телом, если вытащить его из саркофага?

Труп сгнил и развалился, вот что произошло. Даже если Освободитель каким-то образом вернётся, он точно ничего не сможет сделать с тухлыми останками. Потому Джек не хотел нарушать покой мертвецов. Пусть отдохнут.

Когда-то давно он прочёл мемуары Адама — неотредактированную версию. Ту, которую церковь спрятала от всеобщих глаз куда подальше. Кровь до сих пор стыла в жилах от того, что он узнал.

Когда Адам вернулся из мёртвых, он прекрасно помнил свою смерть. Момент, когда его обезглавили, снился ему чуть ли не каждую ночь. Весь остаток своей долгой жизни бывший сержант провёл в страданиях. Он хотел умереть — но не мог: новое тело не позволяло. Он проклинал Освободителя и других, что увидели в нём святого. Он проклинал тех, кто жаждал стать экзальтами, просто потому что им хотелось быть особенными. Но больше всего он проклинал себя. Проклинал, что столько сделал для людей, заставив Бога решить, будто легче вернуть его из мёртвых, чем дать умереть.

И даже если был способ вернуть Рэнди и Анни, они бы всё равно вернулись другими. Они бы запомнили свои смерти — и они бы Джеку ничего не простили. А если бы и простили, Джек бы их сам возненавидел. Учитель был прав. Нужно смириться с

действительностью. Он слишком долго жил в сказке и не хотел осознавать, насколько жесток мир. Да, он прожил отличную жизнь. Теперь её остаток он посвятит исполнению миссии — чтобы никому больше не пришлось страдать так, как пострадал он.

Он прекрасно понимал всё это. Но как же, чёрт возьми, ему хотелось вернуться обратно: в дни, когда он просто весело проводил время с Анни и Рэнди — лучшими людьми, которых он когда-либо встречал. Которые всегда были рядом и поддерживали в трудную минуту. Верный друг и любимая женщина — чего ещё мужчине нужно в жизни?

Джек понимал, какое это всё ребячество. Конвейер подтащил тело Анни к утилизатору, и тот зашипел, расщепляя труп на атомы. Джек стиснул зубы, чтобы не расплакаться. От вставшего кома в горле становилось трудно дышать.

Время не отмотать назад. Мертвецов не воскресить. И никак не исправить ошибок, что совершил.

Он сжимал и разжимал кулаки, повторяя про себя слова Учителя: мужчина должен принять свою судьбу, какой бы она ни была.

Он должен двигаться вперёд. Он должен выполнить возложенную на него миссию.

Утилизатор уже отключили, а Джек всё смотрел в дыру, в которой исчезли его друзья. Учитель положил ему руку на плечо и тихо сказал:

— Пора.

Джек кивнул и утёр нос кулаком. Вместе с Учителем они вышли в распахнутые монахами двери и двинулись по едва освещённому туннелю.

Они находились под самой маленькой часовней, находившейся на окраинах. Всю свою жизнь Джек считал, что она заброшена. Оказалось, церковь использовала её только в исключительных случаях для решения каверзных вопросов. Вроде того, что возник сегодня.

Завидев Джека, монахи падали на колени и шептали молитвы. Сначала Джек сторонился их, пока Учитель не сказал:

— Не бойся. Благодаря тебе они снова обрели самое важное в мире — надежду.

Трудно было их винить, подумал Джек. Большинство людей уже считали Освободителя всего лишь мифом. Сказочкой Синдиката для удержания людей под контролем. Джек же принёс неоспоримые доказательства его существования. А значит, всё было не напрасно. Любые жертвы оправдывались. Мессианцы верили: когда-нибудь Освободитель вернётся и спасёт своих детей. Остальные считали такие надежды напрасными. Большинство высших чинов церкви смирились с мыслью, что их миссия — просто чепуха. Заветы Освободителя никому не нужны и единственное, что церковь может сделать — это захватить больше власти, чтобы заставить людей хоть как-то подчиняться Божьему Порядку.

Видение не на шутку всех перепугало. Стоило Джеку передать воспоминание об Освободителе церкви, как несколько мессианцев тут же слили его собратьям. Пламя веры разгорелось с такой силой, что совет кардиналов не нашёл ничего умнее, как попытаться утихомирить всех с помощью вигилантов. В итоге, они только подлили бензина в огонь.

Больше половины церковников принадлежали к фракции прагматиков. Их уже не интересовали пророчества и знамения. Самой большой проблемой они считали власть короля. Другой головной болью стали слишком скудные вооружённые силы церкви. Пока солдат так мало, считали прагматики, с мнением верующих Синдикат никогда не будет считаться. Десятки остальных фракций занимались постоянными спорами о будущем. И лишь мессианцы всегда держались в стороне, считая, что их время ещё не пришло.

Когда видение Джека достигло верхов, даже самые закоренелые прагматики поняли

правоту мессианцев. Другое дело, что большинство высших церковников просто не хотели отпускать власть, к которой так привыкли. Не желая терпеть смены курса, они предпочли развязать войну.

Ребята Джека не были первыми жертвами — ими стали вигиланты-мессианцы, подчинившиеся общему сигналу сбора. Учитель говорил, что стычки все ещё шли по всему Старому Городу. Но даже посреди всего этого хаоса мессианцы сумели схватить человека, приказавшего ликвидировать Джека, а также его подчинённых.

И сейчас, Учитель вёл Джека к нему.

Путь не занял много времени. Они подошли к двум монахам, охранявшим большую железную дверь с решётками на ней. Увидев Учителя и Джека, монахи поклонились. Один достал ключи и отпёр замок. Его руки тряслись.

— Что с тобой? — поинтересовался Джек.

— Я недостоин вашего взора, — пробормотал мужчина в ответ. Джек хотел возразить, но монах, наконец, справился с дрожью и открыл дверь.

— Заходи, — сказал Учитель.

Стоя на пороге, Джек почувствовал прилив ярости. Он готов был разорвать мерзавца, лишившего его самого дорогого, но тут ему на плечо положил руку Учитель и произнёс:

— Я понимаю твои чувства. Потом ты можешь сделать с ним всё, что угодно. Но если убьёшь его сразу и не спросишь, зачем он это сделал — будешь мучиться всю оставшуюся жизнь.

Джек медленно кивнул, сердце его колотилось как бешеное. Сама реальность стала будто бы расплываться, так сильно он взвинтил себя. Переступив через порог, он оказался в маленькой камере с единственной лампочкой над головой. Учитель включил свет.

На кровати у стены сидел скованный по рукам отец Валерио. Его одежда и лицо были перепачканы в грязи — без боя он не дался. Церковный балахон превратился в лохмотья, покрытые кровью. Протез ноги у него отобрали: понятно, почему монахи не сильно волновались, открывая дверь настежь. Даже если бы отец захотел, он бы просто не смог сбежать. Увидев Джека, священник расплылся в багровой беззубой улыбке. Да, поколотили его знатно, но Валерио не походил на человека, недовольного своей участью. Напротив, стоило Джеку войти в камеру, как он прямо-таки засиял.

— Ты всё-таки выжил… — сказал он. — Похвально, похвально. Видно, что этот ублюдок тебя хорошо натренировал. — Валерио кивнул в сторону Учителя, но тот застыл, словно статуя, и никак не отреагировал на слова священника. — Ничего страшного. Ты всё равно умрёшь. Не так быстро, как я хотел бы, но всё же — я победил. Хочешь сказать мне что-нибудь напоследок, мальчик?

Джека чуть не затрясло от наглости святого отца, но он всё-таки взял себя в руки и выдавил:

— За что?

— За что? — переспросил Валерио. — Ты думаешь, в этом было что-то личное? Нет, мальчик, ты всегда был пешкой. От тебя мы готовы были избавиться в любой момент. Никто и подумать не мог, что ты зайдёшь так далеко и принесёшь божественное откровение. Но я предупреждал их, давно предупреждал, что игры с Сетью ничем хорошим не кончатся.

— И что, каково это быть правым? — ядовито просвистел Джек. Валерио покачал головой.

— Язвишь, малец, и совершенно зря. Ведь ты даже не представляешь, какую беду навлёк

на Старый Город. На всех нас.

— Из-за вас убили моих друзей! — вскричал Джек. Он подошёл вплотную к священнику и схватил его за грудки. — Друзей, служивших Городу верой и правдой! Неужели вам всё равно?!

— Верой и правдой? — холодно произнёс Валерио. — Пока ты бегал по окраинам и изображал из себя великодушного гангстера, воображая, будто участвуешь в великой войне, настоящая война шла в церковных стенах. За сердца и умы. За души наших людей. За их будущее.

Джек изо всей силы потянул священника на себя и бросил его в стену. Ударившись, Валерио не издал и звука. Он просто повалился на пол и продолжил смотреть на Джека сосредоточенным взглядом.

— Вы же верили в Освободителя сильнее всех, — Джек схватился за голову. — Я принёс вам доказательство его существования! И вы предали меня!

— Ты принёс доказательство, что он не был таким, каким его описывали в Божьем Порядке. Ты превратил Бога в обычного человека. И теперь, когда о нём начнёт вскрываться всё больше фактов, все эти мессианцы, которые сегодня так яростно выкрикивают имя Освободителя, завтра превратятся в разочарованных и злых атеистов, которые плюнут на все заветы церкви и на всё то, чему нас учил Божий Порядок. Нас ждёт глобальная катастрофа. Нас ждёт развал Города и всех его устоев. А ты всерьёз веришь, будто сделал что-то хорошее. — Валерио грустно рассмеялся, а затем обратился к Учителю: — А ты сказал ему?

— Сказал что? — спросил Джек. Валерио покачал головой:

— Ты думаешь, будто это случайность. Но новые хозяева этого пса годами пытались добиться такого результата. Думаешь, мы просто так всё это время не давали мессианцам набраться сил? С гибелью прагматиков падёт вся церковь, за ней Старый Город, а там уже и Эдем.

Валерио упёр руки в пол и сел, опираясь на стену. Выдохнув, он покачал головой:

— Нужно было сразу передушить всю вашу шайку. Но мы думали, что это будет негуманно. Думали, что Освободитель не одобрил бы такого. А ещё назвались прагматиками…

Подняв голову, священник сказал:

— Можешь делать со мной всё, что хочешь, малец. Мне уже всё равно. Я не смог спасти Старый Город. Но, может быть, ты образумишься и поймёшь, что ничем хорошим это не кончится. Ты скоро умрёшь, но за это время можешь натворить дел. Весь этот хаос — это ведь только начало. Что будет дальше? Какие ещё чудовища вылезут из прошлого? На что люди готовы будут пойти, чтобы узнать о своём Боге всё? И чем больше они будут знать, тем меньше будут верить. В конце концов, нас ждёт катастрофа. Даже ты должен понимать, что недосягаемый идеал всегда лучше живого человека — пусть даже и спасителя всего человечества.

Джек повернулся к Учителю и спросил:

— Это правда?

— Про идеального Бога? Пожалуй, что и так.

Джек стиснул зубы:

— Я не про это! Вы действительно рассчитывали, что этим всё закончится? Вы хотели, чтобы я принёс видение об Освободителе, чтобы у вас был повод захватить власть в церкви?!

— Мы на это не рассчитывали, — спокойно ответил Учитель. — Но мы на это

надеялись.

— И вы не подумали, что меня и моих ребят могут убить?

— Никто и не подозревал, что всё так обернётся, — сказал Учитель. — И потом, мы не думали, что он прикажет убить тебя — ты и так умираешь. Но ты подбираешься к сути.

— И в чём же она?! — вскричал Джек, чувствуя, что сейчас снова готов надрать зад наставнику.

— В том, что ни прагматикам, ни мессианцам нет дела до таких людей, как мы. Они вольны изобретать любые планы, но каждый из них летит к чёрту, стоит кому-то взяться за оружие. Хватит. Мне надоело. Я не дам им сделать с тобой то, что они сделали со мной.

— Что?

— Запомни: не я сказал тебе про их планы, а он.

Валерио, казалось, впал в ступор.

— Так вот на что ты надеялся… — прошептал он, а затем засмеялся. — Сукин сын! Конечно же, тебе не позволено ничего говорить. Но раз уж я выдал вашу маленькую тайну, то ты не виноват, что их пешка вышла из-под контроля. Прекрасно, просто прекрасно!

— Джек, послушай меня, — начал Учитель. — Прагматики, мессианцы и другие — они будут постоянно сменять друг друга, но мы как были псами, так ими и останемся. Но всё может измениться. Они этого не понимают. Не понимают, какую власть отдают в наши руки. Они доверяют нам все планы, все свои замыслы и надеются, что мы достаточно преданны, чтобы исполнить их в жизнь. Так вот, Джек, миссию, что они тебе доверят — выполни её не ради них. Выполни её ради себя. Сражайся за свои идеалы и своих любимых.

— Они погибли, — сказал Джек. — За что мне сражаться?

— Если мы правильно разыграем свои карты, то сможем вернуть их.

— Мы только что избавились от их тел, — Джека начал разбирать нервный смех. — Они испарились. Ничего не осталось. Даже пылинки.

— Когда Освободитель вернётся, это всё уже будет неважно.

Тьма накрыла взор Джека. Воздух стал тяжёлым и удушающим. Стены запульсировали, будто артерии живого существа. Казалось, Город очнулся, услышав о возвращении своего хозяина.

— Вы же сейчас не всерьёз? Скажите, что не верите в эти бредни.

— Это не бредни, Джек. У Синдиката есть исследовательский отдел в Медцентре. Они угробили десятки лет, чтобы выяснить, кто же такие курьеры. Они перекопали все архивы, но ничего не нашли. Пока один из учёных не предположил безумную теорию: курьеры — это люди, в чьих жилах течёт хотя бы капля крови Освободителя. Все они — его дальние потомки.

Джек почувствовал подступающую тошноту. Он сразу понял, к чему ведёт Учитель. Но ему не хотелось этого слышать.

— Стойте…

— Но из них всех только тебе удалось увидеть хоть что-то в Сети. Из всех ныне живущих, ты самый близкий его потомок. В твоих жилах течёт его кровь. И только ты сможешь вернуть его нам — чтобы он вернул нам всех остальных.

— Это безумие, — прошептал Джек. — Этого не может быть.

— В Божьем Порядке говорится о том, что Освободитель вернётся. И о возвращении возвестит его потомок, который принесёт всем остальным свет его любви. Который даст время сомневающимся вернуться к истинной вере, прежде чем начнётся судный день. Этим

кем-то и будешь ты.

Учитель положил руку на плечо Джеку.

— Теперь ты понимаешь, какая великая миссия на тебя возложена?

Джек не мог и слова выдавить. Он молча обернулся к отцу Валерио. Тот лежал с широко раскрытыми от ужаса глазами. Казалось, он не смел и шевельнуться. Прошло почти полминуты, прежде чем он произнёс:

— Нет, чёрт возьми. Не может этого быть. — С паникой в глазах он бросил взгляд на Учителя. — Скажи мне, что ты лжёшь! Это ведь всё шутка, да?! Проклятые мессианцы!

— Ты прекрасно знаешь, что я не мессианец, — холодным тоном ответил Учитель. — Но всё, что я сказал — абсолютная правда.

Отец Валерио задрожал. Из его горла раздался сдавленный хрип, заставивший даже Джека содрогнуться. Священник взвизгнул и стукнул кулаком по полу.

— Почему? — прошептал он. — Так не честно! Мы должны были сделать это!

Когда его силы иссякли, он воззрился на Джека и сказал:

— Теперь они точно не дадут тебе умереть. Прости, малец… я совершил огромную ошибку. Но знаешь, я не жалею. Ты не спасёшь этот Город. Ты его только угробишь.

Джек с жалостью посмотрел на священника. Его ярость утихла. Ему уже не хотелось рвать отца на куски. И всё же, он должен был заплатить за содеянное.

Джек достал пистолет и взвёл курок. В глазах отца Валерио не было страха. Грустно улыбнувшись, он продолжал смотреть на Джека, будто ожидая, что же он сделает.

Джек нажал на спусковой крючок. Раздалось сухое щёлканье. Валерио дёрнулся, закрыв глаза. А затем открыл, с удивлением воззрившись на Джека.

— Что? Почему?

Джек убрал пистолет.

— Когда Учитель сказал мне, что поймали виновного в гибели моих друзей, я специально вытащил все патроны. Я хотел изрезать тебя. Разорвать голыми руками. Мучить, пока ты не начнёшь молить о смерти. Но знаешь-ка что? Ты сгниёшь здесь. Ты будешь за решёткой, каждый день до самого конца своей жалкой жизни. И будешь ждать, пока кто-нибудь придёт и расскажет о завершении нашей миссии. Тогда я разрешу тебе умереть. Не благодари.

Развернувшись, Джек как можно быстрее вышел из камеры, чтобы не передумать. Сжав кулаки, он упёрся лбом в стену и задышал, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Учитель вышел следом и приказал монахам запереть камеру.

— Тебе нужен хороший отдых, — сказал он.

— Некогда, — отрезал Джек. — Что дальше? Пойдём на поклон к новому руководству?

Стоило ему это сказать, как голову пронзила резкая боль, заставив его вскрикнуть от неожиданности. Сложившись пополам, Джек закашлялся и сплюнул на пол. Даже при плохом освещении он сумел рассмотреть, что плевок был тёмно-красного цвета.

— У тебя из носа идёт кровь, — сказал Учитель. — Пойдём. Ты прав, нам действительно некогда мешкать. Ты умираешь.

Джек не успел спросить, куда они двигаются, как Учитель умчался дальше по коридору. Ему оставалось только догонять.

С каждым шагом ему становилось всё хуже. Валерио ведь сказал, что ему остался почти год? Наверное, в лучшем случае. Он не учитывал борьбу с вигилантами не на жизнь, а на смерть.

Джеку начало казаться, будто они ходят кругами. Одни коридоры сменялись другими, а они всё шли и шли. До тех пор, пока Учитель резко не остановился у неприметной двери и не толкнул её. Стоило им войти, как Учитель тут же захлопнул дверь за собой, словно опасаясь, что кто-то зайдёт следом.

Помещение оказалось намного больше, чем Джек ожидал: прекрасно освещённое, с красными стенами, обитыми деревом. Красивая мебель и столовый сервиз свидетельствовали, что помещение использовали для встреч высокопоставленных церковников.

— Где мы? — спросил Джек.

— В Святилище, — ответил Учитель. — В гостевом отделении.

Стоило ему это сказать, как распахнулась дверь напротив, и внутрь вбежали вигиланты с оружием наготове.

Увидев звериные маски, Джек рефлекторно дёрнулся, но Учитель удержал его:

— Это наши люди, — произнёс он, кивнув бойцам.

Четверо вигилантов, все как на подбор высокие и крепкие, в полной боевой выкладке — в бронежилетах и с помповыми дробовиками. Они носили маски филина, тигра, льва и волка. Как только Учитель вышел вперёд, они убрали оружие и преклонили колени, опустив головы вниз.

— Господин, — глухо пробормотал лев. — Чем мы вам можем помочь?

— Время пришло, — сказал Учитель. — Пустите нас внутрь.

Лев поднял голову. Даже через модулятор голоса Джек легко услышал нотки недоверия:

— Но ведь приказа не поступало.

— Я беру это под свою ответственность.

— Боюсь, вы не можете… это же наш самый ценный артефакт!

— Ты знаешь, что он прекрасно может защитить себя. Сколько раз мы уже пытались? Пять? Шесть? Думаешь, все эти процедуры принесут нам пользу, если нас опять ждёт провал? А если всё получится, что же, значит, всё было не напрасно, ведь так?

Даже не видя лица льва, Джек прекрасно понимал, что слова его не убедили. Но тут подал голос филин:

— Очнись, идиот. Зачем бы господину нас обманывать? Наши враги повержены. Да и потом, разуй глаза, ты стоишь перед самим пророком.

Лев заглянул за Учителя и, стоило ему увидеть Джека, тут же упал на колено и произнёс:

— Прошу прощения за мои сомнения, господин. Да святится ваше имя… я…

Он сорвал шлем-маску, явив потное лицо, и уставился сияющими глазами на Джека:

— Вы подарили нам спасение, господин, — слегка запинаясь, произнёс вигилант. — Вся моя семья… мама, сестра, даже брат… они всегда пылко верили, хоть над нами многие и смеялись. А теперь всё встало на свои места! Мы всегда знали, что это просто испытание! Но ведь разум вещь такая… всегда сомневаешься в вещах, в которых никогда сомневаться нельзя. Спасибо, что развеяли все сомнения. Всё мы делали правильно. И все, кто над нами смеялся, на божественном суде это быстро поймут!

Он улыбнулся самой чистой и невинной улыбкой, которую Джек когда-либо видел. Учитель выступил вперёд и помог вигиланту подняться с колена.

— Так что, пустите нас? — поинтересовался он. Вигилант снова надел маску и выдохнул:

— Вы ещё спрашиваете! В этот раз всё получится, я чувствую это.

Учитель прошагал к двери, за которой оказалось ещё одно помещение, уже не такое гостеприимное, как первое. По обе стороны от массивной железной двери круглой формы располагались сканеры сетчатки и замки. Вигиланты деловито вплыли внутрь, снимая с шей ключи на шнурках. Всё же, при всём показном задоре, в их движениях чувствовались скованность и неуверенность.

Сканеры считали глаза охранников, затем вигиланты вставили ключи и одновременно их повернули. Дверь заскрипела и начала медленно отодвигаться в сторону. Стоило ей распахнуться, как на Джека хлынул запах разложения, от которого его чуть не стошнило. Казалось, он попал на место массового захоронения, настолько ужасен был запах.

— Господи, что там? — выдавил он, чувствуя, как заслезились глаза.

— Предыдущие кандидаты, — отчеканил Учитель. — А также незваные гости.

За дверью было настолько темно, что казалось, будто помещение поглощало падающий внутрь свет. Джек ощутил за порогом какое-то шевеление. Внутренности его скрутило — и не только от запаха. Что-то страшное ждало их в этом хранилище. Ему очень сильно не хотелось туда заходить. Но Учитель не дал ему времени на раздумья и зашёл первым. Хоть всё нутро Джека и протестовало, он двинулся следом.

Стоило им оказаться внутри, как дверь позади начала закрываться.

— Эй, постойте! — запаниковал Джек. «Не оставляйте нас в темноте!» — хотел прокричать он. Учитель помотал головой.

— Так надо.

Замки закрылись. На стенах загорелись лампочки — и Джек очутился посреди царства смерти.

Повсюду валялись искалеченные, сгнившие трупы с извивающимися внутри них червями и роями мух, парившими вокруг. Мяса на телах практически не осталось. Вонь проникала в ноздри, сжигала их ароматом смерти. Запах мутил разум, толкал его в спячку. Будто шептал, что в землях мертвецов грешно быть живым.

Джек держался из последних сил. Прикрыв ладонью нос и рот, он выдавил:

— Кто они?

— Твои предшественники. И идиоты, считавшие, будто смогут украсть нашу главную ценность. Оно защищает себя, Джек. Предыдущим кандидатам не хватало решимости. Но они и не были вестниками, в отличие от тебя.

— Кандидатам на что?

Учитель не сказал ничего и лишь махнул рукой в середину комнаты. Джек и не заметил, что там стоит пьедестал. Или его не было, когда они вошли?

На пьедестале лежало нечто размером с кулак, похожее на сморщенное яблоко, только серого цвета. Джек моргнул — и предмет преобразился. Он начал разрастаться на глазах, словно дерево, пускающее во все стороны корни — только вместо корней в пространстве извивалась колючая проволока, с которой свисали провода с запутавшимися в них шестерёнками. По коже Джека поползли мурашки. Изнутри по всему телу начинало растекаться чувство прохлады, как будто само тепло испарялось из этого мира. Из серого предмет стал чёрным. Ещё через мгновение он превратился в средоточие тьмы.

— Что это? — еле сумел выдавить Джек, борясь с подступившей к горлу тошнотой.

— Сердце Освободителя, — ответил Учитель.

«Но почему оно такое чёрное?», хотел было спросить Джек, но не успел. Его слух

полоснул истошный визг. В глаза, казалось, засунули иглы. Всё тело, каждая его молекула, закричала от боли.

Джек открыл рот, пытаясь заглушить страдания воплем — и тьма проникла внутрь.

***

Он проснулся от невыносимой жары — такой он не испытывал даже в то лето, когда начали надрываться системы кондиционирования Старого Города. Лицо и тело покрывал липкий, вонючий пот. Во рту будто что-то умерло. Джек провёл ладонью по лицу, пытаясь прийти в себя — и обомлел.

Прямо перед ним стоял вбитый в землю крест, с широкими верхними лучами, сужающимися к середине, нижний же был бритвенно остр. Джек видел такой у ветеранов Великой Зачистки. Крест ещё называли боевым. В армии его запретили, но у стариков его отнимать никто не посмел. Джек не понимал, почему так произошло, а никто внятно объяснить не смог, даже Учитель.

Сейчас у него начинали закрадываться определённые подозрения. На боевом кресте был распят скелет без нижней половины тела, руки его были привязаны к двум остриям, шедшим диагонально вниз от центра. На кресте перед Джеком висел молодой парень, старше его года на три. Никакой одежды, кроме набедренной повязки. Всё тело покрыто синяками и порезами. Длинные чёрные волосы, блестящие от пота, прикрывали бородатое лицо. Так же, как и на армейском символе, его руки лежали вдоль двух острых лучей и смотрели вниз. Под ногами была удобная выемка, позволявшая распятому стоять ровно и без особых проблем. Но всё же жертва выглядела усталой и измученной — будто провела здесь целую вечность.

Сначала Джек и паренёк молча смотрели друг на друга. Джек всё пытался понять, где он оказался. Окружение мало что ему сказало. Он ещё не бывал во Вне, но, судя по описаниям, оно выглядело именно так. Повсюду под ногами простиралась зелёная трава, над головой царило безоблачное небо, а неподалёку от горизонта источала бесконечную ярость огромная лампа, которую называли солнцем. Но это было не Вне, Джек знал точно. Откуда — он сам не мог понять. Только некое чувство в груди говорило ему: нет, ты сейчас там же, где только что был с Учителем.

Рядом с сердцем Освободителя.

Воспоминание привело Джека в первобытный ужас. Ему захотелось выблевать тьму, забравшуюся внутрь. Вот только рвотных позывов он не испытывал. Да и по ощущениям всё было несколько хуже обычного, но не настолько, чтобы сходить с ума.

Плевать, куда его занесло. Намного важнее было, кто же распятый парень?

Джек вгляделся в его лицо и сквозь гриву чёрных волос сумел рассмотреть совершенно безумные голубые глаза. Рот жертвы разверзся, словно старые, заржавевшие ворота, которые давно никто не открывал, и издали звук.

Сначала он походил на скрип, затем на плач. Через несколько ударов сердца звук превратился в слова.

— Помоги мне…

Джек не сдвинулся с места.

— Сними меня отсюда…

Джек продолжил стоять. Он не понимал, почему. Первым же инстинктом в нормальной ситуации было бы помочь незнакомцу, оказавшемуся в подобной ситуации. Но что-то не

давало ему сдвинуться.

Вдруг губы распятого расползлись в презрительной усмешке. Он выдавил:

— Ты ведь его кровь… Трус… убей меня!

— Не слушай его, — раздался голос позади. Джек резко обернулся, выставив вперёд сжатые кулаки. Голос принадлежал босому мужчине в белой рубашке и джинсах. Он провёл рукой по голове, зачесав тёмные волосы назад. Джек рассмотрел шрам, тянувшийся поперёк левого глаза. Больше особых примет у мужчины не было, и всё же, Джек чувствовал себя так, будто знал его всю жизнь.

Он и сейчас знал, кто это. Просто не хотел признавать.

Мужчина кивнул будто в ответ его мыслям.

— Да, сынок, я Освободитель. Зачем ты здесь?

Джек и сам не знал, поэтому брякнул первое, что пришло в голову:

— Я здесь, чтобы вернуть вас людям.

— А кто-нибудь спрашивал, хочу ли я возвращаться? — протянул мессия. — Вы только и делаете, что разочаровываете меня.

Его лицо из насмешливого быстро стало грустным.

— А я только и делаю, что разочаровываю вас.

— Вы нужны людям, — сказал Джек. — Нам нужно, чтобы вы повели нас в лучшее будущее.

Слова-слова. Неискренние, ненатуральные. Действительно, зачем он здесь?

Стоило ему задать себе этот вопрос, как в груди вспыхнул пожар. Словно на начавшие тухнуть угольки вылили канистру топлива.

— Вы нужны нам, чтобы мы больше не теряли любимых! Вы ведь обещали нам рай! Никто его не требовал, вы сами предложили!

«Рэнди… Анни…»

— Вы должны были спасти нас, раз и навсегда, а не бросать дело на полпути!

Джек почувствовал, как на его горле сомкнулась стальная хватка. Освободитель приподнял его над землёй. В глазах мессии читался всепоглощающий гнев.

— Да что ты знаешь о потерях, малец?! Что ты знаешь о настоящих жертвах? Ты даже не представляешь, на какие компромиссы пришлось пойти мне, сукин ты сын!

— Мои друзья погибли, — всё же сумел выдавить Джек, — чтобы я пришёл сюда и позвал вас вернуться… но всё это зря.

Хватка ослабла.

— Да? И почему же?

— Потому что вы не спаситель. Вы обыкновенный трус.

Сказав это, Джек закрыл глаза. Надежды больше не было. Да и на что было надеяться? Он увиделся с самим Богом, и тот ответил, что все мольбы бесполезны.

Раз так, то умереть было не самым худшим выходом.

Джек почувствовал удар в спину. Открыв глаза, он понял, что упал на землю. В непонимании он уставился на Освободителя. Тот даже не смотрел на него. Всё его внимание приковал распятый паренёк.

— Я трус. В этом ты прав, — мессия горько рассмеялся. — И я думаю, что ты знаешь, почему.

Он развернулся и поковылял к горизонту, слегка прихрамывая на правую ногу. Не оборачиваясь, Освободитель махнул рукой и сказал:

— Я оставлю тебе жизнь. У тебя хватило наглости, пацан. У тех, кто был до этого, её было мало. Прощай.

Джек в непонимании поднялся во весь рост.

— Но… как же… — протянул было он, но его перебил грубый, режущий нервы смех.

Смеялся распятый паренёк. Смех сотрясал его измученное тело, из-за чего из открытых порезов начала течь кровь.

Горящие ненавистью голубые глаза прожгли Джека насквозь.

— Неужели ты не понял? — выкрикнул распятый. — На моём месте должен был быть он!

16. Последнее наставление

Последнее наставление

«Каждый солдат надеется вернуться домой героем. После войны не существует ни того дома, ни того солдата»

Анна Пирс, «Точка отсчёта»

Томми затрясся и покрылся потом, протягивая руку вперёд. На его лбу вздулись жилы, щёки покраснели, а глаза, казалось, лопнут от напряжения.

Он закричал.

Вик схватил его за плечи и попробовал удержать. Ещё несколько мгновений — и катер окончательно испарился, снова собравшись в маленький шарик. Томми рухнул на землю и расплакался от облегчения. Вик отвернулся, чувствуя, как непроизвольно кривятся губы.

Рулевой слишком многое пережил, чтобы подбадривания его сейчас привели в себя. Вот только Вика начинало раздражать расшатанное состояние Томми.

Стоило ему подумать об этом, как в голове пронеслось видение: катер, одержимый призраком погибшей женщины, пожирает пространство вокруг себя. Съедает мир, оставляя после одну пустоту. И между катером и концом света был только рулевой Марцетти.

Вик не стал больше настаивать. Как и сказал Томми, пойдут они пешком.

Пару часов они потратили, чтобы добраться до реки на своих двоих. Конечно, они могли вернуться к тюрьме и поплыть оттуда, но Вик опасался возвращения других катеров, поэтому попросил Насифа провести их через джунгли.

Нужно было отойти как можно дальше от дымящихся руин и трупов солдат, пытавшихся их остановить. Несомненно, другие судна вернутся, рано или поздно. Но к тому моменту экипаж «Катрины» уже будет достаточно далеко.

Вик попытался предложить двигаться на катере по суше, но Томми наотрез отказался.

— Она катер, кэп. И ты прекрасно знаешь, как сильно она хочет поглотить всё вокруг. Мы не должны ей потакать.

Вик это и сам прекрасно понимал. Но он до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что Томми — не просто рулевой посудины Эдема, а укротитель чудовища, жаждущего утилизировать весь мир.

«А ведь она сказала, что у других машин похожие ощущения…»

Весь мир вокруг, казалось, начал распадаться. Если двойник Томми говорил правду, то полковник объединил несколько разных реальностей, а теперь они никак не могли смириться друг с другом. И всё это было ради того, чтобы захватить технологию переноса у сааксцев. Стоило Вику об этом задуматься, как начинало казаться, будто воздух дрожит от напряжения. Привычная обыденность теперь казалась чем-то далёким и желанным. Слишком быстро жизнь показала им свою уродливую изнанку.

Видения Ли ясности не добавили. Как только команда очнулась, мальчишка молча свернул всё оборудование, унёс его в трюм, а когда вернулся, то просто уселся на палубу, как ни в чём не бывало. Все выглядели обескураженными, но больше всех, казалось, проняло Саргия. Он не сводил взгляда с одной точки, пока Вик не дотронулся до его плеча.

— С тобой всё в порядке? — спросил он.

— Так значит, не только мои… — тихо пробормотал Саргий.

— Что ты сказал?

Саргий будто бы очнулся от сна. Сосредоточив взгляд, он воззрился на Ли и сердито спросил:

— Что это, чёрт возьми, было?

— Ты о чём? — озадаченно протянул Ли.

— Как о чём? О чертовщине, которую ты нам показал! — Саргий казался оскорблённым до глубины души. Вик ощущал себя примерно так же.

Освободитель не только существовал, но они его увидели — можно сказать, что вживую. Конечно, после того, как они побывали в самом Эдеме, удивляться было бы глупо. Но что-то сдвинулось. Какая-то мысль не давала покоя. Она всё рвалась на самый перёд сознания, вот только не могла оформиться во что-то конкретное.

— Я вам что-то показывал? — спросил мальчишка. Саргий собрался было выдать что-то резкое, но тут руку подняла Эмма и сказала:

— Давайте сначала уберёмся отсюда.

Вик даже обрадовался вмешательству медички. Как только Томми развоплотил катер обратно в форму маленького шарика, Вик приказал Насифу вести их через джунгли. Шаман с Саргием возглавили колонну, следом за ними семенил Томми с Сарой, за ними Эмма, а хвост замыкали Вик с Ли.

Когда они зашли достаточно глубоко в зелень, чтобы не опасаться преследователей, капитан спросил у мальчишки:

— Ты сейчас действительно ничего не помнишь?

— Мы же только что вырвались из тюрьмы и подбили катера противника, — с ощутимым раздражением сказал Ли. — Я что-то упускаю из виду? Скажите, капитан!

Эмма помахала рукой Вику, и тот ускорил шаг, чтобы с ней поравняться.

— Ты что-то хотела сказать?

— Он забыл, — сказала Эмма. — Я слышала о таком. После всего, что с ним сделала церковь, это и неудивительно. У него серьёзная психологическая травма, против которой он выработал защитный механизм. К тому же, он курьер. Говорят, у них повышенная вероятность ментальных проблем.

— Хочешь сказать, у него с головой не в порядке? — спросил Вик.

— А у кого она действительно в порядке? — осадила его Эмма. — Он показал нам, кем является на самом деле. Но он не может пользоваться своим настоящим именем, потому что даже оно вызывает поток болезненных образов. Вполне возможно, что его хозяева хотели такого результата. Вы и сами заметили, какое у него странное поведение. Он будто сам не свой. Перепады настроения, излишняя сентиментальность, какое-то непонятное ребячество. Обычно, в его возрасте парни наоборот стараются показать себя взрослыми. Ведь так?

— И всё потому, что он не тот, за кого себя выдаёт, — кивнул Вик. — Хуже того, он сам верит в собственную ложь.

— Чтобы спасти остатки рассудка, — заметила Эмма. — Хотя, мне кажется, он осознаёт какие-то части своего прошлого. Просто изо всех сил старается подавить остальное.

— Тебя совершенно не беспокоит, что он курьер? — поинтересовался Вик. — Что потом он может выдать воспоминания о миссии? Все наши секреты?

— Он даже не помнит, кто он такой, — Эмма покачала головой. — Нет, я не думаю, что его стоит бояться. Курьеры не всегда помнят все детали, а в его воспоминаниях полный

разлад. Да и потом, даже если его хозяева начнут копаться в его памяти, думаю, на нас им будет наплевать. Вот если он попадёт в руки короля, тогда у нас могут быть проблемы.

Вик внимательно посмотрел на медичку и рефлекторно моргнул, запечатлевая её образ в памяти. Тут же он почувствовал укол совести и отвернулся. «Если бы они только знали…»

— О чём вы там шушукаетесь? — спросил Томми, замедляя шаг. Вик смерил взглядом рулевого. После смерти двойника Катрины Марцетти выглядел хуже некуда. Но он сказал, что разберётся со своими проблемами. «Сможет ли?»

— Ли действительно не помнит, о чём он говорил, — сказала Эмма. Томми кивнул.

— Пацан всегда был странным. Но теперь всё встало на свои места.

— Правда? — поинтересовался Вик. — И что же тебе стало яснее?

— Он не помнит о миссии церковных гондонов. Его настоящее «я» прорывалось наружу, когда мы начинали на него давить. Но в остальное время он просто прикидывался беззаботным мальчишкой, — Томми цыкнул. — Чтобы прожить детство, которое у него отняли.

Вик не знал, что и сказать. Но тут к их разговору подключилась Сара. Как и Томми, выглядела она изнурённой, почти что опустошённой. Под глазами темнели мешки, когда-то задорный ирокез совсем перепачкался и свалялся, и теперь девушке пришлось просто зачесать его на бок. Но главное, в её голосе появилась надломленность, которую Вик слышал у людей, которые встретились со смертью — и им показалось, что её объятия намного теплее, чем у жизни.

— Слушайте, я не скажу ничего насчёт церкви. Это всё очень странно и страшно, если начинаешь задумываться. Но этот мальчишка ваш… Ли… он ведь видел Освободителя, так? Вы помните, что он ему сказал?

Эмма кивнула. Вик понял, к чему клонит рулевая «Юноны», но решил не вмешиваться. У него теплилась лёгкая надежда, что она уведёт разговор в другую сторону.

— А ещё там был человек на распятии, — продолжила Сара. — И то, что он сказал… нас ведь с младшей школы учили, что Освободитель собой пожертвовал, чтобы дать Городу жизнь! А что это получается? Всё — обман? И где же тогда Освободитель, а?

— И главное, что произошло дальше, когда Ли вернулся, — поддал жару Томми. Он внимательно посмотрел Вику в глаза, и губы его слегка расползлись, явив гниющие зубы. — Вы ведь прекрасно знаете, о чём я, да, капитан?

— У церкви было сердце Освободителя, — сказала Эмма. — Настоящее ли сердце или же некий конструкт — что бы это ни было, они хранили его для «подходящего кандидата». И Ли выжил, — она бросила опасливый взгляд на неторопливо плетущегося помощника рулевого. — Потом церковь ни с того ни с сего решает поддержать поход полковника за стены, хоть и ненавидит Синдикат с королём. Вы ведь понимаете, на что это похоже? Не молчите, капитан!

— Чего вы от меня хотите? — честно спросил Вик.

— Ты ведь знал про всё это, несчастный ты сукин сын, — разочарованно выдавил Томми. — Ты знал, что он агент церкви. Ты знал про его миссию. Я уж не говорю о том, что тебя связывает с полковником. Ведь именно тебя послали не просто так, да?

— Нет, я ничего из этого не знал, — выдохнул Вик. — Клянусь вам всем, чем только можно. С полковником меня связывает общее прошлое, это так. Я один из немногих оставшихся людей, которых он бы мог назвать другом. Мы вместе воевали на Нижних Уровнях, когда я ещё был копом. Как-то раз мы встретились, и он сказал мне, что очень

впечатлён моим упорством. Я помогал ему в некоторых операциях, даже спас ему жизнь. И когда мне пришлось бежать из Башни, он помог мне перебраться на сторону Синдиката. Вот только с тех пор, как я начал работать на короля, мы больше не поддерживали связь.

— Так значит, дело в короле? — ввернула Эмма. — Он решил отправить вас за полковником, потому что считал, будто никто другой не справится?

— Никто другой бы за это и не взялся, — отрезал Вик. — Всем наплевать на полковника, жив он или нет. Всем наплевать…

— А вам нет? — осведомилась Сара. В её глазах промелькнуло нечто, похожее на жалость.

— Я… — запнулся Вик и продолжил, тщательно подбирая слова. — Я хорошо относился к полковнику. Когда-то я бы назвал его своим наставником. Даже… отцом. Те годы прошли. Я знаю, что он угрожает Первому Городу и всем его гражданам. И всё же, я не хочу решать всё кровью. Я хочу понять, что заставило его сделать то, что он сделал.

Томми с Эммой молчали. Сара же понимающе и даже с какой-то симпатией кивнула ему и произнесла:

— Нельзя просто так жертвовать близкими, как бы они ни отдалились.

— Кстати о жертвах, — многозначительно буркнула Эмма. — Теперь мы знаем, что Освободитель не жертвовал собой.

— Значит, он живой? Среди нас? — спросила Сара. — Церковь ведь поддержала полковника, потому что он обещал вернуть его! Поэтому его экспедицию поддержали!

— Важнее другое, — оборвала её поток мыслей Эмма. В её глазах читалось осуждение. — Скажите-ка, Вик, только честно. Полковник и есть Освободитель?

Вик молчал. Он не знал, что и сказать. Наконец, вздохнув, он выдал:

— Я считаю, что это возможно.

***

Они шли по реке с невиданной доселе скоростью. Казалось, Томми выжимал из «Катрины» всё, что только можно. Ли, несмотря на провалы в памяти, местоположение храма помнил прекрасно — и указал его.

Место, где полковник объединил миры.

Вик в очередной раз разобрал и собрал автомат, хотя необходимости в этом не было никакой — он ведь только распечатал его на утилизаторе. Остальные члены команды тоже вернули себе оружие; Эмма же сумела разыскать в схемах, которые предоставил ей Вик, сумку-утилизатор с медикаментами. Вся команда спустилась в трюм. Каждый готовился, как мог: Саргий укладывал пулемётные ленты, Ли точил клинки, Паркер помогала Эмме уложить аптечку, а шаман в очередной раз жёг перья. Каждый знал: впереди их ждёт битва.

Время разговоров закончилось. Они выбрали свою сторону. Полковник, какие бы цели ни преследовал, выбрал свою. И всё же, одна мысль не давала Вику покоя.

«Почему я сказал это? Почему?!»

Ведь он мог просто промолчать, посмеяться над словами Эммы. Но он просто подтвердил их, будто ни в чём не бывало. И между ними сразу же возникла невидимая стена, ставшая ещё толще, потому что он прямо сказал — ему не всё равно, что случится с полковником.

«Они уже не первый раз думают, что я в сговоре с Эймсом. Почему?»

Конечно, у них всех были проблемы с Синдикатом. Их недоверчивость легко было объяснить. Король отправляет на миссию опытного убийцу, тот собирает кучку отщепенцев и без лишних объяснений идёт вперёд. А миссия в том, чтобы вернуть кровавого полковника, который, возможно, предал Первый Город. И не просто предал, а объединился с прямым его противником, чтобы разрушить всё до основания. А может, он и не предавал никого, а на самом деле внедрился в армию врага, чтобы саботировать её изнутри? Как бы там ни было, слишком много подозрительного. И чем дальше, то всё больше.

Когда они подплывали к деревне Насифа, Вик сам сказал шаману, что что-то не так. Полковник объявил войну Первому Городу и использовал Орла Свободы как свой символ. Сторонников же он называл армией Освободителя. Какова была вероятность, что Эймс им и был? Вик подозревал, что довольно большая.

После видения Ли он осознал: человек, который когда-то был полковником, скорее всего больше не существует. Его место занял кто-то другой: тот, кто смог убедить церковь, ненавидевшую Синдикат, пойти за ним. Доверить лучших агентов и даже артефакты. Ли нёс в себе сердце Освободителя, хранившееся у церковников, и его задачей было довести капитана до конца.

«Что, если всё это обман? Они приказали Ли завершить миссию человека, искавшего полковника. Что если это я его сопровождаю, а не он меня?»

Одно Вик знал точно — после всего произошедшего, ничего нельзя было исключать. И если полковник был Освободителем, это отвечало на многие вопросы. Например, как он умудрился пережить годы стычек на Нижних Уровнях и не сойти с ума.

В конце концов, Эдем хотел заполучить технологию переноса, он дал отмашку королю отправить экспедицию за стены, и ничего удивительного, если Освободитель, всё это время скитавшийся среди своих детей, возглавил поход. Там он столкнулся с сааксцами и инсценировал свою смерть — или просто пережил отрубание головы. Но для чего нужно было развязывать войну? Если ему так нужна была технология переноса, он бы сам давно заполучил её.

«Саргий ещё тогда предположил, что полковник хочет, чтобы его нашли».

Вик цыкнул и защёлкнул магазин автомата. Он ничего не узнает, пока не встретится с полковником лично.

Он попытался представить, как будет хорошо вернуться домой, обнять Синтию и Нормана, наконец-то нормально выспаться и никогда больше не возвращаться к войне. Но все его мысли сводились к Аноре. Словно путник в пустыне, он жаждал испить влагу с её нежных губ. Посмотреть в её зелёные глаза. Сказать ей, что никуда больше не уйдёт. И услышать самодовольное: «Ты только мой».

Одно только воспоминание о принцессе довело его до холодного бешенства.

«Почему? Почему я думаю о ней? Я ведь всё решил!»

Сейчас как никогда Вик остро почувствовал: домой он уже не вернётся. Его израненную душу уже ничто не спасёт. Всё, на что он мог надеяться, так это не загубить Синтию и Нормана вместе с собой. Его боль представлялась заразной болезнью, высасывающей счастье и радость. Само его присутствие в семье, словно вакуум, лишило бы их дом тепла. Ему только оставалось раствориться в потёмках души Аноры, и никогда не оборачиваться.

Мог ли он надеяться хоть на это?

— Капитан? — услышал Вик голос рулевого. Вик вскочил на ноги и подбежал к Томми. Рулевой потянул на себя рычаг скорости, и катер начал замедляться. Повернувшись к

капитану, Марцетти сказал: — Похоже, это оно.

Вик кивнул и взял автомат на изготовку. Катер окружал густой туман. Всё, на расстоянии дальше вытянутой руки, скрылось в клубящейся серости. Она, словно дым, проникший в чистилище, предзнаменовала ожидавшую вдали жару ада. По телу Вика пробежал озноб, заставив его крепче сжать оружие.

Люк, ведущий в трюм, открылся, и на палубу вылезли остальные члены команды. Саргий одной рукой держал пулемёт стволом кверху, а второй тащил за собой патронные ленты. Боеприпасы мерзко скрипели, царапая железо. Вику почудилось, будто это цепь, которой иммигранта приковали к пулемёту. Сара и Эмма держались вплотную друг к другу. В глазах медички капитан прочёл страх, рулевая же казалась готовой схватиться хоть с самим дьяволом — настолько мрачное и решительное у неё было выражение лица. Ли вооружился двумя мачете, а шаман обнимал винтовку и что-то тихо нашёптывал.

— Мы на месте? — спросила Эмма. Вик кивнул.

— Не хочу вас пугать, — пробормотал Томми, — но Катрине здесь очень и очень не нравится…

Вик почувствовал, как палуба под его ногами подрагивает. К горлу подкатил комок тошноты: казалось, будто катер обволакивает его со всех сторон, словно гниющая плоть. Сдержав рвотный позыв, Вик спросил Томми:

— Что ты хочешь сказать?

Марцетти казался растерянным.

— Катрина… Катрина боится.

— Они здесь, — прошептал шаман. — Мы вошли.

Стоило ему произнести эти слова, как туман расступился. Шаман оказался прав — команда приплыла прямо в клещи врага. Со всех сторон катер окружали лодочки с сааксцами. Маленькие смуглые люди в изношенной форме и с раскрашенными белым лицами держали в руках копья, пики и алебарды. Частокол сужался вокруг «Катрины» — и Вик чувствовал, как судно дрожит всё сильнее и сильнее.

— Чего вы испугались? — громыхнул Саргий. — Порешим всех, да поедем дальше.

Не успел он опустить пулемёт, как шаман повис на его руке.

— Стой! — слегка оттолкнув иммигранта от борта, шаман повернулся к окружившим катер копьеносцам и что-то сказал на саакском. Человек, сидевший на носу самой ближней лодки, закивал и бросил несколько коротких фраз в ответ. Шаман повернулся к Вику:

— Он говорит, что если мы пришли отдать дань уважения полковнику, нам нужно будет разоружиться.

— У нас есть выбор? — спросил капитан. Шаман помотал головой.

— У них древнее оружие, созданное на заре Союза. Вскроет борта на раз-два.

— Скажи им, чтобы опустили копья! — крикнул Томми из рубки. — Иначе Катрина за себя не отвечает!

«Будто загнанный в западню зверь».

— Хорошо, хорошо! — Вик взял автомат за цевьё и демонстративно положил оружие на палубу. Его примеру молча последовали остальные, разве что Саргий недовольно проворчал что-то на иммигрантском, прежде чем сложил пулемёт.

— Насиф, а мы могли не оказываться в западне? — тихо поинтересовалась Эмма. Шаман смерил её потерянным взглядом.

— Я сделал так, чтобы мы попали сюда. Иначе бы мы никогда не пересеклись мирами.

— Это спасательная миссия, — сказал Вик. — Мы пришли не воевать с полковником, а потому, бояться нам нечего. Ты правильно всё сделал.

Шаман кивнул, в его глазах мелькнул оттенок благодарности.

Лодочки аккуратно расступились, уступая катеру дорогу. Томми дёрнул рычаг скорости, и «Катрина» двинулась вперёд, продолжая дрожать.

С левого и правого борта показались берега. Джунгли сужались, стремясь обступить путников. Заявить, что правит здесь дикость, а не цивилизация. Прямо у воды, словно отгораживая землю, возвышались чёрные колонны с вырезанными на них письменами и символами. Присмотревшись, Вик с удивлением узнал среди них распятие Первого Города, боевой крест и пятиконечную звезду, которую он видел в храме, где погиб Сайрус.

Колоннады вели к чёрному порталу каменного храма, вделанного в гору. Река текла дальше, но Вик понял: это конец пути. Дальше они уже не пойдут.

На ступенях возле входа сидели солдаты с винтовками, сааксцы и первенцы. Помятые, измазанные грязью и кровью, с мёртвыми глазами, они напоминали зверей, которых приручил жестокий дрессировщик. Вик осознавал: их спокойствие всего лишь иллюзия. Их терпение не шире волоска. Стоит хозяину щёлкнуть пальцами, как они выплеснут весь накопленный в их душах гнев на любого, кто окажется рядом.

Если догадки Вика были правдой, солдаты полковника провели в джунглях чуть больше года. Вот только выглядели они так, будто жили здесь не один десяток лет. Когда-то бледная кожа стала смуглой, словно само Вне въелось в их сущность, а затем переделало бойцов изнутри. И если сааксцы ничем сильно не отличались от своих собратьев из Союза, то первенцы отошли от родичей так далеко, насколько это возможно.

Лица они раскрасили в белый цвет, а на нижних губах нарисовали синие полоски. Их уши и носы украшали кольца, на поясах висели отрубленные высушенные головы. С формы Синдиката сорвали все опознавательные знаки. Некоторые из бойцов полностью обнажились, их тела покрывала алая краска. На их фоне сааксцы с Орлом Свободы на спинах казались не вышедшими ростом гражданами окраин.

— Это какое-то безумие, — пробормотала Эмма. Вик склонен был с ней согласиться.

Возле храма было несколько пристаней, у которых дежурили сааксцы в лодочках. Как и те, что на реке, вооружённые копьями и пиками. Томми аккуратно подвёл катер к свободному месту и заглушил двигатель.

— Пора, — заключил Вик. — Пойдём все. Томми, ты тоже. Давайте без глупостей. Говорить буду я.

— С полковником не говорят, — раздался голос за его спиной. — Полковника слушают.

Вик резко развернулся. Перед ним возвышался крепкий мужчина в тяжеловесной чёрной броне. Его лицо скрывала баллистическая маска — такая же, как у Вика, разве что эта прикрывала и макушку с затылком, почти что как шлем. Присмотревшись к доспеху, капитан различил отчеканенные цитаты из Божьего Порядка. Как он и догадывался, с полковником были церковные зелоты. Вик никогда их не видел, но король рассказывал про них на инструктажах. Хоть у церкви и не было нормального боевого крыла, они спонсировали вигилантов, а затем выбирали среди них лучших и самых фанатичных бойцов. Существование их доспехов хранилось в строгом секрете. Зелоты их надевали за всю историю всего три раза — каждый раз, когда начиналась Война Домов.

В голове зазвучал голос Карла:

«Он сковал пять комплектов брони, Вик. Для самых верных последователей его

апостолов. Их может поразить только оружие Эдема. Или же сам Освободитель».

Позади мужчины выстроились ещё четыре фигуры в таких же доспехах. Вик закрыл глаза.

Церковь пошла ва-банк. Главы посчитали, что если операция прогорит, жить дальше им просто незачем. Вик сжал кулак и сделал шаг вперёд. Зелот навис над ним недвижимой скалой, будто ожидая следующего хода. Не успел Вик и рта раскрыть, как рядом с ним возник Саргий и аккуратно загородил дорогу.

— Мы здесь, чтобы увидеть полковника.

Пусть зелот и возвышался над Виком, но Саргий оказался ещё выше. Капитану на секунду показалось, будто недвижимая скала всё же задрожала. Зелот кивнул и сделал шаг назад. Из-под его маски раздался дребезжащий голос:

— Мы проводим вас к нему. При одном условии.

— Каком же? — спросил Вик.

— Вы его не заберёте.

Вик промолчал. Зелот, видимо, воспринял это как знак согласия и поманил их рукой за собой.

Они нырнули в темноту храма. Зелоты растворились в ней, будто их никогда и не существовало. Вик закрыл глаза и продолжил идти на звук. Где-то позади слышался топот ботинок его команды. Он почувствовал себя призраком умершего, что вернулся в родной дом и обнаружил его заброшенным. Его терзало чувство узнавания, будто он сотни и сотни раз проходил этот путь.

«Я только и делаю, что спускаюсь во тьму».

— Здесь, — подсказал зелот. Вик открыл глаза.

Тьма не рассеялась, но сквозь отверстия в потолке едва пробивались лучи света. Достаточно, чтобы отразиться от человека в золотом доспехе, сидящем на полу.

«Это не доспех. Это его тело».

Зелоты встали позади своего повелителя. Через секунду с пяти сторон разожглись факелы. Блики ослепили Вика, заставив его зажмуриться и прикрыть глаза рукой.

— Ты пришёл, — раздался так хорошо знакомый голос. Всё нутро Вика задрожало от волнения. Он уже и бросил надеяться, что снова услышит этого человека.

Так много времени прошло. Так много хороших людей погибло.

Вик убрал ладонь от глаз. Полковник сидел скрестив ноги, одной рукой опираясь на короткий меч, а другой листая книгу, лежащую на полу. Взгляда он не поднимал. Его почти облысевшую голову прикрывал боевой шлем с высоким гребнем и полями, сильно загнутыми спереди и сзади. Когда-то задорно торчавшие усы обвисли, переходя в короткую бороду. Шею полковника прикрывало роскошное белое жабо, ниспадающее на позолоченный нагрудник. Даже в полутьме факелов Вик мог рассмотреть письмена, разбегавшиеся по всему доспеху полковника. Ему показалось, будто он видит в словах своё имя.

Полковник продолжал листать книгу, не обращая на пришельцев внимания. Как он что-то различал в такой темноте, Вик не понимал. Опустив взгляд, он посмотрел на страницы. И тут же понял, что эту книгу полковник должен был знать наизусть.

Перед ним лежал Божий Порядок: походный вариант, предназначенный для солдат. Полковник не читал книгу. Он смотрел на страницы, к полям которых были приклеены маленькие шёлковые ленты. Почти половина текста была перечёркнута и исписана красными чернилами.

Полковник вспоминал свои заметки.

Вик завороженно смотрел, как полковник пролистывает книгу до конца, а затем начинает листать сначала. Его движения были отработанными, привычными. Вик мог бы поклясться, что всё это время Эймс сидел здесь и листал Божий Порядок, пытаясь вспомнить записи, которые сделал в прошлом.

Ещё в годы, когда они оба служили на Нижних Уровнях.

Когда молчание стало совсем невыносимым, полковник поднял глаза. Вик и забыл, насколько пронзительным у него был взгляд.

— Ты пришёл, — повторил полковник. Это не было вопросом. Не было и констатацией факта.

— Полковник, мы здесь, чтобы вернуть вас домой.

— Ты пришёл, как убийца, — произнёс Эймс. В его тоне не было обвинения. Вику даже послышались нотки интереса.

— Нет. Я пришёл как солдат. Это спасательная миссия.

— Ты не солдат и не убийца, — сказал полковник. — Ты посыльный. Курьер. Ты доставляешь волю короля.

Вик почувствовал вставший у горла ком. Шевеление за спиной свидетельствовало, что команда прекрасно поняла, о чём говорил Эймс. И им это не понравилось.

Полковник убрал книгу и поднялся на ноги. Его броня зажужжала и заскрипела. Заключив короткий меч в ножны, он принял у одного из зелотов алебарду и подошёл вплотную к Вику. Луч света упал на его лицо, и Вик поразился, насколько бледной оказалась кожа Эймса. Когда-то жизнерадостный и полный веселья человек превратился в бледную копию самого себя. Как потушенный костёр, в котором тлели последние угольки, пусть и способный разжечь новое пламя, но уже стоящий на грани небытия.

— Я вижу, что он смотрит твоими глазами, — сказал полковник. — Наш король. Не сейчас. Потом, когда будет переживать твои воспоминания. Ты выбираешь слова, которые бы он сказал. Испытываешь эмоции, которые были бы ему комфортны. Стараешься держать себя в руках, ведь вся твоя жизнь — всё равно, что раскрытая книга. И каждый в любой момент может стать одной из строк на страницах. Ощутить, что значит быть тобой.

— Я пришёл не из-за короля, сэр. Я пришёл из-за вас.

Полковник понимающе кивнул, не сводя с Вика неморгающего взгляда, будто ожидая продолжения. Когда его не последовало, Эймс сказал:

— Примерно семь лет назад я повстречал на Нижних Уровнях человека, подобных которому никогда не видел. Наивного и упрямого — казалось бы, хуже комбинации не подобрать. Но он ещё был до безумия отважен. Даже спас мне жизнь. И тогда я подумал, что всё же есть в его убеждениях зерно смысла. Пацан был копом и считал, что сможет подружить Синдикат с Башней Правосудия. Что нет никаких рамок и границ, есть только люди. И даже к Стрелкам, убивавшим нас каждый день, нужно проявить понимание и пощаду.

— Что же с ним случилось? — подала голос Эмма. Вик посмотрел на неё. Медичка слушала полковника с широко раскрытыми глазами. Маска презрения спала с её лица, уступив место сосредоточенному спокойствию. Казалось, будто треснул защитный кокон, и на свет, наконец, появилось прекрасное существо.

— Башня предала его. А король приютил, сделал своим посланником. Убийцей войн. Устранителем, предотвращавшим конфликты точечными ударами по отдельным Семьям.

Посмотрев на Вика, полковник заключил:

— Сотнями точечных ударов.

— Я давно таким не занимаюсь, — соврал Вик. Полковник пожал плечами.

— Главное, что никакой ты не спаситель. Твои таланты в несколько… другой области. Кем ты ни был раньше, ты уже давно не тот человек.

Вик сжал и разжал кулак. Он мог бы выпустить клинок из коммуникатора. Расстояние небольшое, за один прыжок он сумеет его преодолеть. Главное — бить в лоб, чтобы достать мозг. Несколько ударов, и всё готово.

«Нет. Он именно этого и ждёт».

— Без вас я не уйду, — с нажимом произнёс Вик. — Потому что я пришёл за вами.

— Ирония в том, что я тоже не могу уйти в одиночку, — ответил полковник. — И ты знаешь прекрасно, за кем я пришёл. Скажи, какие распоряжения тебе отдал король?

— Найти вас. Привести в Город любой ценой, — отчеканил Вик. Полковник наклонил голову.

— А если я откажусь?

— Любой ценой, — повторил Вик.

— А если я откажусь? Если мои планы поставят под угрозу Старый Город? Или даже власть короля?

Вик промолчал, чувствуя на себе взгляды членов экипажа. Он не мог сказать правду. И не мог солгать. Теперь-то они знали, что всё это время на них его глазами смотрел король. Конечно, это при условии, что он всё же вернётся домой. Вероятность этого уменьшалась с каждой секундой.

— Можешь солгать, если хочешь. Но каждый здесь прекрасно понимает, кто такой Карл Лоуренс. И чем он отвечает на неповиновение.

Вик обернулся и посмотрел на команду. Раньше каждый из них реагировал на ситуации по-разному. Но сейчас в их глазах сквозило только одно: презрение. Для них он перестал быть человеком и окончательно превратился в марионетку короля. И пусть Карл не управлял им напрямую, зато он переживал его память о проделанных операциях. А значит, он полностью ощутит все масштабы их ненависти к нему. И уж после этого точно никому не видать спокойной жизни в Старом Городе.

Хуже всего было то, что Вик не хотел лгать. Он действительно верил и надеялся, что до этого не дойдёт. Настолько, что сам убедил себя, будто миссия ограничивалась только спасением.

— Он говорит правду, — наконец, сказал Вик. — Карл приказал мне убить полковника, если он откажется вернуться со мной.

— И нас тоже, верно? — ядовито поинтересовался Томми. Вик нехотя кивнул. Томми выразительно сплюнул и покачал головой.

«Только если полковник откажется», — хотел было добавить Вик, но тут же оборвал себя, понимая, насколько жалко бы это прозвучало. С чего бы им верить в его слова? Если он лгал об одном, то нетрудно предположить, что он лгал и о спасении. Вик повернулся к полковнику и произнёс:

— Но ведь это безумие. Вы пообещали церкви, что вернёте Освободителя? С чего вы взяли, что он вообще во Вне? Чего вы пытаетесь достичь? Что вам о нём вообще известно?

Полковник молчал. Вик чувствовал, как за его спиной нарастает напряжение. Ещё чуть-чуть, и зелотам не придётся рвать его на части — это сделает его собственная команда.

Когда Вик уже подумал, что полковник решил не отвечать, Эймс произнёс:

— Я увидел это на Нижних Уровнях. Предзнаменование, что он вернётся. Что я верну его. Сначала я не верил самому себе, пока остальные не увидели то же самое. А когда я связался с церковью и заставил их увидеть, никаких сомнений не осталось. Что касается Освободителя, печальная правда в том, что он не захотел жертвовать собой ради нас. Стыд его был настолько велик, что он покинул город, который сам же построил, оставив апостолов править им. Его скитания длились очень долго. До тех пор, пока он не набрёл на город, построенный его сыном.

— На Карас, — услышал Вик голос шамана. От одной только этой мысли всё нутро пронзил холод. «Неужели…»

— Именно, — ответил полковник. — Так что, как видишь, без участия сааксцев мне никак было не обойтись. То, что началась война — неприятно, но значительно упрощает дела. Как бы там ни было, Вик, ты скомпрометирован. Даже если я хочу, я не могу позволить тебе присоединиться к нам.

— Предзнаменования да догадки, вот и всё, что у вас есть? — Вик попытался засмеяться, но не смог даже растянуть губы в ухмылке. «Надо вывести его из себя, заставить команду сомневаться». — Я ожидал большего, после той каши, что вы заварили.

Казалось, полковник хотел что-то ответить, но в итоге лишь покачал головой.

— Зачем вам вообще возвращать Освободителя? Что, неужели без него так плохо жилось?

— А какой смысл в небе без Бога? — сказал один из зелотов. Вик не нашёлся, что ответить.

— И что же дальше? — спросил Томми. — Вы нас убьёте?

— Нет, — сказал полковник. — Вы вольны уйти. Но я желаю, чтобы вы остались.

— С какой стати?! — вдруг резко выдала Эмма. Похоже, её спокойствие долго не продлилось. — Вы разрушили наши жизни!

— Я прекрасно понимаю, что любить вам меня не за что. И поэтому, хотел бы поблагодарить Вика за то, что он привёл вас. Я не разрушил ваши жизни. Я их перестроил. Так, чтобы, в конце концов, вы оказались здесь — и приняли самостоятельное решение, хотите ли вы помочь мне создать новый мир. Мир, в котором Бог будет отвечать на молитвы.

Эмма замолчала. Похоже, ей нечем было парировать. Вик повернулся, пытаясь понять, что же чувствует медичка. И, к своему недовольству, увидел на её лице понимание.

«Она купилась».

Даже Томми, чья жизнь превратилась в ад после приказа полковника, казался задумчивым. Зато Ли не мешкая сделал несколько шагов вперёд и встал подле полковника. Вик почувствовал, что теряет контроль.

— Не судите меня строго, капитан, — пожал плечами мальчишка. — Вы прекрасно знали, что это произойдёт.

«Да, я знал, — подумал Вик. — Готовился. И всё равно оказался не готов».

— Ты совратил мой народ, — громко сказал шаман. — Я не дам тебе совратить и меня.

— Я с тобой, — сказал Саргий и хрустнул костяшками пальцев. — После всего, что ты натворил, полковник, я твой личный враг.

— Правда? И что же я сделал?

Саргий сощурился, его лицо перекосило от ненависти.

— Ты прекрасно знаешь.

Полковник лишь пожал плечами. Вик посмотрел на Томми и Эмму. Они оставались в раздумьях. Нужно было брать инициативу на себя.

Выкинув клинок из коммуникатора, он бросился на полковника.

«Один удар — и всё кончено».

Он и сам не понял, как оказался на полу, прижатый телом зелота. Вик попытался сбросить бойца, но тщетно: даже для экзоскелета доспех врага казался неподъёмным. Зелот схватил его за шиворот и поднял на ноги. Размахнувшись, Вик лягнул зелота в живот и отступил назад с клинком наготове. Бойцы в чёрной броне окружили его, загородив полковника. Тот лишь усмехнулся:

— Саргий, будь так добр, угомони капитана.

— С чего бы мне это делать, кусок ты дерьма? — вскричал Саргий и бросился на Эймса. Он схватил его за горло и занёс кулак над головой старика.

— Стой! — заорал один из зелотов и повис на руке Саргия. Иммигрант стряхнул бойца на пол, словно плюшевую игрушку. Солдат покатился, маска слетела с его лица. Саргий остолбенел.

Под маской оказалась девчушка лет восемнадцати. Её пепельные волосы были туго стянуты на затылке, а в серых глазах читалась мольба. Сплюнув кровь изо рта, она взмолилась:

— Папа, пожалуйста, не надо.

17. Тепло потерянного солнца

Тепло потерянного солнца
«Мы не одобряем лишение жизни, зато никогда не спрашиваем, стоит ли её давать»
Иеремия Фаддей, «Записки на манжетах»

Если бы не предупреждение Кати, Сергей бы просто проехал мимо нужного здания. Более неприметного церковного приюта невозможно было и сыскать. Может, на то и был расчёт.

Дом, врезанный в торец жилого блока действующих граждан, прятался от случайных взглядов за козырьками, магазинными вывесками и указателями улиц. Даже если бы Сергей искал это место специально, то вряд ли бы нашёл. Стоило Кате постучать в железную дверь, как изнутри раздался женский голос:

— Кого там ещё бесы принесли?

— Честно скажу, после такого я бы просто развернулся и ушёл, — признался Сергей. — Хорошо, что ты со мной.

Катя покачала головой.

— Я думала, ты мастер по открыванию дверей.

— Я, скорее, мастер по закрыванию створок.

— Я спрашиваю, кто там? — повторила женщина.

— Катрин Лемортова. С братом.

Послышался звук отпираемых засовов, от которого Сергею стало не по себе — неужели в церкви всё было настолько плохо, что они не могли позволить себе обычные замки, не говоря уже о магнитных?

Стоило двери отвориться, как на пороге выросла маленькая пожилая женщина в наряде монашки. Смерив Сергея тяжёлым взглядом, она поманила гостей за собой. Катя зашла первой.

Внутри пахло воском и благовониями. На столах стояли десятки свечек. От некоторых ещё шёл дымок, хотя повсюду горели лампочки. Сергей не сразу вспомнил, что свечи нужны для молитв, а не для освещения. Одна только эта мысль заставила его спросить себя: действительно ли он так любит Освободителя, как думал раньше?

Он до сих пор помнил, что сказал Страж, прилетевший им на помощь и убивший полковника с солдатами.

«Добро пожаловать в Первый Город, Сергей».

Даже спустя столько лет, он так и не посмел поделиться этим секретом. Даже маме или сестре он не сказал ни слова. Слишком боялся, что посчитают за сумасшедшего. Стражи не разговаривают с простыми смертными, это знали все. И всё же, Сергею хотелось думать, что он нечто большее. Что у него есть предназначение, которое нужно исполнить. И когда-нибудь Освободитель даст ему знак. Остаётся только ждать.

Конечно, всё это были глупые надежды и заблуждения. И всё же, Сергею нужно было хоть что-то, что могло спасти его от удушающей обыденности жизни. Он столько времени лупил людей на арене, что даже игры со смертью стали казаться чем-то рутинным.

Его существование походило на нелепую шутку. Отец проделал такой огромный путь из

Города до Федерации и обратно, пожертвовал всем, даже собой, чтобы подарить им новую жизнь, полную возможностей — и ради чего? Мама с Катей были правы. Николас ошибался, доверившись первенцам — они не заслуживали таких подношений. И всё же, Сергей до сих пор не мог смириться с тем, что Освободитель виноват во всём произошедшем. Нет, так было нужно, он чувствовал это.

«Пути Господа неисповедимы», — так сама мама говорила. На всё есть высший смысл. Даже если он его сейчас не видит, не значит, что его нет. Он верил в отца, а отец верил в Освободителя. Значит, всё это было не напрасно. Отец не мог умереть зря.

Что до первенцев — это уже был другой разговор. Как бы они ни извратили Божий Порядок, как бы они ни относились к народу Сергея, Освободитель тут был ни при чём.

— Как вы и просили, я их всех собрала перед вашим приездом, — сказала монашка.

— Святой отец тоже здесь? — поинтересовалась Катя. Монашка кивнула. Они подошли к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Как поднимитесь, увидите красную дверь — вам туда, — проворковала женщина и покинула их. Сергей пропустил сестру вперёд.

За красной дверью он услышал несколько детских и один мужской голос.

— Что за святой отец? — с подозрением спросил он, остановив Катю.

— Человек, который воспитывал твоих детей, — ответила сестра. — Должен же был кто-то этим заниматься.

— Подожди, и сколько лет ты об этом знала?

— Как только Оксана порвала с тобой.

— Двенадцать лет? И ты всё это время молчала?!

— А ты бы на моём месте что сделал? — бросила Катя. — Ты был занят избиением людей на потеху толпе. Я слишком боялась, что ты просто отмахнёшься от детей, сделаешь вид, что они не твои. Да и потом, Оксана долгое время сама прекрасно их обеспечивала. Конечно, последнее время ей самой нужна была помощь — но даже то немногое, что она зарабатывала, она с ними делила. А сейчас у них не осталось никого. Потому-то я решила обратиться к маме.

— Ты должна была мне сказать, — Сергей сжал кулаки. — Первым же делом. Если бы я знал…

— Посмотри на себя, братец! — почти что выкрикнула Катя, спохватилась и продолжила обычным тоном. — Столько лет прошло, а ничего и не изменилось. Двенадцать лет! Двенадцать лет ты провёл на этой сраной арене. И тебе даже в голову не пришло что-то поменять. Как тебе вообще можно было что-то доверить, скажи мне? Не говоря уже о других наших разногласиях. Скажи правду, ты ненавидел меня. Ненавидел, что я прислуживала богатым первенцам, пока ты за деньги кровь проливал. А я просто хотела спокойного будущего для нас с мамой. Ты ведь ни в какую не хотел получать гражданство. Тебе нравилось жить на окраинах. Просто драться и думать, что мама — лицемерка, которая не хочет работать. Ты ведь знал, что ей не хватает пособия на нормальную еду и лекарства. Мы не первенцы, мы не можем жрать одну только слизь из утилизатора, нам нужны натуральные продукты. Только благодаря тому, что я получила гражданство, ей начали платить нормальные деньги. А если бы ты ещё постарался, она бы вообще прекрасно жила. Но ты даже и не думал о ней.

— Ты думаешь, мне было всё равно? — Сергей почувствовал, как задрожало всё его тело. Ни один противник на арене не мог заставить его чувствовать такую ярость, как родная

сестра. — Ты думаешь, я забыл о ней? Я раз за разом приезжал с призовыми деньгами, предлагал ей вообще всё забрать. И что в ответ? Она швыряла кошельки мне в лицо. Говорила, что ей не нужны кровавые деньги. Ей нужен нормальный сын. И при этом она всё твердила, что не хочет работать на первенцев. Но была бы не против, чтобы я на них работал? Как ещё я должен был её понять?!

Катя вздохнула и сняла очки. Сергей не выдержал и отвёл взгляд.

— Посмотри на меня, — потребовала сестра.

— Не могу, — проворчал Сергей. — Это удар ниже пояса. Я виноват, что с тобой это произошло. Я должен был за тобой тогда присмотреть. Если бы я не пустил тебя к окнам…

— Посмотри на меня! — повторила Катя. Сергей всё же подчинился.

Сестра была красивой женщиной, сильно напоминала маму в молодости. В её внешности не было уродства, на глазах и коже даже не осталось никаких шрамов — Медцентр постарался на славу. И всё же, её взгляд был мёртвым. Даже если бы Сергей сейчас ушёл в другую сторону, глаза Кати так и остались бы сфокусированными на одной точке. И эта неподвижность коробила сильнее всего.

— Ты не виноват, Сергей, — ровным тоном сказала Катя. — И мама тоже не виновата. Каждый день она думает, что ей не стоило оставлять нас одних в тот день. Но виноваты только ублюдки, решившие разбомбить нас. Папа с мамой всегда хотели для нас лучшего. Но со мной не сложилось, как видишь.

Сказав это, она снова надела очки и отвернулась.

— Не говори так, — попросил Сергей. Её слова ранили сильнее, чем любые удары, которые он получал на арене. Катя помотала головой — с излишним энтузиазмом, как делала это в детстве.

— Ты сам прекрасно понимаешь, о чём я. А мама… она не могла просто смотреть, как ты продолжаешь себя разрушать. Чёрт с ним, с гражданством. Но тебе надо было просто бросить карьеру бойца. Вот и всё.

— Ты и мама никак в толк не возьмёте, что я ни разу не проиграл. Ты посмотри на меня и на первенцев! Да какую боль они мне могут причинить? Чёрт возьми, да я был в меньшей опасности, чем сейчас, пока дрался на арене. Теперь я отжал бизнес у парня, который когда-то организовывал самые крупные бои. Его бывшие партнёры могут попытаться убить меня, чтобы прибрать его дело к рукам, а это серьёзные поводы для беспокойства. Зато мама считает, что я взялся за ум? Это же смешно.

— Она с самого начала не хотела, чтобы ты шёл по этой тропе. Но теперь ты так глубоко завяз, что уже и не свернуть, верно? И потом, ты пытался до неё это донести? Что тебе не грозит опасность? Вот я только и слышала, сколько смертей произошло на арене за все эти годы. Она постоянно думала, что может тебя лишиться в любой момент. И бессилие убивало её. Потому всё, что она могла сделать, это принудить тебя бросить. Но ты каждый раз выбирал арену, а не её.

Сергей не знал, что ответить. Катя покачала головой.

— Как бы там ни было, всё это позади. Я рада, что ты здесь. И я рада, что мы всё-таки смогли это обсудить. Ты прав. Я должна была сказать тебе о детях раньше.

— Нет, не стоило, — процедил Сергей. — Я бы не принял ответственность. Я не был готов. Жил ради себя, всё это время. Услышь я о детях Леры, я бы просто сказал, что это её проблема. Никто же не просил, чтобы они рождались.

— Она была предприимчивой, этого не отнять, — вздохнула Катя. — Чего скрывать,

она думала, что сможет шантажировать тебя детьми. В том числе и поэтому я не хотела, чтобы ты знал. Вы ведь были вместе в течение года, да? И целый год она ходила в Медцентр, сдавала клетки в инкубаторы и подписывала согласие на рождение ребёнка. Пять раз.

— Подожди, сколько? Я думал…

— Я тоже была ошарашена, — Катя засмеялась. — Но знаешь, видимо, в ней всё же осталось какое-то подобие благородства. Ей самой стало мерзко, что она родила их ради выгоды. Она ведь действительно полюбила их. И решила всю себя посвятить, чтобы они ни в чём не нуждались. Даже если это значило, что она будет их видеть только раз в месяц.

— То есть, с богачами она спуталась только потому, что хотела дать нашим детям будущее?! — Сергей прикрыл лицо руками. — Господи, почему она просто не обратилась ко мне, а? Столько лет… столько лет зазря…

— Ты ведь сам только что сказал, что ты не был готов. Она сделала выбор, который ты бы не поддержал. И поняла в итоге, что играть жизнями не в её вкусе.

— Но если бы она сказала… — Сергей стиснул зубы. — Всё бы могло пойти по-другому.

— Не надо жалеть о том, что прошло, изменить уже ничего нельзя. Думай о сегодняшнем дне, — Катя положила ему руку на плечо. — Все мы наделали ошибок. Главное, что есть шанс их исправить.

Сергей вдруг заметил, что из-за двери больше не доносились голоса. Не успел он сказать об этом, как дверь распахнулась. На пороге стоял высокий пожилой мужчина в робе священника. Смерив Катю и Сергея тяжёлым взглядом, он спросил:

— И долго вы собирались тут стоять? Нам же прекрасно всё слышно.

Этого человека Сергей ожидал увидеть в последнюю очередь.

— Дядя Миша? Что ты здесь делаешь?

— Слежу за твоими детьми, что же ещё, — дядя усмехнулся. Он постарел, сильно постарел. Волосы его поседели и стали совсем редкими. Под глазами пролегли глубокие морщины, но взгляд оставался всё таким же озорным. — А ты не знал, да?

— Я ему не говорила, — сказала Катя и махнула Сергею рукой. — Заходи.

— Вокруг меня одни тайны, — проворчал Сергей и переступил порог. — С каких пор ты работаешь священником?

Старик ухмыльнулся:

— С момента, как Николас пожертвовал собой ради Освободителя. Да, мы упустили друг друга из виду, что поделать. Хорошо, что Катя сумела отыскать меня и попросила приглядеть за твоими детьми.

Сергей вошёл в комнату и нервно сглотнул. На диване сидели две девочки и тихо переговаривались, бросая косые взгляды на гостей и что-то показывая друг другу в маленькой книге, лежавшей у их ног. Трое мальчишек на полу так увлечённо играли в солдатиков, что на Сергея и Катю не обращали никакого внимания. Один из них бросал кости, другой что-то записывал, а третий передвигал фигурки по полю, состоящему из маленьких восьмиугольников. Нет, это были не просто солдатики, это была целая военная игра.

«Они уже совсем не дети», — подумал Сергей.

— Познакомьтесь, ребят, — сказал дядя и указал на племянника. — Вас пришли проведать.

— А кто это? — поинтересовалась девочка с пепельными волосами и серыми глазами.

У её сестры голова была совсем светлая, прямо как у её мамы. Она уставилась на пришельцев взглядом, в котором смешались любопытство и опаска.

— Я… — открыл рот Сергей и понял, что не может ничего из себя выдавить. Катя спасла положение.

— Я ваша тётя, — она подошла к сёстрам поближе и потрепала светлую за щёку. Девочка недовольно сморщилась и отодвинулась. Вторая лишь засмеялась. — Мы с вашей мамой были… знакомыми. А это мой брат.

— То есть, ты сестра не нашей мамы, а нашего отца, — громко произнёс один из мальчишек с кудрявыми длинными волосами до плеч. У него была смуглая кожа и тёмные глаза. Самый высокий из троицы пацанов, он казался старше всех. — А ты, стало быть, наш папаша, да? Сергей, ведь так?

— Володя, заткнись, — лениво протянул мальчик пониже ростом, зато шире в плечах. У него была короткая стрижка с чёлкой, аккуратно зачёсанной на бок. Он выступил вперёд и протянул Сергею руку. — Меня зовут Дима. А это мои младшие братья и сёстры. Это Володя, а тот, который ничего не говорит — Витя.

Третий мальчик действительно продолжал молчать, не сводя сосредоточенного взгляда с Сергея. Низкого роста и щуплого телосложения, он очень сильно отличался от братьев. Хоть разница в возрасте у них была какие-то несколько месяцев, Витя выглядел младше на пару лет. На фоне смуглых братьев Витя выглядел привидением — его кожа была настолько бледной, что казалась прозрачной. Пышные пепельные волосы торчали в разные стороны, в серых глазах читался открытый страх. «Не разбивайте мой мир, пожалуйста», — как будто говорили они.

— Я Надежда, — произнесла девочка со светлыми волосами. Выражение лица у неё было наимрачнейшее. — А она Вера.

— У меня к тебе вопрос, — произнёс Володя. — Где ты пропадал всё это время?

— Я не знал, что вы вообще существуете, — покачал головой Сергей. — Оксана… ваша мама… мне ничего о вас не сказала.

— Вот значит как, — похоже, такой ответ мальчику не понравился. — Раз так, то можешь и дальше думать, что нас не существует. Ты для нас никто.

— Правда? — спросил Сергей. — Мама ведь умерла, вы знаете?

— Последнее время её живой-то назвать можно было с натяжкой, — поморщилась светловолосая Надежда. В отличие от сестры, которая почти всё время радушно улыбалась, эта гримасничала и строила недовольные рожи.

— И вам что, не нужен отец? — спросил Сергей, чувствуя, будто пол начинает проваливаться под его ногами. Он ожидал, что Володя скажет что-то, но его снова отодвинул старший Дима, который показал на дядю Мишу и произнёс:

— Без обид, но вот наш настоящий отец.

***

Бой почти что закончился. Худощавый паренёк по имени Гарт с каждым ударом по лицу соперника подтверждал статус нового чемпиона. Старина Кесслер совсем сдал. Он просто ничего не мог противопоставить мальчишке. Новичок почти что размазал его, а судья всё не останавливал бой. Сергей подозревал, что у него личные счёты к Кесслеру. Что же, пусть он и организатор, но вмешиваться не будет. Кесслер изжил свою полезность. Что с

ним теперь делать? Его даже на бой с середнячком не выставишь после такого унизительного поражения, что уж там говорить про реванш.

Стремительный удар правой обеспечивал Кесслеру победы на протяжении трёх лет — сразу после того, как Сергей стал новым организатором. Старичок ему всегда нравился. Вот только противопоставить молодёжи он почти ничего не мог. До тех пор, пока Сергей не перебил большую часть молодёжи, когда Калеб попытался на него надавить. «На безрыбье и рак рыба» гласила старая иммигрантская пословица, поэтому в отсутствии достойных претендентов Кесслер быстро завоевал первенство. Потребовалось три года, чтобы сбросить его с трона.

Сергею такое было только на руку. Став организатором, он понял Калеба. Нельзя чтобы одно и то же лицо задерживалось в поле зрения болельщиков. Нужна новая кровь, новые чемпионы. Движение это жизнь, остановка — смерть. Если всё слишком долго находится в стагнации, народ теряет интерес. Просмотрев записи Калеба, Сергей понял, что сам чуть не загнал в гроб весь бизнес. «Вовремя успел уйти, ничего не скажешь». То же самое произошло и с Кесслером. Уже на второй год его чемпионства интерес зрителей начал падать. Пришёл момент попрощаться со старичком.

Из кабинета Сергея открывался прекрасный обзор на восьмиугольную арену, отделённую клеткой от зрителей. Люд вопил и верещал, пока юноша выбивал из старика последние остатки жизни. Не первая смерть на арене и явно не последняя. Это был уже четвёртый бой за день, поэтому бойцы чуть ли утопали в крови.

— Босс, может, пора это прекратить? — осторожно поинтересовался Кили, новенький телохранитель. Сложив руки перед собой, он стоял за правым плечом Сергея. Само его присутствие казалось дурной шуткой. Четверо предыдущих телохранителей погибли во время войн с конкурентами Сергея. Каждый раз они погибали от шальной пули, оставляя босса наедине с убийцами. И каждый раз Сергей доказывал, что ему не нужна никакая охрана — с кучкой вооружённых недоумков он способен справиться голыми руками. Конечно, пока есть живой щит, меньше вероятность поймать пулю, которая может стать смертельной. И всё же, Сергею сама мысль прятаться за чужими спинами претила. Он бы уволил всех телохранителей, если бы не Вера.

«Ты в очень опасном бизнесе, пап. Не вздумай ходить в одиночку, пусть с тобой всегда будет хоть один охранник!»

Сергей мог ослушаться кого угодно, но только не родную дочь. Усмехнувшись этой мысли, он сказал:

— Останавливай бой. И рефери потом ко мне, надо с ним потолковать. Таким тормозам не место на моей арене.

Кили поклонился и вышел из кабинета, чтобы передать приказ. Сергей остался в один в своём царстве темноты.

Сидя в роскошном кресле из настоящей кожи перед огромным пуленепробиваемым стеклом, с шикарным видом на арену, которая когда-то впитала и его кровь, Сергей спросил себя: а куда, чёрт возьми, двигаться дальше? У него было всё: деньги, власть, процветающий бизнес. Личный парк автомобилей, тройка неплохих домов, множество мелких арен и несколько крупных. Десятки талантливых бойцов, а также сотни кандидатов, алчущих его внимания. Куда уж дальше ему расти?

Он мог подчистую уничтожить всех конкурентов и остаться единственным, кто будет заниматься организацией боёв на окраинах. Целая армия телохранителей и боевиков готова

была по его приказу начать войну. Но Сергей от неё отказался. Он не хотел начинать правление кровопролитием. Однако некоторые из бывших партнёров Калеба решили, что могут лучше него вести бизнес. Они сделали первый ход, устроив на Сергея покушение. Их главной ошибкой было полное отсутствие координации друг с другом. Потому Сергею не составило труда устранить их поодиночке. С некоторыми разобрались его люди, с некоторыми он разобрался лично. Одного даже порвал на глазах семьи. Собственно, это и поставило точку в вопросе, стоило ли с ним воевать. После десятка неудач и такой демонстрации силы, все соперники разом пошли на попятную. Они поняли: лучше уж иметь меньший кусок пирога, чем потерять вообще всё, включая жизнь.

Вот так Сергей и стал королём — королём боёв без правил. Конечно, он не мог тягаться с настоящей организованной преступностью, да и не стремился. Картели находились на совершенно другом уровне. Сергей не занимался рэкетом, наркотиками, заказными убийствами и проституцией. Он просто брал деньги с букмекеров, зрителей и бойцов. То тут, то там приходилось решать мелкие проблемы насилием, но на фоне картелей его предприятия выглядели детскими шалостями. Сергей опасался, что рано или поздно его поглотят действительно крупные игроки. Вот только тех его бизнес совершенно не интересовал. К нему даже пришёл как-то представитель Алой Розы с сообщением, что они делают всё возможное, чтобы его бизнес оставался независимым. На вопрос, с чего бы такая щедрость, посланник пояснил, что благодаря войне Сергея с конкурентами на окраинах стало меньше мелких гангстеров.

«И больше организованной преступности», — подумал Сергей. Впрочем, он бы солгал, если бы сказал, что такое внимание ему не польстило.

В итоге, после всех перипетий, у Сергея было всё — всё, кроме самого главного. Семьи.

Уже три года он прилагал все усилия, чтобы участвовать в делах детей настолько плотно, насколько возможно. И всё равно они не доверяли ему, как доверяли дяде Мише. Даже бросая ради них все свои дела, он не становился чем-то большим. Напротив, казалось, чем больше усилий он прикладывал, тем меньше его воспринимали всерьёз.

После первого же года он бы плюнул на всё и двинулся дальше, если бы не Вера. Только она одна видела в нём отца и постоянно поддерживала связь. Только из-за неё он продолжал пытаться.

Только её улыбка придавала этому безумному миру хоть какой-то смысл.

Стоило Сергею о ней подумать, как вернулся Кили и произнёс:

— Босс, ваша дочь хочет вас видеть.

— Она пришла сама? Странно. Что же, пусть войдёт.

Появление Веры внушало беспокойство. Обычно она заранее предупреждала, что появится. Вот так прийти без звонка было для неё нехарактерно. А значит, что-то случилось.

Уже по одному её виду он понял, что у дочки проблемы.

— Пап! — воскликнула она и бросилась к нему в объятия. Уткнувшись ему в грудь, она начала всхлипывать.

— Что случилось? — спросил Сергей, чувствуя, как сердце начинает стучать с небывалой скоростью. Сейчас он готов был убить весь мир, лишь бы дочка снова улыбнулась.

Он слишком привык к мысли, будто его дети в безопасности под присмотром дяди Миши. Раньше он боялся, что враги могут воспользоваться его главной слабостью, но за три года не произошло вообще ничего, что могло бы стать причиной для опасений. Никому бы и

в голову не пришло нападать на кого-то под защитой церкви. Сейчас он уже не был так уверен.

— Это… это Володя, — давясь слезами, произнесла Вера. — Он и остальные попали в плен к Алой Розе!

— Что?! Как?

— Он… подбил Витю с Димой пойти на дело, Надя тоже решила отправиться с ними. Они пытались обнести один из складов Алой Розы. Попались. А теперь Роза не хочет их отпускать! Дядя Миша уже ходил просить прощения, но ему сказали, что они хотят видеть тебя!

— Ничего, разберёмся, — кивнул Сергей и глубоко вдохнул, стараясь унять гнев. «Мелкий придурок решил не только себя угробить, но и всех остальных».

— Правда, пап? Всё будет хорошо?

— Не плачь. Всё нормально. Ничего страшного не произошло. Это легко решить. Кили! Скажи, чтобы подготовили машину. Мне нужно съездить к нашим друзьям из картеля.

Через десять минут они с Верой уже сидели на заднем сиденье бронированного автомобиля, несущегося по магистрали. Кили, сидевший рядом с водителем, повернулся и переспросил:

— Вы точно не хотите, чтобы я зашёл с вами?

— Абсолютно точно. Сиди в машине с Верой. Увидишь хоть какие-то подозрительные движения с их стороны: рвите когти, понял? За безопасность моей дочери отвечаешь головой.

Машина оставила Сергея возле здания, в котором находился глава картеля. Серая пятиэтажка, ничем не выделяющаяся снаружи, зато полная сюрпризов внутри. Здесь находились и отель, и бордель, и казино. Дорогие гости спали в дорогих кроватях, проматывали состояния и зарабатывали их, трахались как в последний раз, а потом вытряхивались в холодные объятия окраин, жизнь на которых уже не будет казаться прежней. И где-то посреди всей этой роскоши и разврата, в лабиринте коридоров находился мозг всех операций Алой Розы, человек без имени, которого в лицо-то видел только его приближённый советник. Настолько таинственный, что даже разговоры о нём казались опасными.

И он почему-то приказал привести Сергея.

Напоследок посмотрев на своё отражение в стекле, Сергей убедился, что костюм хорошо сидит. Даже если ему придётся унижаться ради детей, выглядеть он должен презентабельно. Босяцкие дни давно прошли. Пусть ему и претило одеваться как франт, люди от него только этого и ждали. Выходить за рамки ожиданий было бы дурным вкусом. В конце концов, картель, похоже, не стал его трогать только из-за предсказуемости его действий.

Возле входа, охраняемого двумя бугаями, уже стоял дядя Миша. Сергей почувствовал укол удовлетворения от того, насколько потерянным выглядит старик.

— Что, не доглядел всё-таки за сорванцами? — развязно спросил он, хотя на душе у него скребли кошки.

— Это не шутки, Серёжа, — голос у дяди был севший, будто он целый день только и делал, что кричал. Закутавшийся в плащ с капюшоном, он походил на бездомного. Весь дядин задор куда-то делся, будто от его личности одним махом отрубили всё веселье. Впрочем, ничего удивительного. Старик, похоже, сам прекрасно понимал масштабы своей

халатности. Его одного стоило винить в том, что случилось с Володей и остальными.

— Я и сам вижу, что ничего смешного нет. Как так вышло?

— Это долгая история. Давай сначала зайдём внутрь. Меня дальше порога не пустили, сказали ждать тебя.

Бугаи распахнули двери, приглашая гостей внутрь. Лобби ничем не отличалось от лобби любого другого отеля окраин, разве что выглядело слишком грязным и неухоженным. За конторкой стоял мальчишка и от безделья теребил серебристый звонок для вызова персонала. Противный звон отражался от серых стен, с которых облупилась вся краска. Лампочки еле освещали помещение, некоторые то гасли, то вспыхивали. Из-за постоянного мигания прыщи на лице мальчишки казались красными маяками, по которым моряки древности ориентировались на море. И, как и маяки, они указывали Сергею направление его путешествия.

Он подошёл к конторке, посмотрел на мальчишку сверху вниз и произнёс:

— Я здесь по поводу моего сына.

Мальчишка мигом оживился:

— А, господин Лемортов! Какая честь! Конечно, конечно, мы вас ждали. Пройдите вон по этому коридору. Как увидите лифты, подходите к тому, у которого двери изрисованы. Там работает только одна кнопка, нажмёте её, и лифт вас отвезёт, куда нужно. А, пока вы не ушли! Можете оставить автограф? Я смотрел ваши старые бои, это что-то неописуемое! Вот ручка и открытка.

На Сергея с открытки смотрела его молодая копия в бойцовских шортах и с кулаками, обёрнутыми бинтами. Материя пропиталась кровью. Сергей на мгновение увидел себя со стороны. Чудовище огромного роста с серыми глазами, из которых сочилась зимняя стужа, и лицом, искажённым гримасой холодной ненависти. Машина для убийства без единого слабого места, хлебом не корми, дай кому-нибудь сломать пару костей. Неудивительно, что его никто не любил. Ни один первенец не мог поставить себя на его место. Сергей посмотрел на мальчишку, и увидел в отражении его глаз оборотня в человеческом обличии, напялившего зачем-то дорогой костюм.

«Для них я навсегда останусь зверем, которого стоило бы держать в клетке».

Весь период чемпионства смешался в его памяти в одно коричневое пятно. Даже постаравшись, он вряд ли бы вспомнил, в каком году была сделана фотография. Впрочем, напрягаться он не хотел. Молча расписавшись на обратной стороне, он бросил открытку мальчишке. Тот принял её, словно священный дар, и несмело улыбнулся. И всё же, в его движениях, в его взгляде и мимике ощущалась осторожность. «Смотри, животное, я не представляю опасности, потому меня кусать не надо». Сергея чуть не стошнило.

Он с дядей двинулся дальше по коридору к изрисованному лифту. Стоило им подойти, как двери распахнулись, впуская гостей внутрь. Кнопки с номерами этажей вырвали с панели, поэтому Сергей с дядей просто встали посередине площадки и стали ждать, что же будет дальше.

Через полминуты из динамика раздался голос:

— Саргий Лемортов, всё верно?

Сергей кивнул.

— А второй?

— Мой дядя, Михаил.

— Старику сюда нельзя. Пусть выходит.

— Мы даже не успели поговорить, — запротестовал дядя.

— Тем лучше. Саргий спустится один.

— Похоже, у нас нет выбора, — сказал дядя. Он вышел из лифта и встал напротив дверей, скрестив руки.

— Ты хотел сказать что-то важное? — спросил Сергей. Дядя покачал головой.

— Подождёт.

Сергей кивнул. Двери закрылись, и лифт поехал вниз. Секунд через десять он остановился и выпустил Сергея на этаж. Его уже ждали несколько охранников в бронежилетах и касках. Лица их были скрыты балаклавами.

— Будете проводить досмотр? — спросил их Сергей.

Один из мужчин покачал головой.

— Вас досмотрели ещё в лифте. У вашего дяди за поясом был спрятан пистолет. Неважно, хотел ли он его пронести тайно или нет, у нас есть и другие поводы ему не доверять. Пройдёмте.

Сергея слегка покоробило. Сама мысль, что святой отец носит оружие, показалась ему абсурдной. Конечно, всякие могли быть причины. Да и жить на окраинах, надеясь, что тебя не тронут — всё равно, что подписывать себе смертный приговор, даже для церковника. Но Сергей всё-таки считал дядю достойным опекуном для своих детей. Если же Миша не был морально чист, что ещё он мог скрывать?

Охранники отвели Сергея к пропускному пункту, где стояли несколько мужчин в белых халатах и масках. Один держал в руках шприц.

— Что это такое? — спросил Сергей с подозрением.

— Парализатор замедленного действия. Не волнуйтесь, совершенно безвредный. Начнёт действовать через пятнадцать минут. Гарантия того, что вы не попытаетесь выкинуть никаких фокусов. На выходе получите антидот.

— А что если я откажусь?

Два упёршихся в затылок ствола пистолета ответили красноречивее всяких слов. Сергей без проблем мог бы раскидать всех прямо здесь: он знал, что быстрее него не двигается никто. Враги просто не успели бы выстрелить. Но он пришёл сюда показать добрые намерения, а не портить лица. Пожав плечами, Сергей повиновался. Укола он даже не почувствовал.

Ему завязали глаза и стали водить по коридорам. Судя по остановкам, его провели ещё через три пропускных пункта, прежде чем привели в нужную комнату. Там ему позволили снять повязку и оставили одного.

Сергей огляделся. Он ожидал увидеть дорогое убранство: мебель из натурального дерева, картины известных в Центре художников и, как минимум, один стол с приличной выпивкой. Ничего такого здесь не было: лишь голые белые стены и прозрачное стекло, отделявшее одну половину комнаты от другой. У дальней стены в темноте сидел мужчина. Тьма скрывала его лицо и одежду. Зато ясно было, что ростом он почти не уступал Сергею. Встав из-за стола, мужчина приблизился к стеклу, но на свет так и не вышел.

— Саргий Лемортов. Какая приятная встреча.

— Хотел бы я сказать то же самое, — сказал Сергей. Мужчина усмехнулся.

— Только пришёл, а уже дерзишь. Неужели тебе так плевать на собственных детей?

— Прежде чем я спустился сюда, я думал, что мы поговорим как мужчина с мужчиной. Однако я вижу только мышь, забившуюся от страха в угол. К чему столько

предосторожностей?

— Ты это считаешь трусостью? — поинтересовался глава картеля. Он приблизился к стеклу так, что Сергей увидел его спутавшиеся чёрные волосы, достающие до плеч, и маленькую бородку под нижней губой.

— Все достойные люди ведут переговоры лицом к лицу, — жёстко сказал Сергей.

— Что же, значит, я не один из них, — мужчина разочарованно кивнул, будто сожалея, что не оказался среди избранных сторонников чести. — Зато я жив, в отличие от главы предыдущего картеля. Слышал, что с ним случилось?

«Вот какого чёрта ты лезешь на рожон? — мысленно поругал себя Сергей. — У него твои дети! Выбирай выражения!»

Он так давно не сталкивался с кем-то, кого не мог убить, что и забыл, каково это. Раньше каждый разговор он мог вести, словно бой на ринге. Пара ударов — и готово, бери всё, что хочешь. Но с этим человеком такой номер не пройдёт. Если только…

Сергей подошёл к стеклу вплотную, приложил к нему кулак и слегка стукнул.

— Бронированное, да?

— Попадание пули легко выдержит, — кивнул глава картеля.

— А кулака? — спросил Сергей, от всей души надеясь, что его поднимут на смех. Тогда он быстро проучит этого напыщенного говнюка.

Мужчина лишь пожал плечами.

— Валяй, попробуй.

Сергей вдруг ощутил себя совсем маленьким: будто некий гигант взял его меж двух своих пальцев, поднёс к лицу и внимательно рассматривал. Сжав зубы, он размахнулся.

Когда-то он для интереса решил проверить, сможет ли пробить бронированное стекло, которое ставили себе почти все таксисты окраин, чтобы отделить себя от опасных клиентов. Средство дешёвое, но более чем надёжное, прекрасно выдерживавшее попадания пистолетных калибров. Сергей сломал такое стекло в один удар.

Это выглядело покрепче, но всё же, не настолько крепким, чтобы он не смог его сломать. Вложив все силы в удар, Сергей с криком впечатал кулак в отделявшую его от главы картеля перегородку.

По стеклу пошла маленькая трещинка. Зато по кулаку Сергею начала растекаться невероятная боль. Схватившись за запястье и пытаясь не застонать, он сделал шаг назад. Мужчина за стеклом лишь зааплодировал.

— Действительно, сообщения не врали. Ты просто невероятно силён.

Сергей молчал.

— Похоже, даже двойная доза яда тебе не помешала.

— Что?! — переспросил Сергей. Мужчина пожал плечами.

— А ты думал, тебе действительно вкололи парализатор? Нет, он для обычных посетителей. О тебе же мы наслышаны. После того, как ты столько людей разорвал голыми руками, мы не могли позволить тебе просто так войти внутрь, даже без оружия. Ведь проблема даже не в том, что ты чертовски силён. Тебя ещё довольно сложно убить. Говорят, даже пули тебя не останавливают.

— Врут, — прохрипел Сергей, чувствуя, как боль из руки начинает распространяться по всему телу — вползает в позвоночник, уходит как вниз, так и вверх, по стволу и прямо в мозг. — Людям с мелким калибром стоит разряжать весь магазин при стрельбе.

— Согласен, — ответил мужчина. — Как бы там ни было, я попросил своих ребят

вкатить тебе двойную дозу яда, потому что знал: ты выдержишь.

Боль начинала заслонять рассудок. Голос человека доносился откуда-то издалека.

— Я ведь ждал чего-то такого. Даже подумал: чёрт, если он не попробует сломать стекло, я точно его убью. Что же, ты ожиданий не подвёл, дружище. Ты действительно такой большой и тупой, как все говорят. Ты знаешь, что в древности люди охотились на зверей, что в десяток раз превосходили их размерами? Быть сильным хорошо, но всё же хитрость важнее. Однако, мне нравится твой подход. В нём есть определённая честность. Потому-то я и позволил тебе сохранить этот бизнес. Калеб ведь приходил ко мне, просил тебя выдавить. Я послал его к чёрту. Потому что ты, в отличие от него, просто до обидного неамбициозен. Дело его отбил потому, что он начал давить на тебя. А конкурентов в дальнейшем устранял только тех, что покушались на твою жизнь. И всё же… и всё же, и всё же. Не поэтому ты мне нравишься, Саргий Лемортов.

Сергей рухнул на пол, чувствуя подступающую к горлу тошноту. Бронестекло куда-то исчезло, и глава картеля навис прямо над ним. Он всё продолжал говорить.

— Я слышал, как ты нашёл своих детей. А я вот своего единственного сына, Джека, потерял. Возможно, из-за тех же самых людей, которые пытаются наложить лапы и на твоих отпрысков. Потому хочу дать тебе совет: держись их. Держись их сильнее жизни. Не отпускай ни в коем случае.

Человек присел, и Сергей увидел его искажённое болью лицо:

— Не дай забрать их, как забрали моего сына. Прошу тебя.

***

— Пап! Папа, ты слышишь меня?

Сергею хотелось бы считать, что разбудил его голос дочери, но на самом деле очнулся он от отвратительного запаха, ударившего в ноздри. Застонав, он открыл глаза. Вера тыкала ему в лицо пропитанной нашатырным спиртом ватой, остальные стояли полукругом, заслоняя свет.

— Всё, всё, можешь убрать эту хрень, — пробормотал Сергей и приподнялся на кровати.

Ощущения были не из приятных: всё тело ломило, в горле стоял ком, а голова в последний раз так трещала, когда его огрели полицейской дубинкой. Попытавшись отвлечься от боли, Сергей огляделся.

Помещение выглядело незнакомым, но он примерно догадывался, где оказался. Стулья с потрёпанной обивкой, столы, с которых сошла краска, стены, выкрашенные в бледно-жёлтый цвет (когда-то были золотыми), да пронизывающий до костей холод — всё указывало на один из многочисленных церковных приютов, которые почти всегда располагались в подвалах. Неужели его дети теперь живут здесь? Даже при тусклом свете Сергей рассмотрел их обеспокоенные лица. Они уже начали думать, что потеряли его.

— Слава богу! — сказал Володя, спохватился и отвернулся. Сергей лишь улыбнулся такой реакции. Спустив ноги на пол, он внимательно разглядел всех. Одежда чистая, синяков нет. С ними обращались намного лучше, чем он ожидал.

— Что произошло?

— Нас поймали, приказали не сопротивляться, посадили в комнату с несколькими диванами, — сказала Надя, поправляя волосы и хмурясь. — Сказали, что хотят увидеть тебя,

прежде чем нас отпустят. Володя подбивал всех начать драку и сбежать. Мы не стали.

— Ой, да ладно! — возмущённо затряс кудрями Володя. — Говоришь так, будто вы сделали осознанный выбор. Да все просто в штаны наложили от страха! Только у меня смелости хватило, чтобы что-то сделать!

— Пришёл охранник и ударил его электрошокером, — невозмутимо продолжала Надя. Володя махнул рукой и сел с ногами на кровать у противоположной стены. Его тёмные глаза источали негодование.

— А дальше? — спросил Сергей.

— А дальше бойцы картеля притащили тебя, — сказал Дима. — Дали нам шприц, сказали отвезти тебя в безопасное место, и только потом сделать укол. Потом отпустили нас. Мы привели в чувство Володю и вчетвером вытащили тебя на улицу, а там нас в машине уже ждала Вера. Решили привезти тебя сюда, чтобы никто уж точно не видел, в каком ты состоянии. Укололи. И дождались, когда ты очнёшься.

— Хорошо, — пробормотал Сергей. — А Миша? Где дядя?

— Отошёл по делам, но скоро вернётся, — ответил Володя.

— Тогда будь добр, объясни до его прихода, за каким чёртом тебе понадобилось лезть на склады Алой Розы?

Володя открыл было рот, но его перебил старший брат.

— Это была не идея Володи, — произнёс Дима. — Это была просьба. Просьба от дяди Миши.

— Что?!

— Всё так, — кивнула Надя. — Володя вызвался идти в одиночку. Мы ему не позволили, сказали, пойдём либо все вместе, либо не пойдём вообще.

— Какого чёрта дядя Миша посылает вас на какие-то задания? — вскипел Сергей. Слабость как рукой сняло. Он почувствовал, как тепло снова растекается по телу, а кулаки сжимаются сами по себе, наливаясь энергией. Его возмущение было так велико, что его даже не интересовало, зачем дядя дал такой приказ. Сергею хотелось вытрясти из Миши душу за то, что тот подставил детей под такой удар.

— Это не его вина, — вдруг раздался тихий голос. Сергей не поверил своим ушам. Говорил Витя, всё это время тихонько стоявший в сторонке. — Мы сами подписались.

— Вот об этом говорить точно не стоило, — флегматично заметил Дима. — Теперь мы выглядим как полные придурки.

— А то, что вы могли погибнуть, вас совсем не волнует? — вспылил Сергей. Он схватил Диму за шиворот и заорал: — Как ты можешь так спокойно об этом говорить, а?!

— Ой, да брось, будто бы ты не совершал глупостей в молодости! — воскликнул Володя, вскочив с кровати. Он положил руку на запястье Сергея и со всей силы сжал, заставив отца скрипнуть зубами от боли. — Отпусти Диму, будь добр.

Сергей отступил, потирая запястье. Он ещё никогда не сталкивался с такой силой. Ни один первенец не мог причинить ему такую боль. Он окинул детей взглядом и вдруг понял, что совершенно их не знает. Три года он с ними возится, и только сейчас понял, что они не слабее его самого. «Вот только они не звери».

— Подожди, — вдруг Сергея осенило. — Надя, ты сказала, что вы пойдёте только все вместе? Значит…

Он повернулся к Вере.

— Ты тоже была с ними?

Дочь нервно переглянулась с братьями и сестрой. Отступать было некуда.

— Да, всё так, — наконец сдалась Вера. — Картель меня отпустил, чтобы я привела тебя.

— Но зачем было мне лгать?

— Чтобы ты наехал на дядю Мишу? — дочь фыркнула. — У нас не было времени. Ты бы пошёл с ним разбираться.

Такого предательства Сергей точно не ожидал. Рухнув на кровать, он поднял слезящиеся глаза и спросил:

— Ты думала, что я пойду бить ему морду, вместо того, чтобы вас вытаскивать? Вот, значит, как?

— Пап, пожалуйста, извини, — Вера закрыла лицо ладонями, будто пытаясь спрятаться от его обжигающего взгляда. — Но ведь так и правда лучше вышло? Все живы, все в порядке…

Сергей уставился на пол. Весь его гнев разом испарился. Он никогда не станет их отцом. Даже Вера — и та им манипулировала, чтобы защитить Мишу. Бесполезно было пытаться что-то сделать. Слишком поздно он пришёл в их жизнь.

— Витя прав, — сказала Надя. Тон у неё был виноватый. — Мы сами подписались на это. Если бы не попались Алой Розе, ты бы вообще об этом не узнал.

— Что же, хорошо, что попались, — прошептал Сергей. «Как я могу их защитить, если они всеми силами держат меня в неведении?»

— Это всё не просто так, уж поверь, — сказал Володя. Даже он, вечный бунтарь, почувствовал, что стоит сказать хоть что-то в своё оправдание. — Это для церкви. Ты ведь всегда верил в Освободителя. И мы делаем это для него!

— И что же мессии нужно от картеля?

— Золото, — сказала Надя.

— Вы рисковали своими жизнями, чтобы набить карманы церкви?!

— Нет, это не просто золото, — вмешался Дима. — Оно освящённое, прямиком из Эдема. Это реликвия, а не просто металл.

— Как же оно попало в руки картеля?

— Синдикат украл его у церкви, — с презрением протянул Володя. — А Алая Роза обокрала Синдикат.

— Церковь посчитала, что мы должны вернуть то, что принадлежит ей, — заметила Вера. Сергей покачал головой.

— Даже если это правда, вы не имели права так рисковать собой. Дядя Миша не имел права пускать вас!

— Ты ведь сам сказал как-то, что нам нужно быть более самостоятельными, — сказала Надя. — Что мы должны быть сильными, способными дать сдачи. Церковь проводит уроки самообороны, обучает подростков драться. Но учит не разжигать насилие, а защищать себя. Объясняет, что Освободитель построил город, чтобы мы стали лучше. Ты большую часть жизни дрался за деньги, а нам запрещаешь бороться за идею?

«Теперь я понимаю тебя, мама, — с неудовольствием подумал Сергей. — Понимаю, почему ты так не хотела, чтобы я был на арене».

— Я боролся, чтобы уберечь вас от такой жизни. И я никогда не дрался насмерть, хоть и мог побороть кого угодно.

— Думаешь, мы не можем? — с сарказмом спросил Володя. — Посмотри на нас! Мы не

дети! И дядя Миша прекрасно это понимает, в отличие от тебя. Он разрешает нам делать то, что мы хотим.

— С ним я отдельно поговорю, — нахмурился Сергей. — А вы пока под домашним арестом. Будете заниматься только учёбой! Никаких прогулок и визитов к друзьям!

Он ожидал протестов, но дети молчали и переглядывались друг с другом. Затем Володя вышел вперёд и сказал:

— Ты ведь понимаешь, что мы не обязаны тебе подчиняться? Что ты сделаешь? Приставишь своих людей следить за нами круглые сутки?

— Я готов лично сидеть у ваших дверей, — прорычал Сергей. Он подошёл к сыну вплотную и посмотрел на него сверху вниз. — Я всё брошу, если это значит, что вы не будете рисковать собой.

Володя не выдержал его обжигающего взгляда и отвернулся. Похоже, аргументы у детей закончились. Сергей удовлетворённо кивнул и направился к выходу. У дверей он столкнулся с дядей Мишей.

— Прошу, оставьте нас, — сказал старик, и дети незамедлительно повиновались. Как только все вышли, Сергей схватил дядю за шиворот и прошипел:

— Вот, значит, как ты наблюдаешь за моими детьми, да? Посылаешь их выполнять свою грязную работу? Не знаю, что за схемы ты крутишь, но предупреждаю тебя: ещё раз задействуешь в них моих детей и тебе крышка, понял? Я оторву твою голову голыми руками, трахну рану, а тело потом брошу на съедение псам!

— Ты закончил? — спросил дядя. Держался он достойно, но дрогнувшее веко выдало, что он всё же испугался. Сергей отпустил старика и отвернулся, почувствовав лёгкий стыд. Дядя совершенно ничего не мог ему противопоставить. Не стоило на него вот так срываться.

— Давай, выкладывай, — бросил он.

— Твой отец пожертвовал собой, чтобы привести нас сюда. А теперь определённые силы в Старом Городе могут пустить все его усилия коту под хвост.

— Ты про Синдикат?

— Да. И не только он. Башня Правосудия и Информаторий тоже. Посмотри, что происходит. Город умирает, а они только способствуют распаду. Только церковь и Освободитель могут всех спасти. Только крепкая вера и твёрдая дисциплина.

Сергей тут же вспомнил слова главы картеля.

— Основатель Алой Розы… он сказал мне, что те же люди, которые украли его сына, пытаются наложить лапы на моих детей. Он ведь говорил о церкви, не так ли?

— Я не имею ни малейшего понятия, о чём ты, — сказал старик. — И мы не пытаемся «наложить на них лапы». Они сами вызвались помогать. Я только разрешил им походить на занятия по самообороне. Ты ведь знаешь, как я обычно строг! Они большую часть времени только и делают, что учатся. Подумал, что им нужно немного выпустить пар, но чтобы это принесло пользу. Через три недели после первого занятия они сами пришли и сказали, что хотят что-то изменить. Что им нужно задание.

— Как давно это было?

— Три месяца назад.

— И с тех пор ты посылаешь их на задания церкви? — Сергей чувствовал, как внутри него всё бурлит.

— Да. Только задания никогда не были рискованными. Обычно я посылал их просто доставить нуждающимся еду. Приглядеть за стариками. Такого рода дела.

— А потом ты решил их отправить на склад Алой Розы.

— Я ничего не решал, — возразил дядя. — Они узнали об этом сами. Даже не знаю, у кого. Видимо, расспрашивали на занятиях о реликвиях и прочем. Кто-то проговорился, что картель украл у Синдиката золото, когда-то принадлежавшее церкви. Да ещё для сочности добавил, что оно пришло из Эдема. Вот им и взбрело голову, что нужно его вернуть.

— Так ты их никуда не отправлял? — взвился Сергей, чувствуя, как у него отлегает от сердца.

— Конечно нет, чёрт тебя побери. Я это и пытаюсь объяснить.

— Проклятье, с этого и нужно начинать! Зачем мне эти твои рассказы про веру и Освободителя?!

Дядя Миша покачал головой.

— Ты просто не понимаешь, что я хочу сказать. Я не отправлял их никуда. Они пришли ко мне, спросили про золото. Я обмолвился, что да, церковь обрадовалась бы, если бы его вернули. То, что священные реликвии у еретиков — это полбеды, но когда они ещё и переходят из рук в руки с молотка: это настоящая катастрофа. Володя вызвался вернуть их. Я запретил. А потом… потом они просто сбежали.

— Что же… — протянул Сергей. — Я рад, что ты не виноват.

— Я виноват, — ответил старик. — Ещё как, потому что не смог приглядеть за ними. Но вот что важнее, Сергей. Этому городу нужны такие люди как они. Пойми это. Мы с тобой уже не молоды. А за ними будущее. И сколько бы ты ни пытался остановить их, расти они не перестанут. Нам только остаётся, что отпустить их.

Сергей молчал. «Они не дети — и не были ими уже тогда, когда я впервые их встретил».

— Но я ведь должен сделать хоть что-то, — наконец, протянул он. — Я должен попытаться вернуть их на истинный путь, разве нет?

— Сказав, что им нельзя помогать нуждающимся? Запретить действовать перед лицом зла? Вот какой урок ты хочешь им преподать?

Дядя устало протёр глаза и сказал:

— Знаешь, я до сих пор вспоминаю, как полковник убил твоего отца. Иногда я не могу уснуть, потому что думаю: я ведь мог сделать хоть что-то — но не сделал.

— Ты бы погиб, — сказал Сергей.

— Может быть, — покачал головой дядя. — А может быть я бы сумел спасти его. Как бы там ни было, это не даёт мне покоя уже долгие годы. Хочешь ли ты, чтобы твои дети тоже мучились от чувства вины? От ощущения, что они могли изменить что-то, но не стали?

Сергей покачал головой. Дядя Миша улыбнулся.

— Вот и я думаю так же. Нам повезло, что никто не пострадал. Надеюсь, сегодняшний случай им послужит уроком и впредь они будут осторожнее.

— Пусть дальше ходят на эти свои занятия по самообороне, — сказал Сергей. — Но, пожалуйста, следи за ними внимательнее. Чаще интересуйся, что у них на уме. Если у них возникнут глупые идеи, пресекай их на корню, звони мне, если понадобится.

«Я для них никто. Но я должен пытаться».

— Из Володи получится отличный лидер, — заметил старик. — Инициативы и храбрости у него полно. Он их всех может уговорить пойти за ним. Благо, хоть Вера уравновешивает его безрассудность. Напоминает мне Ольгу, — дядя тут же погрустнел. — Знаешь, я жалею, что так и не завёл своих детей. Спасибо, что позволяешь мне приглядывать за ними.

— Ты же их настоящий отец, — усмехнулся Сергей, чувствуя как сердце пронзает боль. — Ты был с ними с самого начала. Я не могу отнять тебя у них.

— Я всего лишь их хороший друг, — сказал дядя, покачав головой. — Но только тебя они считают отцом. Знаешь, почему они пошли на этот грёбаный склад? Я как-то случайно бросил, что ради Освободителя ты бы пошёл на всё. Вот им и взбрело в голову тебя вот так порадовать. Славный вышел сюрприз, нечего сказать. Ладно. Всё хорошо, что хорошо кончается. Я буду на связи. Звони и заглядывай почаще. Они по тебе очень скучают.

— Обязательно, — сказал Сергей. — Обязательно…

Когда он вышел наружу, светосферы под потолком уже потемнели. Наступала ночь. Но Сергей ощутил, будто это был самый светлый день. Глаза его слезились.

Посмотрев на потолок, туда, где уровнем выше располагался Эдем, он прошептал:

— Спасибо, что привёл нас сюда, пап. Всё это было не зря.

***

Спускаясь по лестнице, Сергей натолкнулся на Гарта. Молодой чемпион, похоже, караулил его, пристроившись на подоконнике последней площадки перед выходом. У его ног уже покоилась дюжина ещё дымящихся окурков. Стоило Гарту увидеть Сергея, как он торопливо выкинул недокуренную сигарету, затоптал её и вытянулся по стойке смирно, словно солдат перед вышестоящим офицером. Видимо, мальчишка всеми силами заставлял себя стоять здесь, боясь сбежать, так и не сказав всего, что хотел высказать.

Сергей махнул ладонью Кили, а тот кивнул телохранителям, чтобы те перестали тянуться к оружию.

— С Новым Годом, дружище, — сказал Сергей. — Ты что-то хотел сказать?

Он прекрасно знал, что сейчас услышит.

— Да-да, с наступающим… — пролепетал чемпион, откашлялся, а затем продолжил более крепким голосом. — Сэр, не сочтите за дерзость, но мне кажется, вы забыли о нас.

— Да? И с чего же такие соображения?

Гарт огляделся, будто боясь, что их подслушивают.

— Всякие слухи ходят. Говорят, чуть меньше года назад ваши дети попали в лапы картеля — и с тех пор вы ни о чём другом думать не можете. Бизнес пошёл вразнос, бои приносят нам всё меньше денег, интерес зрителей падает…

— К твоему сведению, с моими детьми всё в порядке, — покачал головой Сергей. — А бизнес идёт неплохо. Трудные времена, конечно, но у кого их не бывает?

— У меня есть друзья, — почти шёпотом продолжил чемпион. — Вращаются возле ваших конкурентов. Так те говорят, что вы размякли. Они думают, что смогут забрать всё, что принадлежит вам. Может начаться новая война, если вы не возьмётесь за нас вплотную.

— Что же, пусть считают, что хотят, — махнул рукой Сергей и улыбнулся. — Это ведь их право, верно?

Гарт выпучил глаза и осторожно кивнул.

— На этом всё?

— Да, пожалуй… — просипел юноша, затем, подумав, добавил: — Знаете, сэр, если вам нужен хороший помощник, я бы мог…

— До скорого, Гарт, — перебил его Сергей. Кили мягко отодвинул юношу в сторону и двинулся вниз, прокладывая боссу дорогу. Остальные телохранители предусмотрительно

шли следом, словно ограждая организатора от бойца. Чемпион больше не посмел ничего сказать.

— По-твоему, я размяк? Только честно, — спросил у Кили Сергей, когда они сели в машину. Телохранитель лишь пожал плечами.

— Как по мне, так вы больше стали походить на человека, сэр. Без обид.

— Это как? — озадачился Сергей.

— В вас было плохо подавляемое зло, которое постоянно просилось наружу. Понимаю, что в нашей деятельности не до сантиментов, но я начал считать, что вы просто ненавидите всё человечество. А потом, после того случая с вашими детьми, всё изменилось. Вы стали отзывчивее.

— Что же, спасибо на добром слове.

— Вот только бизнес пустили на самотёк, — не унимался Кили. — Раньше все проблемы вы решали сразу же, не откладывая на потом. А сейчас будто ждёте, когда всё само разрешится. Опять же, сэр, без обид, как организатор раньше вы были лучше. Сейчас кажется, будто вам лень вообще чем-то заниматься. Может, вам действительно стоит найти себе хорошего помощника? Тот, что сейчас, не справляется. Вам нужны крепкие ребята, как этот Гарт. Вы не смотрите, что он молодой. Я видел, как он разговаривает с другими бойцами. Он никому спуску не даёт. Поставьте его управлять всем. Он справится. А сами спокойно сможете заниматься своими делами. Я ведь вижу, как вам всё это в тягость. Вы никогда не хотели заниматься чем-то подобным. Просто вам всё это легко досталось, а отказаться теперь кажется кощунством.

— Ты теперь мой личный психолог или что? — ухмыльнулся Сергей, заставив телохранителя стушеваться. — Нет, ты продолжай. Интересно услышать мнение со стороны. Вообще, я удивлён, что ты свою кандидатуру не предлагаешь.

— Нет, я такое не потяну, — покачал головой телохранитель. — Прикрывать вас намного легче, потому что я знаю: вы за себя и сами прекрасно постоять можете. А рулить таким бизнесом? Нет уж, увольте, для меня слишком сложно.

— Я тоже так когда-то считал, — пробормотал Сергей и уставился в окно. «И вот во что вылились мои решения».

Он сидел на пороховой бочке, видел, как горит шнур, как огонёк ползёт всё ближе и ближе — и отказывался что-либо делать. Он не тушил огонь, но и с бочки не слезал. Все прекрасно видели и понимали, что ему наплевать на бои и проблемы с бизнесом. Всё его внимание захватила семья.

Какая разница, что Гарту защищать чемпионство, когда сегодня дети Сергея выпускаются из школы самообороны? Да не просто выпускаются, а ещё с медалями за лучшие показатели среди остальных учеников? Да на их фоне все бои под его крылом превращались в мышиную возню, не достойную внимания.

Его дети смогли сломать проклятие, лежавшее на его семье. Проклятие, которое началось давным-давно. Мать рассказывала, как его дед (да и дед его деда в своё время) метался из деревни в деревню, пытаясь не умереть с голоду из-за последствий войны. Он не был хозяином своей судьбы. Он ничего не мог сделать. Политические болезни страны диктовали его бытие. Сколько бы он ни старался, он не мог вылезти из той позиции, в которой оказался. И так было всегда. Даже Сергей, оказавшись в Первом Городе, стал заложником обстоятельств. Даже если бы он захотел поучаствовать в чём-то важном, его бы просто никто не пустил. Он не был первенцем. Даже став гражданином, он не смог бы ни на

что повлиять. Зато его дети стали чем-то большим. Родившиеся в стенах Первого Города, они уже не были иммигрантами. Они были первенцами в полном смысле этого слова. И они взяли контроль над судьбой в свои руки. За столько короткое время они уже успели выполнить с десяток заданий церкви. Они не просто стали частью мира, они начали менять его лицо. Одно понимание этого переполняло Сергея гордостью.

У них была возможность — и они её не прошляпили. О таком любой родитель мог только мечтать.

И всё же, он до сих пор помнил слова главы картеля. «Не дай забрать их, как забрали моего сына». До сих пор он не мог сказать ничего плохого о церкви. Как бы иронично это ни звучало, но по сравнению с Синдикатом церковники были святыми. В отличие от синдикатовских Приютов, они не требовали выкупа за свободу. Не требовали пахать изо всех сил, чтобы заслужить гражданство. Церковь лишь просила одного: стань сегодня лучше, чем был вчера. Не для кого-то другого, а только для себя. Детей драться они учили не с целью создания полувоенной организации — сами дети вызывались помогать людям, потому что, обретая силу, они понимали: сидеть сложа руки было бы преступлением.

Это-то и отличало их от Сергея. За всё это время ничего подобного в его голове не возникло. Там было лишь сожаление, да чёткое понимание бесполезности всех его усилий. Даже успехи детей не могли убедить его, что сам он сможет что-то изменить. Лучшие годы он сжёг, избивая людей на потеху другим. Друзей он не завёл, только противников. Никто его не любил: все только боялись, да уважали.

Дети спасали его от ощущения никчёмности. И он всеми силами ухватился за них, плюнув на всё остальное. «Да горят эти бои синим пламенем. Пусть Гарт всё забирает. Мне уже ничего не нужно».

Интересно, думал ли Калеб, что бизнес, который он с такими усилиями построил, у него не только отнимут, но и бросят потом на произвол судьбы? От одной этой мысли Сергея затошнило. Скольким людям он причинил боль, даже не зная, зачем это делает? Он никогда не задавался вопросом, стоит ли наносить удар — он бил, а потом уже разбирался с последствиями. И сейчас, натолкнувшись на стену жизни, которую просто не пробить кулаками, он позволил грехам прошлого нагнать его. И только дети служили ему искуплением.

Даже среди всего этого кошмара, среди всей этой боли и ненависти, он, сам того не зная, сумел создать что-то прекрасное. Что-то, что изменит мир к лучшему, а не скатит его в тартарары.

— Сэр, там что-то не так, — донеслись до его ушей слова водителя. Машина остановилась, Сергей вышел наружу. Возле здания, в котором находился церковный приют, собралась небольшая толпа, не меньше сорока человек. С Сергеем было только четверо телохранителей, да Кили.

— Езжай обратно, — приказал водителю Сергей.

— Я с вами, — сказал Кили. Сергей махнул рукой.

— Нет. Если начнутся проблемы, ты мне здесь ничем не поможешь, только помрёшь зря. Уезжай.

— Но сэр…

— Слушай меня! — рявкнул Сергей. — Я не хочу, чтобы на моей совести была и твоя смерть. Если всё пройдёт нормально, я тебе позвоню. Если нет… что же, приятно было поработать вместе.

— Я съезжу обратно и приведу ещё ребят, — пообещал Кили. — Пожалуйста, воздержитесь от насилия, хотя бы пока.

Сергей кивнул, лишь бы от него отвязались. Автомобиль резко развернулся и уехал в обратном направлении. Сергей разгладил складки на костюме и двинулся к входу в здание. Все остальные воспитанники церковного приюта разъехались, в нём остались только дети Сергея, да дядя Миша в качестве наставника, потому толпа кроме подозрений ничего иного вызвать не могла. К тому же, не было привычного гомона, присущему кучке не знакомых друг с другом людей. Эти стояли здесь так, будто ожидали чего-то. До слуха Сергея донеслись тихие отрывистые разговоры, которые быстро прекратились, стоило ему подойти ближе.

— Что здесь происходит? — спросил он без лишних церемоний. Он не собирался играть по навязанным ему правилам. Любой другой бы посторонился, постарался не идти на конфронтацию. Но только не он.

— Мы здесь, чтобы дать свершиться чуду! — прокричал пожилой мужчина в потрёпанном костюме, похожий на бездомного. Остальные поддержали его криками.

— Ничто не помешает его рождению!

— Да свершится предначертанное!

— Справедливость восторжествует!

Сергей присмотрелся к кричавшим и вдруг понял, что узнает некоторых. Да, пусть они были в новой и чистой одежде, но грязные волосы и лица выдавали их прошлое. В голове Сергея будто бы зажёгся огонь понимания.

— Подождите-ка, вы же те люди, которым помогали мои дети! — сказал он, чувствуя, как от сердца немного отлегло. В конце концов, все эти бездомные здесь могли оказаться просто ради того, чтобы выразить благодарность.

— Нам сказали не пускать тебя, отец, — произнёс пожилой мужчина и оскалился, показав сгнившие зубы. — Ты не должен остановить их.

— Что за чушь. Пропустите меня! — скомандовал Сергей, уверенный, что толпа тут же разойдётся. В конце концов, даже эти несчастные должны были знать, кто он такой и что может с ними сделать, верно?

Никто и не думал уходить. Они стояли на месте, продолжая тихо переговариваться. В их глазах не было страха, только ненависть. «Так может ненавидеть только опустившийся на самое дно человек». Они презирали его, презирали за то, кем он был, и кем они никогда не могли бы стать. Что же, что бы ни произошло дальше, они сами выбрали свою судьбу.

Сергей сделал несколько шагов вперёд, закатывая рукава, всё ещё надеясь, что к силе прибегать не придётся. Толпа всё не расступалась. Когда он подошёл вплотную к первому ряду, кто-то протянул руки и попытался оттолкнуть его. Он не обратил внимания и продолжил пробиваться вперёд. Послышались первые вскрики, когда под его давлением люди начали падать назад. Пожилой мужчина провалился в глубину толпы и заорал, оказавшись под ногами своих собратьев по несчастью. Спиной Сергей почувствовал первые удары, но решил не отвечать. Он упорно продвигался вперёд, расталкивая толпу, разрезая её на две части, словно нож масло. И всё же, даже его силы не хватило, когда он оказался в самой середине. На него начали давить со всех сторон, а от вони грязных тел закружилась голова. Они вопили словно животные и били его, били изо всех сил. Он терпел. Он сильнее их. Он может это выдержать.

По крайнее мере, он так думал, пока его не огрели по затылку битой. Зубы клацнули,

чуть не отхватив кончик языка, а из глаз брызнули слёзы.

Взревев, Сергей начал работать локтями. Со всех сторон его окружала живая масса, плюющаяся, визжащая, изрыгающая проклятия и дрожащая от боли и страха. Он был в самом сердце этого организма. Плоть окружала его со всех сторон, он утопал в ней. Ещё чуть-чуть, и его затянет с концами. Он не мог позволить себе вот так пропасть. Он должен был пробиться к детям.

Черепа трещали под его ударами, конечности ломались и обвисали плетями. Выбитые зубы разлетались как шрапнель. Кровь фонтанировала и брызгала ему прямо в лицо. И он радовался ей, потому что она лучше всего смывала одуряющую вонь человеческого мусора.

Он рвал, бил и топтал, выпустив весь гнев и всё разочарование, что копились в нём все эти годы. Темнокожая женщина с дредами попыталась наброситься на него сзади, он схватил её и со всей силы ударил головой об асфальт, заставив её череп сложиться внутрь. Мальчишка не старше двадцати подбирался к нему с битой — Сергей ударил его так сильно, что у бедолаги вылетел глаз. Какой-то девушке он ударил в живот и пробил её насквозь. Она даже не поняла, что её убили. Опустив взгляд и увидев застрявшую в ней руку, она завопила:

— Больно! Мамочка, как же больно!

Сергей вытащил кулак и размозжил ей лицо, чтобы не слышать дальнейшие причитания. Он сворачивал шеи, вырывал руки и проламывал грудные клетки, крушил черепа каблуком и пинками превращал колени в пыль. Никогда ещё он не получал такого удовольствия от драки. Бои на арене не могли сравниться даже с долей того, что он испытывал сейчас.

Он не знал, сколько времени прошло, когда он оказался лицом к лицу с тремя последними бездомными. Остальные либо уже были мертвы, либо же истекали кровью. Нужно было отдать им должное: даже после всего произошедшего, ни один не отступил. Последняя троица храбрецов паниковала, но до сих пор не сбежала. Дрожащие, перемазанные кровью, они сжимали кулаки и двигались вперёд. Сергей даже не стал предлагать им уйти, хоть такая мысль у него и мелькнула. Эти не побегут, он знал точно. Более того, он не хотел, чтобы они бежали.

Оттолкнув двоих в сторону, Сергей повалил одного на землю, наступил ему на грудь, схватил за руки и резко потянул. Бедолага завопил, но треск отрываемых конечностей заглушил его крики. Сергей взглянул на оставшихся двоих, пытаясь оценить их реакцию. Они еле двигались, страх уже охватил всё их существо — и всё же, они так и не сбежали. Сергей не почувствовал удовлетворения, убивая их. Ему даже стало их немного жаль. Бедных идиотов убедили, что есть нечто большее, ради чего им стоило бы погибнуть. Что они должны остановить Сергея, даже ценой собственных жизней. Какие же бесполезные смерти.

Обернувшись, Сергей оценил последствия своей ярости. Искалеченные тела, оторванные руки и головы, выпущенные кишки и кровь повсюду — в этом хаосе была некая поэтичность. Все эти идиоты ведь действительно верили, что смогут остановить его. Они готовы были убить Сергея — и ни на секунду не остановились, чтобы прекратить насилие.

Так какого чёрта он всё ещё чувствовал к ним подобие жалости?

Он с головы до ног перемазался чужой кровью, его мышцы ныли, а в черепе будто кто-то трубил в горн. И всё же, он был жив, а они нет. Какой бы урон ему ни нанесли, он сумел выйти победителем. Их же сегодня скормят утилизатору. Это был настолько неравный бой, что Сергей задумался: что же должны были вывалить против него, чтобы он остановился? Даже не сдался, а просто призадумался, стоило ли вступать вообще в драку или нет.

Пожалуй, группу солдат с винтовками. Или же один экзоскелет полиции. Пусть Сергей и был силён, но пытать удачу с копами у него не было ни малейшего желания.

А их стоило ожидать, потому что он только что прикончил кучу граждан Синдиката голыми руками. Обычно копы без особого энтузиазма рвались раскрывать преступления, совершённые на окраинах, ведь чаще всего одни бандиты убивали других. Но на Сергея набросились обычные люди, которым место было в Приюте, а не на улице. И он просто так порвал их в клочья. За такое его точно упекут за решётку, и никакие байки про самозащиту ему не помогут.

Нужно было срочно отыскать детей и сматываться отсюда. Время уходило. Он отвернулся от картины побоища и двинулся к зданию. Ворвавшись внутрь, Сергей выкрикнул:

— Володя! Вера! Где вы?!

Ответом ему служила тишина. Нет, они не могли уйти, в конце концов, зачем, иначе, его поджидала толпа снаружи? Сергей метался по комнатам, но никого так и не нашёл. Пока не услышал тихий зов, от которого у него начала стынуть кровь в жилах.

Это был голос дяди Миши. Он раздавался из маленького шкафчика, предназначенного для временного сбора мусора. Распахнув дверь, Сергей еле успел поймать падающего дядю. Аккуратно положив его на пол, он быстренько сбегал в соседнюю комнату и принёс подушку, валявшуюся на диване, а затем подложил её под голову дяди.

— Ты меня слышишь? — спросил Сергей. Лицо старика было мертвенно-бледным. Рукой он придерживал колотую рану на животе. Судя по успевшей засохнуть крови на одежде, он провёл в шкафу не меньше получаса. Его просто пырнули и запихнули внутрь, словно пытаясь напоследок донести все масштабы его бесполезности. Ему уготовили болезненную, жестокую и унизительную смерть. Сергей даже представить не мог, что же нужно было сделать, чтобы заслужить такую участь.

— Хорошо, что ты пришёл, — губы дяди еле шевелились. Он несмело улыбнулся. — Ты был прав, Сергей, всё это время… не стоило мне их в это втягивать…

— С тобой всё будет в порядке. Я вызову помощь и…

— Нет, оставь. Некогда. Тебе надо бежать, как можно быстрее.

— Что?! А как же дети?

— Их забрали. Как ты и предсказывал. Но ушли они по своей воле.

Сергей застыл. Те бездомные, которых оставили снаружи, нужны были не для того, чтобы остановить его. Нет, они должны были всего-то его задержать, чтобы он потерял след.

— Что… но как? Куда?

— Вне. Они идут во Вне.

Сергей лихорадочно соображал. Как они выйдут за стены Города? Это ведь безумие, там не было жизни, там не было абсолютно ничего. Да и без ведома короля невозможно было распахнуть Врата. В этом не было ни малейшего смысла. Если только не…

— Экспедиция, — тихо сказал он. — Синдикат отправит людей на заселение внешнего мира. А они пойдут с солдатами.

— Ричард Эймс. Запомни это имя, — дядя кашлянул и начал задыхаться. — Тебе нужно бежать, Сергей, они сообщили полиции, что ты придёшь, они будут ждать тебя. Если ты хочешь найти Веру и остальных, тебе нужно будет выйти наружу. Времени почти не осталось…

— Я не оставлю тебя здесь, — решительно ответил Сергей.

Дядя схватил его за руку окровавленными пальцами и улыбнулся. Тело старика содрогалось.

— Благодаря твоим детям я прожил отличную жизнь. И чем же их отблагодарил? Даже не смог защитить, когда пришёл нужный момент. Пожалуйста, найди их и спаси. Не дай моей ошибке загубить всё.

Он дёргался всё сильнее и сильнее, в глазах его засветился страх. Дядя начал торопливо говорить, будто бы испугался, что у него сейчас закончится воздух.

— Передай, что я их люблю. Они спасут нас, Сергей. Они спасут этот чёртов Город. Я…

Последние слова дядя уже выговаривал с отчётливой гримасой боли на лице. Он выгнулся и начал хрипеть.

— Дядя! — крикнул Сергей. Бесполезно. Старик уже не отзывался. Глаза его закатились.

Дядя Миша умер. Сама эта мысль казалась Сергею настолько странной, настолько абсурдной, что он просто не мог принять реальность происходящего. А ведь он совсем забыл о его существовании на какое-то время. Но с возвращением дяди в жизнь Сергея, в его душу вернулся давно отсутствовавший там осколок. Тот небольшой кусочек, который напоминал, что когда-то давным-давно, на старой родине, у их семьи были и неплохие времена.

Теперь он раскололся вдребезги. Смотря на белое лицо дяди, Сергей вдруг понял, что его пробивает на слёзы. Он даже за детей не переживал так сильно, ведь их можно вернуть, они ещё живы. А вот дядя уже не вернётся никогда.

«Нет. Надо бежать. Ты должен быть сильным. Он бы этого хотел».

Поднявшись на ноги, Сергей вытер начавшие влажнеть глаза и бросился на улицу.

Там его уже ждали десятки патрульных с дробовиками, прячущиеся за автомобилями, и боец в экзоскелете.

— Руки вверх или мы откроем огонь! — проорал один из копов в громкоговоритель. Боец в экзоскелете принял угрожающий вид и двинулся вперёд, сжимая огромные железные кулаки. Сергей ухмыльнулся и двинулся ему навстречу.

Если он сейчас не попытает удачи, то будет корить себя за трусость до конца жизни.

***

— И что же произошло дальше?

Сергей пошевелил палкой угли в костре и поднял взгляд. Голоса спрашивавшего он не узнал. Свет от танцующих язычков пламени превращал лица солдат в глумливые маски с блестящими огоньками вместо глаз. Снисходительные усмешки, будто сам намёк на искренние эмоции казался им смешным. Сергей заставил себя расслабиться. Никто над ним не смеялся. Солдаты говорили друг с другом, рассказывали анекдоты и байки, посмеивались нелепым россказням. Большинство из них уже слышали его историю, потому и не слушали. Бойцы видели его в деле и доверяли ему, хоть первое время никто не хотел с «понаехавшим» даже разговаривать. За три месяца Сергей завоевал себе репутацию чуть ли не самого надёжного воина на Древесном Пике.

Когда на аванпост приходило пополнение, Сергей старался всем рассказать свою историю заново, в надежде, что услышит от новичков какие-нибудь интересные соображения. Каждый раз его попытки заканчивались понимающими кивками, да дружеским похлопыванием по плечам. Никто так и не подсказал ему, где можно отыскать

детей.

Вот только сегодня пополнение было более чем необычным. Среди новобранцев затесался самый настоящий синегубый. Хоть и выглядел он довольно дружелюбным, остальные, естественно, сторонились его. Каждый понимал, что Союз состоит из множества враждующих племен, а, как известно, «враг моего врага — мой друг». И всё же, просто так доверять ему никто не собирался.

Сергей поймал на себе взгляд синегубого и понял, что именно он задал вопрос.

— Как, по-твоему, что же произошло дальше? — с лёгким раздражением переспросил Сергей. «Безнадёжно. Этот придурок вряд ли хоть половину понял из того, что я рассказал».

— Я видел, на что способны экзоскелеты, — сказал сааксец. Он достал из причёски перо и занёс его над огнём. Сергей зачарованно наблюдал, как оно тлеет. — И, судя по тому, что ты жив, тому парню прилично досталось.

Сергей против своей воли рассмеялся. «Хоть и синегубый, а с чувством юмора у него в порядке». Говорил сааксец без акцента, и Сергея это сильнее всего сбивало с толку. Он за все эти годы так полностью и не избавился от дефектов в произношении. Хотя, наверное, он уже намеренно коверкал речь. Акцент — тоже осколок, оставшийся от старой родины. Если и от него избавиться, чем же он станет?

— Нет, к сожалению. Ребята в экзоскелетах обучены валить придурков, не причиняя вреда. И всё же, ему пришлось постараться, чтобы со мной сладить. А потом…

«А потом ад».

— Ты когда-нибудь был… несвободным? — спросил Сергей, тщательно подбирая слова. Он не сомневался, что сааксец поймёт, просто у него вдруг возникла мысль, что он не хочет задевать чувства этого маленького человека. Синегубый кивнул. — Так вот, представь, что у нас в Городе камеры приспособлены под нужды заключённых таким образом, чтобы они испытывали максимальное страдание, находясь под стражей. Тебя запихивают в железный шкаф, в котором ты не можешь не то что лечь, даже присесть. Почти что всё время твои мышцы в напряжении. До тех пор, пока не отказывают. Ах да, ещё тебе вставляют катетеры, спереди и сзади — это чтобы нужду справлять. Ещё один в рот, чтобы тебя кормить. И запирают. И каждое мгновение своей так называемой жизни ты проводишь в страдании. Тебе не больно, нет. Но ты не можешь ни на секунду расслабиться. Столько свободного времени! И ты его совершенно не можешь на что-то потратить. Разум начинает блуждать. Ты вспоминаешь все ошибки, все решения, что привели тебя к этому моменту. Ты не знаешь, сколько времени прошло. Сутки ли? Недели? Месяцы? К моменту, когда к тебе приходит комиссия, ты готов на любой исход. Некоторых так тоскуют, что просят заменить им временную меру пресечения на смертную казнь. Я кое-как выдержал. Я очень, очень сильно старался, чтобы сохранить рассудок. Знаешь, они ведь иногда дают тебе немного погулять. Чтобы совсем мышцы не атрофировались. Дают почувствовать, что такое свобода, прежде чем снова лишить её полностью. Вот именно в эти моменты меня сильнее всего одолевало отчаяние. Но я знал, что надо терпеть. Рано или поздно, моё время придёт.

— И оно пришло, — подсказал сааксец. — Тебя спросили, хочешь ли ты отправиться во Вне. И ты с радостью воспользовался этой возможностью, потому что хотел найти детей.

Сергей кивнул.

— И как твои успехи?

Вопрос показался Сергею издёвкой. Но, внимательно всмотревшись в лицо синегубого, он не нашёл и намёка на насмешку. Сааксец был абсолютно серьёзен.

— Мои успехи… не впечатляют. Ричард Эймс, полковник, возглавивший экспедицию, погиб при первом столкновении с вашим народом. Собственно, большей части заключённых предложили амнистию как раз чтобы отправить во Вне, на войну. А что стало с моими детьми, я не знаю. Не уверен даже, что они ещё живы. Я всё потерял. И теперь сижу здесь в надежде, что что-то изменится.

— Ричард Эймс, — повторил сааксец и присвистнул. — Да, скверно вышло.

Сергей снова кивнул, чувствуя лёгкое разочарование. А чего ещё он ожидал? Что ему мог сказать этот синегубый? Слов утешения он и так наслушался достаточно. Ими он был сыт по горло.

— Слушай, а что если я скажу тебе, что твои дети живы и мы отправимся их искать?

Сергей продолжил кивать, не особо вслушиваясь в сказанное. Когда смысл слов дошёл до него, он встрепенулся и в замешательстве уставился на маленького сааксца.

— Что ты сказал?

— Твои дети живы, — повторил синегубый. — И мы отправимся их искать.

— Ты решил надо мной поиздеваться?

— Я абсолютно серьёзен. Я не могу тебе сказать ничего конкретного. Вскоре ты сам всё увидишь.

— Что именно?

— Скажи, ты веришь в духов? — на лице сааксца до сих пор не было намёка на издёвку. Сергей покачал головой. — Что же, похоже, скоро весь твой мир перевернётся. Ты даже не представляешь, что ждёт нас впереди.

— А ты что, у своих вроде ясновидящего?

— Я шаман, — коротко ответил сааксец, затем уставился вверх и добавил: — Я не могу говорить тебе многого, потому что ты всё равно не поверишь, пока не увидишь своими глазами. И всё же. Запомни вот что: мы должны выжить до тех пор, пока нас не отправят на миссию. Ты поймёшь, когда придёт время. А пока просто верь мне. Не падай духом. Мы вернём твоих детей. И настигнем Эймса.

Живот Сергея скрутило очень неприятное ощущение.

— В смысле, настигнем? Он разве не мёртв?

— Мёртв? О, нет, полковник не мёртв. Хоть я и убил его.

18. Несущий тьму

Несущий тьму
«Чаще напоминайте себе, что даже сам дьявол когда-то был лучшим из ангелов»
Майор Билл Уотерс, командир группы 838

Его обезвредили с такой скоростью, что даже стало несколько обидно за все годы тренировок и опыта, которые никак не помогли в этой ситуации. Вдвойне обиднее было то, что врагам помог Саргий.

Вика припечатали к полу, ударили для острастки несколько раз по голове, а затем начали практически вырывать из экзоскелета. Он заорал от чудовищной боли, кричал всё время, пока иглу, соединявшую ранец с его спинным мозгом, не вытащили. Казалось, кричал не он, а сама платформа, плачущая от боли и обиды, что хозяин её покидает.

Он провалился в забытье. Где-то далеко, в реальном мире, переговаривались и ругались люди. Ему же было не до этого. Все свои силы Вик сосредоточил на ощущениях безопасности и комфорта — их он не чувствовал так давно, что даже и подумать не мог, как сильно их не хватало. Усталость растекалась по его телу. Он находился в напряжении, пожалуй, с момента, как покинул Город. И вот, ему впервые выпал шанс для настоящей передышки. Вик жаждал пробыть здесь вечность. Не открывать больше глаза. Что его ждёт в реальности? Одни разочарования да предательства. Он был готов остаться здесь, в мираже, где все его мечты становятся реальностью.

Ему виделось, будто он вернулся в Город. Анора уже ждала около Дворца. Идеальная женщина из искр и стали. На ней было зелёное платье с красными узорами: цвета Дома Лоуренс. Свои красивые чёрные волосы она собрала в аккуратный хвост, оставив одну прядь прикрывать лицо. Она была невероятно красива. Пухлые губы, подведённые яркой помадой, острые и яркие, как драгоценные камни, зелёные глаза и густые брови на отточенном, аристократическом лице. Сильное, подтянутое тело настоящей воительницы, облегаемое дорогим шёлком — Вик просто не знал, как можно не влюбиться в эту женщину.

Он посмотрел вниз: сам он был в парадном мундире. Пощупал лицо — маски не было. Воззрившись на Анору, он спросил:

— Неужели всё закончилось? Война? Моя миссия?

Принцесса улыбнулась в ответ, наклонив голову набок, и сказала:

— Всё закончилось. Мы победили. И нам больше не нужно убивать.

— Мы не станем жить при дворе? Мы можем уйти и стать обычными людьми? Подальше от интриг и обмана?

Анора улыбнулась ещё шире и кивнула.

— А как же моя жена? Сын?

— Они поймут. Ты герой войны, Вик. Без тебя мы бы проиграли. Тебе всё простительно.

Вик протёр глаза.

— Это ведь всё не по-настоящему?

— Это станет правдой, если ты того захочешь, — Анора сверкнула глазами. — Всё зависит только от твоей воли.

Всё казалось лучше некуда. Да как он мог отказаться от такого? И всё же, чувство покоя

потихоньку испарялось. Что-то здесь было в корне неправильно. И Вик быстро понял, что именно.

— Я не хочу жить в мире лжи, — признался Вик. — Я хочу правды, какой бы горькой она ни была. Я ведь ещё на войне, правда? Я так и не поймал полковника?

— А какую пользу нам принесла правда? — раздался донельзя знакомый Вику мужской голос. Анора резко отпрянула, на её лице был написан страх. Издалека раздались раскаты грома. Принцесса вдруг начала съёживаться, словно подожжённый кусок бумаги, пока не осыпалась прахом. Перед Виком возник он сам, только не в парадном, а в походном мундире, прятавшемся под бронепластинами экзоскелета.

— И ты от всего этого готов отказаться ради правды? — спросила копия. — Что от неё хорошего? После всего, что сделал ты и позволил другим сделать? Разве ты не хочешь забыть?

— Я предпочёл бы помнить всё, — жёстко ответил Вик. — И ничего не забывать. Как не повторять ошибок, если ты ничего не помнишь?

Копия рассмеялась.

— На твоём месте я бы не был столь категоричен. Сколько людей и событий ты отправил в закрома памяти? Ты даже не помнишь, что ты забыл!

— Даже если так, значит, это была ошибка. Теперь я её точно не повторю.

— Что же, будь по-твоему, — усмехнулась копия. — Ты сюда ещё обязательно вернёшься.

Сказав это, двойник растворился в белом дыму. Вик почувствовал, как асфальт под ногами трескается. Он не успел отбежать в сторону и провалился. Под землёй его ждала река, поток которой был так силён, что он мгновенно понёс Вика далеко вперёд. Вик кричал и сопротивлялся: тщетно. Его окружали трупы, которых несло так же, как и его. Они улыбались. Их просто переполняло счастье. Вик пытался схватиться за кого-нибудь, но каждый раз, как у него получалось покрепче взяться, что-то хватало его за ноги и тянуло вниз. В конце концов, он просто поддался потоку. Он уже успел наглотаться достаточно воды, и хоть ситуация казалась безвыходной, он чувствовал почти что полное спокойствие. Перевернувшись на спину, он позволили реке нести его к концу всего сущего. Воззрившись наверх, вместо потолка он увидел небо. И тьму, с громадной скоростью опускавшуюся на землю.

Картина должна была ужасать, но Вик лучше всех знал: тьма принесёт только успокоение. Гармонию в этот хаос. Рано или поздно, всё равно они все окажутся в её объятиях. Так зачем же сопротивляться?

Он был бы даже рад, если бы сумел ускорить её приближение. Он закрыл глаза и держал их так, пока его не прибило к берегу.

***

Они бросили его в клетку снаружи храма, сделанную из прутьев бамбука. Анора говорила, что видела такие в саакских деревнях. Хоть она и не была такой же крепкой, как сделанная из стали, прочности ей более чем хватало. Наверное, с экзоскелетом Вик всё же смог бы её сломать, но в нынешнем состоянии он даже не мог сидеть ровно.

Ноги его не слушались, поэтому к отхожему ведру приходилось ползти, прилагая всю силу рук. С него содрали мундир, оставив только чёрную футболку, да штаны. В таком

влажном климате и без того мерзкий пол клетки превратился в скопление грязи. В первые же часы бодрствования Вик перемазался с головы до пяток, пока пытался доползти до края, где ему оставили тарелку с едой. Вонь была настолько нестерпимая, что Вик в какой-то момент захотел, чтобы у него навсегда отняли обоняние: не такая уж большая жертва, если остаток жизни он проведёт в этой клетке.

Его запихнули в самый дальний угол, так что он едва мог рассмотреть, чем занимаются сааксцы и первенцы под командованием полковника. Лишь изредка он слышал тихие разговоры, из которых едва мог уловить несколько отдельных слов. Большую часть времени он проводил, наблюдая за движением солнца и считая часы. Благо, клетка находилась в тени, так что ему не приходилось терпеть жуткую жару, зато ночью он не мог уснуть: влага и ветер — не лучшее сочетание для насквозь мокрого узника, которому и укрыться нечем.

На шестой день у него не осталось сил даже на то, чтобы просто сидеть. Холодные ночи не прошли даром, и Вик чувствовал, как его бьёт озноб, хотя день выдался жарким. Маленький сааксец, приносивший еду, увидев его состояние, покачал головой и быстро убежал. Через некоторое время вместо него вернулся человек в чёрной броне. Он что-то проворчал, подошёл к клетке вплотную и, схватив Вика за плечо, ввёл ему в шею иглу инъектора. Вик почувствовал, как по телу пробежала тёплая волна. Озноб прекратился. Человек вытащил из сумки упаковку с таблетками, высыпал на ладонь несколько пилюль и протянул их узнику:

— Пей, — приказал он, сняв с пояса флягу. Вик проглотил лекарство и запил водой, жадно припав к горлышку. Казалось, ничего вкуснее он не пробовал — так сильно его мучила жажда. Не успел Вик напиться, как зелот отнял флягу и погрозил пальцем: — Не стоит столько хлебать за раз, будет только хуже.

Вик не стал отвечать на колкость и просто сосредоточился на приятных ощущениях, наполняющих тело. Человек в броне некоторое время молча наблюдал за ним, затем снял баллистическую маску. Под ней оказался совсем молодой смуглокожий паренёк, едва старше Ли, с чёрными кудрями до плеч. В его тёмных глазах сквозило любопытство. Чертами лица он очень сильно походил на Саргия.

— Я всё гадал, как же выглядит человек, перед которым так преклонялся полковник. К сожалению, я разочарован, — паренёк покачал головой. — Кстати, меня Володя зовут.

— Ты сын Саргия? — протянул Вик. Зелот энергично кивнул. — И все остальные тоже его дети? — Паренёк снова кивнул. — Почему-то он о вас не упоминал.

— И правильно делал, ведь полковник говорит, что доверять тебе нельзя. Хотя, когда-то он тобой восхищался. Считал тебя визионером, человеком будущего. Говорил, что Виктор Валентайн — это знамение новой эры. И что же я вижу? Калеку, который даже на сральном ведре ровно усесться не может.

— Хотел увидеть моё величие? — фыркнул Вик. — Оставил бы мне тогда экзоскелет. Ты сам причина своего разочарования.

Володя пожал плечами.

— Ты бы просто сбежал, а я бы потерял все остатки уважения к тебе. И так сойдёт.

— Я ведь вам не нужен. Почему бы просто не убить меня?

— Ты нужен полковнику. Вот только он тебе не доверяет.

— А раньше доверял?

— Да. Пока не увидел, во что ты превратился. Что же с тобой произошло, а, капитан? Как так вышло, что такая посредственность вызывает столько уважения у полковника даже

сейчас?

— Я спас его жизнь, — пробормотал Вик. — Это было очень давно. До того, как я начал работать на короля.

— И всё же, он помнит, — почти что с благоговением произнёс Володя, покачав головой. Убрав прядь, упавшую на лицо, он заметил: — Полковник говорит, что ты стал пешкой Карла Лоуренса.

— Полковник сам нас познакомил, — бросил Вик. — Я не знаю, чего он ожидал. Мы слишком долго не общались. Видимо, он всё ещё думает, что я тот же наивный пацан, который защитил его на Нижних Уровнях. Думает, будто я до сих пор верю, что всё можно решить миром. Даже тогда ему это казалось смешным. А потом он сказал, что уважает моё упорство. Я ведь не отступался от своих убеждений несмотря ни на что. Стоило поработать на короля, как я понял глубину своего заблуждения. Мира можно добиться только угрозой насилия. И ты можешь только надеяться, что у тебя самая большая пушка. Иначе все усилия напрасны. Начнётся резня, что бы ты ни делал.

Вик поднял взгляд и уставился в напряжённое лицо Володи.

— Он ненавидит меня за то, что я стал таким же, как он. Он тоже служил королю — и чем это для него кончилось? Всеобщей ненавистью и презрением. Сама экспедиция стала для полковника ссылкой. Он видит, что я продолжаю выполнять поручения Карла, и ему жаль меня. Вот только он не понимает, насколько мы разные. Его попытки установить мир всегда заканчивались большим кровопролитием. То, чего я добился, всё равно спасает больше жизней, чем открытая война. Он назвал меня убийцей. Что же, я испачкал руки, зато наши цели достигнуты. Синдикат сейчас в гармонии — и всё благодаря мне. Благодаря тому, что я убивал и угрожал убийством, прежде чем могла начаться действительно крупная заварушка. Диктатура страха? Может. Вот только полковник не смог ничего такого добиться сам.

Вик горько рассмеялся.

— Он завидует, что пролил столько крови и ничего не добился.

Володя покачал головой.

— Теперь я знаю, в чём дело. Почему он не хочет видеть тебя. Когда-то ты понимал его, а сейчас перестал. Всё, что ты говоришь, не имеет к полковнику никакого отношения. Ты думаешь, будто его волнуют твои заслуги? Будто он завидует? У него на уме проблемы покрупнее. Мы говорим о судьбе не просто Города, а всего человечества. Сааксцы, первенцы, да и вообще все, кто остались в этом проклятом мире — они не знают, что скоро все могут погибнуть, если ничего не предпринять. Все страдают от междоусобиц, у всех только свои несчастья на уме. Никто не видит цельной картины. А он прозрел.

— Чем же он вам мозги промыл? — спросил Вик. — Сказками, что знает, как вернуть Освободителя?

— Ты не веришь, потому что ты ничего не видел, — цыкнул паренёк. — Иначе ты бы сам себе зашил губы, чтобы не извергать больше богохульств! Освободитель реален. И мы можем его вернуть.

— Что же, удачи вам, — сказал Вик. — Меня только оставьте в покое — или просто убейте наконец. Моя миссия провалена. А в вашем цирке я участвовать не хочу.

Володя улыбнулся, показав красивые белые зубы.

— Нет, капитан. Ты отправишься с нами. Ты должен увидеть весь путь. Полковник считает, что ты заблудился, но ты ещё не потерян. Тебя можно вернуть.

— Отправлюсь? Куда?

Казалось, Володю удивил такой вопрос.

— Как куда? Конечно же в Карас!

***

Прошло ещё несколько дней, прежде чем к нему снова пришёл Володя. Его сопровождали сааксцы, державшие детали экзоскелета. Позади всех Вик увидел Паркер. Он даже не удивился, что девчушка перешла на сторону полковника. Чего-то такого следовало ожидать сразу. И всё же, его гордость ощутила укол от очередного предательства.

— Время пришло, — сказал Володя. Он открыл клетку и впустил сааксцев внутрь.

Синегубые подняли Вика и помогли снять грязную одежду. Раздев его догола, они подали ему чистую рубашку и солдатские штаны. Как только Вик надел новые сапоги, сааксцы аккуратно начали присоединять детали экзоскелета. Первым пунктом стали ноги, благодаря чему Вик, наконец, смог встать в полный рост. После этого присоединили ранец, который тут же выпустил иглу и вонзил её в носителя. Вик даже не почувствовал боли, когда она вошла ему в спинной мозг — он лишь вздохнул с облегчением, потому что снова почувствовал себя целым.

Даже себе он боялся признаться, как сильно беспомощность угнетала его. Не раз и не два его посещали мысли о самоубийстве, но удерживало лишь то, что так он только избавит полковника от лишних проблем. С экзоскелетом он снова начал рассуждать как солдат.

Когда к его рукам присоединили планки, Вик внимательно осмотрел все детали. Что же, полковник сделал всё возможное, чтобы узник не сбежал. Все бронепластины были демонтированы, из-за чего остался только основной каркас, а в усилявшие носителя детали были вмонтированы ограничители, сковывающие движения. Без специальных инструментов снять их не представлялось возможным. Полковник мог просто сломать весь механизм, но не стал этого делать. Похоже, он всё-таки надеялся на сотрудничество с Виком в будущем. А значит, шанс вырваться ещё может представиться. Правда, как бить врага в таком виде Вик не представлял. Стоило ему сделать пару шагов, как он понял, что бегать не получится. Ни о каких драках не могло быть и речи. Коммуникатор тоже отключили, так что о спрятанном внутри лезвии придётся забыть.

Пока он думал, на его запястьях успели застегнуть наручники. Володя ухмыльнулся и произнёс:

— Мы хорошенько позаботились, чтобы ты даже помыслить не мог о побеге. Бесполезно, друг. Полковник тобой дорожит, но у любой симпатии есть пределы. Не делай глупостей и всё будет в порядке.

— В порядке? — переспросил Вик. — Я ведь уже не вернусь домой. Либо погибну с вами, либо не будет того дома, куда я хотел бы вернуться. В любом случае, я пропал. Что мне терять?

— То есть, ты готов всем рискнуть, чтобы ничего не достигнуть? Когда можешь сидеть сложа руки и узреть рождение настоящего чуда? Я думал, ты умнее, чем выглядишь, капитан.

Вик промолчал. Володя двинулся вперёд, Вик следом, сааксцы с Сарой за ним. Который день шёл дождь, и земля пропиталась водой. Ноги Вика утопали в грязи, но он не обращал на неё внимания — слишком был рад, что снова может ходить. Володя провёл группу внутрь храма. Вокруг суетились первенцы и сааксцы, все что-то носили и переговаривались.

Командиры отрядов орали команды и старались создать хоть какое-то подобие порядка. И всё же, хаос был настолько силен, что Вик не смог не спросить:

— Откуда такая спешка? Я думал, вы всё это время готовились.

— Дело не в подготовке, — ответил Володя. — У нас было много времени, мы почти закончили все дела. Вот только произошло непредвиденное.

— Что?

— Катера Эдема, — ответила за Володю Сара. Она вышла вперёд и поравнялась с Виком. — Они сумели найти нас.

«Нас». Пусть девушка и не меняла униформу, но сторону уже сменила. И не только её, в ней самой многое кардинально поменялось. Выправка стала строже, а в глазах горел огонь. От былой усталости и взгляда с безнадёгой не осталось и следа. Вик видел, как вера в идею оживляла почти что мертвецов, заставляла их вставать и драться, несмотря на ужасающие раны. То же самое он видел сейчас. Он проклял себя, что вообще спас Паркер, когда на её судно напали. «Нужно было дать ей погибнуть вместе с командой».

Ей не во что было верить, жизнь её была пуста. Даже после всего, что с ней произошло, она готова была присоединиться к экипажу «Катрины» просто потому, что это было намного интереснее, чем пустое прожигание отведённого на земле срока в мире и безопасности. Хотя, если подумать, у неё не было выбора — в конце концов, вернуться обратно она не могла. Вик пожалел, что не разговаривал с ней, не провёл проверку на верность. Стоило ей столкнуться с полковником, услышать о его масштабных планах, как она живо поменяла стороны, просто потому что хотела участвовать в чём-то грандиозном. С одной стороны, Вик не винил её. С другой, она теперь его враг.

Он не хотел сомневаться в выборе, когда на кону будет стоять его жизнь. Он должен был готов убить её, если потребуется.

— В обычной ситуации они бы ни за что нас не нашли, — сказал Володя. — Полковник был уверен, что катера порыщут впустую и отступят. Вы-то забрели сюда с большим трудом.

— Нас провёл шаман, — вспомнил Вик. Володя кивнул.

— И на это у вас ушли сутки.

— Сутки?

— Именно. Во всяком случае, по нашему времени. Твой шаман сказал, что у них же уйдёт минимум неделя. Плюс, он может попробовать задержать их ещё. Всё равно, чем быстрее мы отсюда уберёмся, тем лучше.

— Приятно слышать, что Насиф и вам приносит пользу, — съязвил Вик.

Пока они говорили, Володя провёл их в самые глубины храма. Они успели спуститься по винтовой лестнице и выйти в огромный зал, освещенный факелами. В середине зала зияла яма, в которую вели четыре лестницы с разных сторон. В ней легко могли поместиться несколько десятков человек, и осталось бы ещё полно места. Солдаты стаскивали к её краю ящики с припасами. Неподалёку стоял Насиф и командовал процессом. Увидев Вика, он незаметно кивнул. Горечь на его лице ни с чем нельзя было спутать.

Похоже, он не очень радовался вынужденному сотрудничеству с полковником.

Дальше, в одном из углов зала, на полу сидел Эймс с остальными детьми Саргия. Доспех полковника поблёскивал в темноте, отражая пламя факелов. Рядом с зелотами стоял Саргий и о чём-то горячо спорил. Бросив короткий взгляд на пришедшего Володю и Вика, он быстро отвернулся и продолжил разговор.

— Нет, мы не будем этого делать, — наконец, прервал их пререкания полковник и

поднялся во весь рост. Володя подвёл Вика ближе к Эймсу.

— Привёл узника, как вы и приказывали, — отрапортовал мальчишка, тряхнув кудрями и улыбаясь. — В целости и сохранности.

Полковник кивнул. Его лицо не выражало никаких эмоций. Посмотрев на Вика сверху вниз, он спросил:

— Надеюсь, ты успел поразмыслить над моими словами?

— Над какими именно?

Полковник снова кивнул, будто вопрос Вика и стал для него ответом. Повернувшись к Саргию, он подозвал его жестом руки. Иммигрант неохотно подошёл, всем своим видом выражая усталость.

— Скажи ему то, что сказал мне, — приказал Эймс. Саргий с кислым выражением лица вымолвил:

— Тебя стоило убить, капитан. Ты лгал нам всё это время, давал ложную надежду — а сам готовился ударить в спину, пока мы верили, будто сможем вернуться домой. Что всё будет в порядке.

— Как приятно слышать от тебя обвинения во лжи, — буркнул Вик, — когда ты и словом не вздумал обмолвиться, что твои грёбаные дети служат полковнику.

— Я не знал, что они живы! — вспыхнул Саргий. — Я только слышал, что Эймс забрал их. Если бы я знал, как обстоят дела…

— Ты бы всё равно пошёл со мной, чтобы увидеть их, — перебил иммигранта Вик. — Не пытайся вывернуть правду наизнанку. Всю дорогу тебя всё устраивало. Самостоятельно ты бы сюда никогда не дошёл. Теперь же ты смеешь разевать пасть, потому что достиг своей цели и боишься, что я всё испорчу? Что же, Саргий, ты действительно так туп, как кажешься, раз уж решил высказать мне свои претензии. Если я вдруг сумею выбраться отсюда, не жди от меня пощады.

Иммигрант осклабился.

— В этом и проблема, кэп. Ты отсюда уже не выберешься.

— Довольно, — сказал полковник, подняв руку. Иммигрант покачал головой и отошёл к своим детям. Паркер наклонила голову и последовала за ним.

— Смотрю, вы подружились, — сказал Вик.

— Ты очень сильно изменился, — протянул Эймс. — И за такое короткое время? Я не узнаю тебя, и это меня пугает. Впрочем, чего-то подобного я ожидал. Пойдём, друг.

Они двинулись к центру зала, туда, где в полу разверзлась огромная яма.

Вик решил больше не язвить. Вместо этого, он кивнул в сторону солдат, перетаскивавших припасы, и спросил:

— К чему всё это? Что вы планируете?

— Я же уже сказал, — вместо полковника ответил Володя. — Мы отправляемся в Карас.

Вик не обращал на него внимания, продолжая смотреть на Эймса. Тот кивнул так, будто соглашался не с ответом зелота, а со своими мыслями.

— Этот храм в своё время построил Освободитель со своим сыном, — наконец, произнёс он. — Ещё в те дни, когда мир не был расколот. Это место переполнено силой — и они знали, что когда-нибудь её придётся использовать.

— Для чего они его построили? Чтобы объединять миры?

— И раскалывать тоже. Первый такой раскол мы и называем Освобождением.

— Но зачем он это сделал?

— Чтобы спасти ту часть человечества, которую ещё можно было спасти, — произнёс Эймс таким тоном, будто это было очевидно. — Чтобы отрезать большую часть внешних угроз, а оставшиеся побороть. Потом, когда он решил оставить Город, он вернулся сюда и прыгнул в мир, в котором жили сааксцы. И в скором времени они назвали его Отцом. Чтобы вернуть его, нам пришлось объединить миры. Без сааксцев мы бы не нашли Освободителя.

— Но стоило ли развязывать с ними войну? Столько людей погибло просто потому, что нам сказали, будто сааксцы напали на нашу делегацию и убили полковника, возглавлявшего экспедицию.

Эймс молчал, будто бы ждал, что Вик сам ответит на свой вопрос.

— Дело в короле, — наконец догадался Вик. — Вы не хотели, чтобы он вмешивался.

— И твоё присутствие здесь — в том виде, в котором ты пришёл — доказательство моих опасений, — сказал Эймс. — Война дала нам время на подготовку. А самое главное, благодаря ей у нас вообще появилась возможность подготовки. Ведь Насиф сказал тебе, что Союз использует утилизаторы для набора энергии?

— Да, но для этого тоже было необязательно устраивать войну. Ведь можно было обо всём договориться. Начать сотрудничество…

— И король бы просто начал сотрудничать с чужаками, полностью бы им доверился и не попытался обмануть их, — впервые за всё это время полковник высказал хоть что-то, напоминающее сарказм. — Более того, он не видел того, что видел я. Того, что видели мы. Он не понимает. Он совершенно не понимает, что ему нужно делать. Эта война была нужна, чтобы всё прошло согласно плану. Сотни тысяч погибли и ещё многие погибнут, прежде чем мы достигнем цели. Но все эти жертвы не будут напрасны. С участием короля, вся затея была бы обречена с самого начала. Даже прекрасно зная, что я не желаю ему вреда, он посылает убийцу, чтобы убрать меня.

— Ему бы не пришлось этого делать, если бы он доверял вам.

— В этом и проблема, — кивнул полковник. — Он не доверяет никому. Если бы я не развязал войну, он бы сделал вид, что согласен с моим планом, но всё равно бы позаботился, чтобы у меня были связаны руки. А я ведь любил его как сына. Ни за что на свете я бы не допустил, чтобы с ним что-то случилось. Но время всегда всё меняет. Он давно уже забыл, кто к нему относился с добром. В его глазах кругом враги. Враги, которых нужно нейтрализовать до того, как они нанесут удар. И поэтому даже тебя он настроил против меня. — Эймс сокрушённо покачал головой, на его лице отразилась боль. — Но мы будем идти тропой праведных до самого конца, чего бы это ни стоило. Я не буду убивать тебя, Вик. Ты всё поймёшь. Готовься. Скоро мы отбываем.

Полковник оставил Вика у края ямы рядом с шаманом, взял Володю и двинулся с ним в угол зала, где его ждали остальные зелоты и Саргий. Солдаты закончили перетаскивать ящики и сели отдыхать. Насиф повернулся к Валентайну и спросил:

— Вы как, капитан?

— Живой, — ответил Вик и потряс наручниками. — В остальном, ситуация не из лучших. Саргий заявил, что хочет моей смерти. Надеюсь, ты не с ним?

— У него не было выбора, — сказал шаман. — Его дети преданы полковнику каждой частичкой своей души. Я сказал, что помогу им, но полковник прекрасно понимает — я могу предать его в любой момент. Солдатам приказано не спускать с меня глаз. Боюсь, о побеге не может быть и речи.

— Что здесь происходит? — кивнул Вик в сторону ямы. — Насчёт отправки в Карас:

они это всерьёз?

— Более чем. Даже с теми копьями, которыми они угрожали «Катрине», солдаты полковника не смогут схватиться с оставшимися катерами Эдема. Поэтому, нам всем придётся перенестись в Карас. Один боец из сааксцев останется здесь. Как только все катера войдут в зону поражения, он вызовет всплеск энергии с помощью симпатического шёлка, храм взорвётся и уничтожит преследователей.

— Проклятье, и он на это пойдёт ради полковника?

— Я уже говорил вам, капитан, — глаза шамана блеснули, — нет ничего, что они не сделают ради пророчества. Одна жизнь — всего лишь капля в море. Маленький кирпичик в доме будущего, который они собираются построить.

— Что нас ждёт в Карасе? Почему полковник хочет туда отправиться?

У шамана вопрос вызвал гримасу, будто сам ответ причинял ему боль.

— Это последнее пристанище Освободителя. Или Отца, как мы его называли. К тому же, там самый центр сети Союза. Полковник считает, что ему может понадобиться вся энергия, чтобы достигнуть цели.

— Так значит, дело не в том, что он хочет найти Освободителя, — сказал Вик. — Он его нашёл. Теперь его нужно вернуть из мёртвых.

— Может быть. Мы не знаем точно, что случилось с Отцом. По некоторым легендам, он не погибал, а покинул город. Как бы там ни было, всё, что делает полковник — богохульство. Я не знаю, как наши старейшины пошли с ним на сделку.

— Почему ты так уверен, что они с ним сотрудничают?

— Если бы не сотрудничали, он бы не говорил с таким спокойствием о переносе в Карас. У него есть сторонники, очень сильные. Даже если кто-то был против, похоже, их задавили, и они уже ничего не решают, — шаман будто бы собрался сплюнуть, но передумал. — Тошно подумать, что весь Союз прогнулся под одного чужеземца. Мы должны его остановить. Что бы он ни задумал, такими жертвами это не оправдать.

— Мы это исправим, — заверил Вик. — Ты видел Томми? Эмму?

— Боюсь, медичка больше не с нами, — процедил шаман. — Её сманили сладкие речи полковника. Она полностью принадлежит ему. Зато рулевой до сих пор твердит, что Эймс разрушил его жизнь. Он сказал, что ему плевать на Освободителя и Первый Город. Полковник сделал из него изгоя — и он этого не простит. Зелоты посадили его под стражу.

— Что же, хорошо, что хоть кто-то ещё на нашей стороне, — сказал Вик.

— У вас есть план, капитан?

— План в том, чтобы ждать первой подвернувшейся возможности, а затем бить по полковнику изо всех сил, — процедил Вик, затем оглядел экзоскелет и заметил: — Но в таком виде я много не навоюю. Нужно избавиться от наручников и снять все эти ограничители. Да и смонтировать обратно бронелисты не помешало бы.

— Видимо, я пока что сам по себе, — заключил шаман. — Хотя, возможность может представиться очень скоро. Держитесь.

— Внимание! — заорал из угла Володя. — Первый отряд! Пошёл!

— О чём он? — спросил Вик у Насифа.

— Вы в первом отряде, капитан. Спускайтесь в яму. Сейчас я перенесу вас в Карас.

***

Его разорвали на части, а затем собрали снова. Казалось, что болела каждая частичка его тела. Желудок скрутило, а к горлу подступила тошнота. За спиной раздались подавленные вскрики и всхлипывания: солдатам полковника тоже пришлось несладко.

Даже экзоскелет подвёл его: Вик упал на колени и задрожал. Хорошенько отдышавшись, он рассмотрел, что под ногами у него был каменный пол с выцарапанными на нём таинственными знаками. Их перенесло в центр некой древней арены. Над головой висел огромный купол, в центре которого перекрещивались железные балки — с них свисали вниз огромные фонари, освещавшие всё вокруг.

— Приветствую, друзья, — раздался мужской голос.

Вик приложил все усилия, чтобы подняться на ноги. Перед ним расположилась целая делегация саакских солдат с винтовками в руках. В отличие от тех, с которыми Вик сражался, у этих униформы были серого и песочного цвета. Впереди всех стоял мужчина лет сорока с проседью в чёрных волосах, зачёсанных назад. На груди у него висела дюжина медалей, а рукава мундира обвивали вышитые змеи. В начищенных до блеска сапогах Вик мог бы рассмотреть своё отражение, если бы сильно постарался, а стрелки на брюках выглядели настолько острыми, что ими можно было бриться. На плечах мужчины покоился походный плащ с капюшоном, чьи края были прострочены золотой нитью. Перед Виком явно был офицер очень высокого ранга. Кого же сааксцы отправили, чтобы встретить бойцов полковника?

— Приветствую, — повторил мужчина. Говорил он без малейшего акцента, будто с самого детства знал язык первенцев. — И добро пожаловать в Карас.

По взгляду мужчины Вик понял, что от него ждут ответа, поэтому слегка наклонил голову и произнёс:

— Капитан Виктор Валентайн, — добавлять «к вашим услугам» он не стал. Офицер, что был на целую голову ниже Вика, приложил правую ладонь к сердцу и глубоко поклонился.

— Генерал Мугис Хамид, к вашим услугам.

Вик чуть не присвистнул. У Синдиката выше генерала были только маршал, да сам король. Он подозревал, что у сааксцев всё устроено примерно так же. На такие широкие жесты не идут просто так. Либо хозяева генерала хотели выказать полковнику всё своё уважение, либо же генерал и был сам себе хозяином.

— Я слышал про вас, капитан Валентайн, — заметил генерал, как только выпрямился. Он махнул рукой солдатам и те бросились к бойцам полковника, чтобы помочь им с припасами. Генерал полез в карман и выудил оттуда серебристый портсигар. Открыв его, он протянул сигарету Вику. — Прошу.

Он мог отказаться — но что-то подсказывало, что не стоит этого делать. Даже не потому, что за отказ ему грозила смерть, а потому что сааксец, похоже, не прочь был поделиться своими соображениями о полковнике. И его стоило выслушать.

Вик взял сигарету у генерала и поднялся вслед за ним на трибуны, на которых когда-то восседали предки сааксцев и наблюдали за воинами, проливавшими на арене кровь. А теперь полковник первенцев использовал её как перевалочный пункт между древним храмом, объединившим мир, и столицей Союза. Если бы жители древности знали, что ждёт их потомков, оставили бы они эту арену? Посчитали бы сотрудничество с врагом пятном на чести народа? Или же поддержали бы начинания генерала и воинов, вступивших в свиту Эймса?

Генерал поудобнее устроился на трибуне и выудил из кармана коробок со спичками. В

его движениях сквозила нарочитая неторопливость: словно хищник, демонстрировавший медлительность, чтобы ввести жертву в ложное ощущение безопасности. Прикурив, генерал протянул зажжённую спичку Вику. Затянувшись, сааксец сказал:

— Надо признать, я разрываюсь сейчас между желанием похвалить вас, капитан, и пустить вам пулю в башку.

— Я бы предпочёл похвалу, — сказал Вик. Генерал рассмеялся, только в глазах его не было ни капли веселья — лишь настороженность.

— Вы со своим экипажем уничтожили столько моих людей, что совет старейшин сместил меня с должности и назначил другого генерала заведовать операцией. Никому ещё не удавалось так сильно меня опозорить. Никому. А ведь полковник предупреждал, что за ним отправят очень умелого бойца. Но он заверял, что справится своими силами. Когда он сообщил, что вы вырвались, я сначала не поверил своим ушам. Ещё больше я удивился, когда полковник сообщил о потерях. Мы знали, что вы были в той деревне: в конце концов, это ведь мы решили взорвать её, чтобы остановить вас. Когда у нас не получилось, я ещё не знал, скольких бойцов полковника вы положили. У вас талант к разрушению, капитан. Были бы вы солдатом Союза, я бы наградил вас и порекомендовал к повышению.

— Очень признателен, — сказал Вик, наслаждаясь сигаретой. Он и представить не мог, как сильно ему не хватало дыма в лёгких. После всего случившегося, после того, как абсолютно всё пошло наперекосяк, приятно было просто сесть и начать смолить, будто и нет было никакой войны. — Вот только мне казалось, что полковник не хотел меня убивать.

— Да, он просил оставить вас в живых, — в тоне генерала проскользнула нетерпеливость. — Но после того как мы потратили столько энергии на взрыв, я просто не имел права отпускать вас. Я дал строгий приказ: живым не брать. И всё равно вы выжили и нашли полковника. Уничтожили разведотряд, затем линкор, гордость нашего флота, а потом и корабли блокады — и всё это одним катером.

— Будем честными, с блокадой мне помог разобраться ещё один катер. Его рулевая присоединилась к полковнику.

— Что же, я уже ничего не могу поделать, — сказал сааксец, откинувшись назад. Он выпустил дым изо рта и заметил: — Впрочем, я и не обижаюсь. Напрасных жертв не избежать, особенно в такой исключительной войне, как эта. Когда-то давно я бы сам себя осудил за такие рассуждения. Сейчас? Я пожертвую всем, лишь бы достигнуть цели.

— И в чём же она состоит?

— Мир во всём мире, конечно же, — усмехнулся генерал, будто это было очевидным. — И достигнуть её можно только полным контролем всего сущего. Древнее пророчество сулило нам тотальное господство, когда мы встретим человека, одетого в железо. Я далёк от суеверий — но даже я поверил, когда встретил полковника в первый раз. И ещё больше, когда понял, что у нас с вами один Бог: и мы можем его вернуть.

— А я в Освободителя никогда особо не верил, — ввернул Вик. — И сейчас верю ещё меньше, когда узнал, что он не принёс себя в жертву, как нам рассказывали. Зачем бы его возвращать? Неужели он сможет разом исправить все наши проблемы?

— Я думаю, что его появление покажет вашему королю и нашим старейшинам, что нам делить нечего. Мы плоды одного дерева, наши корни прорастают через одну землю. Мы братья, которые должны объединить семью.

— И сааксцы в этой семье будут старшими? — съязвил Вик.

— Именно, — кивнул генерал, будто не распознал во фразе вызова. — Этот мир и так

принадлежит нам. Вашему королю просто нужно признать это, вот и всё.

— А как дела на фронте? — невинно поинтересовался Вик. Пробежавшая по лицу генерала тень сказала ему всё лучше всяких слов. Видимо, понимание отразилось на лице Вика, потому что генерал вздохнул и произнёс:

— На фронте дела плохи, потому что первенцы его просто сломали. Бойцов берут в окружение, мы несём огромные потери. Солдаты короля продвигаются так быстро, что со дня на день мы ждём, что они встанут под нашими стенами и начнут осаду. Мы не боимся проиграть. Мы просто не можем проиграть, потому что вы подарили нам огромное количество энергии. Мы можем сидеть в осаде годами — и вы не сможете пробить наш щит, потому что сами же его будете питать. Вот только будет слишком много погибших.

— Мы вроде говорили, что напрасных жертв не избежать.

— Да, среди солдат. Воин живёт, чтобы умирать за других, в этом весь смысл. А вот в случае осады обязательно пострадают обычные люди — а этого я всегда стремился не допустить. Толк от победы, когда от населения города останется лишь десятая часть? Но жертв не будет. С полковником мы вернём Отца — и тогда всё быстро встанет на свои места. Ваши армии склонятся перед нашим господством.

— Вы так уверены в полковнике, — заметил Вик. Его сигарета догорела, и он выкинул окурок в центр арены. Генерал последовал его примеру. — Но ведь это полная авантюра. Возвращение Бога, возможно даже из мёртвых — это же полный бред. Ваш совет старейшин всё это одобрил?

— Конечно, — генерал выглядел очень довольным, что Вик задал такой вопрос. — Одобрил сразу же после того, как я арестовал весь совет.

«Так вот оно что. Неудивительно, что ты так веришь в полковника. Два безумца нашли друг друга и теперь готовы опрокинуть мир, лишь бы их иллюзии стали реальностью».

— Совет арестовали недавно, — сказал Вик. — Потому что старейшины успели сместить вас с командования операцией по моей поимке.

— Хорошее наблюдение, капитан, — генерал наклонил голову набок, будто узник представился для него в новом свете.

— Но вы ведь как-то действовали и до этого. Неужели они вообще не знали о полковнике?

— Почему, конечно же знали. Просто не имели ни малейшего понятия о масштабности наших планов. Старики считали, будто бы Эймс просто перебежчик, узревший нашу истинную мощь и решивший заранее присоединиться к победителям. Они предоставили ему определённую автономность в обмен на данные о войсках Синдиката и их тактике. Им даже в голову не приходило, что я могу поддерживать с ним активный контакт. В итоге, они всё прошляпили — и за это им стоит сказать спасибо. В кои-то веки их халатность пойдёт на пользу нации.

Пока он говорил, середину арены пронзила ослепительная вспышка, из которой вывалилась очередная порция солдат полковника. Среди них была и Паркер. Она упала на колени и почти минуту приходила в себя. Положив руку на грудь, она судорожно дышала, будто ей не хватало воздуха. Торчавший когда-то ирокез теперь был аккуратно зачёсан набок. Всю её внешнюю нелепость будто смыло, словно она была красочной мазнёй ребёнка поверх шедевра мастера. В ней появилось некое благородство. Даже сидя на коленях и откашливаясь, теперь она выглядела как офицер родом из аристократической Семьи, а не как молодая дура, которую угораздило попасть на войну рулевой. Вик не сводил с неё глаз.

Он до сих пор не мог поверить, как человека может облагородить появившийся в жизни смысл.

Был ли он у Вика? Он ведь был так уверен, что делает важную и полезную для общества работу — истребляя одних, спасает других. Оглядываясь на свою прошлую жизнь, он вдруг понял, что всё это время обманывал себя. Он постоянно говорил, что ему хватает того, что он делает. Что он прекрасно знает, кто он такой и смирился с этим. И всё же, сомнения постоянно точили его. Он проливал и проливал кровь, а мир почему-то так и не наступал. Конечно, всё сущее постоянно находилось в состоянии шаткого равновесия. Стоило кому-то подтолкнуть мир в одну сторону, как всё грозило низвергнуться в пучины хаоса. И только Вик спасал людей от маньяков, жаждавших войны. Он устранял смутьянов и восстанавливал равновесие. Но на смену одним мерзавцам приходили другие.

Может, Вик ошибался? Может, полковник действительно мог спасти их всех, вернув Освободителя? О каких конфликтах вообще могла идти речь в мире, в который вернулся Бог?

«Вот только он уже сбежал от нас один раз. Что помешает ему сделать это снова?»

Вик сжал зубы. Нет, он не должен сомневаться. Сомнения убивают решимость, а без решимости до смерти всего один короткий шаг. Даже если каким-то невероятным образом полковник сумеет вернуть Освободителя или же возродить его из мёртвых, он сильно ошибается, считая, что таким образом положит конец всем человеческим распрям.

Эймс уже возложил на алтарь миллионы жизней, надеясь, что это поможет ему достигнуть цели. А что если его цель так и будет меняться? Что, если финал его миссии будет отходить всё дальше и дальше — и будет требовать всё больших жертв? Вик не мог позволить полковнику продолжать. Что бы здесь ни происходило, он положит этому конец.

Синтия бы обвинила его в страхе перед неизвестностью. Будь она рядом, Вик возразил бы, что любой порядок всё же лучше хаоса.

Сара, наконец, справилась с кашлем и поднялась во весь рост. Она нашла глазами Вика и тут же двинулась к нему, не обращая внимания на суетящихся вокруг солдат.

— Здравствуйте, генерал, — произнесла Паркер, бросив на сааксца опасливый взгляд. — Полковник велел передать вам, что прибудет с последним отрядом. А до этого все приготовления должны пройти согласно плану.

— Я бы предпочёл обсуждать такие вопросы с ним, а не с его посыльными, — процедил генерал. — Ничего, я сам отправлюсь в храм и поговорю с ним.

Паркер яростно замотала головой.

— Связь в ту сторону полностью перекрыта. Он сказал, вы не сможете перенестись.

Генерал раздражённо скрипнул зубами и выдал:

— Клянусь пятиединством, он испытывает моё терпение. Хорошо! Хорошо, я тебя услышал.

Генерал встал с трибуны, поправил плащ и направился к своим солдатам, бормоча под нос проклятия.

— Подождите! — окликнула его Сара. — Нам нужен будет транспорт.

— Попросите любого водителя снаружи, — проворчал генерал и махнул рукой.

— Куда мы отправляемся? — спросил Вик. Паркер огляделась, будто боялась, что их подслушают.

— Во дворец. Там мы будем ждать полковника, пока он не прибудет.

Она вернулась в центр арены и начала разговаривать с солдатами генерала. Один из них обильно жестикулировал, мотал головой, затем, видимо, поддался на уговоры девушки и

начал сокрушённо кивать.

— Идёмте, капитан, — позвала Паркер. Солдаты повели их вверх по лестнице, а затем по длинному коридору к выходу. Вик зажмурился, снова увидев солнце: он даже и не понимал, насколько темно было внутри здания.

Снаружи структура казалась намного меньше, чем внутри: в основном из-за того, что большая часть здания уходила под землю. Если бы Вик не знал, что здесь находится огромная древняя арена, то он бы принял всё за обычный одноэтажный жилой дом.

Карас его удивил: понатыканные везде без какого-либо порядка одноэтажные и двухэтажные здания песочного цвета перемежались серыми многоэтажками, которые бы сильно не выделялись даже в Городе. Между первенцами и сааксцами было меньше различий, чем он ожидал. И всё же, архитектурой всё не ограничивалось.

Рядом с входом на арену на вымощенной камнем дороге стояла машина. Да не просто машина, а настоящий бронированный вездеход с шестью колёсами. На таком, пожалуй, даже не отказались бы прокатиться первенские армейцы. На броне Вик рассмотрел отчётливые отметины от пуль и тёмные пятна от огня. Машина явно отслужила свой срок верой и правдой. Похоже, что после активного использования на фронте её списали для езды по городу, где воины Союза не ожидали от врага превосходящей огневой мощи и могли без страха ездить даже с поношенной бронёй. Либо так, либо же у сааксцев была нехватка транспорта, и они использовали любую мало-мальски рабочую технику до полного отказа.

Рядом стояли грузовики с кузовами, закрытыми брезентом, в которых дожидались ещё солдаты генерала. Увидев Сару с Виком, они ощутимо занервничали и начали активно переговариваться.

— Мне сказали, что нас встретят, — сказала Паркер. — Но почему-то никого нет…

— Приятно видеть, что вы уже здесь.

Вик и не заметил, как рядом с ними будто из-под земли возник седой старик с длинными волосами, в которые были вдеты перья. Его щёки были покрыты широкими красными полосами, а глаза подкрашены золой. В отличие от солдат, одет он был не в песочную форму, а в джунглевый камуфляж. На шее у него висело ожерелье из мелких костей, а с пояса свисал человеческий череп.

Сара на замечание старика лишь нахмурилась.

— Кто вы? Вы нас знаете?

— Можно сказать и так. Меня зовут Арстан. Когда-то я был наставником Насифа. Я здесь, чтобы проводить вас.

Лицо Паркер тут же прояснилось.

— Конечно, отлично. Я и не думала, что мы встретимся. Насиф много хорошего рассказал о вас.

«Да, — подумал Вик, — и он хорошо дал понять, что старик не в восторге от Союза. Но он же приходил к Аноре, чтобы заключить перемирие? Чего он хочет на самом деле?»

— Он был отличным учеником, — сказал старик. — Жаль только, что решил пойти против воли народа. Пойдёмте.

Они прошли вдоль колонны грузовиков и завернули в едва заметную улочку, где их ждал приземистый внедорожник, с которого местами слезла краска. За рулём уже сидел солдат. Старый шаман сел спереди, а Вик с Сарой запрыгнули назад. Благо, пространства хватало, и экзоскелет не помешал влезть внутрь. Водитель завёл машину и покатил вперёд. Не прошло и нескольких минут, как они выехали на большую дорогу, с которой просматривался город.

Похоже, они находились на окраинах, где жили, в основном, бедные касты. Многоэтажек оказалось не так уж и много, в основном, всё было застроено невысокими, но широкими зданиями. Оборванные и усталые люди, ходившие по улицам, сказали Вику об этих кварталах всё, что он должен был знать.

Даже отсюда виднелась монструозная постройка с кучей куполов и шпилей, покрытая золотом и отражающая солнечные лучи на город внизу. Роскошные здания вокруг неё казались детьми, собравшимися вокруг родителя. Несмотря на всю внешнюю дороговизну, они не шли ни в какое сравнение со дворцом.

«Центр и окраины, — пронеслось в голове Вика. — Чем больше вещи разнятся, тем больше они похожи».

Как две цивилизации по разные миры друг от друга сумели сделать такие одинаковые ошибки? Было ли дело в человеческой натуре или же всю вину стоило возложить на Освободителя, который стал богом и первенцев, и сааксцев?

Вик не мог не заметить, как они постоянно проезжали мимо колонн солдат, двигающихся в одном направлении. Прикинув, Вик понял, что все они маршировали на север. Генерал не солгал: город готовился к осаде, которая должна начаться очень и очень скоро.

— Так много солдат, — протянул он.

— Первенцы подходят всё ближе, — сказал старик, не оборачиваясь. — Их даже можно услышать, если хорошенько прислушаться к Миру. Многие теперь задумаются, кому они подчинялись и для чего. Очень многие.

Солдат, сидевший за рулём, усмехнулся. Этот короткий смешок и многозначительная фраза старого шамана вдруг заронила шальную мысль в голову Вика, которую он чуть не отмёл, как нелепую.

«Какова вероятность, что наставник Насифа тоже действует против полковника?»

— Вы сказали, что Насиф пошёл против воли народа, — осторожно произнёс Вик. — И вам жаль, что он это сделал. Почему?

Старый шаман повернулся. В его глазах промелькнуло понимание того, что за игру сейчас с ним затеяли.

— Потому что он стал изгоем, — сказал Арстан. — Он посмел сомневаться, стоили ли все жертвы того, чтобы в итоге нас вёл чужеземец.

— Вы это о полковнике? — с подозрением спросила Паркер. — Вы в нём сомневаетесь?

— Ни в коем случае, — быстро оборвал себя шаман и отвернулся. Но Вик понял, к чему всё идёт. В его груди снова разгорелся огонь надежды.

Они ехали ещё около получаса, прежде чем доехали до места назначения. Дворец окружали несколько стен с воротами, у которых дежурили вооружённые солдаты. Рядом находились укреплённые сторожки из бетона с бойницами. Когда внедорожник начал подъезжать, бойцы тут же взяли его на прицел. Не успел солдат подойти для проверки документов, как водитель уже приложил к стеклу жёлтый листок бумаги, от вида которого охранники торопливо засеменили к воротам. На остальных КПП они даже не останавливались.

Въехав во внутренний двор, они вылезли из автомобиля и прошли через вход с огромной аркой. Лицевая её сторона была выложена мелкой мозаикой и изображала перевёрнутую пятиконечную звезду. Каждое остриё указывало на небольшую фигуру с крыльями за спиной. «Пять ангелов Отца? Ведь так говорил Насиф?»

Пока Вик вспоминал детали, они уже прошли через холл, украшенный барельефами и скульптурами воинов древности. Громадные, высеченные из камня бойцы в доспехах и с копьями, казалось, смотрели с жалостью на маленьких людишек внизу. Вик не мог поверить своим глазам: некоторые из скульптур в точности походили на солдат Освободителя из видения Ли.

Неужели Карас и был тем последним городом, в котором когда-то обретался Процесс? От этой мысли у него потянуло где-то под сердцем.

Он уставился вниз и заметил, что пол покрывали дорогие ковры. Похоже, вручную сплетённые мастерами. На них не было ни единого следа, во всяком случае, до того, как по ним прошлись гости. Даже Дворец короля не позволял себе подобной роскоши — и это при наличии утилизаторов.

Каждые несколько метров дежурили гвардейцы в парадных шинелях с винтовками, к которым были примкнуты штыки. Вик заметил, что они провожали чужаков настороженными, а иногда даже откровенно враждебными взглядами, но с мест не сходили.

В вестибюле с десятками винтовых лестниц вдоль стен их ждали люди в халатах с замысловатыми узорами, вышитыми золотой нитью. Шаман вышел вперёд и что-то сказал. Те ответили понимающими кивками и показали в сторону одной из лестниц. По ней они поднялись на третий этаж и затерялись в бесчисленном сплетении коридоров. В одном этом дворцы короля и совета старейшин ничем не отличались: заплутать здесь было легче лёгкого.

Наконец, шаман привёл их к дверям, возле которых дежурило не меньше двух десятков солдат. В отличие от тех, что были в холле, эти не носили парадной формы. Напротив, одежда некоторых была перепачкана в грязи и виднелись даже пятна крови. На Сару они старались не смотреть. Распахнув двери, они впустили гостей в роскошную комнату, полную дорогой мебели. Всё выглядело настолько чистым и красивым, что Вик даже слегка постеснялся своего ужасного вида.

— Можете прилечь, — сказал старый шаман, плюхаясь на одно из кресел. Сара расположилась напротив него. Вик внимательно посмотрел на диван и прикинул, сможет ли он выдержать вес человека в экзоскелете. Ножки показались ему слишком тонкими и элегантными, чтобы выдержать такую нагрузку, поэтому он махнул рукой, показав, что предпочтёт стоять.

— И вот здесь мы будем ждать прибытия Эймса? — спросил он, кивая на шторы с золотыми кисточками. — Не слишком ли много чести для чужеземца?

— Когда-то здесь обретались старейшины Большой Пятёрки. Чести в самый раз.

Вик попробовал зайти с другой стороны.

— Неужели ваши кланы не против ареста совета старейшин? Я-то думал, у вас строгая выборная система, а тут приходит какой-то генерал и устраивает военный переворот. Неужели никто не стал сопротивляться?

— Действительно, скажите, мне тоже интересно, — поддакнула Паркер, откидываясь на мягкую спинку кресла. На её лице отразилось блаженство.

— Кланы в ярости, — сказал Арстан. — Многие верили в пророчество и не любили совет — и всё же, стоило ли это того, чтобы отдать судьбу нашего народа в руки чужеземцу? Похоже, генерал Хамид считает себя в полном праве принимать такие решения. А главное, он не постеснялся оскорбить традиции: когда несколько глав кланов бросили ему вызов, как воину, он просто кинул их в темницу. Вы не представляете, что значит плен для воина.

Лучше уж смерть. Такое пятно на чести просто так не смыть. Раньше за нежелание убить соперника совет мог лишить привилегии управлять кланом. Но Хамид теперь сам себе хозяин.

— Раз так, почему бы просто не убрать его? Я слышал, у каждого клана есть свои воины.

— Да, но за плечами генерала армия, в которую понабрали неприкасаемых — и Хамид убедил их, что первенцы хоть и являются врагами, всё же, важнее побороть «паразитов» внутри Караса. Так он назвал кланы и касты. Генерал сулит, что в новом обществе все будут равны. Естественно, армия в нём души не чает.

Вик чуть не захохотал. Проклятие, почти настигшее Синдикат, ударило и по Союзу: независимые от власти вооружённые силы, призванные не допустить концентрации мощи в одних руках, решили сами ставить остальным условия. Был во всём этом некий фатализм.

— И что же теперь? Все сидят тише воды, ниже травы? Ждут, когда генерал оступится и расшибется об острый угол виском?

— Было бы обидно, если бы никто не попытался остановить полковника, — лениво протянула Паркер, рассматривая ногти. Вик бросил на неё короткий взгляд, пытаясь понять — неужели весь этот разговор её не настораживает? Но девушка снова закрыла глаза и растеклась по креслу. Казалось, ей вообще плевать, что идёт беседа о сопротивлении главному союзнику Эймса.

— Очень много людей, готовых плюнуть на всё и схватиться с генералом, — сказал старый шаман. В его голосе что-то изменилось. Он и сам не сводил взгляда с Паркер. Поза его стала напряжённой и неестественной. — И большинство из них уже во дворце, ждёт, когда генерал прибудет вместе с чужеземцем. Лучшие воины кланов обрушат всю свою ярость на изменника и покончат со всеми древними суевериями. А затем наступит мир.

На этих словах Сара оживилась. Выпрямившись в кресле, она заразительно улыбнулась и сказала:

— Красиво, что сказать. Вот только вы не учли одного: полковнику прекрасно известно о ваших планах.

Она вдруг резко встала и сделала несколько шагов к дверям.

— Снаружи нас ждут люди генерала, — процедила Сара. Её лицо приняло ожесточённое выражение. — Они начнут с того, что убьют вас, а затем расправятся с остальными заговорщиками во дворце. Бежать вам некуда, потому что солдаты уже берут под стражу все выходы.

— Мы их не боимся, — сказал шаман, но напряжение в нём никуда не исчезло. — Так продолжаться не может. Мы будем биться до последней капли крови и не остановимся, пока не умрём — либо пока не наступит мир. К тому же, капитан на нашей стороне.

Вик посмотрел на Арстана. В его глазах он прочитал почти что мольбу. Пусть ученик уже давно ушёл от него, между ними всё же сохранялась связь. «Насиф сказал, что возможность сбежать может представиться очень и очень скоро. Он знал. Он держал его в курсе событий. Каким-то образом, он сумел передать, что я пойду против Эймса. И они бросили все силы, чтобы помочь мне выбраться. Чтобы я помог им остановить полковника».

Даже когда он убивал людей для короля, чтобы остановить войну между Домами, он не чувствовал на своих плечах такой ответственности. Весь мир сейчас висел на волоске — и от его решения зависело, сорвётся ли он вниз, в пучины хаоса.

— Капитан на вашей стороне? — протянула Паркер. — Вы это знаете? Вы в этом так уверены? Что же, вот воины кланов — не очень. Они ведь прилично здесь пробыли. За это

время генерал позаботился, чтобы во все отряды внедрились его люди и распространили слух о том, что капитан всецело поддерживает полковника.

— Не может быть! — почти что крикнул шаман. Вик не ожидал, что наставник Насифа выйдет из себя. Тут до него и дошло: они попались.

— Теперь вы понимаете, капитан? — улыбнулась Сара.

— Это тест на верность? — процедил Вик. Паркер кивнула.

— Полковник до сих пор не может поверить, что вы отвернулись от него. Он не хочет вас убивать, поэтому нужна была проверка. Я сама вызвалась, чтобы этим заняться. Я знала, что вы попытаетесь сбежать, увидев, будто бы меня отправили с вами в одиночку. К тому же, активизировались бы заговорщики, пытающиеся остановить наш план, — Паркер посмотрела на шамана и покачала головой. — И действительно, вы набросились на эту возможность, как голодная собака на кость. Неужели вы в таком отчаянии?

— Ты просто не понимаешь, что такое настоящая верность принципам, — шаман выразительно сплюнул на дорогой ковёр.

— Вот как? Ладно. Вы показали свои цвета, капитан. И всё же, полковник даёт вам выбор: отступитесь. Примите нашу сторону, и вы не пострадаете. Вы сможете не только увидеть, но и поучаствовать в рождении нового мира. Попробуете сопротивляться: что же, вас ждут не только бойцы генерала, но и воины кланов, свято уверенные, что вы пришли их убивать.

— Даже если я сдамся, вы всё равно перебьёте здесь всех, — сказал Вик, насупив брови. Его бесили наручники, бесило отсутствие бронелистов, бесили ограничители на сервомоторах. Он был абсолютно беспомощен. И пока ему кто-нибудь не поможет, он так и останется безвреднее мишени в тире.

— Заговорщики свой выбор сделали, когда решили пойти против возвращения Бога, — тон Сары был неумолим. — Подумайте о себе! О потраченном времени и силах. Мы спасём вас! Спасём всех!

Вик повернулся и посмотрел на шамана. Тот едва заметно ему кивнул. «Что же, хорошо».

— Ладно. Ладно! — Вик поднял в примирительном жесте руки, скованные наручниками. — Твоя взяла. Я действительно хочу посмотреть, что же сотворит твой полковник.

Шаман тоже поднял руки и сел на колени перед Паркер. Опустив голову, он вымолвил:

— Я не хочу напрасной крови. Пожалуйста, можешь взять меня, но пощади бойцов. Пусть их отпустят. Они ни в чём не виноваты и лишь исполняют волю кланов.

— Мы ещё об этом подумаем, — сказала Паркер. Она сняла с пояса наручники и двинулась к шаману. Когда она подошла достаточно близко, Арстан бросил на Вика полный огня взгляд.

«Только не подведи», — взмолился Вик, посмотрев на экзоскелет. Он собрал все свои силы и вложил их в один короткий рывок в сторону рулевой. Как он и ожидал, ограничители не позволили ему сделать полноценное движение: он просто запнулся и повалился вперёд. Но и этого хватило.

Он повалил Паркер на пол, накинул цепь наручников ей на шею и начал тянуть, прижав колено к её спине. Не прошло и пары мгновений, как послышался пронзительный хруст костей. Рулевая даже не успела застонать. Её голова вывернулась под неестественным углом, изо рта вывалился язык, а глаза налились кровью. Вику показалось, что в её затухающем

взгляде промелькнуло сожаление, будто она не могла поверить, что её так легко обвели вокруг пальца. «Глупости. Она умерла до того, как успела что-то понять».

Во всяком случае, ему хотелось так думать.

— Спасибо, — промолвил шаман, вставая с колен и помогая Вику подняться. Вик старался не смотреть на тело рулевой. Его обуяло чувство, которого он не испытывал уже очень давно: стыд за убийство.

«Она твой враг. Она пошла на это добровольно. Она бы убила тебя, если бы ты не сделал этого».

Он всё-таки заставил себя посмотреть на щуплое тело, лежавшее в его ногах. Глаза будто продолжали смотреть на убийцу и молча осуждать его.

«Мне нечего было терять, — послышалось Вику. — Я хотела спасти мир…»

Он замотал головой, пытаясь отделаться от миража.

— Она что-то сказала? — вдруг спросил его Арстан.

— Что?

— Я спрашиваю, сказала ли она что-то?

— Мертвецы не разговаривают, — процедил Вик. Он знал, что старый шаман над ним не насмехается. Он знал, что Мир говорит. Он просто старался выбросить слова из головы, иначе они точно будут преследовать его до конца жизни. — И что же теперь?

— Теперь… — протянул шаман, — теперь мы будем драться.

Вик бы засмеялся, если бы не труп девчонки у его ног.

— С этим? — он потряс цепью наручников и кивнул на ограничители, вставленные в экзоскелет. — Не говоря уже о том, что у меня даже нет теперь брони.

— Подожди, неужели он тебе не сказал? — старый шаман прищурился, будто пытаясь понять, не врёт ли Вик. — Он не сказал тебе про твой костюм?

— Кто? Насиф? Он ничего мне не говорил.

— Очень странно, — старый шаман потёр подбородок. — Обычно, нужно хорошенько сосредоточиться, иногда предварительно помедитировать, чтобы увидеть эту энергетику. Но твой костюм просто пышет тьмой, я вижу это даже невооружённым глазом.

Вик снова осмотрел свой экзоскелет, будто увидел его в первый раз. Он почувствовал странное шевеление в груди. До его слуха донёсся шёпот, похожий на шелест:

«Ты ведь всегда знал».

«Да, — подумал Вик. — Я всегда знал. Просто не хотел признавать».

— Такая же аура и у ваших утилизаторов, — сказал шаман. — Я могу подпитать его. В Карасе полно энергии, но кроме нас с Насифом никто так и не научился её точечно перенаправлять. Держитесь, капитан. Может быть очень неприятно.

Арстан положил на плечо Вика руку. Ничего не произошло.

— Что… — открыл было рот Вик и тут его пронзила чудовищная боль. Казалось, что позвоночник превратился в столб огня, а каждую частичку тела выворачивало наизнанку. Он заорал, но крик его превратился в скрип шестерней. Тьма окутала его, обняла и приютила. Он оказался в центре бесконечности, обнажённый, одинокий, забытый всеми.

«Почему я здесь?» — спросил он. Тьма ему не ответила. Лишь пронзила его тело волнами, расщепила, а затем снова собрала в бывшей комнате старейшин Караса — Последнего Города.

Он открыл глаза и увидел шамана, держащего дверь под прицелом винтовки. Солдаты генерала до сих пор не штурмовали комнату: видимо, решили дождаться, когда они выйдут

сами. Вик приподнялся и сел. Он не мог понять, что именно изменилось, хотя и чувствовал: всё уже совсем не так, как прежде. Он посмотрел на свои руки и тело.

— Не может этого быть… — протянул он.

Экзоскелет не просто восстановился: он преобразился. Из костюма с бронепластинами он превратился в иссиня-чёрный доспех, поглощающий весь падавший на него свет. Вик с лёгкостью поднялся на ноги, совершенно не чувствуя собственной тяжести. Он стал лёгким будто пёрышко. Никогда ещё он не ощущал столько силы в своём теле. Вик посмотрел за спину. Ранец всё так же был там. Наружу вылез манипулятор и почти что с нежностью протянул носителю шлем. Вик повертел его в руках, не узнавая то, что когда-то было просто баллистической маской. Общие очертания сохранились, но материал и исполнение отличались кардинально. Когда он постучал по поверхности шлема, стука не раздалось — будто пропадал не только свет, но и звук.

— Как я и думал, — подал голос шаман, не сводя взгляда с дверей. — Насиф сказал, что это стоит увидеть своими глазами. Он тоже не поверил, когда увидел. Боевая система Древних, живой доспех. Где вы его нашли?

— Я… я не знаю, — протянул Вик.

«Прекрасно знаешь».

— Всё это время он был с вами, но не раскрывал своей формы. Интересно. Насиф передал, что он сначала просто прочёл ауру, но подумал, что ему она почудилась. Когда же вы прибыли в храм полковника, костюм начал источать всё больше и больше тьмы, оживать.

— Полковник отнял его у меня, — сказал Вик. — Может, за это время его люди сделали что-то с экзоскелетом?

— Нет, сомневаюсь, — покачал головой старый шаман. — Чужеземцы на такое не способны. Да и большинство сааксцев тоже. Нет, скорее, сама система начала реагировать на приближение к другим, подобным ей. Я знаю, что у полковника есть несколько приближённых в таких же доспехах, верно?

Вик вспомнил о зелотах. По виду, его экзоскелет действительно напоминал броню детей Саргия.

— Да, верно. Но я думал, что комплектов всего пять. Мне говорили, будто Освободитель изготовил их для последователей его апостолов.

Шаман грустно улыбнулся.

— Освободитель и Отец — одно и то же лицо. А у Отца было пять ангелов. И, согласно легендам, они покинули нас. Ушли на север.

— Значит, доспехи прибыли в Первый Город из Караса, — Вик нахмурился. — Но это не объясняет, откуда у меня такой же!

— Действительно, не объясняет, — сказал Арстан. — Но вы здесь и у вас он есть. А значит, мы сможем побороть полковника. Насиф не врал, когда сказал мне, что с вами мы одержим победу. Я рад, что решил вас спасти.

Он снова бросил короткий взгляд на дверь.

— Почему они не штурмуют комнату? — спросил Вик. — Боятся?

— Вряд ли, — покачал головой шаман. — Наверное, считают, что мы здесь заперты. Других выходов у нас нет. К тому же, полковник не хотел, чтобы вы погибли, верно?

Вик сжал кулаки.

— Похоже, теперь я смогу показать ему, что стоило убить меня с самого начала. Я сомневаюсь, что теперь он прибудет во дворец. Куда ещё он может отправиться?

— Разберёмся с этим, когда выберемся, — ответил шаман. — Он обязан прибыть в Карас, иначе его планам грозит крах. Выследить его не будет такой уж проблемой.

— Хорошо, — кивнул Вик. — Тогда будем прорываться с боем? А что же насчёт бойцов кланов? Ведь они попытаются нас остановить?

— Мы можем позволить себе не убивать их, — сказал шаман. — Такой доспех ничего не сможет пробить. Тем не менее, надо убедить, что мы на их стороне. Предотвратить панику и хаос. Они должны встретить солдат генерала единым фронтом, а не разрозненными группами — иначе в дальнейшем у нас не будет ни единого шанса выиграть.

— Попытка не пытка, — сказал Вик и махнул шаману рукой, сосредоточившись взглядом на дверях. — Отойдите подальше. Когда я вырвусь наружу, они встретят меня шквальным огнём. Будет обидно, если вас зацепит.

Шаман послушался, перевернул одно из кресел и спрятался за ним. Не ахти какое укрытие, но сойдёт. Вик прищурил глаза. Ему почудилось, будто он видит солдат, стоявших за стеной. Чувствует запах их пота, что градом скатывается по лбам и спинам. Ощущает напряжение, пронзающее их мускулы, и страх, который охватывает их всё сильнее с каждой секундой.

Им приказали здесь стоять до последнего и предотвратить побег капитана и его сообщников. Но они уже слышали странные звуки изнутри. Даже до самых тупых дошло, что белая девчонка, которая привела пленников, мертва. И хоть их противник скован, была причина, по которой генерал их сюда поставил, а затем приказал оцепить весь дворец, переполненный враждебными солдатами кланов. Все они понимали важность миссии — и все они понимали, что многие просто не выживут. В истории наступил переломный момент, её шестерёнки и жернова заработали в полную силу. И теперь она точно никого не пощадит.

Вик встряхнул головой и вернулся в реальность. Перед ним была обычная дверь, за которой, похоже, его ждали охваченные ужасом солдаты. Он размял кулаки, а затем одним движением бросился вперёд.

Со всех сторон послышались крики. Его прорыв был подобен взрыву. Грохот оглушил бы Вика, если бы шлем не отрезал слишком громкие звуки. Разлетевшимися во все стороны щепками зацепило нескольких бойцов: один воин лишился глаз и теперь вопил от невероятной боли, прижимая ладони к израненному лицу.

Вику показалось, будто время замедлилось. Солдаты генерала двигались со страшной неторопливостью, их крики будто доходили до него через несколько слоёв шерсти. Схватив ствол винтовки ближайшего бойца, Вик дёрнул на себя, выставив вперёд кулак. От удара голова бедолаги разлетелась как переспелый фрукт. Вик успел перехватить труп и запустить его в соратников солдата. Хруст костей и хлюпанье плоти быстро донесли, что столкновение вряд ли кто переживёт.

Ещё двое принялись колоть Вика штыками, пристёгнутыми к винтовкам. Вик ударил одного наотмашь: тот с криками отлетел в другой конец коридора, оставляя за собой кровавый шлейф. Второй, увидев произошедшее, тут же бросил винтовку и попытался бежать. Вик успел схватить его за шею и поднять над землёй. Боец показался ему ужасно лёгким, ему даже не приходилось напрягать руки, чтобы держать его на весу. Оставшиеся солдаты завороженно глядели на него, не веря своим глазам. Ещё сильнее сжав шею противника, Вик свободную руку положил ему на плечо и резко потянул вниз. С треском голова отделилась от тела, солдат даже не успел закричать от боли. Голову Вик бросил под ноги выживших, которые продолжали смотреть на него.

Присмотревшись, Вик понял, что сааксцы смотрели не на него.

Не успел он обернуться, как за спиной послышался вскрик. Противник, пытавшийся атаковать со спины, сделал несколько шагов вперёд и согнулся, пытаясь поймать вываливающиеся кишки. Манипулятор с клинком, выпрыгнувший из ранца, сделал взмах в сторону врагов, обрызгав их кровью.

Только тогда они побежали. Вик успел поднять одну из винтовок со штыком и запустить её вслед солдатам, как дротик. Бросок вышел настолько сильный, что оружие не просто поразило убегавшего, а пронзило его насквозь и застряло ровно посередине.

Шаман вышел из комнаты, оглядел трупы и произнёс:

— Система действительно невероятно страшная. Столько силы — и всё для одного человека. Не удивлён, почему Отец все силы приложил, чтобы уничтожить эти доспехи.

— Всё же, где-то нашёлся один лишний, — сказал Вик. — И почему-то полковник решил вернуть его мне, хотя должен был знать, что я просто сбегу.

— Некогда задавать вопросы, — сказал шаман. — Нужно двигаться.

— Догоним убегающих?

Как только слова покинули уста Вика, из коридора, в который завернули солдаты генерала, раздались выстрелы и крики. Шаман насторожился и протянул руку, показывая, что им нужно подождать. Не прошло и минуты, как им навстречу вышли несколько гвардейцев дворца: точнее, солдаты кланов, задумавших переворот.

Увидев трупы и Вика в тёмном доспехе, перемазанном кровью, они начали кричать угрозы, тыкать в него оружием и занимать боевые позиции.

— Вы сможете их убедить не стрелять? — спросил он у шамана.

— Я попытаюсь, — ответил Арстан, поднял руки и вышел вперёд. Откашлявшись, он выкрикнул: — Вам солгали! Мы не поддерживаем чужеземца! Этот человек пленник полковника, а не его союзник!

«Я его понимаю, — вдруг подумал Вик. — Ведь он говорит на саакском, но я его понимаю. Как?!»

— Все вы видели, что он пришёл сюда в цепях! — продолжал Арстан. — Они пытаются рассорить нас, пока солдаты генерала берут дворец в оцепление! Не дайте им задушить сопротивление, не играйте им на руку!

— Заткнись, старик! — выкрикнул один из бойцов и выстрелил. Не успела пуля долететь до цели, как перед ней уже стоял Вик. Кусочек свинца со звоном врезался в нагрудник и упал на пол, вызвав хор удивлённых откликов. Вик и сам не понял, что произошло: одну секунду он стоял на прежнем месте, а уже в другую оказался здесь. Удивление, однако, долго не продлилось: за первым выстрелом раздался второй, а за ним и третий. По нему открывали шквальный огонь, который должен был разорвать его на куски. Но доспех с лёгкостью принимал всё, что бы в него ни прилетало. Вик даже не шелохнулся, хотя был бы ранен уже десятки раз, будь он в экзоскелете. Даже прилетавшие в шлем пули не заставляли его дёргаться. Казалось, доспех просто проглатывает все снаряды, попадавшие в него.

Когда у солдат кончились пули, он прошагал вперёд. Бойцы запаниковали, но Вик поднял руки и произнёс:

— Я не пытаюсь причинить вам вреда. Я прибыл, чтобы остановить полковника. И вы мне в этом поможете, так?

Некоторые воины замешкались, но тут вперёд выбежал старый шаман и добавил:

— Наш народ увёл по дороге греха лже-мессия. Но человек перед вами — настоящий посланник Отца. Ему абсолютно нипочём любая угроза. И он сделает всё, чтобы остановить змея, опутавшего нашу великую страну. Скажите, вы с нами?

Сначала кивнул один солдат, потом другой. Через несколько мгновений все бойцы улыбались и начали кричать:

— Мы их в порошок сотрём!

Арстан довольно ухмыльнулся, повернувшись к Вику.

— Видите? Я же говорил, что у нас получится.

— И правда, — пробормотал Вик.

Перед его мысленным взором возник молодой парнишка-первенец, которого он пристрелил, когда сбегал из лап двойника Томми.

«И после стольких бессмысленных жертв мы щадим саакских бойцов?» — спросил он себя.

«Порадуйся, что хоть сейчас тебе не пришлось убивать, — ответил голос. — Все они умрут. Но не сегодня».

— Мы можем попробовать связаться с остальными отрядами, — сказал невысокий солдат, совсем ещё мальчишка. Не старше того, которого убил Вик в тюрьме Эдема. — Сообщить им, что нас пытались одурачить.

— С нами уже связались, — вдруг ввязался в разговор боец постарше. — Вы были правы, солдаты генерала берут дворец в осаду. Большая часть выходов уже перекрыта. Что нам теперь делать?

Вик сжал кулаки.

— Как что? Встретить их с распростёртыми объятиями. Не бойтесь. Я смогу вас всех защитить.

***

Он не смог.

Бойцов генерала было слишком много. Они окутали его словно саван. Ему пришлось прорываться через них словно через реку с бешеным потоком. Каждый его взмах забирал по несколько жизней сразу, вот только казавшийся изначально лёгким доспех становился всё тяжелее и тяжелее. И пока Вик рвал на части, пинал, дробил и растаптывал врагов, его отряд подопечных быстро таял. Кто-то от взрывов, кто-то от ловушек, кто-то от засад. Во дворце хватало насквозь простреливаемых коридоров, и они три раза успели попасть под перекрёстный огонь. Вик хотел было попросить бойцов остаться позади, но вскоре понял: рядом с ним всё же безопаснее.

Они успели объединиться с ещё несколькими группами солдат кланов, прежде чем столкнулись с воинами генерала. Вик уже сбился со счёта, скольких он успел убить за это короткое время. Доспех, даровавший ему невероятную силу, сейчас казался бременем, тянущим к земле. Вику не грозила опасность, зато каждое мгновение промедления стоило жизней. Радовало только, что Арстана ни разу не задело.

Он прорвал несколько баррикад, подавил пять пулемётных точек, рассеял почти пару десятков отрядов, прежде чем они добрались до выхода. Казалось что кровь, покрывавшая доспех, запеклась и тормозила движения. У главных ворот их ждало, по меньшей мере, сорок солдат. Совсем немного, но учитывая их выгодную позицию, сдержать они могли и пару

сотен противников.

Вик быстро вырвался вперёд, приготовившись принять весь огонь на себя, но сааксцы почему-то не стреляли. Он успел пробежать половину пути, прежде чем резкий толчок в грудь остановил его и отбросил назад. Удар выбил воздух из его лёгких, в глазах потемнело. Вик наклонился и упёрся ногами в пол, чтобы не завалиться на спину. Выставив кулаки, он приготовился встретить новую угрозу.

— Стоит мне начаться сомневаться, как мир доказывает, что полковник был прав.

Посреди коридора неторопливо шагал вперёд зелот в чёрной броне. Искажённый маской голос явно принадлежал Володе: его выдавали и акцент, и привычка растягивать слова, чтобы скрыть его. Вик опустил кулаки и двинулся навстречу мальчишке.

— В чём же именно он был прав?

— В том, что любые моральные принципы для тебя просто пшик. Ты ведь убил эту девчонку, Сару, верно?

Вик остановился в метре от зелота.

— Ей не стоило меня предавать.

— А она клялась тебе в верности? — Володя хмыкнул. — Даже король не настолько обнаглел, чтобы требовать от солдат клясться ему. Нет, они обещают защищать Первый Город. И именно это она и делала. Пока ты её не прикончил.

— Она шла на поводу у безумца. Так же, как и ты.

— Полковник не безумец. Но мы всё это уже обсуждали. Он давал тебе один шанс за другим — и ты отверг все. Пришло время умирать.

Володя замахнулся, но не успел опустить кулак, как Вик перехватил его и ударом локтя отправил зелота в полёт. Сын Саргия пролетел почти десяток метров, прежде чем приземлился, оставив в каменном полу длинную борозду. С кряхтением он поднялся на ноги. На его нагруднике осталась значительная вмятина, которая через пару секунд начала выпрямляться.

— И здесь полковник был прав, — сказал Володя, громко восстанавливая дыхание. — Взять тебя будет не так-то просто.

Стоило доспехам соприкоснуться, как тяжесть, одолевавшая Вика, мигом куда-то пропала. Он почувствовал себя даже легче, чем когда пробудился в комнате старейшин. Его тело переполняла энергия. Ему хотелось бегать, биться и, сильнее всего, убивать. В один прыжок он оказался рядом с Володей и попытался снести ему голову кулаком. Зелот успел увернуться и нанёс два удара по бокам противника. Вик чуть не задохнулся. Сжав зубы, он сделал шаг назад, избежав ещё пары выпадов, перехватил Володю за запястье и дёрнул на себя. Свободной рукой он нацелился на шлем зелота, но мальчишка придал себе ускорения и нырнул под удар. Падая вперёд, он выставил левое плечо и кувыркнулся, погасив энергию.

Не успел он подняться на ноги, как Вик обрушил на него целый град тычков. Он помял наплечник, нагрудник и бока, прежде чем зелот ловкой контратакой отправил его прямиком в стену. Удар был настолько силён, что, казалось, весь дворец затрясся. Повсюду пошли трещины, с потолка осыпалась штукатурка. Зелот в один миг оказался рядом с Виком и начал с садистским удовольствием мутузить его кулаками.

Нагрудник так сильно прогнулся, что Вик почувствовал хруст рёбер. Он поставил было блок, но Володя расцепил его руки и нанёс удар головой, отчего шлем Вика тут же треснул прямо посередине. Он почувствовал, как по лбу течёт кровь. Сознание начало спутываться, мир потемнел. Вик чувствовал, что слабеет.

«Вот и всё».

Где-то вдалеке раздались выстрелы, и град свинца обрушился на зелота, заставив его вскрикнуть от неожиданности. В дело вступили солдаты кланов. Бойцы генерала не остались в стороне и открыли ответный огонь. Теперь Володю утюжили пулями с обеих сторон. Пусть они и рикошетили, не причиняя ему вреда, всё же, импульс от ударов заставлял его пошатываться.

На Вика же свинец не оказывал никакого влияния.

Собрав все силы, он бросился вперёд, с криком врезался в зелота и повалил его на землю. Володя отбивался, целясь в маску. Удары были настолько сильны, что один из них помял шлем и сломал Вику нос. Хлынула кровь, дыхание перехватило. Вик тут же набрал ртом воздуха, поймал один из кулаков Володи и второй рукой ударил ему в локоть. Зелот завизжал от боли и ужаса. Он инстинктивно схватился за обвисшую конечность, оставив шлем без защиты.

Вокруг Вика разыгралась буря. Со всех сторон летели пули, люди убивали и умирали, кровь текла рекой. От грохота можно было оглохнуть. Но для него ничего в мире не было столь важно, как маска, прикрывавшая лицо врага. Схватив Володю за голову, Вик начал дубасить его затылком об пол. Во все стороны летели каменные крошки, дворец продолжал сотрясаться, а Вик всё бил и бил. До тех пор, пока весь шлем Володи не покрылся трещинами и не начал лопаться.

Только тогда Вик отпустил сына Саргия. Поднявшись на ноги, он повернулся к бойцам генерала, распростёр руки и встретил град пуль, словно грешник, искавший очищения в каплях дождя. Доспех поглотил абсолютно всё. На мгновение все сааксцы остановили огонь, будто пробудились от кровавого безумия, опустили винтовки и начали переглядываться.

— Уходите отсюда, если хотите жить, — сказал Вик солдатам генерала. Его голос, изменённый маской, походил на грохот сотен машин. — Иначе я никого не буду жалеть. Даю вам последний шанс.

Никто не сдвинулся с места. Впрочем, ничего другого Вик и не ожидал. Когда он ринулся вперёд, огонь возобновился. И так же скоро затих.

Через десять минут выжившие солдаты кланов заняли оборонительные позиции у входа дворца. Вик же, весь измазанный кровью, сидел посреди тел и пытался перевести дыхание. На него снова навалилась невыносимая тяжесть. Пока он приходил в себя, Володя успел подняться и проковылять к нему, придерживая сломанную руку.

— Это ты зря, — заметил Вик, поднимаясь на ноги. Его доспех уже успел восстановиться: помятый нагрудник выпрямился, а со шлема исчезли трещины.

— Я буду сражаться с тобой до последнего, — прохрипел Володя. Не успел он сделать и десятка шагов, как запнулся и рухнул на колени. Вик подошёл ближе и стянул с его головы треснувший шлем. Мальчишка выглядел хуже некуда: изо рта и носа текла кровь, в глазах лопнули сосуды, мокрые от пота волосы спутались и прилипли к щекам. Но гримаса на лице чётко давала понять: ничего кроме презрения зелот к Вику не испытывал, даже сейчас, стоя перед ним на коленях.

К Вику подошёл Арстан, положил ему руку на плечо и произнёс:

— Я сообщил кланам, что ты с нами. Первое столкновение с бойцами генерала прошло не лучшим образом. Но у нас всё больше и больше сторонников. Сюда идут подкрепления. Совсем скоро мы вычистим всех псов Хамида.

— И что тогда? — спросил его Володя, обнажая треснувшие зубы. — Вы остановите

полковника, убьёте генерала, вернёте старейшин. А что дальше? Будете сражаться с первенцами, как и до этого?

Вик повернулся к шаману, ожидая ответа. Но Арстан молчал, не сводя взгляда с зелота.

— Вот какие у тебя союзники, капитан, — Володя издевательски рассмеялся. — Хамид понимает, что полковник прав. Наши народы не должны воевать, ведь у нас один бог. Эти ребята же просто используют тебя, чтобы продолжить бороться с Первым Городом за власть над миром. Скажи мне, что дальше, а? Что дальше?!

— Остановите полковника, — сказал шаман. — Когда совет старейшин восстановит власть, он прикажет прекратить боевые действия. Учитывая, как всё обернулось, никто не будет против. Пророчество оказалось ложью. Мы отдали бразды правления чужеземцам и предателям. А уж после такого лучше худой мир, чем хорошая война.

Зелот снова рассмеялся.

— Как только ты остановишь полковника с генералом, старейшинам уже ничто не будет мешать. Они набрали достаточно энергии. Как только последняя угроза для них исчезнет, они перенесут в Первый Город всю армию — либо же сам Карас!

Стоило ему это сказать, как земля затряслась. Сначала Вик подумал, что начался артиллерийский обстрел — вот только свиста снарядов он не услышал. На горизонте занялось белое зарево. На другом конце города к небу вознёсся огромный столб света, и воздух заполонили крики ужаса. Люди еле удерживались на ногах, а гул всё не прекращался. Командиры забегали, пытаясь восстановить хоть какое-то подобие порядка. Арстан тоже куда-то исчез. И во всём этом хаосе один только зелот продолжал улыбаться.

— Вот и всё. Он сделал это.

— Что? — вскричал Вик. — Что он сделал?

— Как что? Вернул Освободителя. Неужели вы думали, что пока мы здесь с вами возимся, полковник сидел сложа руки? Конечно нет. План вошёл в финальную фазу. Вы можете попытаться его остановить. Но у вас ничего не получится.

Он снова рассмеялся, а потом уставился на Вика лучезарным взглядом.

— Мы победили.

Дрожь земли и гул прекратились, вот только столб света никуда не исчезал. Вик взглянул на горящий белым горизонт. Казалось, один только взгляд на него обжигал всю его сущность.

«Да там, похоже, целый район испарился».

Он помотал головой, а затем посмотрел на свой доспех.

— Раз так, ты не побоишься ответить на пару моих вопросов? Почему полковник оставил мне экзоскелет? Разве он не знал, чем это может обернуться?

Вопрос заставил Володю нахмуриться.

— Не знал, но догадывался. Он сказал, что ты пробудил паразита. Мы пытались изолировать эту дрянь, пытались её уничтожить. Но без носителя, к которому она привязалась, сделать это невозможно. Она впитывает всё, что против неё бросают. Потому-то мы и пошли ва-банк. Полковник сказал, что нельзя было держать тебя рядом. Рано или поздно паразит бы вырвался и снова слился с тобой, тогда бы мы ничего не смогли сделать. Потому мы и решились на отвлекающий манёвр. Если бы тебя не убедила Паркер, я бы остановил тебя.

— Как видишь, у тебя не получилось.

— Да, но пока ты был занят, полковник исполнил свой план. Царствие небесное уже

здесь, капитан, хотел ли ты того или нет. Освободитель любит тебя. Ещё есть время передумать.

Вик снова бросил взгляд на залитый светом горизонт. В его душу закрались сомнения.

— Полковник сказал, что ты сам взвалил на себя эту тюрьму из скорби, — Володя кивнул на чёрный доспех Вика. — Пусть она и защищает тебя, но ты в ней растворяешься. Даже мы не можем долго её носить. А ты от неё не отрывался почти семь лет. Отпусти всё. Ты можешь всё изменить. Ты можешь измениться.

«О чём он говорит?» — подумал Вик.

«Ты прекрасно знаешь, о чём, — ответил ему голос. — Но ты уже принял решение. И ничто его не изменит, я чувствую это. Что же, раз так, то давай остановим полковника. Вместе».

«Почему я так решил?»

«Потому что поклялся себе, что больше не будешь сожалеть о сделанных выборах».

— Ты говоришь, что царствие небесное уже здесь, так? — протянул Вик. Сказав это, он положил руки на голову Володи и начал их сжимать. — Как жаль, что ты его не увидишь.

Вопли Володи заглушил треск его ломающегося черепа. Один из глаз выскочил из глазницы, второй же лопнул, словно переспелый фрукт, когда ладони Вика встретились посередине. Безголовое тело рухнуло ему под ноги, разбросав вокруг ошмётки плоти.

Вик посмотрел на перчатки, покрытые осколками костей и кусочками мозга. Он должен был почувствовать неприязнь, отвращение. Но в его душе не возникло ровно никакого отклика. Он раздавил сына Саргия словно насекомое — и испытал ровно столько же сожаления, как при убийстве таракана.

Доспех с тела зелота начал превращаться в дым. Как только последняя часть исчезла, броня Вика задребезжала и начала впитывать всё в себя. Тьма снова накрыла его.

Он снова парил посреди ничего, слушая сонм голосов. И среди всех них один выбивался сильнее всего.

— Ты должен это сделать. Ты же обещал нам, Вик! Ты обещал!

— Я остановлю его. Во что бы то ни стало.

«Ведь ты поклялся, что больше никогда не будешь жалеть о прошлом».

— Я не хочу жить в мире, который не случился, — сказал он. И открыл глаза.

Он стоял возле входа во дворец, а вокруг него сновали сааксцы. Арстан возник так же неожиданно, как и исчез.

— Что ты будешь делать? — спросил он. Вик посмотрел на него и понял, что знает этого человека уже много-много лет.

— То же, что я и собирался сделать с самого начала, — сказал Вик. — Убью Бога.

19. Метастазы зла

Метастазы зла
«Чем сложнее план, тем больше в нём слабых мест»
Тэймур Ким, статья «О проблеме Нижних Уровней»

Она и поверить не могла, что её оставят наедине с собой на такое долгое время. Слишком сильно она привыкла к окружению из солдат. Слишком сильно прикипела к экипажу катера, который всё это время вёл их к главной цели миссии — полковнику.

Теперь, оказавшись в маленькой хибаре неподалёку от храма, без единой души рядом, Эмма вдруг поняла: больше всего ей не хватало уединённости.

Конечно, она никогда не будет скучать по дням, которые провела в железном гробу Башни Правосудия. И всё же, пока она служила на Древесном Пике, то как-то даже не задумывалась, что её всё время кто-то окружал. В те времена она сама тянулась к людской компании, как к спасительному свету. Раны, нанесённые ей Биллом, будто бы изжили её человечность. Она боялась их признавать. Боялась остаться с собой наедине. Всегда было что-то, что отвлекало её, заставляло двигаться дальше. Пока она жила для других, некогда было задумываться о своих изъянах.

Никто из солдат так и не увидел её уродства. Несмотря ни на что, ей нужно было постоянно поддерживать гигиену. К каким только уловкам она ни прибегала, чтобы скрыть свои увечья. Больше всего она боялась, что в условиях повышенной влажности её искалеченная плоть попросту начнёт гнить. Однако в то время как обычные солдаты попадали в лазарет из-за антисанитарии, Эмма чувствовала себя лучше некуда.

Довольно скоро она догадалась, почему.

Главным её противником был страх. Остаться в одиночестве — всё равно что приговорить себя к гибели. Эмма не боялась умереть, вытаскивая раненых из-под вражеского огня. Намного страшнее было поддаться зову коробочки с пистолетом внутри. Пистолетом, подаренным Рэем для самозащиты.

Раньше она думала, что коробку ей дали в качестве насмешки. Теперь она не думала — она знала.

Король сумел договориться с Башней, чтобы Билла не только пустили к ней, но и позволили нарезать с неё приличных кусков мяса. Как только ублюдок закончил своё дело, Эмму просто бросили у копов, как отработанный материал. Уотерсу было плевать, выживет она или нет: он получил свои драгоценные образцы, всё остальное было не важно. Вот только копам было не всё равно. Похоже, у них был приказ довезти её до фронта любой ценой — пусть даже не в полной целости и сохранности.

Кем бы ни был старый друг Рэя, он всё же позаботился, чтобы Эмма выжила. У полиции был отдельный филиал Медцентра, с врачами, готовыми в любой момент провести сложнейшие операции, если того требовал долг. В тот день он потребовал спасти жизнь никчёмной заключённой, которую обвиняли в подготовке теракта. Спасти-то её спасли, но сделали это без лишних усилий.

Когда Эмма впервые увидела своё тело, то подумала, что лучше бы умерла. Она больше походила на лоскутное одеяло, чем на молодую женщину. Её подлатали, пересадили мускулы, кожу, долили недостающую кровь. Только сделали это настолько грубо, что даже

если бы постарались, не смогли бы сделать хуже.

Пока шла адаптация и регенерация тканей, её параллельно обучали медицинскому делу. Слушала она вполуха, потому что надеялась, что в первый же день словит вражескую пулю: так она боялась, что не хватит решимости совершить самоубийство.

Вот только стоило ей попасть на фронт и увидеть мучения солдат, как суицидальные мысли быстро испарились. Пусть её жизнь и превратилась в руины, она всё же могла спасти чужие, чем и занялась изо всех сил. Когда появился капитан со своей миссией, ей подумалось, что её срок подошёл к концу. Зачем бы ей помогать одному королевскому подонку возвращать другого?

Время расставило всё по местам. Во время выхаживания солдат на Древесном Пике она подозревала, что у неё есть определённые способности, которых нет у других. Во время ухода за Лемортовым её уверенность только укрепилась. Её план уже не казался идиотской затеей, с каждым днём он становился всё более выполнимым.

Не сказать, что она сильно прониклась словами полковника о Боге и Освободителе. Она лишь сделала вид, что идеи ей близки. Конечно, она бы всё отдала, чтобы Рэй вернулся из мёртвых. Чтобы кто-то убрал короля и тот безумный порядок, что царил в Старом Городе. Она хотела полного и безоговорочного разрушения Синдиката. Ей нужен был убийца войн — но не такой, какой был у Карла.

Она согласилась остаться с полковником только потому, что это сильно упрощало её план. Если раньше ей нужно было уламывать Томми, чтобы он отделил её от Вика, то теперь ей всего-то нужно было остаться с Эймсом наедине. Тем более, люди полковника сами обезвредили капитана и утащили его.

Почти сутки прошли с момента встречи с полковником, а она всё никак не могла добиться повторной аудиенции. Сразу же после того, как Валентайна вывели из строя, Эймс приказал бойцам расквартировать его новых сторонников.

Прибежищем для Эммы стала лачуга неподалёку от храма. Здесь были тазы с водой, немного еды, да кровать с деревянным столом и стульями. Больше всего её удивило, что в хижине на засов закрывались двери и ставни. В углу сиротливо ютилась метла, которую Эмма не побоялась использовать по назначению. Нужно было чем-то занять себя, чтобы не позволить дурным мыслям проникнуть в сознание.

С уборкой довольно быстро было покончено. Стоило поставить метлу в угол, как Эмму чуть не затрясло от страха. Столько времени она боялась остаться одна, а теперь от одиночества никак не сбежишь. Она приготовилась к наплыву первобытного ужаса и ощущению собственной никчёмности.

Вот только они не пришли. Эмма выдохнула. Неужели ей нечего было бояться? Неужели всё это время она опасалась самого страха?

Накладывать на себя руки она больше не желала. Напротив, ей хотелось жить и жить. Она не только дошла до полковника, что был корнем почти всех бед в Старом Городе, но у неё были рычаги, которыми она могла бы на него повлиять.

Она убеждала Томми, что они в самом центре мира, в точке, которая определит всё будущее. Она говорила так, будто верила во всё это сама. Сейчас же у неё уже не осталось сомнений.

Путешествие изменило её. Она уже не та девочка, которую воротило от мысли, что придётся кем-то пожертвовать.

Её план был прост, но эффективен. Самый эффективный шантаж: угроза смертью. Даже

те, кому нечего было терять, боялись смерти немногочисленных близких. У полковника, казалось, не было слабых мест, да и смертным его трудно было назвать. Но умереть он точно не захочет. Хотя бы потому, что после его смерти некому будет возвращать Бога.

Стоило ей поразмыслить, как она рассмеялась от собственного лицемерия. Она с такой пылкостью укоряла Валентайна за то, что тот был убийцей, готовым пожертвовать жизнями ради мира, а сейчас шла на такой же грех. С другой стороны, угрожать она собиралась всего одному человеку, который погубил очень много невинных. В то время как капитан убивал налево и направо, метод Эммы был более деликатный.

Если всё пройдёт так, как она задумала, вполне вероятно, что полковник даже выживет.

И всё же, вся её затея была грязной, от начала и до конца. Эмму хоть немного успокаивал тот факт, что ей больше не придётся задействовать Томми — да вообще хоть кого-то. Всего теперь она могла добиться своими руками. И всё же, она столько времени клеймила любое насилие, что прибегать к угрозе жизни сейчас казалось чем-то необычайно низким.

Может, капитан был действительно прав? Для спасения людей ты должен чем-то жертвовать. В первую очередь, собственной совестью. Затем уже другими людьми. И счастьем будет, если пожертвовать придётся меньшим, чтобы добиться большего.

Её пугала мысль, что она готова была сжечь весь Старый Город вместе с его обитателями, лишь бы вернуть Рэя.

«Нет, — говорила она себе, — грязи не стоит бояться».

Ничего не изменить, если боишься замарать руки. «Насилие всегда было и всегда будет единственной властью, из которой вытекают все остальные виды власти», — так ей, кажется, говорили учителя университета на курсах политологии. Даже полковник, познавший смерть, должен преклонить колени перед такой стихией. Обязан, иначе сам же лишит свою жизнь всякого смысла.

Она так сильно погрузилась в себя, что стук в дверь показался ей грохотом артиллерии. Быстренько приведя себя в порядок, Эмма бросилась отпирать засов.

— Не стоило так торопиться, — сказал полковник, когда ему открыли. Эмма непроизвольно сглотнула вставший в горле ком и мысленно поругала себя, что так сильно разволновалась. «Нужно вести себя максимально естественно, иначе всё сорвётся».

Она посмотрела на Эймса снизу вверх. Тень от полей шлема погружала его лицо во тьму. Острый высокий гребень делал полковника ещё выше. Конечно, Эмма знала, что полковник довольно высок, но всё же не ожидала, что он будет таким огромным. И дело было даже не в росте, а во впечатлении, которое он производил. Золотая броня делала из него гиганта, но само его присутствие будто бы умаляло всех, кто его окружал.

Даже сопровождавшие его люди в чёрных доспехах казались на фоне Эймса мелюзгой.

— Оставьте нас, — приказал полковник охранникам и прошёл внутрь хижины.

Он сел на кровать, скрипнувшую под его весом, и начал осматриваться. Эмма закрыла дверь и навалилась на неё, не в силах отойти в сторону. «Время пришло», — стучало у неё в голове, вот только она не могла собраться, чтобы начать исполнять свой план. Вся её решимость мигом куда-то испарилась, стоило полковнику появиться.

— А ты неплохо устроилась, — заключил полковник, закончив осмотр. — Убралась, навела порядок. Сразу видно женскую руку.

— Зачем вы пришли? — спросила Эмма, облокотившись спиной о стену рядом с входом. Её поджилки дрожали, и ей потребовалась вся её смелость, чтобы не лишиться

чувств и не сползти на пол.

— Как я могу позволить тебе включиться в наши планы, предварительно даже не поговорив? — спросил полковник. Эмме почудилось, что она слышит нотки сарказма.

— Я готова исполнить любое ваше приказание. Всё, чтобы вернуть Освободителя.

— Никому не нужен Бог, — почти что с горечью сказал полковник. Он поднял руки и посмотрел на латные перчатки, будто видел их в первый раз. Казалось, он видит в них что-то, чего не видела Эмма. «Может, всю кровь, которую успел пролить ради этого момента?»

— Почему? Мне он нужен, — сказала она. Собрав все силы, она оторвалась от стены, проковыляла к стулу и села напротив полковника. Эймс покачал головой. Он снял свой странный шлем с высоким гребнем, и Эмма поразилась, насколько же полковник был стар. Казалось, что он был старше даже самого короля, хотя трудно было представить, чтобы кто-то мог столько прожить. Его усы и борода были настолько седыми, что практически светились в темноте.

— Никому не нужен Бог, — повторил Эймс, будто бы не услышав слов Эммы, — потому что всем нужно то, чего от него можно добиться. Вернуть родных, любимых. Истребить всех врагов. И, наконец, заключить вечный мир, где всем всё воздаётся по справедливости. Только каждый верит, будто Бог будет на его стороне, а не на стороне противника. Что его похвалят за совершённое добро, а не покарают за забытое зло. Если Освободитель действительно такой, каким его рисуют, первым делом он уничтожит меня, как самого великого грешника. Вот будет забава.

— И всё же вы собираетесь его вернуть?

— У меня нет выбора, — сказал полковник. — Иначе мир не спасти.

— Так вот значит в чём дело, — присвистнула Эмма. — Мы не просто эгоисты, которые хотят себе исполнителя желаний. Мы спасители мира. Чудненько.

— Грядёт царство тьмы, — сказал полковник. — Всё закончится. Все закончатся. И мы ничего не может с этим сделать. А вот Освободитель — он точно сможет.

— О чём вы говорите? Это что-то вроде конца света?

— Не может закончиться то, что никогда и не начиналось, — с особой жёсткостью вдруг произнёс Эймс. — Всё это время мы верили, что живём в свете. Нет. С самого начала была только тьма. Мы просто этого ещё не знали.

— Раз так, то какая разница? — разговор уходил куда-то не туда, и это Эмму начало раздражать. — Что для нас изменится, если мы ничего не замечали?

— Я знаю, что ты жила в страхе, — вдруг молвил Эймс, посмотрев Эмме прямо в глаза. — Ты его ненавидела, ты его боялась — и всё же, он был частью тебя, неотъемлемой. Чем-то, что делало тебя живой. Там, где нет ни начала, ни конца, ничто не может умереть — но ничто не может и жить. Не будет тебя, не будет твоих детей, не будет детей твоих детей, потому что не будет вообще ничего. Точнее, только ничего и будет.

— Я не понимаю… — протянула Эмма, чувствуя, однако, как холодок ползёт по её коже.

Эймс сокрушённо кивнул.

— Я всё пытался понять, почему он выбрал именно тебя. Вот только стоило поговорить с гибридом, как всё встало на свои места.

— Гибридом?

— Ты называешь его Саргий. Гибрид экзальта и человека из Вне. Самая живучая, сильная и выносливая комбинация. Способная, наверное, даже бросить вызов Эдему при

определённых обстоятельствах.

— Мы же вроде пытаемся вернуть Освободителя, разве нет? — нервно усмехнулась Эмма. — Зачем нам бросать вызов Эдему?

— Эдем нам не друг. Более того, сомневаюсь, что он друг даже Освободителю. Ведь не просто так он сбежал из собственного рая, верно?

— Вы сказали, что ему стало стыдно. Он не захотел жертвовать собой ради нас.

— Да. И это может быть только одной из причин. Но не будем далеко уводить разговор. Тебя ведь выбрали не просто так.

Эмму вдруг пронзило ощущение, будто этот разговор уже происходил сотни и сотни раз. Помотав головой, она постаралась сфокусироваться. «Сейчас или никогда. Другого шанса не будет».

Поднявшись со стула, она подошла к полковнику и спросила, постаравшись придать голосу самый невинный тон:

— Правда? И за что же меня выбрали? Уж не за красивые ли глазки?

Эймс буравил её стальным взглядом. У Эммы мигом всё сжалось внутри. «Он знает? Откуда?!»

— За мной должны были отправиться шестеро, — неторопливо произнёс полковник, не сводя с медички глаз. — Когда я отбывал из Города, я уже примерно знал состав. Только с одним избранным были проблемы. Точнее, с избранной. Тобой. Тогда ты ещё не похитила склянки, не уничтожила результаты исследований. Не навлекла на себя гнев короля. И всё же, я знал, что ты прибудешь. Сомневался только, что всё произойдёт так, как было предсказано. Сейчас у меня нет никаких сомнений. Всё должно пройти по плану. В моих действиях нет никакой ошибки.

Он так быстро поднялся, что Эмма отскочила от неожиданности и перевернула стул, на котором сидела. Эймс протянул ей железную руку и сказал:

— Давай, дотронься. Ведь это то, чего ты добиваешься, верно?

— Откуда вы знаете?! — вырвалось у Эммы. Стоило словам сорваться с её губ, как она поняла — всё пропало. Все её старания были загублены её слабохарактерностью.

Теперь Городу точно конец.

— Я многое узнал, поговорив о тебе с гибридом. Как я уже говорил, у меня были свои подозрения. Он лишь их подтвердил.

«Ещё есть шанс, — пронеслось в голове Эммы. — Стоит мне дотронуться, как он уже ничего мне не сможет сделать».

— Всё дело в твоих умениях…

Как только Эймс произнёс эти слова, Эмма схватила его за металлическую ладонь и с силой сжала.

— Теперь ты мой, — прошипела она.

Сквозь тело полковника полились потоки энергии. Металл начал съёживаться, ржаветь. Золото на глазах превращалось в пыль. Эмма же, напротив, чувствовала себя всё лучше и лучше. У неё будто бы открылось второе дыхание. Она больше не испытывала страха. Будто бы весь мир мигом потеплел — вот только на деле это внутри неё разгорался настоящий огонь.

Никогда ещё она не ощущала такой силы. Всё это время она довольствовалась остатками, выпиваемыми из умирающих солдат, которых уже никак нельзя было спасти. По сравнению с ними, полковник был просто колодцем, полным жизни.

Она никогда не пробовала ничего подобного с живыми людьми, да и не собиралась. Она боялась, что такой контакт убьёт их. Теперь ей было почти что наплевать.

Пусть она ничего не боялась, всё же, ей приходилось прилагать все усилия, чтобы совладать с потоком. Энергия грозила разорвать её изнутри. Она почувствовала, что всё становится только хуже. Посмотрев в лицо Эймса, Эмма ужаснулась.

На неё смотрел Рэй и улыбался.

— Вот во что ты превратилась? — спросил он. — В вора, крадущего жизнь?

— Нет, нет, неправда! — затараторила Эмма. — Я дарю её! Я спасаю людей! Беру у тех, кому она уже не нужна, передаю тем, кто без неё не выживет! Разве ты не видел, что я делала с теми солдатами?! Без меня они бы не дожили до следующего дня!

— Но сейчас ты поглощаешь её. И не думаешь останавливаться. Пожалуйста, прекрати.

— Я… я не могу. Иначе меня убьют!

Рэй улыбнулся ещё шире.

— Если не прекратишь, убьёшь ты. Поверь, твои руки не созданы для этого. Они не созданы для убийств. Они созданы, чтобы дарить жизнь.

Костёр, что разгорался всё сильнее, начал резко угасать. Эмма ослабила хватку, и энергия полилась обратно. Металл начал выправляться и снова покрываться позолотой, будто время обратилось вспять. Прошло несколько мгновений, прежде чем она почувствовала, что начинают уходить и её силы. И всё же, Эмма и не думала останавливаться.

«Моя плоть стала прибежищем тьмы. То, что живёт во мне, станет всеобщей погибелью. Мне нужно умереть раньше».

Губами она почувствовала струйки крови, вытекающие из её носа и глаз. Сердце стучало как бешеное, всё её тело будто бы выворачивали наизнанку. Она продолжала вливать всё, что у неё было, в сжимаемую металлическую ладонь.

Эмма даже не заметила, как лёгкий толчок отправил её к стене хижины. У неё не было сил, чтобы сопротивляться. Она даже не могла просто стоять прямо. Сдавшись, Эмма сползла вниз и зарыдала от переизбытка чувств. Слёзы смешались с кровью и закапали на пол.

Эймс посмотрел на свою ладонь, сжал её несколько раз в кулак и произнёс:

— Гибрид оказался прав. Твоё присутствие действительно спасло его. Только не совсем так, как он думал. Одно твоё прикосновение буквально вытащило его с того света. А меня оно могло туда отправить. И всё же, вместо того, чтобы убить меня, ты остановилась. Почему?

Эмма собрала остатки своих сил, чтобы перестать плакать. Утерев кровавые слёзы, она воззрилась на полковника, и выдавила:

— Я и сейчас могу убить вас. Если я делюсь с кем-то энергией, то привязываю его к себе. А значит, если мне не понравится ваше поведение, я могу прервать вашу жизнь — в любой момент, стоит мне того захотеть.

Полковник присел перед Эммой на колено. Даже в таком положении, он возвышался над ней, словно огромное здание над посетителем. Никогда ещё Эмма не чувствовала себя настолько мелкой и незначительной. И всё же, сейчас в её руках была жизнь этого человека.

— Вот какой у тебя был план? — спросил Эймс. — Мы ведь допросили рулевого. Он сказал, что ты убеждала его предать капитана.

— Да, — Эмма перестала дрожать. Её голос стал крепче стали. Она без малейшего

страха смотрела на полковника. Ей виделось, будто она держит топор над его головой — и в любую секунду готова опустить лезвие. — Почти в начале нашего путешествия, когда мы ещё ничего не знали, я считала вас военным преступником. Считала, что всё это план короля по возвращению своего верного цепного пса. Я хотела удостовериться, что Город не станет хуже с вашим возвращением.

— И ты бы убила меня, если бы я начал себя плохо вести?

— Не убила. Но устроила бы несладкую жизнь, от которой любой бы сошёл с ума. Вот только я ошибалась. Вы не преступник. Вы безумец. Вам нечего терять, а значит, убивать вас бесполезно.

— Ты ошибаешься и сейчас, — неожиданно мягко произнёс полковник. — Я не хочу умирать, потому что никто другой не сможет вернуть Бога. И всё же, не поэтому ты остановилась. Ты что-то увидела, верно?

— Я… — Эмма запнулась. Её решимость как рукой сняло. «Стоит ли об этом говорить? И если нет, то почему? Мне уже некуда отступать. Я выложила на стол все свои карты». — Я увидела лицо своего мужа. Мёртвого мужа.

Полковник кивнул, будто в этом не было ничего удивительного.

— И он сказал мне, что я не должна убивать.

— Моё тело сделано из брони Освободителя, — сказал Эймс. Эмма должна была удивиться, но не удивилась. Почему-то эта фраза показалась ей донельзя логичной. — А значит, оно связано с Эдемом. Что бы ты ни увидела, скорее всего, это происходило на самом деле, а не было плодом твоего воображения. Твой муж вернётся, как и все погибшие, как только мы вернём Освободителя.

Он поднялся с колена, прошёлся по комнате и открыл ставни, впустив в хижину свет. Лучи заиграли на его золотой броне, солнечные зайчики забегали по всей комнате. Один из них ослепил заплаканную Эмму, заставив её зажмуриться. Она прикрыла лицо ладонями, чувствуя, как её накрыла необыкновенная усталость. Ещё никогда она не вкладывала в людей столько энергии, как сегодня. Она боялась использовать свои силы, боялась навредить кому-то, но, больше всего, что лечение других убьёт её саму. Теперь она не боялась ничего.

Если до этого она не пыталась сопротивляться всему, что с ней происходит, сейчас она вдруг осознала: без борьбы не будет и победы. А значит, единственное, что ей нужно делать, так это драться, драться до последней капли крови — своей или вражеской.

Полковник повернулся к ней. Его пергаментно-белое лицо приобрело здоровый оттенок. Глаза заблестели живостью и остроумием. И тут произошло нечто, совсем поразившее Эмму — полковник улыбнулся.

— Ты не убийца, Эмма Коннели, — произнёс он. — Твои руки созданы, чтобы спасать и приносить жизнь. Тебя избрали, чтобы ты лицезрела рождение Бога. Нет… чтобы ты помогла ему явиться на свет.

— Вы сказали, что всё произошло так, как и было предсказано, — пробормотала Эмма. — Что вы подозревали, почему меня выбрали. Кто меня выбрал?

Улыбка резко сошла с лица полковника. Скорбь заняла её место. Эймс уставился в окно и с грустью произнёс:

— Тебя выбрал Виктор Валентайн.

***

Дети бегали вокруг неё, смеялись и тыкали пальцами. Их лопотание пусть и умиляло Эмму, но смущало намного больше. Она изо всех сил пыталась шагать прямо и держать спину ровно, однако, удавалось ей это с трудом. Быть объектом насмешек таких малышей ей ещё не приходилось.

Ей нужно было найти полковника. Вчера он ушёл, так и не объяснив, что значат его слова, бросив лишь напоследок: «Приходи завтра, я отвечу на все вопросы».

Всю ночь Эмма ломала голову над главной загадкой: кто такой Виктор Валентайн? Она собирала разрозненные факты, которые он о себе рассказывал, пытаясь выстроить цельную картину прошлого этого человека. И то, что у неё получалось, выглядело зловеще.

Теперь она шла подтвердить свои догадки. Полковник обещал ответы — вот только почему он не дал их сразу? Что ему мешало просто выложить всё, как есть? Зачем так медлить?

Чтобы добраться до храма, ей предстояло пройти через лагерь, разбитый людьми полковника. Перемазанные краской, одетые в обноски сааксцы и первенцы окружали её со всех сторон, но почему-то Эмма их не боялась. Она видела в их глазах почти что благоговение и понимала: эти люди ей вреда не причинят.

Зато вот от шныряющих повсюду мальцов она отделаться никак не могла. Они продолжали водить вокруг неё хороводы и хохотать, как дьяволята, и не думая никуда убегать.

— Пожалуйста, уйдите, — прикрикнула Эмма самым грозным голосом, на который была способна. Тем она только вызвала новый взрыв смеха у детишек. Казалось, её смущение их только распаляло.

— Какие-то проблемы? — услышала она чей-то голос. Обернувшись, Эмма увидела неторопливо вышагивающего шамана.

— Насиф! — воскликнула она. У неё тут же стало легко на душе. — Как я рада тебя видеть!

На детей появление сааксца произвело прямо противоположное впечатление. Как только он окликнул Эмму, они тут же замолкли и разбежались.

Стоило Насифу подойти ближе, как Эмма поняла: в лагере полковника он не по своей воле. Одно только кислое выражение его лица передавало всё лучше тысячи слов. Встав рядом с ней, шаман слегка поклонился.

— К чему такие жесты? — поинтересовалась Эмма.

— Раз уж мы в плену, то и вести себя должны с максимальным достоинством, — пробормотал Насиф. — Чтобы не щекотать чувство гордости врага.

— Не сказать, что я считаю полковника врагом, — призналась Эмма. — Более того, я сейчас пытаюсь его найти. Поможешь?

По глазам шамана она поняла, что он рад бы был отказаться, но гордость не позволяла этого сделать. Сумрачно кивнув, он махнул рукой и повёл её между хижинами, чьи стены были изрисованы пятиконечными звёздами и орлами. Эмма только обратила внимание, что ряды домов уходили далеко вперёд, в горы, скрываясь в джунглях. Среди них были и многоэтажные, сделанные просто, но со вкусом. Как она не заметила всего этого раньше? Будто всё это время у неё были завязаны глаза.

— Да здесь прямо настоящая цивилизация, — пробормотала она. Шаман невесело кивнул.

— Больше года они ждали нашего прибытия. Но учитывая, что здесь центр множества

миров, для них время текло совершенно по-другому.

— Что это значит?

— Это значит, что субъективно они прожили в этом месте десятилетия.

От услышанного Эмма встала на месте как вкопанная.

— Как это так?! Но… но ведь…

— Посмотри на детей. Это уже третье поколение людей, живущих здесь. Первенцы, что пришли с полковником, а также сааксцы, которые к нему присоединились, успели состариться, завести семьи, которые также родили потомство.

— Но полковник… дети Саргия… они же вообще не постарели!

— Броня спасает их. Если честно, я не знаю, что это за дьявольская дрянь, но от неё исходит столько тьмы, что я и знать не хочу. Вполне возможно, что для них время течёт по-другому. Не так медленно, как для остальных. Нетрудно догадаться, почему местные их боготворят. Как бы ты отнеслась к правителям, которые были у власти при тебе, при твоих детях и при детях твоих детей?

— Я бы их возненавидела, — сказала Эмма. — Так, как я ненавижу короля.

Шаман пожал плечами.

— Потому что ты понимаешь, что всё это жульничество. Никто не может столько править и не сойти с ума.

Неприятная мысль пронзила разум Эммы:

— Подожди, получается, мы здесь тоже находимся не один день, а несколько лет?

Насиф позволил себе улыбнуться, убедив её беспокойство:

— Нет. Чтобы позволить нам войти, им пришлось вернуться в обычный поток времени. Но в таком состоянии они не смогут долго удержаться. Я стабилизирую здесь всё, как могу, но моих сил не хватит.

Стоило ему это сказать, как загрохотали выстрелы. Эмма невольно схватилась за руку шамана.

— Что это? На нас напали? — спросила она и тут же мысленно поругала себя: «На каких, к чёрту, «нас», Эмма?»

— Солдаты полковника тренируются стрелять, — успокоил её шаман. Они прошли мимо стрельбища, на котором десятки бойцов палили по мишеням. Выходило у них весьма неплохо. Впрочем, странно было бы видеть другой результат, если учесть, сколько лет они провели в этой деревне.

«И всё это время они готовились. Строили город, растили детей — и верили, что полковник вернёт им мессию. Вот только…»

— Знаешь, Насиф, — задумчиво протянула она, — ты считаешь этих людей фанатиками? Что заставило их пойти за Эймсом? Ведь дело не в обещании вернуть Освободителя. Никто не смог бы прожить столько времени одной надеждой, да ещё и поделиться ей с детьми.

— Да, дело не только в этом, — согласился шаман. — Он просто гарантировал им десятилетия спокойствия и процветания вдали от внешнего мира с вполне конкретной целью: подготовить почву к приходу Бога.

— Он создал свой Эдем, — прошептала Эмма. От одной только этой мысли её охватила дрожь. Даже сейчас она хотела сопротивляться, она хотела отбросить волю полковника, хотела показать ему, что она не марионетка, её не купишь дешёвыми обещаниями вечного счастья. Она сильнее иллюзий. И она будет гнуть свою линию, будет диктовать собственную

волю, а не следовать чужой.

И всё же, он обещал вернуть Рэя. А это перекрывало любые порывы гордости.

— Насиф, полковник говорил тебе что-нибудь про Валентайна? — за новыми потрясениями Эмма едва вспомнила цель своего выхода. Шаман помотал головой.

— Нет. Но меня и не интересует, что он скажет. Я прекрасно знаю, что к чему. Пусть я и помогаю ему сейчас, это ненадолго. Пойми, мы не в гостях. Мы в плену. И мы должны бороться.

— Капитану нужно бороться, — возразила Эмма. — Он же привёл нас сюда. Это была его миссия. Почему он бездействует?

— Потому что его выбросили в другой мир, — с кислой миной выдал шаман. От сказанного у Эммы закружилась голова.

— Даже знать не хочу, — протянула она. — Проклятье, чего мне не сиделось в тюрьме?!

Сказав это, она вспомнила о скальпеле Билла, разрезавшем её плоть. Ей показалось, словно остриё снова ползёт по её спине. От ощущения Эмму чуть не вывернуло.

Её шрамы никак не излечить. Она сомневалась, что даже Медцентр здесь может чем-то помочь — опять же, для этого пришлось бы вернуться в Город. Капитан дал им обещание, что по окончанию миссии они смогут начать новую жизнь, и, хоть Эмма не хотела себе в этом признаваться, она поверила в его слова.

Казалось, с того момента прошли целые века.

— Полковник не хочет убивать Валентайна, — сказал Насиф. — И он решил временно избавиться от него, отделив капитана от экзоскелета и спрятав его в карманном измерении, где никто не сможет причинить ему вред. Люди верны Эймсу, но вот он им не верит.

— И что же теперь?

— Будем ждать, когда выпадет возможность нанести удар. Рано или поздно, капитан им понадобится, его придётся вытаскивать и переправлять. Ты знаешь, что мы собираемся в Карас?

Эмма помотала головой.

— В Карас? Но зачем?

— Похоже, полковник считает, что сможет вернуть Освободителя только там. И для чего-то ему понадобились мы. Я думаю, только поэтому мы ещё живы. Мы слишком ценны, чтобы нас убивать. Уж очень многое поставлено на карту.

— И ты хочешь вмешаться и испортить все планы Эймса?

— То, что полковник делает, вредит миру. Он уродует саму реальность. Я не могу подобного допустить.

— Я-то думала, что дело в пророчестве. Что ты не хочешь, чтобы твои враги в Союзе оказались правы.

— Я человек мелочный, — усмехнулся Насиф, — но не настолько.

— И ты не боишься, что я расскажу о твоих планах полковнику?

— Он и сам прекрасно знает, как я к нему отношусь. И всё же надеется, что мы передумаем, как только увидим «чудо». Он видит в нас что-то вроде апостолов. Мы должны помочь Богу вернуться, а потом отправиться в путешествие и распространить его власть на весь мир.

— Разве же это плохо? Ты всегда говорил, что хочешь изменить Союз. Сделать его лучше.

— «Спасение», которое предлагает полковник, не похоже на улучшение, — шаман выразительно сплюнул. — Всё равно что больной палец на ноге лечить ампутацией обеих рук. Ты понимаешь меня?

Эмма лишь помотала головой. Насифа её реакция сильно расстроила.

— Ну да, конечно, ты же не видишь мир так, как я его вижу я, — сказал шаман почти что с обидой в голосе. — Ничего. Ты пытаешься получить ответы. Надеюсь, они тебя удовлетворят. Я же уже всё для себя решил. Так что удачи, Златовласка.

— Что это ещё за прозвище? — возмущённо спросила Эмма, рефлекторно потрогав волосы.

Шаман усмехнулся:

— Тебя так обзывали дети. Они уже забыли, как выглядят настоящие первенцы.

Эмма даже и не заметила, как они оказались у здания из серого камня в форме пирамиды. Стены покрывала тягучая жидкость.

— Что это? — спросила она, дотронувшись до неё.

— Время, — сказал шаман. Его лицо поплыло, фигура превратился в тень. Эмму начало затягивать внутрь стен. Она попыталась закричать, но жидкость залилась ей в рот — и вокруг весь мир поглотила тьма.

Очнулась Эмма в галерее из колонн — на каждой висело по горящему факелу, а сквозь квадратный проём в потолке едва пробивались лучи солнца. Больше источников света не было. Пахло озоном и благовониями с нотками затхлости. Прищурившись, она рассмотрела маленькие рисунки, покрывавшие весь камень вокруг неё. Фигурки людей, поклоняющиеся божеству: человеку в золоте. Казалось, они пытались рассказать ей некую историю. Эмме не было до легенд дела. Её раздирали сегодняшние вопросы, ответы на которые она боялась услышать.

— Вы пришли, — прозвучал голос полковника.

Он выплыл из тени, словно сама тьма родила его. Позади Эммы так же из ниоткуда возникли Ли и Саргий. На их лицах читалось нетерпение. Как и она, они пришли за ответами.

— Рад, что мы, наконец, можем поговорить честно, не боясь, что нас подслушают, — полковник тяжело вздохнул и сел на пол. Удивительно, как при всей внешней грузности, его искусственное тело двигалось с элегантностью хищника, готового наброситься на жертву.

Эмма последовала примеру полковника, Саргий сел подле неё, будто подставляя своё плечо. Ли остался стоять, облокотившись на колонну. Хоть он и пытался выглядеть не заинтересованным, в его глазах читалась тревога. Даже сейчас он спрашивал себя, правильно ли поступил, отдав капитана в руки Эймса.

— Спрашивайте, — коротко бросил полковник. Эмма открыла было рот, но её перебил Саргий:

— Кто такой Виктор Валентайн?

Эмма с удивлением воззрилась на иммигранта. Его не интересовали дети или миссия полковника. Все его мысли занимал капитан. Краем глаза она рассмотрела выражение лица Ли: похоже, тот был поражён не меньше, чем она.

У всех на языке крутился один и тот же вопрос. «Кто тот человек, что привёл нас сюда?»

Полковник коротко кивнул, будто и не ожидал ничего другого:

— Вам не понравится то, что вы услышите.

— Лучше уж горечь правды, чем сладость лжи, разве нет? — промурлыкал Ли. — В конце концов, только ради этого мы и собрались.

Полковник снова кивнул и произнёс:

— Виктор Валентайн был автором всего нашего плана.

— Какого ещё плана? — спросила Эмма, чувствуя себя абсолютной дурой. Она прекрасно поняла, о чём речь. И всё же знала, что спросить нужно. Кто-то должен был проговорить это вслух, заставить идею материализоваться в словах. Сделать её плотью.

— Он был не первым, кто увидел Освободителя, — сказал полковник. — Да и не единственным. Десятки наших ребят пропадали. Там, в аду, на Нижних Уровнях. Только он выжил. Выжил, чтобы рассказать правду.

Полковник подался чуть вперёд. Вся его живость мигом куда-то испарилась. Эмме показалось, будто та энергия, что она передала Эймсу, иссякла. Перед ней сидел уставший от жизни старик, который прекрасно знал, что впереди его ждут только разочарования и, в конце концов, смерть. И всё же, он ещё мог передать новому поколению свои знания. Заразить их идеей, которая переживёт их всех.

— Господи, — Эймс закатил глаза, — казалось, будто наша работа никогда не заканчивалась. Мы годами вычищали Нижние Уровни. Убивали одних, договаривались с другими, строили базы и двигались дальше. Поначалу было страшно: само пространство и реальность там искажались. Действовали против нас. Зато потом всё это вдруг стало чем-то нашим. Родным. Тем, чем мы не могли поделиться с внешним миром.

— Молчание, — вдруг вспомнила Эмма слова Вика. Эймс кивнул.

— Здесь оно нам не грозит. А в Старом Городе невозможно было разговаривать о Нижних Уровнях. Никто не мог. Потому многие возвращались даже после окончания их срока службы. Реальность, царящая дома, казалась им ненастоящей. Будто за пределами Нижних Уровней люди живут сном, в то время как истинная изнанка мира была именно там. Все секреты в твоих руках! Нужно было только набраться отваги, чтобы их раскрыть — и не сойти с ума от ужаса. Мы… мы считали себя не столько солдатами, сколько исследователями. Первопроходцами.

— Conquistadores… — буркнул Ли.

— Что это значит? — спросила Эмма.

— С древнего языка это переводится как «завоеватели», — ответил ей полковник. — Да, можно сказать и так. Я считал, что придёт время — и мы сможем вывести людей из Старого Города на Нижние Уровни. Заставим их увидеть, каков мир на самом деле. Заставим понять, что их маленькая милая реальность — всего лишь иллюзия.

— И поэтому вы подсунули мне тело того заражённого солдата, — сказала Эмма. Странно, но ненависти при этих словах она не почувствовала. Слишком многое произошло, чтобы она ещё могла обижаться на Эймса.

Полковник сумрачно кивнул.

— Мы должны были отправить хоть какой-то знак. Сейчас я считаю, что это было что-то вроде крика о помощи. Мы сделали многое. И всё же, этого было недостаточно. Король не хотел отпускать людей. Он не хотел, чтобы они увидели правду. То, насколько на самом деле безумен мир, в котором мы живём.

Эмме показалось, будто фигурки на камне задвигались. Стоило ей сосредоточить взгляд, как иллюзия прошла.

— Главная особенность Нижних Уровней в том, что они никогда не кончаются. И

сколько бы территорий мы ни завоёвывали, этого было мало. Казалось бы, лучшего места для развития не представить. Ведь тамошние обитатели сумели выжить даже без утилизаторов! Но я не понимал, что гражданским это совершенно не нужно. Они хотят, чтобы места было мало. Они хотят, чтобы был высший и низший класс. Им нужно перенаселение, дефицит ресурсов, борьба за выживание. В то время как у них под боком существовала реальность бесконечных возможностей, они алкали жить в гадюшнике.

— Вы сами сказали, что Нижние Уровни были адом, — сказал Ли. — Зачем приводить туда людей?

— Мы… увидели кое-что. Будто свет в конце тоннеля. Раз за разом в пространственных воронках мы теряли людей, — полковник понизил голос. — Очень многих просто разрывало на части у всех на глазах. Другие испарялись, оставляя лишь одежду. Некоторые возвращались еле живыми. Зато счастью, написанному на их лицах, мы могли только позавидовать.

Полковник провёл латной перчаткой по полу, царапая камень.

— И совсем немногие возвращались старцами. Долго они потом не жили. Но мы успели наслушаться рассказов о чудесных мирах, где все их желания исполнялись. Назад они приходили только для того, чтобы поделиться увиденным. Дать понять, что и за пределами Эдема есть рай. Их рассказы давали нам надежду, распаляли ещё больше. Мы ведь могли построить что-то новое. Настоящий мир, а не то королевство лжи, опутавшее Старый Город

— И что, после этого все начали рваться в такие вот воронки? — со злостью произнёс Саргий. Похоже, его раздражало, что полковник так и не ответил на их вопрос. — И Валентайн был одним из таких?

— Нет, — покачал головой Эймс. — После всего, что мы увидели, люди боялись их ещё больше. Нам казалось, будто Нижние Уровни играют с нами. Пытаются намеренно заманить в ловушки, которые мы научились распознавать. И всё же, даже смертельная опасность не убивала мысль, что нам всего-то нужна разведка получше, чтобы построить настоящий рай. В каждой вылазке за пределы базы нам приходилось брать с собой следопытов — обычно это были дефы, как ваш Томми. Только так у нас получалось избегать всех опасностей. Однажды меня угораздило самому вызваться в патруль.

— Но зачем? — удивилась Эмма.

— Прибыла принцесса Анора — и отправила в утилизатор весь прогресс, которого мы достигли в отношениях с жителями Нижних Уровней. Она велела казнить всех, кого мы взяли в плен. На самом деле, это были даже не пленные — это были наши гости. Но мы не могли не подчиниться. После такого вероломства никаких разговоров о доверии быть просто не могло. Мы перешли в стадию тотальной войны. Это произошло…

— Семь лет назад, — подсказал Саргий. — Именно тогда вы повстречали Валентайна.

— Он был впечатлительным мальчишкой, — полковник позволил себе усмехнуться. От этого смеха у Эммы на душе заскребли кошки: столько невыразимой боли в нём крылось. — У армии Синдиката был нерушимый договор с Башней Правосудия: они присылали лучших выпускников академии, чтобы проверить, не ведём ли мы грязную игру. Даже нашу экспансию они решили взять под свой контроль! Впрочем, без их помощи выбить Стрелков с окраин было бы намного сложнее. Так что пришлось мириться с отрядом юных копов, сопровождавших меня на внешние вылазки. Каждый раз, когда мы покидали базу, ко мне прилипал Виктор и начинал рассказывать, что настанет время, когда Башня и армия смогут доверять друг другу. Мне всегда казался смешным его энтузиазм. Пока он не спас меня,

пожертвовав собой.

Сквозь проём в потолке подул ветер, и огни факелов заколыхались. Тени заиграли на сухом, ожесточённом лице полковника.

— Я не знаю, зачем я вообще пошёл тогда в патруль. Пытался очистить разум, наверное, после того, какой подарочек преподнесла мне Анора. Забавно, что Виктор сумел с ней сблизиться. Пожалуй, даже слишком… В тот день с нами был следопыт, но я всё равно сумел угодить в воронку. Наверное, чего-то подобного я и добивался. Я уже смирился со своей судьбой. Я готов был погибнуть. Хотел этого. Но тут меня схватил Виктор, вытянул наружу. А сам испарился.

Полковник уронил голову на грудь.

— Я не мог простить себя. Думал, что это конец. За это короткое время Вик стал мне как сын. Только такие, как он, могли действительно изменить мир в лучшую сторону. Забавно, нечто подобное я испытывал к Карлу — пока он не предал все идеалы, за которые когда-то сам готов был отдать жизнь. Как бы я себя ни корил, как бы ни хотел покончить со всем, после такой жертвы умирать было просто непозволительно.

— Вы ведь всё равно нашли его? — спросил Саргий. Эймс кивнул.

— Да. Его отыскали разведчики в одной из вылазок. Ожоги девяноста процентов тела — и всё же, он выжил. Я не знал, правда, как долго он протянет, потому приложил все усилия, чтобы Вика передали куда нужно.

Эмма почувствовала нехорошее шевеление в желудке.

— Неужели… — прошептала она. Взгляд полковника был неумолим.

— Я уже знал про результаты твоих исследований, Эмма. Поэтому не мог больше осторожничать. Мы должны были понять, с чем имеем дело. Понять, что с нами пытаются сделать Нижние Уровни. Потому-то я и отправил Вика к тебе.

— Он стал моим вторым подопытным, — протянула Эмма. — Но Билл сказал, что заражённый умер после того, как его увезли в госпиталь!

— Мы позаботились о том, чтобы его никто не нашёл, — сказал полковник. — Вик действительно попал в госпиталь. Мои агенты круглосуточно следили за его состоянием. Представь моё удивление, когда они доложили, что он не только не погиб, так ещё и начал восстанавливаться.

— Выздоравливать? — уточнила Эмма. Полковник покачал головой.

— Нет. Регенерировать. Вместо обожжённой кожи он отрастил себе новую. Вместо своего лица — чужое. Само его тело менялось на глазах. Я не поверил, пока не увидел сам. Для этого даже специально покинул Нижние Уровни и вернулся в Старый Город.

Эймс запрокинул голову, будто бы решил посмотреть на солнце. Эмма тоже посмотрела вверх, но не увидела ничего, кроме проёма в потолке. Вот только теперь вместо света сквозь него сочилась тьма.

— В палате лежал незнакомый мне человек. Да, отдалённо похожий. И всё же, я знал, что это Виктор. Видел это в его глазах. Что-то произошло, когда он нырнул в ту воронку. И я должен был понять, что.

Полковник замолк. Эмма ждала, когда же он продолжит, но Эймс и не думал открывать рот. Когда тишина стала осязаемой, Ли всё же посмел спросить:

— Что было дальше?

— Дальше? — переспросил полковник. — Он сказал, что пока мы не вернёмся на Нижние Уровни, говорить просто не о чем. Выздоровел он быстро. Меньше, чем через

неделю, мы отправились на одну из наших передовых баз. Там Виктор и поделился со мной своим видением мира.

Взгляд Эймса помутнел, будто он заново переживал тот момент.

— Грядёт тьма. Никто и ничто не сможет её остановить. Кроме Освободителя, которого Вик сумел встретить там, в другом измерении. И, чтобы его вернуть, нам нужно было совершить самую безумную аферу в истории. Нам нужно было выйти за стены, покорить внешний мир, а затем объединить расколотые миры, чтобы всё сработало. Мы ожидали, что начнётся война. Не сильно её хотели, но всё же готовились к такому исходу. Она… многое упрощала.

— Вы просто поверили ему на слово? — с недоверием поинтересовался Ли.

— Ни в коем случае, — в тоне Эймса проскользнуло откровенное раздражение. — Я увидел всё своими глазами. Вы и так знаете, что он курьер. Он может делиться своими воспоминаниями. Но в тот раз ему не нужно было записывать свою память. Видимо, сыграли роль Нижние Уровни — я на мгновение пережил то, что пережил Вик. До сих пор не знаю, в каких мирах он побывал. Знаю только, что сам Освободитель рад бы был нам помочь, да только его бывшие соратники заперли его силы и разум в Эдеме, в форме конструкта. Что-то вроде слепка личности. И на наши плечи ложилась задача их вытащить.

— Разве он не ушёл из Города, чтобы основать Карас? — спросила Эмма.

— Да, но он ушёл почти что обычным человеком. Он не мог больше повлиять на наш мир. Только уйти в другой.

— Подождите, — произнесла Эмма, уже чувствуя подкрадывающуюся головную боль. — Так он жив или мёртв? Освободитель?

— Я сам мучаюсь этим вопросом, — ответил полковник. — Он основал Карас, а затем пропал. Вик сказал, что мы никогда его не найдём. В конце концов, без сил, он мог запросто погибнуть. Зато есть один надёжный способ его вернуть, даже из мёртвых. Для этого нужно пробраться в город, который таит технологию переноса…

— Карас, — подсказал Саргий. Полковник кивнул.

— И с собой нужно принести вещи, которые когда-то привязывали его к нам. Например, его сердце, — Эймс показал на Ли, заставив мальчишку вздрогнуть. Затем он постучал себя кулаком по груди и добавил: — Или броню. А лучше, всё вместе. Чем больше козырей у нас будет, тем выше вероятность успеха.

— В моих жилах течёт его кровь, — вдруг подал голос Ли. — Потому я сумел увидеть его в Сети.

— Всё верно, — сказал полковник. — И именно поэтому ты здесь. Именно поэтому дети Саргия носят броню его учеников. Дети гибрида экзальта и человека из Вне. — Эймс указал на иммигранта. — Экзальты, в каком-то смысле, тоже потомки Освободителя. А те, что родились за пределами стен Первого Города, ещё хранят в себе следы старого человечества. Того, что породило самого Освободителя.

— А я? Почему я здесь? — спросила Эмма. Полковник прищурил взгляд.

— В твоих жилах тоже течёт его кровь.

— Но как?!

— А ты как думаешь? Ты сама говорила, что твои подопытные были заражены.

— Да, чем-то вроде болезни, которая касается всех, кто побывает на Нижних Уровнях.

— Вик сказал, что когда он оказался в другом мире, то чуть не погиб. Его спасло то, что с ним поделились кровью. Как оказалось, она имела необычные свойства. Да ты и сама

видела. Что бы в ней ни было, она могла сделать людей чуть ли не бессмертными.

— И с ним кровью поделился сам Освободитель? — Эмма посмотрела на свои руки, чувствуя, будто не узнаёт их. — Так вот что со мной произошло. Всё началось, когда я раздавила те чёртовы склянки. Я заразилась.

— Ты вознеслась, — поправил её полковник. — Все вы, находящиеся здесь, были частью плана Виктора по возвращению Освободителя. Потомок, несущий его сердце. Гибрид, воплотивший разные ветви человечества. И та, что лечит. Он изложил мне все детали, что и как произойдёт. Я взял на себя церковь и экспедицию. Он же должен был уладить все вопросы со стороны короля. Я специально познакомил их, и Вик стал самым доверенным лицом Карла. Пусть мы и не поддерживали связь, всё это время он прилежно придерживался нашей задумки, уничтожая любой конфликт до его начала. Нельзя было позволить начаться войне внутри Города, иначе экспедицию за стены точно бы запретили.

Всё, что говорил Эймс, казалось Эмме каким-то кошмаром. Всё это время они действовали по указке Виктора Валентайна, даже не ведая, что следуют его воле. Неужели он прикидывался, будто ничего не знает?

— Когда пришло время, я отправился за стены и объединил миры, чтобы начать переговоры с сааксцами. Благо, я быстро нашёл союзника в лице генерала Хамида. Началась война. Как я и говорил, она многое упрощала — первенцы начали разворачивать полевые утилизаторы, всё быстрее накачивая сеть Караса энергией. Задачей Вика было собрать отряд, чтобы найти меня. Мы договорились встретиться в одной деревеньке…

Тут голос полковника резко охрип.

— Я… подозревал, что будут проблемы. Ещё до того, как я представил Вика королю, Башня начала на него охоту. Не обошлось без инцидентов. Он почти потерял семью. Всё же, мы решили эту проблему. Меня беспокоило другое. Пусть я всей душой и верил в Вика, я опасался Карла Лоуренса. Как оказалось, не зря.

Эймс поднял взгляд от пола, и Эмма увидела его печальные глаза.

— Мы договорились встретиться с ним неподалёку от одной деревеньки, прямо возле реки. Должен был отправиться небольшой отряд от меня, немного сааксцев, а также мой верный представитель — Сайрус, сержант, который воевал вместе с нами на Нижних Уровнях. Они должны были ждать, когда подойдёт катер, и встретить вас с распростёртыми объятиями. Правда, я дал им ещё одно задание. Удостовериться, что Вик всё ещё сохраняет нам лояльность.

— Ваши люди напали на нас, — произнесла Эмма. Вспомнив, что произошло, она ожесточилась. — Они ждали нас в деревне на севере. А потом по наущению вашего отморозка-сержанта за каким-то чёртом перебили кучу мирных жителей в деревне на юге!

— Их бы казнили так и так, — полковник замотал головой. — Эти, так сказать, «мирные жители» раз в полгода набегали на соседние деревни, присоединившиеся к Союзу, воровали детей и приносили их в жертву своим языческим богам.

Эмма разом стухла.

— Когда Сайрус передал мне, что Вик не прибыл на место встречи в назначенное время, я приказал ему поделиться с сааксцами нашим опытом. Опытом уничтожения террористов, нападавших на нейтральные поселения на Нижних Уровнях. Приказ он выполнил. К сожалению, я переоценил его силу духа. Этот человек был сломлен очень давно и едва сохранял разум. Стоило увидеть, как сааксцы казнят людей в той же манере, что и мы, он сошёл с ума. Всё же, я надеялся, что его сил хватит, чтобы сдержать сааксцев от

конфронтации. Увы, не получилось. Люди Хамида понимали приказы… по-своему. Когда я сказал, что нам нужно проверить лояльность Вика, они восприняли это как повод к драке. В каком-то смысле, они были правы.

— Он совершенно не сдерживался, — сказал Саргий. — Он даже не подал виду, что знает что-то о планировавшейся встрече.

— Мы побывали в храме, в котором Сайрус казнил жителей деревни, — добавил Ли. — Вы ведь все прекрасно помните? Капитан приказал идти в деревню на юге, а уже потом в ту, что на севере. Сколько времени мы потеряли!

— Он узнал ваш почерк, — сказала Эмма. — Он понял, что вы оставили ему послание… но не помнил, что он должен сделать. Ведь об этом речь, верно?

— Именно, — кивнул полковник. — Как только он не пришёл на встречу вовремя, у меня закрались подозрения, что Карл переманил его к себе. Я не был уверен, как это могло произойти. Либо же Вик предал нас по своей воле, либо же король как-то сумел на него повлиять. Сейчас, встретившись с ним, я могу со стопроцентной уверенностью сказать одно: он не помнит о нашем плане совершенно ничего. Меня он едва узнаёт. Даже увидев место казни, он всё равно ничего не вспомнил о Нижних Уровнях и договоре, который мы заключили. Когда вы пришли в деревню на севере и начали всех там убивать, я потерял контроль над ситуацией. Хамид сказал, что разберётся сам. Он попытался уничтожить вас в храме, передав туда энергию для взрыва. Потом он отправил разведотряд, а уже за ним — линкор. Я не мог его остановить. Оставалось только надеяться, что из всех испытаний вы выйдете победителями.

Эмма вздохнула.

— Даже если так, что же могло произойти с капитаном?

— Он курьер, как и я, — сказал Ли, приложив два пальца к виску. — Мы можем записывать свои воспоминания, передавать их другим. Но… что если это работает и в обратную сторону? Что, если король сумел смыть его воспоминания?

— Карл слепил себе идеального солдата, — фыркнул Саргий. — Даже не подозревая о ваших планах, он знал, что в лояльности капитана не стоит сомневаться. Просто потому, что тот ничего не помнил и просто выполнял бы приказы, как автомат.

Полковник кивнул.

— Вы хотели знать, кто такой Виктор Валентайн? — спросил он. — Теперь вы знаете. Он человек, чья воля привела нас сюда. Но важнее другое. Он наш враг.

— Так почему мы просто не убьём его? — воинственно бросил Саргий. — Хлопнем его — и дело с концом. Чем меньше движущихся частей в механизме, тем меньше вероятность поломки.

Губы полковника тронула кроткая улыбка.

— Пусть Вик и заблуждается относительно того, кому он может верить, я всё же считаю, что он ещё не окончательно потерян. Мы можем его вернуть. У нас будет время подготовиться. У нас будет полно времени. Правда, есть и другой фактор. Я не уверен, что мы вообще можем его убить.

— Как это? — озадаченно протянул иммигрант. От его вопроса Эмма почувствовала прилив раздражения. Щёлкнув пальцами, она сказала:

— После возвращения с Нижних Уровней он сумел регенерировать.

— Я знаю! — похоже, её недоверие задело Саргия. — Но на это у него ушло — сколько? Почти неделя? Если мы схватимся с ним и измочалим его тело так, что целого кусочка не

останется, сколько понадобится, чтобы он сумел хотя бы восстановить способность дышать?

— Насколько мне известно, — холодно протянул полковник, — за эти годы капитан научился регенерировать почти мгновенно.

— Я бы так не сказала, — тут уже пришла очередь Эммы чувствовать себя дурой. — Я ведь лечила его раны. Он вполне обычный человек.

— Конечно. Пока ему не грозит смертельная опасность, — полковник сверкнул глазами.

— Я дрался с ним один на один, — выдал Саргий. — Сумел обездвижить и сорвать с него экзоскелет. Как червяк он извивался передо мной на земле — и не мог сделать совершенно ничего. Неужели он тогда не чувствовал угрозы? Мне бы хватило одного удара, чтобы прикончить его.

— Но ты его не нанёс, — заметил полковник. — Что же до экзоскелета… с этой дрянью тоже шутки плохи. Тебе повезло, что эта тварь не посчитала тебя достойной угрозой. Вполне вероятно, твой путь мог закончиться уже тогда.

— Вы так говорите, будто экзоскелет живой, — с недоверием выдал Ли. — Да, я видел, на что капитан способен в паре с этой штукой. Но вы преувеличиваете её важность.

— Ни в коем разе. Виктор вернулся вместе с этим паразитом из другого мира. Поначалу он выглядел всего лишь как маленький нарост на основании шеи. Со временем, он начал разрастаться. Вик сказал, что пытался от него избавиться, но не смог. Он сам не вполне понимал, что это такое. Его друзья с той стороны вживили ему эту штуку, сказав, что она заточена спасти его жизнь — иначе перехода он просто не переживёт. Мы подумали, что это что-то вроде доброкачественной опухоли, подключили медиков. Все наши попытки удалить паразита закончились неудачей. Саргий, когда твои дети вырвали эту тварь, я поверил, будто случилось чудо.

Иммигрант нахмурился.

— Конечно, они сильны. Но, похоже, не настолько?

Полковник покачал головой.

— Видимо, дрянь просто позволила нам её отсоединить. Как только паразита изолировали, он снова начал разрастаться. Я потерял три отряда хороших воинов, пытаясь его утихомирить. Мы смогли затормозить его развитие, выкинув его в другой мир. Но, похоже, просто так уничтожить эту сволочь не получится.

«Мы хотим переработать весь мир, — в памяти Эммы возникла смуглая девушка с клинками вместо зубов. Катер Томми, принявший облик его бывшей возлюбленной. — Мы утилизируем всё, что только можно — и создадим мир, в котором этот глупыш будет чувствовать себя королём».

Догадка пронзила её разум.

— У них что-то вроде взаимовыгодной связи, — произнесла Эмма. — Скажите, почему вы вытащили Томми в наш мир?

— Рулевой, которому нечего терять, и судно, которое невозможно уничтожить, — ответил полковник. — Лучшее сочетание. Как только я узнал, что мы можем заполучить себе катер Эдема с верным нам рулевым, я понял, что наша миссия обречена на успех. Почему вы про него спросили?

— Вы ведь в курсе, что их можно уничтожить только в паре? И рулевого, и катер?

Полковник покрутил ус, уставившись на Эмму.

— Вы думаете, здесь тот же самый механизм? — наконец, заключил он. Эмма кивнула.

— Если паразита невозможно уничтожить, то убивать Вика нам нет смысла — даже если это и получится сделать. Мы можем пока держать их по отдельности, а когда придёт время — дать им объединиться. Какая бы связь у них не была, после разрыва уйдёт некоторое время, чтобы её наладить в полную силу. Тогда-то они и будут уязвимее всего.

— Тогда-то мы и нанесём удар, — сказал Ли, хлопнув кулаком по ладони.

— Как я уже сказал, мы не будем его убивать, пока не убедимся, что он не хочет возвращаться, — слова полковника прозвучали жёстко — свою позицию он явно менять не собирался.

— Мы слишком рискуем, — сказал Саргий. Его голос задрожал. — Кого вы выставите против него? Моих детей? Они вообще в курсе, с кем будут бороться?

— Они добровольно отказались от участия в планировании операции.

— Что?!

— Они инструменты Бога, а инструментам не положено осуждать замысел Господа.

— Это просто бред какой-то! — бросил Саргий. — Почему? Почему вы им не расскажете?

— Они отказываются слушать, — полковник развёл руками. — Ты ведь лучше всех знаешь, насколько важна для человека вера, не так ли?

Услышав это, Саргий резко потух.

— Да, — сказал он. — Пути Господа неисповедимы.

Эймс кивнул, однако в глазах его царила боль.

— Я знаю, что ты боишься за своих отпрысков. Это естественно. Но ведь это они привели тебя сюда, а не ты их. Доверься им, поверь в их силы. Они уже не маленькие дети, которых ты должен защищать. В этот раз, они защищают тебя — да и весь мир.

— Я понимаю, — сказал Саргий. — И всё же…

— Ты увидишь — они могут за себя постоять, — полковник поднялся во весь рост. — Да и потом, у нас нет другого выбора. Тьма поглотит всё, если мы не одержим победу. Мы знаем, кто наши союзники, а некоторых врагов мы ещё сможем переманить к себе. Действуем согласно плану — и всё получится. Бог вернётся к нам, и царствие небесное воцарится на земле.

— Но что нам делать сейчас? — спросила Эмма.

Полковник позволил себе улыбнуться уголком рта.

— Тренироваться, что же ещё. И жить, наконец, в своё удовольствие.

— Вы предлагаете нам жить в вашей деревне? — переспросила Эмма, не веря своим ушам.

— Именно, — кивнул полковник. — Вы боретесь, потому что у вас всё отняли. Вы считаете, что вам нечего терять. Когда придёт время, вы пожертвуете собой ради достижения миссии. Вот только мне не нужны люди, жаждущие умереть. Я хочу, чтобы вы сражались за жизнь. За то, что у вас есть.

Помедлив, полковник всё же добавил:

— Именно ради счастья подданных мы с Карлом когда-то и убили старого короля.

***

— Скорее! — проорала Надя, стискивая плечо Эммы. — Мы его потеряем!

«Уже потеряли», — с досадой подумала Эмма, но вместо того, чтобы начать

переговариваться, бросила все усилия на передачу. Ничего не получалось. Энергия проходила через круг, через неё, через её руки, явно выплёскивалась наружу, да только отказывалась входить в тело мертвеца.

Лицо убитого начало приобретать землистый оттенок. Эмма стояла на коленях рядом, упираясь руками в его грудь — и не могла совершенно ничего сделать. Дети Саргия держались за её плечи и друг за друга, замыкая цепь. Все вместе они давали огромное количество энергии — и всё же, её не хватало, чтобы выловить мёртвого из вод реки забвения.

Прошло уже больше двух минут, Эмма держала контакт, а убитый всё не отзывался. Его губы стали синими. Кровь запачкала белые одежды, рана от клинка зияла огромной чёрной дырой, грозившей засосать всё и вся внутрь. Эмма готова была расплакаться. Ведь у неё всё так хорошо получалось! За полгода она научилась лучше контролировать свои силы. Целыми днями она черпала энергию из детей Саргия, заживляя травмы жителей деревни — как малые, так и довольно серьёзные. Казалось, крестьяне и солдаты специально ранились, чтобы ей было с чем работать. Такие мысли она отметала с негодованием: да, они боготворили полковника и его свиту, но не настолько же, верно? Верно?..

Теперь вот к ней в руки попал самоубийца, решивший воткнуть себе нож в грудь прямо на глазах у жены. Бедная женщина стояла чуть в стороне, слёзы на её щеках уже пересохли, однако взгляд продолжал выражать всю ту боль, которую она испытывала. Её присутствие доводило Эмму до отчаяния. Ей хотелось наорать на Веру с Надеждой, спросить их, почему они так медленно отреагировали.

«Он бы мог выжить!»

Глубоко вдохнув, она попыталась ещё раз, на этот раз реверсировав поток энергии. Она почувствовала, как из мертвеца выходят последние остатки его жизненных сил, проходят через детей Саргия и возвращаются снова в её руки. Сосредоточившись, она попробовала вложить эту горстку жизни в тело крестьянина.

На секунду ей показалось, что мужчина задёргался — но это она сама трясла труп несчастного, пытаясь его оживить.

— Всё, — упавшим тоном заключила она и поднялась на ноги. Вера с Надеждой, державшие её за плечи, отошли в сторону. Надя явно была раздосадована, лицо Веры же искрилось сожалением и заботой. Она подошла к женщине и молча обняла её. Только тогда вдова снова заплакала.

Эмма отвернулась. Не могла видеть такое горе. Она стала поразительно чувствительна к чужой боли, а учитывая, что благодаря её силам за эти полгода никто в деревне не погиб, сегодняшняя смерть была подобна удару под дых.

— Я… я сделала всё, что смогла, — произнесла она, запинаясь. «Ты могла намного больше!» — пилил её внутренний голос.

— Всё в порядке, — Вера отпустила женщину и повернулась к

Эмме. Её пепельные волосы прилипли к щёкам, покрытым потом. — Мы тебя не виним.

Эмма кивнула, но легче от слов дочки Саргия ей не стало. Надежда же никак не прокомментировала её провал, только знаком позвала солдат и приказала убрать тело. Те распахнули белое покрывало и обернули в него труп.

Холодный ветер принёс со стороны реки запахи влаги и свежескошенной травы. Эмма обняла себя руками, стараясь не дрожать. Она даже не заметила, как начала царапать кожу сквозь одежду — лишь бы почувствовать что-то, кроме разочарования и вины.

Крестьяне, сбежавшиеся поглазеть на воскресение мертвеца, начали расходиться по домам, вполголоса обсуждая произошедшее. Сыновья Саргия молча стояли в сторонке. Володя уставился на горизонт, глубоко вдыхая и выдыхая, его кудрявые волосы развевались на ветру. Дима сосредоточенно думал о чём-то, теребя подбородок. Витя же, как всегда, выглядел разбитым и испуганным. Стоило им снять шлемы, как они теряли всю грозность. Просто кучка подростков, одевшихся в архаичные доспехи, которые теперь казались им большими.

«Вот он, элитный отряд полковника, — подумала Эмма. — Ударная сила церкви, лучшие из лучших. Сила, что поставит Виктора Валентайна на колени».

Она прекрасно понимала, почему Саргий так сильно за них беспокоился.

После каждого ритуала им приходилось тратить по несколько минут, чтобы прийти в себя. Если бы не их нечеловеческая выносливость, Эмма вряд ли смогла бы чего-то достичь сама. Как она и опасалась, заживление чужих ран вытягивало из неё все силы. Раньше она боялась, что сама может погибнуть, пытаясь кого-то спасти. Теперь она точно знала, что так и будет.

К ней подошла Надежда, похожая на беловолосую фурию-воительницу из древних легенд.

— Это недопустимо, — сказала она. — Ты должна была вернуть его. Ты…

— Отстань, Надь, — вмешался Дима. Он подошёл ближе и взял сестру за плечо. — Посмотри на неё. Она вся измоталась. Не делай хуже, прошу.

— Хуже? — девушка покраснела от злости. — Человек погиб из-за неё!

— Мы оба знаем, что это не так, — подал голос Володя. Повернувшись к сестре, он напялил на лицо нахальную улыбку и развёл руками: — Люди гибнут постоянно, такова жизнь. Что тут поделаешь? Зато теперь мы точно знаем, что только Освободителю под силу возвращать мертвецов.

— Или же мне нужно больше энергии, — произнесла Эмма, перестав дрожать. Она собрала всю волю в кулак и бросила горящий взгляд на Надю: — Да, я слаба. Я ничего не могу сделать сама, без ваших сил. Но у меня возникло одно неприятное чувство. Наверное, оно меня и остановило.

— Ты могла его воскресить? — Дима казался искренне ошарашенным. Эмма кивнула.

— Да, думаю, что так. Но сдержалась и не стала.

— Почему? — поинтересовалась Вера, подойдя ближе. Наклонив голову набок, она внимательно изучала Эмму, будто та предстала для неё в новом свете. Дима хотел что-то сказать, но вперёд вышел Володя и, подняв палец вверх, ввернул:

— Потому что кто-то из нас мог умереть, правильно?

Эмма не стала ничего говорить, но, похоже, выражение её лица ответило на вопрос маленького нахала.

— Проклятье, — пробормотал Дима. — Нет, если бы ты предупредила, я бы мог остаться один, помочь тебе…

— Отдал бы свою жизнь в обмен на какого-то крестьянина? — Володя захохотал, его смуглое лицо исказилось гримасой презрения: — А что бы мы потом делали без нашего гениального лидера?

— Заткнись, — перебил его Дима. Толкнув брата кулаком в грудь, он добавил: — Ты прекрасно знаешь, что ради чуда и жизни не жалко! Зачем мы иначе нужны здесь? Просто чтобы махать клинками?

— Господи, как же вы мне надоели! — воскликнула Надя, сжав кулаки. — Чем старше становитесь, тем больше походите на детей. Я к полковнику, доложу о случившемся.

Она напялила шлем и широким шагом удалилась в сторону храма. Вера подошла ближе к Эмме и почти шёпотом произнесла:

— Не обращай на неё внимания. Она добрейшей души человек, просто боится, что другие об этом узнают.

— Я не обижаюсь, — сказала Эмма. — Просто… её обвинения не беспочвенны. Я действительно могла что-то сделать, но я не готова жертвовать вами.

— А придётся, — вмешался в разговор Володя. Улыбка сошла с его лица, говорил он предельно серьёзно. За эти полгода Эмма впервые прочитала в его глазах нечто, похожее на страх. — Я думаю, что…

— Не говори ерунды, — отрезал Дима. — Пойдём, дела ждут. Отец позвал нас на тренировку.

Всё это время Саргий тренировал своих детей для схватки с Валентайном. В конце концов, только он бился с ним в ближнем бою и знал, чего стоит ожидать от капитана.

— Сегодня? — взвился Володя. — Опять?! Мы же только вчера занимались!

— Старик беспокоится о нас, ты это знаешь. Не будем заставлять его ждать.

— Называй его папой, — потребовал Володя. Старший брат лишь пожал плечами.

— Его слишком долго не было в нашей жизни. Не заслужил. Идём, хватит переговариваться. Витя, догоняй!

Братья ушли, продолжая перепалку на ходу. С Эммой остались только тихоня Витя, да Вера.

— О чём это он? — спросила Эмма. — Насчёт жертвы?

Глаза Веры остекленели.

— Не знаю, — сказала она насквозь фальшивым тоном. Удивительно, как часто она врала — и при этом каждый раз паршиво.

— Володя думает, что мы погибнем, — негромко произнёс Витя. Эмма вздрогнула. Он столько времени молчал, что даже одно сказанное слово казалось сюрпризом.

— Почему ты это говоришь?

— Витя, я тебя предупреждаю, — произнесла Вера придушенным голосом. Юноша бросил на неё испуганный взгляд, но всё равно продолжил:

— А что тут скрывать? Полковник хочет выставить нас против Валентайна. Мы не знаем, что у них за отношения, но Володя уверен — Эймс лучше пожертвует нами, чем позволит капитану умереть.

— Никто не умрёт, — сказала Вера, схватив брата за руку. — Ты слышишь меня? Брось эти глупости. У нас всё получится. Вместе мы всё сможем.

— Конечно, — пробормотал Витя. — А что ты ещё скажешь? Что мы просто так погибнем, совершенно ни за что?

— Мы же об этом говорили! — прошипела Вера, бросая опасливые взгляды на Эмму. То, что брат раскололся перед ней, её явно беспокоило. Эмма поняла, что нужно вмешаться.

— Так, отойди от него. Витя, почему вы просто не уйдёте?

— Вы с ума сошли?! — почти прорычала Вера. Её лицо исказилось. На лбу и шее вылезли вены, а зрачки словно превратились в маленькие дула винтовок. — После всего, что мы сделали? Без Освободителя у Первого Города нет будущего! И мы всем пожертвуем, чтобы его вернуть, даже собой!

— Тебе легко говорить, — тихо сказал Витя, уставившись под ноги. — А я вот хочу жить. Очень хочу.

— Вера, прошу, отойди, — сказала Эмма, чувствуя напряжение в мышцах. Она сосредоточилась на потоках, протекающих в её теле, и выставила вперёд руку, готовясь оттолкнуть дочь Саргия, если та вдруг решит сделать что-то с братом. Но Вера только подняла руки, покачала головой и ушла.

Эмма вдруг поняла: если из двух сестёр Надя добрая, то злая именно она.

Как только они остались одни, Эмма дотронулась до подбородка Вити и подняла лицо юноши. Взглянув в его слезящиеся глаза, она тихо спросила:

— Вера всегда так с тобой?

Витя всхлипнул, вытер нос и глаза, но всё же сдержался, чтобы не расплакаться.

— С самого детства. Она всегда заставляла нас делать то, что она хочет.

— Так ты просто мог не подчиняться. Зачем её слушать?

— Она самая сильная среди нас, — сверкнул глазами Витя. — Сильнее Димы, сильнее Володи. Явно сильнее меня. Она… она била меня, если я её не слушался. Так, чтобы дядя Миша не замечал. Надя пыталась меня защищать, но бесполезно. Если Вера убедит в чём-то Диму, то нашего мнения уже никто не спрашивает. Я ведь… я пытался её остановить. Так ничего и не смог.

Будто не в силах больше стоять, юноша упал на колени. Эмма села рядом с ним, взяла его за щёки и попыталась передать немного энергии. Она впервые дотронулась до него одного — и ужаснулась, ощутив, что сил у него даже меньше, чем у неё. Он едва держался, но не подавал виду, как ему плохо. Стоило ей влить капельку своей жизни, как щёки юноши покрылись румянцем. Витя несмело улыбнулся.

— Спасибо большое.

— Так значит, вы не соглашались на то, чтобы вас забрали?

— Не совсем. В день, когда церковь прислала людей, чтобы отправить нас в экспедицию, Володя пытался убедить всех повернуть назад. Сказал, что хочет увидеть отца, хочет предупредить его, какая великая миссия нас ждёт. Вера отказала. Дима же встал на её сторону. Он слишком верит в полковника. А нам с Надей и Володёй приходится подчиняться. Я тогда набрался смелости. Я очень… очень хотел увидеть папу. Она ударила меня. Сломала мне челюсть, а потом вывихнула руку. Володе досталось от Димы. Надя даже не стала вмешиваться.

Эмма почувствовала тошноту, подступающую к горлу. Как она могла быть так слепа? А главное, что ей теперь делать?

— Ещё раз, спасибо за помощь, — Витя поднялся на ноги. После прикосновения Эммы он прямо расцвёл. — Мне тоже надо идти.

— Так не может продолжаться, — сказала Эмма. — Это же какое-то безумие! Они не могут вас заставить идти на верную смерть! Сам Эймс сказал нам, что ему не нужны самоубийцы. Мы должны были быть счастливы!

— Госпожа, — выдавил Витя. — Я слишком много всякого наговорил. Забудьте всё, пожалуйста. Вера права. Мы должны это сделать. Кроме нас никто не сможет.

Секунду помолчав, он добавил:

— Пожертвовать собой, вернув Бога — не такой уж плохой способ умереть.

Как только юноша ушёл, Эмма осталась сидеть на земле. Она просто не могла подняться. Всё это время она пыталась сопротивляться. Поток событий нёс её к

неизбежному финалу, к концу света, который невозможно было предотвратить, а она всё пыталась найти тихую гавань, чтобы осесть. Прекратить бессмысленное движение. И как только ей казалось, что она, наконец, сумела зацепиться, течение становилось всё сильнее.

Может, настало время плыть по нему?

«Каждый раз, — подумала она, — каждый раз ты делаешь неправильный выбор. Забираешься на самую вершину и тут же ищешь повод сорваться камнем вниз — и всё потому, что совесть не даёт тебе покоя. Почему ты просто не ушла? Зачем было его допрашивать? Что тебе это принесло?!»

Она знала, что не могла теперь развернуться и уйти. Да и хотела ли? Витя был прав. Он боялся, но всё же понимал, что с таким знанием просто не сможет спокойно жить дальше. Слишком много людей погибло, чтобы Освободитель вернулся. Эмме казалось, что если бросить всё, их кровь будет на её руках.

Она вспомнила Билла и то, что он сделал с ней. Злилась ли она на него сейчас, после всего, что узнала? Или же чувствовала благодарность? Можно сказать, он привёл её сюда, в самый центр мира, где решалась судьба будущего человечества.

А Рэй погиб по её вине. Из-за её ханжества, из-за её дурацкого нежелания пачкать руки. Чего она этим добилась? Только потеряла единственного человека, которого любила. Билл был прав. Не король убил Рэя, даже не его бойцы, а она. Только она была виновна во всём.

Шрамы, что она несла на себе, теперь казались не просто наказанием. Она не могла вылечить их, хоть и пыталась. Они превратились в искупление. Если бы не они, Эмма бы и не поняла сути своего греха. Глубины своей гордыни, которая привела к катастрофе. И всё же, даже ей был дан шанс всё исправить. Она не только сможет воскресить Рэя, но и осчастливит всё человечество.

А будет ли счастлива сама?..

Вздрогнув, Эмма открыла глаза. Тьма накрыла деревню, но в небе россыпью лежали звёзды, дотягивающиеся до людей светом даже через сотни триллионов километров. Такое огромное расстояние — и всё, чтобы сказать: «Даже там есть тепло. Почему ты думаешь, что не найдёшь его рядом с собой?»

— Эмма? — услышала она. Саргий стоял в паре метров от неё, на лице его застыло недоумение. — Что ты здесь делаешь? Я думал, ты у себя в хижине.

— А, это ты, — она не хотела показывать, как рада его видеть. В странном мире, который они вынуждены были делить последние полгода, только он казался хоть каким-то подобием путеводного маяка. Собрав все силы, она поднялась на ноги и, пошатываясь, двинулась иммигранту навстречу. — Задам тебе тот же вопрос.

— Я искал тебя. Ты пойдёшь на проповедь?

«Сегодня же воскресенье», — с досадой подумала Эмма.

— Да, конечно.

Саргий покачал головой, но не стал комментировать её странное поведение. Они двинулись по центральной тропинке деревни, мимо пустых хижин — почти все жители уже были в храме.

Там, в специально выделенном зале, слепой сааксец по имени Басир проповедовал перед паствой о годах, когда полковник только-только ступил на землю Союза. Его рассказы наводили на Эмму тоску, потому она старалась всеми правдами и неправдами их избежать. Саргий же утверждал, что без знаний они будут слепы так же, как проповедник, потому старался посещать собрания даже в насыщенные тренировками дни.

Сегодня, похоже, был один из таких. От иммигранта исходил отчётливый аромат мыла: похоже, он долго не вылезал из душа, чтобы не осталось даже и намёка на запах пота. «Зря, — подумала Эмма. — Я не против была бы им подышать». От этой мысли её тут же накрыла волна стыда.

Из всех мужчин, что она встречала, никто не волновал её так сильно, как Саргий. Даже Рэй, которого она любила больше жизни, ради которого она готова была пожертвовать всем, не внушал ей таких чувств. И всё же, она не могла открыться иммигранту. Хотя бы потому, что в авантюру полковника она ввязалась только чтобы воскресить мужа. Да и стал бы Саргий любить женщину, чьё тело состояло больше из швов, чем из кожи?

Эмма знала: она чудовище. И не потому, что её изуродовали. Как раз шрамы делали ей честь, заставляя думать о грехах, из-за которых она их получила. Нет, она чудовище потому, что своим эгоизмом убила единственного человека, который её любил. И теперь, она вынуждена нести этот крест на себе. До тех пор, пока не искупит свой грех.

Вот только продолжит ли Рэй её любить?

Эмма помотала головой. «Перестань думать о прошлом, сосредоточься на настоящем». Они ещё не дошли до храма, потому она решила поднять вопрос, который её сильно волновал.

— Я тут поговорила с Витей. Выяснила пару интересных вещей…

— Ты о том, что Вера его отдубасила когда-то? — лениво протянул Саргий. Эмма чуть не подпрыгнула от удивления.

— Ты знал?

— Конечно знал. Они же мои дети. У нас нет секретов друг от друга. Во всяком случае, теперь.

— И ты ничего не предпринял?

— Что сделано, то сделано, — Саргий цыкнул, а потом уставился на неё любопытным взглядом. — Эмма, человек не может изменить свою судьбу. Он может попытаться искупить совершённые ошибки, но и только. Шанс, который нам выпал — такого нет ни у одного смертного.

— И значит, надо затащить с собой всех, даже несогласных?

— Вера сделала это ради меня, — Саргий отвернулся, голос его слегка задрожал. — Они все готовы были пойти на смерть ради меня.

Иммигрант остановился и снова посмотрел на Эмму. Положив ей руки на плечи, он произнёс:

— Мой отец как-то сказал мне, что пути Господни неисповедимы. Никогда не знаешь, к чему приведёт та или иная тропа. Подумай над этим. Мы сейчас здесь по Божьей воле.

Прикосновение чуть не свело Эмму с ума, но она всё же нашла в себе силы ответить:

— Мы здесь по воле Виктора Валентайна — и только. Если бы мы не согласились идти, его план пошёл бы прахом.

Судя по гримасе Саргия, слова Эммы его задели.

— Мой отец привёл наш народ в Первый Город, потому что верил в Освободителя. Он погиб ради своей веры. Большую часть жизни я прожил на окраинах не зная, был ли в его поступке смысл. То, что я видел, не походило на жилище Бога. И вот, я нашёл детей.

— И, наконец, обрёл счастье?

— Почти, — Саргий засмеялся. — Я был слеп. Понимаешь, я думал, что должен привить им подобие смысла. Направить их усилия в правильное русло. Да только я

ошибался. Они сами лучше меня знали, что им нужно делать. А я сопротивлялся. Возможно, если бы не моё упрямство, всё бы обернулось намного, намного лучше. Я бы не терял их, чтобы снова найти. Но всё обернулось лучшим образом. Блудный отец вернулся к своим детям. Нужно было лишь поверить.

— Валентайн хотел, чтобы твои дети отправились во Вне. И он же взял тебя с собой. Разве ты не видишь? Это не план Господа, это лишь извращённый замысел одного человека. Пусть и выдуманный из лучших побуждений, но всё же. Мы оказались здесь обманом.

— Конечно, — Саргий засиял. — Как раз потому, что всё это время мы сопротивлялись своему предназначению. Если бы мы верили, то и для обмана не было бы нужды, разве ты не видишь? Посмотри на Ли. Он был в экспедиции с самого начала. Его самоволка чуть не обернулась катастрофой. Погибни он, все наши усилия оказались бы напрасны.

— Валентайн хотел, чтобы он сбежал, — парировала Эмма. — Без него мы бы не нашли храм.

— Рано или поздно мы бы всё равно пришли сюда. Просто потому, что другого пути не было. Эмма, как ты не поймёшь. Судьба хотела, чтобы мы все оказались здесь. Чтобы мы вернули Бога и смысл в этот умирающий мир. Чтобы никто больше не был несчастлив. Перестань сопротивляться. Плыви по течению.

Эмма вздрогнула от его слов. Казалось, будто иммигрант прочёл её мысли.

— Быть несчастливым — это выбор, — продолжил Саргий. — Человек всю жизнь может сопротивляться счастью. Тратить силы, угнетать себя, лишь бы не видеть, что проблема в неправильных установках в его голове. Трудно отказаться от мировоззрения, если ты посвятил ему всю свою жизнь. Если решился на собственном примере доказать, что мир жесток, что счастье обрести невозможно. Ты лучше всех знаешь об этом.

— Почему? — взвилась было Эмма, но тут же утихла, понимая, что иммигрант прав.

— Твой муж погиб из-за тебя, так? Потому что ты отказалась идти на сделку с совестью и не захотела подчиниться королю.

Эмма понурила голову.

— Да, это так.

— Знаешь, в чём ирония? Согласись ты, ничего бы не поменялось. Твоим исследованиям понадобилась бы новая кровь.

— Сааксцы? — спросила Эмма. Саргий кивнул.

— Король бы отправил тебя за стены как передового учёного. И ты бы всё равно пришла сюда с Валентайном. Сама подумай.

В этот раз ей нечем было парировать.

— Даже если так, — наконец, заключила она, — то какая разница, плывёшь ли ты по течению или нет? Всё равно окажешься там, где решит судьба. Какой вообще смысл что-то делать?

— Я же уже сказал. Может, ты и не выбираешь пункт назначения, но путь к нему всё ещё можно изменить. Ты можешь быть счастливой, а можешь противиться счастью. Вот и всё.

— А ты? Что выбрал ты?

Саргий посмотрел в сторону храма.

— Как видишь, я решил не сопротивляться. Я счастлив, Эмма. Мои дети снова со мной. Они ведут меня, прокладывают дорогу к светлому будущему. Ты ступаешь рядом с ними, мне же только остаётся идти следом. Это прекрасная картина. Трудно отвести от неё взгляд.

— Так значит, ты на меня засматриваешься? — вырвалось у Эммы. Иммигрант захохотал.

— Да, и ловлю твой ответный взгляд.

У Эммы загорелись щёки. Она опустила глаза, не в силах смотреть на Саргия. Иммигрант протянул руку, коснулся её подбородка и заставил Эмму поднять голову. Лицо его было серьёзно как никогда.

— Знаешь, когда-то у меня было всё, чего хотел любой мужчина: деньги, бизнес, власть. Но меня ничего не радовало, потому что мои дети не желали иметь со мной ничего общего. Так я думал. И ошибался. На деле, они так меня любили, что готовы были погибнуть ради моей мечты. А мне просто нужно было поговорить с ними. Протянуть руку, показать, что я хочу услышать их. Тогда всё сразу обрело смысл. Мне больше не нужно было вообще ничего.

Он усмехнулся. Эмма вдруг поняла, как сильно он смущается. Его прикосновения обжигали кожу, сводя её с ума. Никто, кроме Рэя, так к ней не прикасался. Она даже забыла, что может чувствовать такое вожделение.

— Встретив тебя, я понял, чего мне не хватало. Я ещё никогда не видел такой доброй и умной женщины, как ты. Ты ведь спасла мою жизнь. И теперь ещё помогаешь моим детям принести лучший мир. Может, тебе покажется это наглым, но я хочу быть с тобой. Как ты на это смотришь?

— Это невозможно, — тут же ответила Эмма. Она схватила Саргия за руку, но так и не смогла отвести её в сторону. — Саргий, ты хороший человек. Правда. Но ты совершенно не представляешь, какая я на самом деле.

— Ты про шрамы на теле? — ровным голосом спросил иммигрант. Эмма задрожала.

— Что? Откуда ты знаешь? Ты… ты подглядывал за мной?

— Брось! Ты серьёзно думаешь, что хорошо это скрывала? Да на Древесном Пике каждый рядовой знал, что у тебя всё тело в порезах и швах. Просто все помалкивали из уважения. Не думай, что меня это смущает. Даже если на тебе нет ни одного целого кусочка кожи, я всё равно не отвернусь. Понадобится что-то большее, чтобы меня отпугнуть.

— Я хочу ответить тебе «да», — призналась Эмма. — Но я согласилась на условия полковника, чтобы вернуть Рэя. И я не отступлюсь.

— Ты идёшь на всё это ради мертвеца? — с удивлением спросил Саргий.

— А ты нет? — ввернула Эмма. — Ты до сих пор движим духом отца. Когда он погиб? Тридцать лет назад? А ты ещё пытаешься доказать, что он был прав, когда привёл твой народ в Первый Город. Не тебе меня судить, Саргий.

По лицу иммигранта пробежала гримаса гнева, но тут же исчезла.

— Извини, — сказал он. — Ты права. Просто если ничего не получится, не хочу жалеть, что не попытался.

— Ты не будешь, — заверила его Эмма. — Всё получится. Мы победим.

Саргий кивнул, но по лицу было явно понятно, что он уже не слышал её. Отказ его расстроил, и не надо было быть мастером душ человеческих, чтобы понять это. Эмма остановилась.

— Слушай, иди в храм сам. Я, пожалуй, домой. Уже поздно, спать хочется.

— Ты уверена? — спросил он упавшим тоном. Эмма кивнула.

— Конечно. Ты и сам знаешь, я не любительница слушать байки Басира.

Саргий тяжело кивнул и заковылял дальше по дороге. Видя его согнувшуюся фигуру, Эмма едва поборола в себе желание окликнуть иммигранта и ответить ему согласием.

Только когда он скрылся из виду, её немного отпустило. Тихий голосок в голове допытывался: «Почему ты отказала?» Но Эмма знала, что иначе было нельзя.

Она бы не простила себя, если бы обрела счастье.

Эмма направилась к дому. Она столько раз это делала, что могла дойти даже с закрытыми глазами. Темнота не смущала её. В Первом Городе она бы больше боялась выйти на улицу, чем здесь, в деревне полковника. Преступность в этом месте отсутствовала как класс. Тем более, кто бы покусился на божество, лечащее любые раны?

Минуя хижины, она задумалась, чего же хочет на самом деле. Вернуть Рэя? Да, само собой. Его любовь? Однозначно. Но, наверное, она согласилась бы даже остаться одна, при условии, что он простит её. Вполне неплохой расклад. Искупив грехи, она сможет начать новую жизнь, не запятнанную более сомнениями и страхами.

И всё же, она готова была плюнуть на всё это, лишь бы заполучить иммигранта.

«Господи, ну и дура же ты».

Тишину, накрывшую деревню, неожиданно нарушили два хорошо знакомых Эмме голоса. Услышав их, она тут же прижалась к ближайшей стене и притаилась.

— Думаешь, такая прогулка ни у кого не вызовет вопросов? — тон низкий, с хрипотцой, некоторые гласные в словах проглочены — явно говорил Томми. Рулевой последние полгода сидел в камере и практически её не покидал. Что он здесь делал?

— Конечно нет! Все меня здесь знают. Да и потом, тебе полезно размять ноги, — высокий, весёлый голосок с лёгкой картавостью в речи — Эмма ни с кем бы не спутала говор Сары. Через несколько мгновений парочка вышла на дорогу. Казалось, будто бы они блестят в лунном свете. Эмма рассмотрела на лице Паркер улыбку. Уперев руки в бока, рулевая произнесла:

— Я же обещала, что покажу тебе полнолуние.

— Какая красивая, — признался Томми, задрав голову. — Ты не врала. Отсюда и правда совсем другой вид. В камере без окон не на что смотреть, кроме стен.

Почти минуту они стояли молча, затем Марцетти спросил:

— Почему ты столько времени возишься со мной? Ты же прекрасно понимаешь, я не приму сторону полковника, сколько бы ты ни пыталась меня переманить.

— Ты думаешь, я делаю это ради него? — Паркер, казалось, совершенно искренне оскорбилась. Не прошло и секунды, как она захохотала. — А знаешь, скажу честно, у меня были мысли, что неплохо было бы перетянуть тебя к нам.

— Разве ты не понимаешь? Я уже говорил тебе, он разрушил мою жизнь. А теперь хочет, чтобы я ему помогал. Саргий, Эмма, да даже сааксец — не понимаю, почему они перебежали к нему. Всё плохое в их жизни связано с Эймсом. Да что говорить, даже в Союзе теперь хрен найдёшь, кому он не насолил. Так какого чёрта они делают? Что он им пообещал?

— Счастье? — просто спросила Паркер. Марцетти покачал головой.

— Вот просто так, да? Щёлкни пальцами и всё станет лучше.

— Это настолько просто, Томми, — усмехнулась Паркер. — Я потеряла всех своих людей, так же, как и ты. Но я двигаюсь дальше. Нельзя позволять прошлому диктовать твоё будущее, понимаешь?

— Я ведь их убил. Ребята мне доверяли. Катрина так вообще любила меня. И чем я отплатил? Думаешь, таким грехам есть искупление?

— Капитан убил тебя и всю твою команду из другого мира. Разве это тебя не

раздражает?

— Да, но своих-то убил я, — упрямился Томми. — Именно поэтому я здесь. Потому, что Эймсу захотелось выдернуть меня сюда.

— Знаешь, почему он это сделал? Потому что ты можешь всех вернуть.

— Что?

Паркер снова рассмеялась, будто бы удивление Марцетти доставляло ей искреннее удовольствие.

— Может быть, без полковника ты бы и не оказался в этой ситуации вообще. Однако именно тебя он выбрал, чтобы всё исправить. Подумай сам. Ты убил людей, которые тебе доверяли. Из всех версий Томми Марцетти, только ты это сделал. Потому-то он и решил дать тебе шанс поучаствовать в этой миссии. Помочь вернуть Освободителя. Воскресить мертвецов. Изменить прошлое.

— Я… — Томми запнулся. — Я никогда не смотрел на это с такого ракурса.

— Правда? — Паркер положила руку на плечо Марцетти и сделала шаг ему навстречу. — Думаю, на меня ты тоже не смотрел вот так.

Они слились в поцелуе. Мгновение Марцетти не знал, куда девать руки, а затем приобнял рулевую и поддался соблазну. Эмма чуть не закричала от несправедливости. У неё перехватило дыхание. Побоявшись, что её услышат, она двинулась вдоль стены и почти что побежала к дому, стараясь не смотреть назад.

«Почему им можно, а мне нельзя?!»

Она не помнила, как оказалась у двери своей хижины. Знала только, что внутри неё вскипает ярость. «Полгода он сидел в камере, перечил полковнику, а теперь просто так встанет на нашу сторону?»

Она знала, что не стоит винить Марцетти. У него были свои причины сопротивляться. Но как же просто он сломался! Неужели всё сводилось к этому? Ей не давала покоя мысль, что Саргий был прав.

Она продолжала противиться своему счастью изо всех сил. И сегодняшний отказ иммигранту был лишь очередным подтверждением. Эмма просто не могла признать, что не права.

«Зачем нужны были все эти страдания?»

За мыслями она и не заметила, что дверь открылась без особых усилий. Осознала это, когда переступила порог. И обнаружила незваного гостя внутри.

Пламя одинокой керосиновой лампы едва освещало Володю, сидевшего на кровати. Хоть сын иммигранта и сидел близко к лампе, из-за брони он казался погружённым во тьму — и только горящие энергией глаза на смуглом лице выделяли его.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Эмма, аккуратно закрывая за собой дверь. Наверное, когда-то, в другой жизни, она испугалась бы такого визита. Но не сегодня. Не сейчас.

Из всех детей Саргия Володя, почему-то, всегда казался ей самым безобидным. Да, он изо всех сил нахальничал, язвил и хамил, но за всем этим Эмма чувствовала некую обиду на мир. Страх, что другие раскроют, какой он на самом деле. Всего лишь испуганный ребёнок, которого оставили одного.

Который один даже среди братьев и сестёр.

Увидев медичку мальчишка вскинул руку в приветственном жесте. Лицо его оставалось непривычно серьёзным.

— Добрый вечер, Эмма. Или уже ночь? Неужели ты так сильно заболталась с моим папаней? Он бывает ужасно обходителен, если того захочет.

Одной фразой он вогнал Эмму в краску, и она порадовалась, что во тьме не видно, как сильно она покраснела.

— Переходи к сути, если у тебя ко мне дело. Или прочь за порог. Я устала и хочу отдохнуть.

Володя поднялся с кровати и подошёл к ней вплотную. От его доспеха пахло озоном и холодом. Хоть мальчишка и возвышался над ней, Эмма не чувствовала себя рядом с ним маленькой. Ей даже показалось, будто бы он съёжился, не в силах выдерживать пристального взгляда.

— Полковник как-то сказал мне, — протянул Володя, — что все реки берут начало в одном и том же месте. Иди вдоль русла любой из них — и ты обязательно придёшь к источнику.

— Что это значит?

— Папаня, небось, рассказывал тебе, что всем нам нужно плыть по течению, не сопротивляться счастью и тому подобное, да? — Эмма никогда не видела мальчишку таким злым. Володя практически выплёвывал слова, не забывая, правда, их немного растягивать. Впервые она заметила, что из всех детей Саргия, только маленький нахал копировал манеру речи отца.

Володя потух так же быстро, как и зажёгся. Он поднял правую руку и снял с неё латную перчатку. Хоть в темноте Эмма и не могла рассмотреть всех деталей, но даже так она рассмотрела, насколько бледной, тонкой и болезненной казалась кисть.

— Я снимаю доспех два раза в день, — сказал Володя. В его голосе не было ни горечи, ни сожаления — он просто констатировал факт. — И даже так я едва успеваю восстанавливаться. А ведь когда-то я его мог таскать неделями.

— Что изменилось?

— Я не знаю, — мальчишка пожал плечами. — Может быть, просто наш срок истёк. Скольких людей мы уже пережили в этой деревне: не счесть. Для них мы юные боги, которые живут в другом временном потоке. Для нас же такая жизнь пытка. Раньше доспехи сохраняли нас, ускоряли время, чтобы мы не сошли с ума. Теперь такое ощущение, что они его замедляют сильнее обычного. Они… они высасывают нас.

— Почему же ты не откажешься? Сними с себя эту дрянь. Живи как обычный человек!

— Не могу, — помотал головой Володя. — Меня подхватит течение времени и унесёт прямиком к смерти.

Сказав это, мальчишка усмехнулся:

— И нет, я не говорю, что умру сразу, как только сниму доспех. Просто я уже не смогу вернуться в обычное время. Я останусь здесь, с жителями деревни, может, женюсь, наклепаю детишек, состарюсь и умру в постели в окружении своей настоящей семьи — а не той, на которую меня обрекла судьба. Я не против умереть. В конце концов, все мы смертны. Вот только люди вокруг меня уже придумали, как я должен сдохнуть.

— Ты сегодня говорил, что придётся принести вас в жертву.

— Именно. А как думаешь, почему нас выбрали? Мы агнцы на заклание и участь свою изменить не можем.

— Просто не подчиняйтесь! Так вы спасётесь.

— Правда что ли? — издевательским тоном переспросил Володя. — А я и не знал! Ты

же говорила с Витей. Чёрт возьми, ты и сама движима теми же чувствами. Ты прекрасно понимаешь, почему отказаться мы не можем. Слишком много людей погибло, чтобы мы оказались здесь, чтобы все фигуры на доске сошлись. Все вокруг говорят тебе: «Ты должен умереть, чтобы все остальные обрели счастье!» И что я должен делать, скажи? Что я должен делать?!

— Успокойся, — попросила Эмма. — Я понимаю. Прости. Я сама до сих пор не уверена, почему делаю это. Чувство долга, наверное? Надежда, что сумею воскресить мужа? Я уже ничего не знаю. Просто… у меня есть этот дар, и растратить его понапрасну было бы преступлением вселенского масштаба.

— Тебе нужна наша жизненная энергия, чтобы вернуть Бога, — сказал Володя. — Поэтому-то мы и здесь. Доспехи лишь часть паззла.

— И ты думаешь, что вы все погибнете в процессе воскрешения Освободителя?

— Когда ты сказала, что придётся обменять одну жизнь на другую, я почти поверил, что так и будет. Но знаешь, что я думаю теперь? Мы выживем. У нас хватит сил. Но чёртовы доспехи нас сожрут, если мы попробуем вступить в бой. Потому-то я и пришёл сюда, попросить твоей помощи.

Он надел перчатку и рухнул на кровать, уперев кулаки в подбородок.

— Папа всё же прав, — заметил он. — Все мы несёмся по реке жизни, не в силах поменять пункт назначения — смерть. Но я хочу выбрать, как умереть! Они украли у меня спокойную старость. Гарантировали, что умру я в бою. Что же, раз так, то я всё равно возьму своё. Пусть я умру в схватке, но в той, что выберу сам!

— Подожди, подожди, — Эмма уже начала путаться. — О какой схватке ты говоришь? Мы же только что обсуждали, что ваша энергия нужна для воскрешения.

Володя громко цокнул языком от раздражения.

— Гарпия, которую я вынужден называть сестрой, решила за всех нас, что мы должны исполнить папину волю и вернуть Освободителя. Принудила она нас тумаками и давлением. Папа твердил, что пути Господа неисповедимы. И для неё это всё выродилось в людоедскую идеологию, что все мы инструменты Божьи — и у любого инструмента есть предназначение. Если инструмент сопротивляется своему предназначению, то он несчастлив. Стоит же ему сдаться и поддаться течению, как он обретает спокойствие, достигает мира с самим собой. Поэтому нам не стоит задаваться вопросами, почему это мы должны умереть, нет, она ожидает, что мы просто ринемся в бой, как того пожелал полковник. Ведь всё это часть плана Бога. Вот так Вера заставляет мир иметь смысл. Её убеждения теперь проникли в голову папы, теперь он сам думает, что именно этого и желал с самого начала. Желал, чтобы его отпрыски погибли ни за что.

Володя посмотрел безнадёжным взглядом на потолок.

— Наверное, некоторые дети готовы слишком далеко зайти, чтобы добиться любви родителей.

— Почему же погибли ни за что? Ты же сам сказал, что мы вернём Освободителя.

— Конечно! — Володя раздражённо тряхнул кудрями. — Вот только жертвовать нами необязательно, понимаешь? Я знаю, что Виктор Валентайн автор всего нашего плана. Не Освободитель продиктовал его, а этот бешеный коп с амнезией. Полковник лишь исполнитель. И если он пешка, то кто тогда мы? Вот только загвоздка в том, что капитан больше не на нашей стороне. Полковник предусмотрел это — и уже приготовил Сару в качестве первой жертвы. Она уведёт его подальше от места проведения ритуала,

спровоцирует Валентайна на действия, а потом предоставит возможность встать на нашу сторону. Если капитан образумится, то вернётся к полковнику. Если нет, он будет достаточно далеко, чтобы нам помешать. Во всяком случае, в этом идея.

Услышав это, Эмма похолодела.

— А что… а что если он убьёт Сару?

— Ты думаешь, она не готова умереть? — Володя хмыкнул. — Моя дорогая сестра проникла и ей в голову. Бедняжка всю жизнь считала себя бесполезной, просто декорацией на заднем плане. Сколько раз она повторяла, что не сделала в жизни ничего хорошего. Теперь ей предложили красивую смерть: и она ухватилась за эту возможность обеими руками.

Володя побарабанил пальцами по спинке кровати и заметил:

— И всё же, этого недостаточно. Вот к чему я вёл всё это чёртово время. Даже если Паркер отвлечёт Валентайна, всё равно мы не можем рассчитывать только на это. Рано или поздно, он придёт к нам. Лучше, конечно, поздно. Но столкновение неизбежно, даже если мы вернём Освободителя — ты думаешь, капитан остановится? Вера говорит, что мы сможем выстоять против него. Так вот, она ошибается.

Мальчишка нервно сглотнул, прежде чем продолжить.

— Я единственный, кто видел его вблизи, говорил с ним. Да, я нарушил карантин, и что с того? Зато я знаю, этот гад не сдастся. Более того, он совершенно не понимает полковника. Он не примкнёт к нам, ни за что. Убить его мы не можем. Да даже если и прикончим, паразит продолжит разрастаться и всё равно достанет нас. А самое главное вот что: мы сняли с него доспех, а ему лучше не стало. Эмма, без доспеха он слабеет. Эта тварь, что высасывает из нас жизнь — ему она силы придаёт! Как это понимать?!

Эмма прошлась по комнате туда-сюда, пытаясь осознать всё, что проговорил Володя.

— Я не знаю, — наконец, сдалась она. — Скажи, что ты предлагаешь?

— Когда придёт время — а оно придёт обязательно — ты обязана будешь меня прикрыть.

— Как?

— Нужна моя энергия, чтобы поднять Освободителя. Так вот, меня не будет во время ритуала. Папа подменит меня без проблем. Так, наверное, даже будет лучше. Я же уйду один, отправлюсь по следам Сары, чтобы задержать Валентайна.

— Ты собираешься схватиться с ним, без чьей-то помощи?

— Я знаю, что погибну, — с нажимом произнёс Володя. — Знаю. Но лучше погибну я, купив остальным время. Тогда у нас будет хотя бы шанс выиграть. Если же мы пойдём все вместе, то вместе и умрём.

— Нет, я не позволю тебе, — взвилась Эмма. — Так нельзя! Ты же сказал, что не хочешь умирать!

— Я не хочу умирать понапрасну, — Володя сцепил руки перед собой и тяжело вздохнул. — Я всё это рассказываю тебе вот почему: каждая секунда будет важна. Ты должна будешь скоординировать их. Убедись, что всё пройдёт как по маслу. Пусть папа подменит меня. У него хватит сил. Не тратьте времени на поиски, прошу. Это бесполезно. Займитесь делом. Сделайте так, чтобы Освободитель вернулся прежде, чем Валентайн найдёт нас.

На лице мальчишки воцарилась улыбка, но в глазах его стояли слёзы.

— Пусть моя так называемая семья проживёт долгую, счастливую жизнь.

***

— Волосы Джека почернели.

Разорвавшийся в ночном небе фейерверк осветил бледное, невозмутимое лицо Нади. В темноте оно казалось высеченным из белого мрамора. Об её острые грани можно было порезаться — правда, слова девушки ранили намного сильнее.

Если крики празднующей толпы не оглушили Эмму, последовавший за салютом грохот почти добился этой цели. Подавшись вперёд, она прокричала:

— Это не имеет смысла!

— Отыскать отсутствие смысла намного легче, чем его наличие, — парировала в ответ Надя. — Я же оперирую фактами.

Багровые огни пролились на деревню, словно кровавый дождь. Без брони, в простом летнем сарафане дочь иммигранта напомнила Кайлину — одногруппницу Эммы из медицинского университета, которая вылетела на последнем курсе, прямо перед дипломом. Когда до неё дошли новости, на лице девушки застыло выражение, которого Эмма ни разу до этого не видела. Отчисление означало возвращение в Приют. Повторного гранта на такое дорогое обучение ей точно не видать. Все силы, брошенные на обретение счастья, сгорели. Жизнь Кайлины приобрела вкус пепла — и от него никогда больше не избавится.

То же самое выражение отражалось теперь на лице Нади. Она прекрасно понимала, что это конец.

— Нам надо поговорить, — решительно произнесла Эмма и схватила девушку за руку. Пока они прорывались сквозь толпу, она в сотый раз пожалела, что вообще пришла на празднество.

Крестьяне устроили ежегодный фестиваль, на котором отмечали основание деревни и начало новой, лучшей жизни. Эмма так и не осмелилась спросить, какой раз они его проводят — слишком сильно боялась ответа. Зато она точно знала, что с её прихода сюда прошло не меньше восемнадцати месяцев. Казалось, что все сумели двинуться дальше — но только не она.

Даже в лёгком летнем платье, которое сшила для неё на заказ Райхан-апа, Эмма умудрилась вспотеть. Теперь все вокруг видели её шрамы, её уродство. Эмму это совершенно не волновало. Она даже радовалась, что может показать их людям. Шрамы в её душе было не так-то просто обнажить.

Едва вытащив Надю из толпы, она повела её в сторонку, где шум и знакомые крестьяне не помешали бы им провести серьёзный разговор.

Время кончалось, Эмма чувствовала это. Ей нужны были хоть какие-то гарантии, что она ещё может что-то изменить. Только внутренний голос повторял раз за разом: нет, уже слишком поздно.

Она так и не решилась связать свою жизнь с Саргием. И пусть жители деревни не дали ей почувствовать себя одинокой, пусть дети иммигранта доверяли ей намного больше, чем отцу, она всё же чувствовала себя упавшей в реку веткой, которую нёс вперёд беспощадный поток. И всего-то ей хотелось, что зацепиться за берег и добиться хоть какой-то стабильности.

Теперь все её иллюзии рухнули. Обратный отсчёт пошёл даже не на дни, а на часы. Скоро всё это закончится. Сказка о том, что можно добиться счастья, разбилась о жестокую реальность. Ей просто не хватило храбрости. Впрочем, как и всегда.

Не успела она и слова сказать Наде, как рядом с ней будто из-под земли возник Рамиль, кузнец деревни, маленький человек с большим сердцем. Эмме он всегда нравился — кроме того, что кузнец сильно упрощал жизнь крестьян, так он ещё в принципе не знал, что такое тщеславие.

Было бы очень обидно, если бы он умер.

— Госпожа Эмма! — воскликнул он. — А я-то как раз вас и ищу. Доброго вам вечера, надеюсь, праздник вам понравился. С салютами, кстати, мой племянник помогал.

— Да, всё прекрасно, спасибо, — протараторила Эмма. — Мы с Надей тут хотим кое о чём поговорить, вы не против?

— Конечно, конечно, — Рамиль на секунду смешался, а затем вытянул руки и глубоко поклонился. — Это вам.

У него на ладонях лежал искусно сделанный кинжал, на клинке которого было выгравировано «Э. К.».

— Это для меня? — спросила Эмма, потрясённая до глубины души. — Сколько же ты над этим работал?

— Прилично, уж поверьте. Возьмите, не стесняйтесь.

— Я не сторонница насилия. Боюсь, мне это не понадобится.

— Госпожа, пока вы не возьмёте клинок, я не выпрямлюсь, — усмехнулся кузнец.

Эмма всё же поддалась на уговоры. Взявшись за кинжал, она вдруг ощутила, будто прикоснулась к живому существу. Энергии было намного меньше, чем от человека, да и её сигнатура сильно отличалась, но сам факт её присутствия сильно удивил Эмму.

Ей показалось, что лезвие отливает золотом. И кровью.

Выпрямившись, Рамиль произнёс:

— Я буду молиться, чтобы вам не пришлось его использовать.

— Спасибо огромное, — сказала Эмма, чувствуя подступающий к горлу комок. — Для меня это правда очень много значит.

— Не стоит благодарности. В конце концов, это вы вернули меня к жизни, — Рамиль выдавил улыбку, но явно было, что слова душили его. — Только ответьте мне на один вопрос: вы действительно никак не могли помочь Саиду?

«Ну конечно».

— Нет, к сожалению, — Эмма помотала головой, чувствуя нарастающее отвращение к себе. — Все мои силы ушли на то, чтобы тебя вернуть. Прости, пожалуйста.

«Я не хотела, он так решил».

— Конечно, конечно, — кузнец затрясся. В глазах его стояли слёзы. — Ну, и на том спасибо. Я, пожалуй, пойду.

Казалось, он стал ещё меньше, чем раньше. Рамиль развернулся и растворился в толпе. Надя, тем временем, ни на секунду не сводила глаз с лица Эммы.

— Ты ведь знаешь, что воскрешать мертвецов не входило в твои обязанности, — произнесла она ледяным тоном. — И год назад мы прекрасно усвоили, что из этого ничего хорошего не выйдет.

— Знаю, знаю… но Саид этого сам хотел, понимаешь? Я объяснила ему риски. Он надавил. Мне пришлось подчиниться. Да и потом, деревне нужен был кузнец.

Эмма прекрасно понимала, что всё это оправдания. Поняла это, как только энергия перешла от Саида к Рамилю. В тот момент, когда один перестал дышать, а другой обрёл второй шанс на жизнь.

Вот только какой отец согласился бы пожертвовать сыном ради своего блага? Уж точно не Рамиль.

Погрузившись в мысли о судьбе кузнеца, Эмма совсем забыла про Надю. Очередной взрыв фейерверка вернул её в реальность.

— Ты сказала, что его волосы почернели. Как это возможно?

— Ты мне скажи, — хмыкнула девушка. — Ты же медицинский закончила, не я. — Сделав паузу, она добавила, слегка стушевавшись: — И да, спасибо за помощь. Ну, с родами. За всем этим я как-то даже забыла тебя поблагодарить.

— Как ребёнок? С ним всё в порядке? Уже придумали, как назвать?

Первый Город научил женщин не задумываться о проблеме родов, ведь все граждане вызревали в инкубаторах. Смелость Нади впечатлила Эмму. Взять на себя риск и не побояться рожать в нынешних условиях — это многого стоило. Конечно, сааксцы в поступке дочери иммигранта не видели ничего удивительного, им это всё казалось вполне натуральным явлением. Медицинские знания Эммы вообще мало пригодились, потому что нужны были практические навыки акушерства. Впрочем, само участие в процессе очень сильно потешило самолюбие Эммы.

Впервые она принесла на свет жизнь.

— С именем решили повременить. Его взяла на воспитание одна из сестёр Саиды-апы. Сказала, что сделает из него воина, — Надя фыркнула, но озабоченность в голосе ей не удалось скрыть. — Ещё бы, с такой-то наследственностью.

— А что Джек?

— А что он? Сказал, что так будет лучше. Мы ведь не сможем его вырастить. Нас просто здесь не будет.

Надя старалась говорить беззаботно, вот только Эмма уже успела достаточно её изучить, чтобы с лёгкостью прочитать эмоции молодой мамы. Конечно, она хотела бы вернуть ребёнка, воспитать его сама, вот только не нужно было обладать ясновидением, чтобы понять — если до этого будущее ещё разделялось на десятки, а то и сотни разных тропок, то сейчас их ожидала одна дорога.

Дорога боли.

— Ты боишься, что вы не вернётесь? — прямо спросила Эмма, положив руки на плечи Нади. Девушка скривила лицо, явно собираясь в очередной раз выдать язвительный ответ, но в последний момент передумала.

— Я знаю, что мы не вернёмся, — сказала она. — Даже если у нас всё получится, даже если мы выживем, этот мир будет для нас закрыт. Мы обязаны изолировать деревню полностью, на случай, если всё пойдёт наперекосяк. Пусть хоть какая-то часть останется здесь, наслаждаясь спокойствием. Может быть, они даже найдут способ продолжить наше дело, если мы погибнем. Тогда всё это будет не зря. Ведь так?..

Эмма вспомнила деревню Насифа, укрытую от чужих глаз. «Все мы хотим одного — чтобы нас помнили».

— Саида-апа уже сказала, что ребёнок пошёл в Джека, — продолжила Надя. — Ты понимаешь, что это значит?

Эмма кивнула.

— Он тоже может стать сосудом для Бога?

— Я не хочу для него такой судьбы, — чуть ли не крикнула Надя. Похлопав себя по щекам, она продолжила уже на тон ниже: — Извини, гормоны разыгрались. Просто я не

желаю ему испытать… все эти страдания. Но если мы погибнем, а он не примет свою роль, считай, всё это было просто так.

— Поверь, так не будет, — ответила Эмма, даже не зная, что именно имеет в виду. «Не будет зря? Или же ребёнок откажется идти по стопам отца?» Она знала, что оба варианта, скорее всего, отрицательны. Она вспомнила план Володи. И прокляла себя за то, что не выгнала его в тот вечер вон.

После всех его слов, она так и не смогла прийти в себя. Если в начале пути у неё была надежда, что дело полковника выгорит, то после разговора с сыном иммигранта она будто бы настроила себя на проигрыш. Сколько она ни старалась, ей так не удалось выкинуть его слова из головы.

Поэтому она так и не смогла заставить себя стать счастливой. Какая разница, если всё придёт к одному и тому же — мучительной смерти? Не легче ли будет отпустить всё, зная, что жизнь ничего не стоила?

Сара, с высоко поднятой головой вызвавшаяся пожертвовать собой, как-то сказала: «Не жалейте, что оно кончается, радуйтесь, что оно было». Легко ей тогда было говорить.

Воспоминания казались Эмме картинками из чужой жизни. Всё это было ещё до того, как они оказались на Нижних Уровнях, в Эдеме, увидели Освободителя, а потом встретили полковника. До того, как выяснилось, что вся их миссия была ложью. Что Вик Валентайн с самого начала вёл их практически на смерть, потому что не помнил, что был автором плана по возвращению Бога. Присоединение к полковнику для него выглядело как неповиновение воле короля. Капитан предпочёл бы просто перебить всех и вернуться в Город, чем согласиться с Эймсом.

Как хорошо, что он не знал, какой силой обладал. Может быть, только это дало им шанс тогда. Может быть, только это даст им шанс и сейчас.

Сценарий возрождения они прогоняли уже дюжину раз. Джек лежал на алтаре, Эмма укладывала на него руки, а дети Саргия с двух сторон держались за её плечи, передавая энергию. Это была всего лишь отработка действий, но Эмма старалась изо всех сил, чтобы передача шла по-настоящему, пусть это и изматывало до предела всех участников — кроме Джека, очевидно. Тот с каждым разом выглядел всё веселее, сильнее и здоровее, впитывая чужие жизненные силы как губка. Вот только после нескольких таких тренировок Эмма начала чувствовать, что что-то внутри него начинает поток энергии отражать, словно зеркало лучи. И, как и в случае с зеркалом, даже отражённый свет мог обжечь.

В конце концов, полковник положил конец этим тренировкам, потому что с Джеком начало происходить что-то не то. После каждого прогона он становился бледнее и тоньше. И дело было не только во внешних изменениях. В его речи появилось подчёркнутое раздражение, злость, даже ненависть. После одной из крупных ссор Надя сказала: «Я не узнаю человека, в которого влюбилась».

«Может, он таким был всегда, — подумала тогда Эмма. — Просто его истинная личность, наконец, выплыла наружу. Никакой больше игры в наивного мальчишку. Слишком мало времени у нас осталось, чтобы продолжать носить маски».

Как-то раз после одной из тренировок Эмма застала Джека сидящим в саду в окружении камней. Сначала она подумала, что он просто медитирует — сааксцы научили его, как это делать, чтобы избавиться от стресса и войти в гармонию с собой. Стоило ей подойти ближе, она поняла, что ошиблась.

Он разговаривал с камнями. Камнями, у которых были лица. Эмма насчитала ровно

двенадцать.

— Я понимаю, — кивал Джек невидимым собеседникам. На лице его играла ироничная улыбка. — Нельзя просто так убить его. Но что вы предлагаете? Переговорить по душам? Объяснить, что произошло? Думаете, поможет? Уж вряд ли. Здесь уже ничего не решить. Должен остаться только один. Кто выживет, тот и будет диктовать будущее. Я уже давал ему шанс. И он превратил наши жизни в ад. Нет, больше никаких скидок. Я должен действовать решительно.

— Джек? — позвала Эмма. Мальчишка повернулся. Выглядел он так, будто увидел призрака.

— Эй, — ответил он. — Что ты здесь делаешь? — Оглядевшись, он добавил: — Что я здесь делаю?

— Я думаю, — мягко произнесла Эмма, — что Надя ждёт тебя. Пойдём.

Она взяла его за руку и отвела в хижину, которую он делил со своей новоявленной женой.

После того, как полковник потребовал прекратить тренировки, всё вернулось на круги своя. Джек перестал себя странно вести и стал таким же, каким был прежде.

До сегодняшнего дня.

«Я запустила процесс, который невозможно остановить — только отложить. Время пришло».

В конце концов, они ведь собирались вернуть Бога. Почему тогда они расстраивались первым вестникам его воскрешения?

Эмма почувствовала чьё-то присутствие за спиной. Обернувшись, она даже не удивилась, увидев перед собой Томми с Сарой. Марцетти был тщательно выбрит, пострижен и одет в парадную белую форму, которую ему сшили на заказ умелицы из деревни. Паркер не нужно было менять внешность — слишком сильно она поменялась внутренне. Рулевой придерживал её за талию, будто боясь отпустить. Учитывая грозящую ей смертельную опасность, в такой прилипчивости не было ничего удивительного.

В белизне кителя Марцетти Эмма увидела дурной знак. Казалось, очень скоро его испачкает кровь. Пока она собиралась с мыслями, Томми поклонился и тихо произнёс:

— Пора.

***

Переход в настоящее прошёл намного хуже, чем она ожидала. Её колотил озноб, внутренности будто свернулись в клубок, а еда просилась наружу. Она едва удержалась, чтобы не выблевать всё, что съела на празднике.

— Пойдём, — сказал Томми, подставив своё плечо, хотя сам едва держался на ногах. — У нас мало времени.

Облокотившись на него, Эмма поплелась вперёд, по узким тёмным коридорам — к полковнику.

Ей пришлось прождать несколько часов, прежде чем она последовала за детьми Саргия. Они с полковником и Сарой нырнули в реальный мир самыми первыми, как только дошли новости о незваных гостях. На такой случай действовал специальный протокол со списком действий и приоритетных людей, которые должны были по очереди воспользоваться храмом, чтобы вернуться в обычное течение времени. Вслед за оперативным отрядом Эймса

шла целая вереница солдат и жрецов, которых Эмме пришлось пропустить вперёд. Среди них каким-то образом затесался Саргий. Логика была понятна: сначала бойцы, затем уже те, кто не мог себя защитить. Вот только странно было, что Эмме в пару поставили Томми, который одним своим катером мог наделать хорошего шороху.

Какова была вероятность, что именно в тот момент, когда в параллельном мире Джек начнёт свою трансформацию, их выследят? Эмма знала, что это не просто совпадение. Похоже, сущность, что обрела плоть в теле мальчишки, светилась не хуже маяка — и катера Эдема летели на него как мотыльки на огонь.

«Освободитель не хочет их видеть, — подумала она. — Они следуют своим размышлениям о том, чего бы хотел Бог. Они ведь даже не знают, что он давно покинул их».

Она вспомнила, как вся команда попала в ловушку двойника Томми. Тот Освободитель, которого они видели в Эдеме — по словам полковника, он был всего лишь конструктом, слепком личности. Примерной экстраполяцией того, как вёл бы себя настоящий Освободитель в тех или иных ситуациях. Он отправил двенадцать катеров по следам тринадцатого, который возник из ниоткуда в одном из миров. И как только понял, что произошло, отпустил их, фактически дав добро на уничтожение всех преследователей.

Даже это искусственное сознание поняло, что они на тропе по возвращению Бога в наш мир. А рулевые, посвятившие себя Эдему, не смогли принять реальность, в которой их жизни больше не имели смысла. Эмма подумала, что бы делала на их месте. Смогла бы отказаться от своих амбиций и двинуться дальше? Вряд ли. В конце концов, сейчас она делала всё то же самое, что и они — двигалась к цели, плюнув на все препятствия в виде моральных противоречий. А что ей ещё оставалось? Каждый этап пути она спрашивала себя, стоит ли повернуть обратно. Стоит ли всё-таки снова довериться капитану, который всё это время обманывал их? И каждый раз она отвечала себе «нет».

Переход забрал слишком много её сил, поэтому ей пришлось облокотиться на стену, чтобы передохнуть. Томми тоже сделал привал. Коридор почти закончился, ещё десяток шагов — и они очутились бы в огромном зале, в котором шумели солдаты полковника и сааксцы, занимавшиеся перетаскиванием припасов.

Тут среди этого гвалта Эмма сумела разобрать голос Саргия:

— Полковник, прошу вас. Почему мы надеемся, что он перейдёт на нашу сторону? Давайте попробуем его убить.

— Я уже говорил: есть вероятность, что он просто регенерирует. И тогда нам останется только задержать его дракой. Как думаешь, долго мы протянем? Сара уже согласилась. Это наш единственный шанс. Так у нас точно будет время, чтобы принять все меры. Твой сын уже ведёт его сюда. Просто действуй согласно плану. Большего не требуется.

— Проклятье! — Эмма услышала глухой стук — похоже, иммигрант изо всех сил врезал кулаком по стене. — Я должен был убить его ещё тогда, в храме. Я ведь чувствовал, что что-то не так. Знал, что этот ублюдок нас обманывает…

— Володя пришёл, — раздался голос Нади. — Привёл Валентайна.

После короткой паузы снова заговорил Саргий:

— Полковник, вы просто бросаете Сару на убой. Послушайте меня! Послушайте! Она его не остановит.

— Нет, Саргий. Только у неё есть шанс вразумить его. Если уж она не справится, то никому из нас это не под силу. Если хоть где-то там, в глубине души Виктора Валентайна, остался тот человек, которого я знал, она сможет вытащить его наружу.

— Полковник… — начал было Саргий, но Эймс резко оборвал его.

— Нет, мы не будем этого делать.

Эмма схватилась за рукоятку кинжала, который ей подарил Рамиль.

«Если она не сможет, то ни у кого не получится», — слова отдавались в её голове эхом. Она вдруг почувствовала, как силы уходят.

— Эмма! — позвал её Томми, но было уже поздно. Она сползла по стене и провалилась в забытье.

Ослепляющий свет обжёг её кожу. Прикрыв глаза ладонью, она пыталась найти выход из бесконечной белой пустыни, в которой оказалась. Вдалеке замаячила мужская фигура, и Эмма мигом бросилась к ней.

Чем ближе она становилась, тем яснее было, что это Рэй ждёт её. Служит маяком, за которым она должна следовать, чтобы выбраться отсюда. Найти правильный путь.

— Как долго я ждала тебя! — прокричала она, когда до цели оставалось всего несколько метров. — Всё это время! Я знала, что ты вернёшься! Я делала это всё, чтобы ты вернулся!

Мужчина сделал поворот. У него не было лица — лишь кровавое месиво, из которого на Эмму смотрели два холодных голубых глаза.

В месте, где должен был находиться рот, разверзлась яма:

— Я не знаю, кто я такой. Скажи мне, что ты видишь.

Эмма узнала его. Не могла не узнать.

Это был Виктор Валентайн.

— Эмма!

Зов вернул её в реальность. Открыв глаза, она увидела озабоченное лицо Саргия. Похлопав её по щекам, он заметил:

— Не думал, что ты настолько впечатлительная. Переволновалась? Всё в порядке?

— Да, да, — торопливо ответила Эмма, поднимаясь с пола. Оглядевшись, она увидела возле ямы в середине зала Веру, Диму и Витю с Надей. Отодвинув иммигранта, над ней склонился полковник.

— Что ты увидела? — спросил Эймс.

«Откуда он знает?» — подумала Эмма. Будто прочитав её мысли, Эймс кивнул на её руку. Она продолжала крепко сжимать кинжал.

— Это ведь не просто оружие. Оно создано, чтобы бороться с тем, чем пользуется Эдем. Твои способности позволяют почувствовать его энергию, а значит, и его мысли.

Эмма не стала спрашивать, как это возможно. Поздно было чему-то удивляться.

— Это была пустыня. В ней я встретила человека без лица. Это был Валентайн.

— Он что-то сказал тебе? — допытывался полковник. Тон у него был напряжённый.

— Сказал, что не знает, кто он.

Эймс выпрямился. Взгляд его, казалось, уставился в пустоту.

— Именно этого я и боялся. Переманить его не удалось. Поторопимся.

— Почему? Что случилось? — Эмма вытянула руку, и Саргий помог ей подняться. Повернувшись к ней, Эймс заключил:

— Он ничего не вспомнил. А значит, отказался от нашего предложения. Либо же откажется, — он повернулся к солдатам и крикнул: — Боевая готовность! Нам придётся драться как в последний раз. Другой попытки больше не будет!

— Но почему вы так в этом уверены? И почему вы думаете, что это ещё может произойти?

Полковник посмотрел на кинжал.

— Время для оружия не помеха. И оно никогда не врёт. Готовься к переходу. Начинаем ритуал сразу же, как только окажемся на месте.

Он отошёл вместе с Саргием к бойцам дать последние указания, а Эмма вдруг вспомнила, как к ней ворвались штурмовики короля и отняли Рэя. Такую же беспомощность она ощущала и сейчас.

К ней подошла Надя.

— Ну что, ты готова?

— Кажется, — ответила Эмма. — Сколько я была в отключке?

Девушка пожала плечами.

— Около часа. Отец извёлся весь. Я уже подумала, он сейчас всё бросит и побежит лекарей искать.

— А где Володя?

— Отправился вперёд, вслед за Сарой. Сказал, что подготовит для нас плацдарм. Идём, надо торопиться.

— Подожди, а что с Томми? Он же был вместе со мной?

— Ты забыла, что ему ещё нужно собрать катер? Он отправится со следующим отрядом.

Понизив голос почти до шёпота, Надя добавила:

— Хорошо, что его здесь нет. Боже, как жаль Сару.

— Не стоит терять надежду. Возможно, ещё ничего не случилось. А может и не случится.

— Надежда — моё первое имя, — огрызнулась девушка. — Эмма, ты почти вдвое меня старше, а всё в чудеса веришь, как ребёнок.

Они подошли к краю ямы. Внизу их уже ждал Джек. Он ходил кругами, словно загнанное животное, обильно жестикулировал и разговаривал сам с собой. Как Надя и сказала, волосы его действительно почернели. И дело было не только в этом. Изменилась его осанка, взгляд, жесты. Это был совершенной другой человек — но в том же теле.

Он встретился взглядом с Эммой и насмешливо произнёс:

— Как спалось? Какие-нибудь интересные сны были?

Эмма отвечать не стала. Пропустив вперёд иммигранта с детьми, она помедлила, прежде чем спуститься. У них ведь ещё был шанс остановиться.

Тяжёлая латная перчатка легла на её плечо.

— У нас всё получится, — тихо произнёс полковник. — Нас ждёт дивный новый мир. Шагнём же в него без страха.

В этот раз переход прошёл как по маслу — словно сила, что перекидывала Эмму с места на место, привыкла к ней. Правда, ей всё равно понадобилось около минуты, чтобы прийти в себя. Встав и оглядевшись, она поняла, что их перенесло в центр древней арены, увенчанной куполом. С балок под ним свисали огромные фонари. Кто-то исцарапал весь пол странными знаками. Некоторые из них казались Эмме до боли знакомыми, но она всё не могла понять, где же их видела.

Их уже поджидали жрецы в белых одеждах, держащие в руках зажжённые факелы. Один из них вышел вперёд и торжественно произнёс:

— Добро пожаловать в сердце Караса, путники. Мы очень долго вас ждали.

— Почему вы называете это место сердцем? — спросила Эмма.

— Это первое средоточие силы в нашем городе, — отозвался другой жрец.

— И как же оно появилось? Само по себе?

— Нет, конечно. Пришлось обильно напоить землю кровью, прежде чем она начала давать всходы.

— И это сделал ваш Отец? — с омерзением спросила Эмма. Жрец отчаянно замотал головой.

— Отец был как раз тем, кто остановил кровопролитие. Именно поэтому мы здесь собрались. Чтобы вернуть его.

Эмма повернулась к полковнику. Тот испытующе глядел на неё.

— Я вижу, ты всё ещё сомневаешься, — произнёс он. — К сожалению, у нас нет на это времени. Ты с нами?

— Абсолютно, — ответила Эмма, хотя в искренности своей определённо сомневалась.

— Тогда начинаем.

— Эй, а где Володя? — спросил вдруг Саргий у жрецов. Те переглянулись. Тот, что вышел вперёд, дрожащим голосом произнёс:

— Он отправился в город по делам, сообщив, что ритуал обойдётся без него. Что ему нашли лучшую замену.

— Проклятье! — вскричала Вера. — Я так и знала, что этот трус смотается! Поверить не могу!

Эмма прикусила язык, чтобы удержаться от возмущённых воплей. «Дура! Он пошёл впереди всех, чтобы вас спасти!»

— Нам всем нужно успокоиться, — сказал Дима. Старший сын Саргия выглядел потерянным и разочарованным исчезновением брата. И всё же, даже в этой ситуации пытался держать ситуацию под контролем. Взяв побледневшего ещё больше Витю за руку, он произнёс: — Нас вчетвером должно хватить.

— Саргий, — подала голос Эмма. — Ты должен присоединиться к кругу.

— Я? — переспросил иммигрант. — Но я должен был охранять Джека, пока он не оклемается. Думаешь, у меня хватит сил?

Пока они препирались, жрецы расстелили посреди арены белое полотно и начали поливать его маслами. Воздух пронзили приторные запахи цветов.

— Володя ослабил наш потенциал, — врезался в разговор полковник. — Он решил дать Валентайну бой, в одиночку, не осознавая, что так мы не сможем дать достойный отпор. И никто его не остановил. — Он уставился на Эмму, словно пытаясь сжечь её взглядом.

— Саргий, прошу тебя, — взмолилась она, стараясь не глядеть на Эймса. — У нас ведь нет больше выбора. Посмотри на своих детей. Ты им нужен.

— Ладно, — проворчал иммигрант, протягивая ей руку. — Твоя взяла. А то и охранять-то некого будет.

— Я думал, вы никогда не закончите, — насмешливо произнёс Джек. Расстегнув рубашку и скинув ботинки, он растянулся на полотне и раскинул руки. — Давайте уже, сделайте это, чёрт меня возьми.

Эмма встала у него над головой и начала растирать резко холодеющие ладони. Она подумала, что это от волнения, пока не увидела вырывающиеся изо рта облачка пара. В помещении резко упала температура. Фонари замигали и начали выключаться. Купол превратился в средоточие тьмы. Единственными источниками света остались горящие факела жрецов.

— Скорее! — крикнул один из них. — Великий враг приближается!

— Вик идёт к нам, — произнёс Эймс, насупившись. Эмма поняла, что больше ждать было нельзя.

Она села на колени и положила руки Джеку на грудь. Он вздрогнул и перестал улыбаться. Эмме показалось, что его и без того яркие голубые глаза стали ещё светлее.

— Наконец-то, — прошептал он.

Его энергетика стала совершенно другой. Раньше, когда Эмма дотрагивалась до него, то чувствовала внутри мальчишки неуверенность и волнение с подчёркнутыми нотками отчаяния. Он шёл вперёд, потому что больше ничего ему не оставалось делать. Вся его сознательная жизнь принадлежала церкви и её миссии. Теперь же Эмма ощущала сосредоточенность, обжигающе холодный расчёт и едва сдерживаемую бурлящую ярость. Она могла поклясться, что чувствует вместо стука сердца тиканье механизма. Под кожей Джека зашевелились чёрные корни. Как паразит захватил Вика, так и эта тварь, жившая всё это время у мальчишки в груди, овладела им.

— Прости меня, Ли, — прошептала Эмма. — Я всё же надеялась, что получится тебя спасти.

Джек ощерился.

— Он тебя больше не слышит.

Справа от Эммы собрались Надя, Вера и Саргий. Они сцепились пальцами, и иммигрант взялся за плечо Эммы. С левой стороны остались Дима с Витей. Неожиданно к ним присоединился полковник.

— Ты ведь не забыла, что я тоже часть ритуала? — спросил он. Его тяжёлая латная перчатка коснулась её кожи.

Эмме показалось, будто у неё выросли крылья. Две цепочки, полные энергии, завибрировали и прорвались таким потоком, что она едва успела направить его сквозь руки. Такое количество передачи ошеломляло, лишало её дыхания. Её практически прибило к полу — она не могла оторвать ладоней от тела Джека, который извивался в агонии и истошно кричал от безумной боли.

— Не надо! Пожалуйста, я хочу жить! Эмма! Отпусти меня!

На секунду в его голосе прорвались нотки Ли, и Эмма пожалела, что вообще подписалась на авантюру полковника. Она столько времени закрывала на неудобные моменты глаза и придумывала себе оправдания, что делает всё во имя высшего блага. И теперь она собственными руками убивала мальчишку, выжигая личность из его тела.

Сейчас она передавала энергию даже не Джеку, а тому механизму в виде сердца, который поставил крест на его жизни, превратив в автоматон на службе церкви.

Когда кожа на её руках начала кипеть, Джек перестал дёргаться. Поток энергии прекратился сам по себе. Резкий удар в грудь повалил Эмму на спину, невидимая сила разбросала детей иммигранта в стороны. Только Саргий и полковник сумели удержаться на ногах. Арена затрещала, фонари начали взрываться. Несколько жрецов закричали от боли. Из их глаз брызнула кровь.

Купол разверзся, обнажая светлое небо. Стены расползались, отодвигались и рушились. Пол взлетел на воздух маленькими камнями, которые застыли в полёте и остались так висеть. Эмма, откашлявшись от пыли, попробовала подняться на ноги. Рука её упёрлась в зелёную благоухающую траву. В глаза ей ударили лучи солнца, от которого она тут же попыталась отгородиться.

Кто-то взял её за запястье и помог подняться. Эмма, щурясь, попыталась рассмотреть,

кто это был.

Перед ней босиком стоял красивый юноша с блестящими чёрными волосами, одетый в простую рубашку и штаны. Подбородок покрывала короткая щетина, лицо отдалённо напоминало Джека. От его кожи исходило внутреннее сияние. Он тепло улыбался.

— Вы решили меня вернуть, — произнёс он. — И за это я вам благодарен.

— Боже мой, — прошептала Эмма. Она почувствовала подступающий к горлу ком. Из глаз полились слёзы. — У нас получилось. У нас получилось!

Ноги перестали держать её, и она рухнула на колени. Собрав все свои силы, она подняла голову и всё же выдавила:

— Неужели ты и есть… Освободитель?

— Я? — удивился юноша. — Нет, что ты. Я всего лишь его сын. Зовут меня Джек. В армии, правда, мне дали другое имя — Несущий свет.

***

— Мне кажется, — признался Томми, — что я плыву по этой реке уже всю свою жизнь.

Эмма не стала ему ничего отвечать, хотя ощущала то же самое. Все они плыли по течению. Все их переживания, мечты, выборы — всё это было лишь частью предопределённой цепочки событий, которая привела их сюда, в этот момент. Их роли были прописаны с самого начала. Все её сомнения ничего не стоили, потому что не было момента, когда они могли бы сказать «нет» и свернуть с намеченного пути. Само их согласие было предопределено.

Они отыграли свои роли. Все их дальнейшие действия не имели смысла и совершенно не были важны.

Томми старался вести катер ближе к берегу, чтобы сразу заприметить угрозу. Эмма знала, что искать врага бесполезно. Он сам найдёт их. Они поймут, когда это случится.

Всё, что им нужно — это задержать его, насколько это возможно.

— Если ты не Освободитель, почему мы должны тебе помогать? — воскликнула Эмма, когда услышала его предложение.

Сын Бога благожелательно улыбнулся и ответил:

— Потому что Освободитель совсем не тот, кем вы его считаете.

— И кто же он? — поинтересовался Саргий.

— Никакой он не Бог. Это обыкновенный человек. Трус. Шарлатан. Завравшийся настолько, что обманувший сам себя. Никаких мертвецов он не воскресит. Вы видели его Эдем. Мир абсолютного счастья и неведения. Сон разума, чтобы успокоить всех беснующихся в ожидании конца. Вы думаете, он знает, как остановить надвигающуюся тьму? Он ничего не придумал. Всё, что он может — так это насильно заставить всех перестать страдать. Засунуть их в искусственный рай до конца времён. И надеяться, что никто ничего не почувствует, когда мир погибнет.

— Ты предлагаешь что-то лучше? — спросил его полковник. По лицу его сложно было определить, что он испытывает. Эмма предполагала, что старик в бешенстве. Угробить столько сил, посвятить всю свою жизнь и отвернуться от всех, чтобы вернуть Освободителя — и получить насмешливого мальчишку, который, похоже, над ними откровенно издевался.

— Я предлагаю вам правду. О том, как был построен этот мир. Почему он таким получился. Мертвецов мы не воскресим. Но вместо грёз о бесконечном счастье сможем,

наконец, дать людям реальность, в которой захочется жить. Для этого мой отец должен уйти со сцены и забрать свой проклятый Эдем. Первый Город должен быть разрушен, чтобы земля могла вздохнуть полной грудью. Его существование только приближает конец сущего. А он нам грозит, это факт. И у нас есть инструменты, чтобы если не предотвратить его, то хотя бы пережить. И мы не будем сидеть сложа руки, как мой отец, ожидая смерти мира.

— Тьма приближается, — прошептал Эймс. — Так почему он не остановил её?

— Почему? — насмешливо переспросил мальчишка. — Да потому что он и есть тьма.

— Я тебе не верю, — сказала Надя. Эмме больно было на неё смотреть — в том числе из-за того, что именно она оборвала жизнь Ли. Пусть это и не было его настоящим именем, оно хотя бы частично связывало мальчишку с хорошими воспоминаниями. Имя «Джек» вызывало в памяти только картины боли и страданий. Не зря пацан изо всех сил подавлял все проявления своей истинной личности. Ничего хорошего она всё равно ему не принесла.

— Я и не прошу вас верить, — Джек пожал плечами. Злорадная усмешка перекосила его лицо. — Я прошу вас послушать. Ты, например, — он указал на Надю, заставив её вздрогнуть. — Ты отправила любимого на верную смерть, отдала его тело мне, прекрасно зная, что он погибнет. А ведь он просил тебя сбежать с ним!

По щекам Нади потекли слёзы.

— Я… я не хотела… — прошептала она. Джек лишь рассмеялся в ответ.

— Конечно. И дитя ты бросать не хотела. Ты ругаешь сестру за то, что её выбор привёл вас сюда. Но что ты сделала, чтобы воспротивиться её воле? Вы, все вы: думаете, Ли хотел этого? Вы могли остановиться в любой момент. И всё же, решили идти до конца. Вы предали и продали всех, чтобы вызвать меня. Может, я и не тот мессия, который был вам нужен. Зато я тот, которого вы заслуживаете.

— Постой-ка… — попробовал вмешаться Саргий, но тут юноша повернулся к нему.

— А вот и ты, наш идеал пассивности. Столько времени ты пудрил детям мозги своими мечтами об идеальном Боге, протащил через весь этот ад — и для чего? Потому что по своей воле отказывался и пальцем пошевелить? Тебе нужен был весомый мотив. Ты его себе создал: ты отправился за семьёй. И ты ведь прекрасно знал, что ничем хорошим их походы в церковь не закончатся. Я ведь помню: тот парень из картеля Алой Розы тебя предупреждал не доверять им!

— Захлопни пасть! — взревел Саргий. Замахнувшись, он попробовал ударить мальчишку, но тот без труда перехватил кулак и оттолкнул иммигранта назад. Саргий с удивлением воззрился на Джека, а тот издевательски пропел:

— И всё просто потому, что ты не смог защитить своего чокнутого папашу!

Саргий остался стоять, разинув рот. Эмма нервно сглотнула, чувствуя, что настал её черед. Посмотрев на неё, Джек перестал улыбаться.

— Ты знаешь, что его не вернуть, — только и сказал он. Эмма затряслась, чувствуя, как всё её нутро сгорает от ненависти к себе.

Почему она думала, что её преступление так легко простят?

— Бедные глупые грешники, — заключил юноша. — Желающие искупить вину, пожертвовав собой ради высшего блага. Ради счастья остальных, даже не спрашивая, нужно ли оно им.

— Ты ошибаешься, — сказал полковник. — Мы просто хотели дать людям шанс. Если наступит тьма, у них даже не будет выбора: быть счастливыми или же смотреть правде в глаза.

Услышав эти слова, Джек вздохнул и ссутулился. Его руки безвольно повисли вдоль тела.

— Вы хотели отсрочить тьму, — произнёс он уставшим голосом. — Вызвав меня, вы её только приблизили. Видите всё это?

Он указал на солнце, траву и клокочущую неподалёку от них реку.

— Это Эдем. Вы направили его сюда, а отсюда он распространится по всему миру, словно опухоль. Каждое место силы станет очагом, поглощающим всё вокруг. Люди повсюду утонут в счастливой нереальности. А потом, когда уже никто не сможет проснуться, годы перестанут иметь значение. Сотни, тысячи, миллионы лет? Когда придёт тьма, некому уже будет её остановить.

Он посмотрел на свои руки.

— Конечно, если я не отменю весь процесс сейчас. Именно для этого мне нужны будете вы. Задержите его. Задержите его, прежде он придёт сюда и всё испортит. У нас ещё есть шанс.

— Я готов, — отозвался кто-то. Эмма повернулась и обомлела. Томми уже ждал их на катере. «Катрина» слегка покачивалась на волнах: такого она себе никогда не позволяла. Теперь белый мундир рулевого не вызывал у Эммы подозрений. Всё самое худшее, что могло случиться, уже случилось.

— Ты слышал наш разговор? — спросил полковник. Марцетти кивнул.

— Мальчишка прав. Мы могли остановиться в любой момент. Хотя, по-моему, не стоило и начинать.

Джек подошёл к реке.

— Катер Эдема, — с лёгким отвращением произнёс он. Похлопав судно по борту, он усмехнулся: — Оружие, направленное против своего создателя. Рулевой! Скажи мне, знаешь ли ты, кто наш враг?

— Человек, убивший мою возлюбленную, — сказал Томми. — Полезайте на борт. Мы должны не подпустить его сюда.

Дети иммигранта переглянулись. Вера посмотрела на Эмму.

— Нам нужна будет твоя помощь, — сказала она. Эмма кивнула. Уж это ей было очевидно.

— Я останусь здесь, — сказал Саргий. — С полковником. Мы попытаемся… попытаемся сделать хоть что-нибудь.

— Я знаю, — ответила Эмма. — Спасибо тебе.

Она взобралась на катер самой последней. Томми завёл двигатель. Они отплыли. Когда мессия, полковник и иммигрант превратились в одну маленькую чёрную точку позади, Эмма вошла в рубку и спросила:

— Ты знаешь, как нам найти его?

— Конечно. Река всегда приведёт тебя куда надо. Главное — следовать за течением.

Чем дальше они шли, тем чаще встречали остатки прошлого мира, поглощаемого Эдемом. Люди, застывшие в разных позах, со ртами, разинутыми от ужаса — все они превратились в напоминания о старом укладе существования, полного страданий. Будущее, полное бесконечного счастья, в котором возвращаются мёртвые любимые, превращало их последние минуты в бесконечный кошмар, от которого нельзя было очнуться.

Эмма посмотрела на команду, её сопровождавшую. Они видели все знаки с самого начала: и всё равно последовали за обещанием о лучшем завтрашнем дне, в котором никому

не придётся ничего терять.

Полковник предупреждал её. «Не будет вообще ничего. Точнее, только ничего и будет». Его уверенность, что Освободитель предложит избавление от бесконечной смерти, затмила видения Эдема, который в ответ говорил о бесконечной жизни. Как оказалось, это было одно и то же.

Мертвецов не воскресить. Прошлого не вернуть — пусть Бог своими действиями и пытался убедить в обратном.

— Я до сих пор не могу поверить, что он ушёл, — подал голос Дима, сжимая шлем в руках.

— Володя был лучшим из нас, — убитым голосом произнесла Надя. Вера подошла к ней, внимательно посмотрела ей в глаза и спросила:

— Чем же он был лучше?

— Хотя бы тем, что всегда был готов дать тебе отпор, — со злобой ответила сестра. — Если бы не твои дурацкие бредни про Освободителя, ничего бы этого не случилось!

— Ты за чистую монету приняла всё, что сказал мальчишка? — уточнила Вера. Сложив руки на груди, она заметила: — Мы ведь не слышали версию Валентайна.

— Вера, ты совсем ослепла? — Надя схватила её за плечи. — Ты уже не видишь, что перед тобой?! Оглянись! Ты ради этого собираешься всё бросить?

— Мы с самого начала добивались этой цели! — Вера оттолкнула Надю и воззрилась на братьев. — Искусственный или нет, но Освободитель подарит нам рай. Мы всегда это знали. Ничего не поменялось! Только потому, что какой-то мальчишка, назвавшийся сыном Бога, несёт всякую чушь, мы должны свернуть с нашего пути?

Эмма облокотилась на борт и посмотрела, что на берегу. Там её ожидали перемалываемые голодом Эдема дома и целые семьи, пытающиеся укрыть друг друга от всепоглощающего счастья. Женщина, рухнувшая на землю, толкнула детей вперёд, чтобы у них был шанс сбежать — никто не спасся.

— Никаких переговоров, — жёстко ответил Дима. Он достал меч из ножен, прикреплённых к его поясу. Клинок ярко заблестел, отражая лучи искусственного солнца. — Мы не можем рисковать.

— Уж прости, Дим, — сказала Вера. В руках у неё оказался короткий кинжал. — Решать не тебе. Попробуешь ударить первым: воткну тебе вот этим в бок.

— Ты сможешь пробить им броню? — спросила Эмма. Вера кивнула.

— Кинжал, что тебе сделал Рамиль и мой — они из одного материала. Сааксцы с древних времён создавали оружие, способное разрушать плоть Эдема. Мы думали, что они нам пригодятся, если мы собираемся схватиться с Валентайном и его экзоскелетом.

— Ты пырнёшь меня? — возмутился Дима. — Из-за того, что я запрещаю тебе вести переговоры с капитаном? Он всего лишь королевский убийца! Пусть он встретил Освободителя, пусть он был автором плана по его возвращению — но он всего лишь посыльный! Что он сможет тебе сказать? Что перепутал пару пунктов, поэтому мы вернули сына, а не отца? Да он вообще, судя по всему, память потерял!

— Даже если так, кто лучше него знает, зачем всё это нужно было Освободителю? — парировала Вера. Эмма захихикала, не в силах более выдерживать происходящий абсурд. Стоя к детям иммигранта спиной, она не видела их взглядов, но прекрасно представляла выражения их лиц.

— Что тебе показалось таким смешным? — сказал Дима.

— Да то, что вы отказываетесь признать очевидное, — протянула Эмма. — Мальчишка ведь вам всё сказал, а вы всё ходите вокруг да около. Виктор Валентайн и есть Освободитель.

— Это какой-то бред, — сказала Вера.

— Да нет, как раз его история о том, что он встретил Освободителя в другом мире — полная, дистиллированная чушь. Особенно та часть, в которой Бог поручает ему план, как его вернуть. Или та, в которой он делится регенерирующей кровью, а потом говорит, что ничем не может помочь, ведь все его силы заперли в Эдеме, а сам он стал обычным человеком. Не видите здесь противоречия?

Она повернулась и села на борт, втайне надеясь, что не удержится, упадёт в воду и утонет. Или хотя бы лишится памяти, как в Эдеме.

— Почему ты говоришь все эти вещи? — спросила Вера. Голос её дрожал. — Валентайн не может быть… он не должен быть Богом!

— Мы считали, что он начал нам лгать, когда собрал на миссию по спасению полковника, — промурлыкала Эмма, наслаждаясь каждым словом. Казалось, её тело охватила невероятная лёгкость — будто она избавилась от тайны, которая долго тяготила её душу. — Но он ведь лгал с самого начала. С того момента, когда убедил всех, что пожертвовал собой ради Города. То, что он обманул потом полковника — это так, мелкое хулиганство. Ничто не сравнится с ложью, которую он скормил всем первенцам.

— Но зачем ему это делать? — выступил вперёд Дима. Эмма пожала плечами.

— Как видишь, зачем-то он решил забыть о своей прошлой жизни. Мы можем попробовать это выяснить. А можем умереть от его руки, пытаясь узнать правду. Если хотите поспорить, я ставлю на то, что он убил своего сына.

— Это безумие, — пробормотала Вера.

— Джек рассказывал мне о воспоминаниях, которые выловил из Сети, — сказала Надя. Одно только имя возлюблённого заставило её прослезиться. Взяв себя в руки, она продолжила: — Освободитель и его сын участвовали в войне. В которой воевали с неким Процессом. Освободитель заразился. А потом решил рассказать всем про катер.

На палубу из рубки выступил Томми. Выглядел он мрачнее тучи.

— Он увидел будущее, что всех ждёт. Конец света. Он сказал, что их обманывали. Решил бросить вызов Богу, что заправлял в их мире. У них с сыном начались разногласия. И тот пал от руки отца.

— А потом Освободитель захотел его вернуть, — продолжила Эмма. — И для этого убедил всех, что артефакты, оставленные его сыном, на самом деле принадлежат ему. Чтобы дурачки вроде нас поспешили в Карас вернуть Бога.

— Но зачем ему возвращать сына, при этом запуская повсюду заражение Эдемом? — спросил Дима, махнув в сторону чудовищных картин за бортом. — Чего он этим добивается?

— Может, он думает, что в первый раз они не сумели нормально поговорить, — усмехнулась Эмма. — Теперь же он просто ставит сына перед фактом. Либо он присоединится к нему, либо умрёт. Снова.

— Это всё просто прекрасно, — подала голос Вера, — вот только почему вы с такой уверенностью рассказываете всё это? Это всего лишь ваши догадки, не более.

— Нет, — покачал головой Томми. Он провёл рукой по окну рубки — и стекло слегка задрожало. — После побега из тюрьмы Ли использовал Катрину, чтобы показать свои воспоминания. Теперь, когда мы перенеслись сюда, она почувствовала присутствие Валентайна. Она говорит, что сделана из той же плоти, что и паразит, который капитан

несёт на себе. И близость к нему вызывает что-то вроде… синхронизации? Они обмениваются последними данными, обновляют прошивку друг друга, если кто-то отстаёт. Так вот, доспех Валентайна отправил сигнал, что унёсся в развитии далеко вперёд. Катрина к нему подключилась и начала вытягивать себя на его уровень. Конечно, тот быстро спохватился и обрубил сигнал. Вот только это вызвало эффект эха. Видение, которое транслировал Ли, оставило отпечатки в памяти Катрины. И теперь оно ожило. Дополнилось.

Эмме показалось, что бритьё и стрижка омолодили рулевого. Знание истины превратило его в глубокого старика. По лицу его пролегли глубокие морщины, а в волосах стало ощутимо больше седых прядей. Он буквально сгорал на глазах.

«Она тянет из него силы, — пронесло у Эммы в голове. — Так же, как доспех высасывал жизнь из Володи, так и «Катрина» медленно поедает Томми».

— Я видел её, — сказал рулевой. — Видел великую бойню, которая чуть не стёрла всю жизнь с лица мира. Войну в небесах, из-за которых облака десятками лет вспыхивали огнями. Подбитые космические корабли, обрушивавшиеся на города с миллионами жителей. Это была катастрофа. И устроил её Освободитель.

— Как ты можешь знать, что это не было ради правого дела? — спросила Вера.

Томми тряхнул головой, словно её слова были мороком, который требовалось развеять.

— Ни одно дело не стоит таких жертв. Я не видел всех деталей, сестричка. Все эти воспоминания пришли ко мне лишь отрывками. Одно я могу сказать точно: за свои слова я ручаюсь. Освободитель увидел конец света и помешался на идее предотвратить его любыми возможными средствами. Он посчитал что Бог, который управлял их обществом, не способен это сделать. И для этого нужно было его убить. Его — и всех, кто его защищал.

— Если Бог не способен защитить тех, кто ему поклоняется, то грош ему цена, — весомо заметила Вера. — Ты сейчас только подтверждаешь, что Освободитель был прав, подняв восстание.

— И убийство сына? — ввернула Эмма. Дочь иммигранта нахмурилась.

— Если его сын не понимал экстремальности проблемы, то его жертва стоила того, чтобы обеспечить выживание всего человечества.

— Цель оправдывает средства, когда она достигнута, — кисло отозвался Томми. — Освободитель ничего не сумел придумать. Он просто бросился в пекло, а когда всё сгорело, понял, что остался один посреди царства из золы. И не смог найти лучше выхода, как посыпать голову пеплом и отправиться, куда глаза глядят. Вот это твой Бог, Вера? Вот за кем ты предлагаешь следовать?

— Опять же, — маленькая иммигрантка всплеснула руками, — это всего лишь ваши догадки. И слова того мальчишки. Вы не можете сказать точно, что Освободитель ничего не предусмотрел. А может быть Эдем и есть спасение от царства тьмы? Может быть, это единственное убежище, способное сохранить людской род? Как вам такое?

Томми ничего не сказал, лишь молча махнул рукой, уставившись за борт. Видения легли на его плечи тяжёлым грузом — и, похоже, он понимал, что бесполезно спорить с кем-то, их не разделявшим. Вера победоносно усмехнулась.

— Вы можете готовиться к драке, — сказала она. — Но без разговора с Освободителем вам не обойтись. Я настаиваю.

— Хорошо, — Эмма подняла руки. — Будь по-твоему. В лучшем случае, он действительно поделится своими мыслями. В худшем, ты просто встретишься с Виком Валентайном, который уверил себя, что он обычный человек.

— А он и есть обычный человек, — сказал Томми. — Он ведь не солгал, сказав, что его силы остались в Эдеме. Он умирает, точно так же, как и я умирал, когда пускал себе пулю в висок. Но меня обратно возвращала Катрина. А его — паразит, который принял облик экзоскелета.

— Если так, значит, его возможно убить? — спросила Эмма. — Так же, как мы расправились с другими катерами?

Томми сумрачно кивнул.

— Можно попытаться.

— Значит, мы так и сделаем, — решительно сказала Эмма. Стоило ей сказать это, как катер остановился. Она едва успела схватиться за борт, чтобы не повалиться на палубу.

— Река разветвляется, — с удивлением произнёс рулевой. — Как это возможно?

— Пространство ломается, — тихо сказал Витя. Все повернулись и уставились на него, ожидая объяснений. Мальчишка пожал плечами: — Джек борется с Эдемом. Естественно, что начинаются искажения. Нам придётся разделиться.

— Согласна, — вздохнула Вера. — Томми, будь добр, высади нас на берег. Ты пойдёшь по одному рукаву, мы по другому.

— Уверены, что справитесь сами? — спросил Марцетти.

— За кого ты нас принимаешь? — рассмеялась Вера. — В крайнем случае, позовём тебя на помощь. Тебе ведь не составит проблемы примчаться напролом.

Марцетти пожал плечами. Он подвёл катер ближе к земле, и Эмма с детьми иммигранта перепрыгнули борт. Отсалютовав, Томми отчалил.

Впервые за это время Эмма не ощутила прилива уверенности от чувства твёрдой земли под ногами. Скорее, напротив, разнервничалась, что они остались без поддержки катера. Оглядевшись и увидев настороженные лица отпрысков Саргия, она немного успокоилась. Они воспринимали ситуацию предельно серьёзно и готовы были к любым неожиданностям. Саргий учил их, как сражаться с Виком. У них были неплохие шансы выйти из этой битвы победителями.

Во всяком случае, это она себе говорила, чтобы не вспоминать слова Володи.

«Сделайте так, чтобы Освободитель вернулся прежде, чем Валентайн найдёт нас».

Если бы он знал, кого они собираются возрождать, пошёл бы на такую жертву? Отправился бы на верную смерть, чтобы дать своим братьям и сёстрам хоть какую-то фору? Или бы плюнул на всё и просто остался в деревне?

«А ведь Валентайн предлагал никуда не идти, — вдруг пронеслось у неё в голове. — В самом начале, когда пришёл за нами на Древесный Пик. Как он тогда сказал? «Можете гнить здесь до конца войны, а можете пойти со мной, вернуть гражданство и стать героями». Проклятье. Если бы я тогда знала, чем всё обернётся, лучше бы осталась на фронте».

Даже умереть в битве с сааксцами, не зная всей правды, теперь казалось более выгодным исходом. Впрочем, в жизни пожалеть можно о каждом принятом решении. Всё равно те, что ты отказался сделать, будут жалить сильнее.

Они продвигались вдоль русла реки, аккуратно огибая застывшие дома и статуи жителей Караса, поглощённых Эдемом. Нос щекотал запах озона. Солнце начало припекать, из-за чего дети иммигранта, закованные в доспехи, порядком вспотели. Эмму так и подмывало дотронуться до кого-нибудь из сааксцев, попробовать вытащить их из сладкого кошмара. Здравый смысл возобладал, подсказав, что, в лучшем случае, Эдем затянет только её, а в худшем — весь отряд. Кто тогда остановит Валентайна?

— Смотрите! — крикнул Дима и указал на горизонт. Там посреди поля стояла огромная арка с каменными дверьми и гравировками переплетающихся змей.

— Похоже, вот место нашего назначения, — мрачно резюмировала Вера. — Прибавим шагу. Наденьте шлемы и приготовьте оружие. Эмма!

— Да?

— Будь готова задействовать свои силы.

Чем ближе они подходили, тем огромнее становилась конструкция. По прикидкам Эммы, арка была не меньше, чем памятник Освободителю в Центре Старого Города. Циклопическое сооружение закрывало солнце и давило на душу своей невероятной массивностью. Странно было, что из всей саакской архитектуры Эдем не сумел поглотить именно эти ворота.

Может быть, зодчие древности на это и рассчитывали?

Когда до арки оставалось не больше сотни метров, двери начали отворяться. Маленькая фигурка проскользнула между ними — и проход снова закрылся.

— Он здесь, — прошептала Вера. Шлем лишил её голос всякой индивидуальности, превратив в дребезжащий набор звуков. Под масками все они казались одинаковыми — невнятными копиями без оригинала. Просто сгустками черноты, которые должны вернуться в великую темноту.

А она не могла дождаться, когда же это произойдёт.

Эмма заметила, что у ворот были полупрозрачные стены, за которыми оставался обычный, не тронутый Эдемом Карас. Они казались переходом между мирами, последним рубежом, способным сдержать бесконтрольный рост заразы, поглощающей город. Если их сломают, ничего в мире больше не сможет удержать царство Освободителя внутри.

Человек, проникший по эту сторону, медленно шагал к ним. Его образ то мутнел, то становился беспредельно чётким, режущим глаза. Смотреть на него было невозможно, не смотреть — смертельно опасно.

Показалось, что прошло несколько жизней, прежде чем они встали друг напротив друга. Вера и Дима спереди, Витя и Надя по бокам от них, а Эмма сзади. Ладони её вспотели. Пальцы сами тянулись к плечам ребят, будто надеясь выпить немного сил, чтобы зарядиться их уверенностью.

Человек, который построил Эдем, застыл напротив. Чёрная броня, полностью окутавшая его тело, казалось, вздохнула, заставив Эмму вздрогнуть.

«Что бы это ни было, оно живое — или пытается таким притворяться».

Какая-то назойливая мысль всё не давала ей покоя. Она вдруг вспомнила встречу с Катриной.

«Мы хотим переработать весь мир, — сказал катер. — Ради вас мы готовы на всё. Но вы дарите только крупицы своей благосклонности. Город может подарить вам всё что угодно, но Освободитель держит его в узде. Так же как он — нас».

Человек — паразит. Рулевой — катер. Освободитель — и…

— О господи, — вырвалось у Эммы. Она попыталась схватить Веру, но было уже поздно — та сняла шлем и выступила вперёд, разведя руки в стороны.

— Нет нужды в насилии, — произнесла она. — Нам нужно просто поговорить.

Вик Валентайн молча смотрел на иммигрантку. Если в первую их встречу зелоты возвышались над капитаном, то теперь его фигура приобрела монструозные размеры. Нет, он не стал выше, но с каждой секундой казалось, что он заполняет собой всё больше и

больше пространства.

— Мы знаем, кто ты такой, — сказала Вера, сделав ещё один шаг вперёд. — И мы хотим узнать, чего ты хочешь добиться.

— Прочь, — донеслось из-под шлема Валентайна. Этот утробный рык чуть не разорвал сознание Эммы, стоило ей его услышать. Казалось, одно только слово вторглось в её разум, попыталось сломить его границы, подавить и уничтожить всякие остатки сопротивления.

Дети иммигранта поморщились и издали тихие стоны. У Веры из носа пошла кровь. Но она продолжала улыбаться.

— Пойми, мы здесь не для того, чтобы мешать. Мы хотим помочь тебе.

— Прочь, — повторило чудовище в чёрном. В этот раз его слова уже не казались такими болезненными — или же Эмма просто привыкла к боли. Сделав шаг вперёд, доспех из тьмы вытянул руку и разжал перчатку. С кончиков пальцев закапала кровь. — Или я раздавлю вас так же, как и его.

Видение пронзило мысли Эммы. Она услышала хруст, вопли, почувствовала запах плоти, сдавливаемой железными ладонями. Её чуть не стошнило от ужаса. Кричать она уже не могла — страх полностью захватил всё её существование. Одно её обрадовало: она удержалась, чтобы не испачкать нижнее бельё.

— Сукин ты сын! — завопил Дима. Замахнувшись мечом, он бросился вперёд.

— Не смей! — заорала Вера, повернувшись к Валентайну спиной.

Дальше всё происходило будто в замедленной съёмке.

Тень метнулась к Вере. За мгновение рука девушки, сжимавшая кинжал, отделилась от её тела. Ещё через удар сердца, эта же оторванная рука снесла ей голову.

Меч Димы столкнулся с коротким клинком, принадлежавшим его сестре. Юноша визжал от ярости и отчаяния, нанося удар за ударом, пока труп, выплёвывающий струи крови, падал на землю. С бешеными криками вперёд бросился Витя, обнажив парные кинжалы. Атаковав с двух сторон, братья начали теснить Освободителя к воротам.

Эмма упала на колени и положила руки на то, что осталось от Веры, чувствуя, как тёплая багровая жидкость заливает её с головы до ног. Рядом валялась оторванная голова, на лице девушки застыла страдальческая гримаса. Губы её ещё шевелились. Свет в глазах затухал.

— Ты сможешь её вернуть?

Эмма повернулась. Надя стояла, баюкая в руках палицу, которую подготовила, чтобы ударить ей Валентайна. Казалось, что девушка находится не здесь, а где-то далеко. Голос её был совершенно спокоен, но тело колотило, словно от озноба.

— Я… — заикнулась было Эмма, но Надя помотала головой.

— Не говори ничего. Просто верни её. Прошу тебя. Она моя единственная сестра. Кроме неё у меня никого нет. У меня никого не осталось. Ни отца, ни любимого. Пожалуйста, Эмма. Просто верни её. Забери мою жизнь. Хочешь?

Она сорвала с руки латную перчатку. Ладонь под ней уже начала сохнуть. Протянув её вперёд, Надя дёрнула головой, будто ожидая, что Эмма кивнёт в ответ.

До них донёсся истошный визг. Валентайн вонзил клинок в плечо Димы и ударом кулака отправил его в полёт. Юноша словно тряпичная кукла приземлился рядом с ними. Он всё ещё дышал.

— Уходите, — только и сумел прошептать он, прежде чем обмер.

«Стоп, — сказала себе Эмма. — Обрубить все эмоции, действовать, как холодный

автомат».

Поднявшись на ноги, она схватила Надю за руку, подвела её к Диме и прикоснулась к мальчишке.

Процесс пошёл. В сыне Саргия ещё теплилась жизнь. Вырвав кинжал из его плеча Эмма отдала ему силы Нади, чувствуя, как потоки энергии проходят сквозь неё. Встряхнувшись, Дима вскочил на ноги с резвостью человека, боящегося проспать и услышавшего будильник.

Тем временем Витя, продолжая дико кричать, тыкал в Валентайна кинжалами, пробивая его броню то тут, то там. Эмма и подумать не могла, что тихоня может быть способен на такую ярость. Казалось, вся обида, что он таил на Веру, вылилась в этот поток ударов, которые Валентайн даже не был в состоянии отразить.

И всё же, мальчишка любил сестру, как никто другой.

— Умри! — вопил он. — Умри, умри, умри!!!

Подняв меч, Дима встряхнул Надю и крикнул:

— Идём! У нас ещё есть шанс! Эмма, помоги нам! Попробуй коснуться его! Забери его силу!

Эмма кивнула. Сжав кулаки, она последовала за детьми иммигранта.

Удар мечом раскроил наплечник Валентайна, а палица Нади чуть не снесла ему голову. Он ухнул, отступая назад. Удары кинжалов Вити оставили в его доспехе множество ран, через которые сочилась кровь. Он начал выдыхаться. Казалось, его движения замедлились. Остриё клинка Димы попало в нагрудник, заставив Валентайна потерять равновесие. Ещё один удар палицей от Нади отправил его в нокаут.

— Держите его! — заорал Витя, весь вес направив на одну из рук противника. Надя облокотилась на другую, а Дима наступил Вику на грудь.

— Эмма, сейчас!

Она не заставила себя ждать. Юркнув между детьми Саргия, она стащила с головы Валентайна шлем, обнажив его окровавленное лицо. Коснувшись его щёк, Эмма сказала:

— Теперь ты мой.

Она почувствовала тепло предыдущих прикосновений к капитану. Она ведь знала, что всё это время могла лишить его сил. Даже пыталась это сделать на расстоянии, но думала, что слишком слаба, потому ничего не получалось.

Теперь же она поняла, в чём дело.

Она почувствовала тёмную воронку, из которой невозможно было ничего вернуть. Огромную чёрную дыру, высасывавшую всю энергию из пространства и лишающую её надежд на жизнь.

Она не могла сопротивляться. Силы покинули её, напитав Валентайна. Его раны зажили, лицо приобрело тёплые оттенки. Освободитель улыбнулся.

— Благодарю, — отчеканил он. — Без тебя я не смог бы этого сделать.

Казалось, без малейшего труда он разбросал всех в стороны. Эмма покатилась кубарем, гадая, как ей удалось не сломать шею. Валентайн снова превратился в тень, двигавшуюся слишком быстро, чтобы глаз мог уследить.

Меч разрезал Диму от плеча до бока, а Витя закричал, когда оба кинжала вонзились в его глазницы. Надя лежала на спине, так и не успев подняться. Когда тень нависла над ней, она залепетала:

— Пожалуйста, не делай этого, пожалуйста, я хочу жить, я хочу жить, я хочу жи…

Освободитель ударом ноги проломил ей грудную клетку, заставив захлебнуться в собственной крови. Доспехи детей иммигранта превращались в дым и, казалось, броня Валентайна впитывала его.

Человек — паразит. Рулевой — катер. Освободитель — и…

— Город, — произнесла Эмма, когда клинок меча опустился на её голову.

20. Исток

Исток
«Каким чудесным стал бы мир, знай люди корни бед своих»
Саакская поговорка

— Тебе никогда не хотелось утопиться?

Вопрос застал его врасплох. Он отложил сигарету и внимательно посмотрел на принцессу. В полутьме её зелёные глаза казались призывными огнями костров неизвестных колдуний. Предупреждая об опасности, они так же манили к себе. На красивом, сильном теле блестели капельки пота. Шрамы от пуль напоминали нарисованные чернилами контуры гор, как их изображали на древних картах из пергамента. Влажные чёрные волосы свалялись на подушке, образовав вокруг головы молодой наследницы трона чёрный остроконечный нимб — или же корону. От неё пахло оружейным маслом, порохом и недорогим табаком.

Кондиционер кашлянул, снова впуская в отсек рециркулированный сотни раз воздух. Принцесса поёжилась от холода и подтянула к себе мокрую простыню. Вик протянул ей недокуренную сигарету.

— Почему? — спросил он как можно менее заинтересованным тоном.

Затянувшись, Анора засмеялась — будто больной, знающий, что жить ему осталось не больше недели.

— Вода — источник жизни, из неё мы все произошли. Также это способ очиститься. Переродиться. Ты знаешь, что в древних религиях приобщение происходило через ритуальное утопление? Человека окунали в воду, символически смывая все его грехи. Таким образом, появлялась новая личность, достаточно чистая, чтобы двигаться дальше. Чтобы прикасаться к святому. Но что если грехи были настолько тяжёлыми, что их нельзя было смыть обычным погружением? Что, если для этого нужно было держать грешника несколько минут, пока с него не смоется вся грязь? За это время и утонуть ведь можно. Источник жизни становится источником смерти. Смешно, не находишь?

— Да, пожалуй, — задумчиво согласился Вик. Он забрал у Аноры сигарету и сделал затяжку. Принцесса не сводила глаз с тлеющего огонька, взгляд её расплылся. Будто бы не осознавая, что делает, она потрепала его по волосам и поинтересовалась:

— Так как тебя зовут на самом деле?

— Виктор Валентайн, — ответил он. Принцесса снова засмеялась, на этот раз, в смехе было намного больше жизни.

— Серьёзно? Я думала, что это твой оперативный псевдоним. Вы, копы, их так любите.

— Нет, меня правда так зовут.

— Спорю, твои родители были горды собой.

Вик улыбнулся, вспомнив маму и папу. Он не знал, гордились ли они собой, но им — определённо. Он боялся признаться, но ему действительно их не хватало.

— Хорошо было бы иметь реку, смывающую все грехи, — признался он. — Правда, жизнь сама больше кажется потоком, в котором мы утопаем среди чужих проступков. И они там не из-за того, что кто-то грязный окунулся в воду — просто сама река всегда такой была.

— Воин и философ, — подколола его принцесса. Откинув простыню, она стала

одеваться. — Ты что, жалеешь о произошедшем? Не бери всё на себя. Поверь, я подключила все свои чары, чтобы затащить тебя в кровать. И, наверное, хотела этого больше твоего.

Вик внимательно посмотрел на неё. «Бедная девочка. Что же, кто я такой, чтобы разрушать её иллюзии? Пусть думает, что сама сделала этот выбор».

Он оказался в отряде, посланном на Нижние Уровни — и всё из-за проклятого Рикерта и его махинаций. Если бы не застарелые обиды лейтенанта, Вика бы точно здесь не было. Но за превосходство над серостью, порой, приходилось платить слишком большую цену.

Синтия и Норман остались в Башне. Всё равно, что заложники под чутким присмотром ненаглядного начальства Вика. Однако, несмотря на все предосторожности, через железный занавес просочилась весточка: «Вытащи нас отсюда любой ценой».

Он должен был что-то сделать. И он не придумал ничего умнее, чем соблазнить принцессу Синдиката. Уж после этого побег из Башни вместе с близкими ему точно гарантирован. И ни одна мразь не посмеет идти следом, чтобы отомстить за нанесённые оскорбления.

Этим он себя успокаивал. Он ведь делал это ради семьи, так? Какая разница, что принцесса приглянулась ему с первого взгляда?

И кто его мог судить? Она была красивейшей женщиной из тех, кого он встречал. Может, ей не хватало определённого шарма светских львиц крупнейших Семей — а с такими Вик уже не раз имел дело — всё же, её полная отдача миссии подкупала намного больше, чем тривиальная лесть многоопытных интриганок. Она пришла на Нижние Уровни воевать, да так, чтобы сберечь как можно больше своих людей. Её знание военного искусства, железные принципы и некоторая неловкость в делах любовных сделали принцессу первоклассной целью для Вика.

Он подошёл к вопросу со всей обстоятельностью, не оставляя себе ни малейшего шанса на неудачу. Втереться в круг доверия принцессы не составило труда: кроме того, что он примелькался, постоянно проявляя инициативу во время планирования совместных операций, так и задачи он выполнял блестяще и не раз рисковал собственной шкурой, чтобы вытащить синдикатовцев из щекотливых ситуаций, в которые их загоняли недалёкие офицеры. Вик полностью растворялся в деле, которому себя посвящал.

Армейцы откровенно завидовали его успехам, постоянно спрашивая, какого чёрта он лезет на рожон — в конце концов, это ведь не было войной Башни. Валентайн, мысленно скрипя зубами, улыбался и говорил, что Стрелки слишком большая опасность, чтобы давать им передышку. Когда-то их с трудом выгнали из Старого Города, и работу нужно было закончить. Синдикату и полиции нечего делить. Враг у них один.

Все эти разговоры явно привлекли внимание полковника Эймса, продолжавшего орудовать на Нижних Уровнях. В перспективе, Вик собирался подобраться и к нему. И когда он это сделает, его уже ничего не остановит.

Другие копы кичились званиями и опытом, пытаясь доказать свою важность. Вику не нужны были звёздочки на погонах — личным составом он управлял играючи. Кто-то бы сказал, что он слишком рискует, пытаясь добиться власти над людьми. Вик никогда не рисковал понапрасну. Да, он не раз ставил на карту собственную жизнь: но и отдача была запредельная. Он получал возможность заставить человека сделать всё, что душа пожелает. Важнее этого не было ничего.

Жизнь ничего не стоит, если в ней всё идёт не так, как ты хочешь.

— Я видела твои сомнения, — вернула его в реальность Анора. Она уже натянула

штаны с майкой и начала застёгивать рубашку. — Что тебя всё-таки заставило сорваться? С чего ты решил, что игра стоит свеч?

— Тэймур Ким, — немедленно среагировал Вик, ожидавший этого вопроса.

— Подожди, мальчишка-репортёр из Приюта? Который вундеркинд?

— Он самый.

Профсоюз Приюта, в котором жил и работал семнадцатилетний Ким, потратил больше года, чтобы выбить на него разрешение посетить фронт. И всё для того, чтобы показать Старому Городу, как на самом деле ведётся война со Стрелками. Мальчишка успел прослыть чудом в журналистских кругах. Все говорили, что только он сможет осветить конфликт так, как надо.

Тэймур времени не терял. За полтора месяца на фронте он взял пару дюжин интервью, написал десятки очерков, оставил везде немыслимое количество записок, наделал гору фотографий, а также приступил к написанию своего магнум опуса: статьи «О проблеме Нижних Уровней». Он был далеко не первым, кто пытался донести до обычного люда новость о происходящем хаосе. Мэтры журналистики гробили карьеры, потому что не могли опубликовать колонки об истинном положении дел — и дело было не в том, что редактора резали их материал, а в Молчании, которое быстро затыкало всем рот. Репортёры сходили с ума от бессилия, спивались, кончали с собой. Нижние Уровни побеждали.

У Тэймура же всё получалось с такой простотой, что Вик на мгновение поверил: вот человек, который разнесёт горькую правду до самых дальних уголков. В мальчишке было столько энергии, что невозможно было не заразиться его раздражающим оптимизмом.

Снайпер Стрелков прострелил ему горло прямо во время взятия интервью у одного из бойцов. Спасти Тэймура не удалось: и минуты не прошло прежде, чем он испустил дух. Вик лично принял участие в расследовании. Следов злого умысла со стороны Синдиката он так и не нашёл. Всё это было ужасной случайностью. Словить пулю на фронте было проще простого. И всё же, Вику казалось, будто чья-то безжалостная воля направляла руку убийцы.

Он собрал все материалы Кима и отправил их в Старый Город. Он не мог допустить, чтобы труды мальчишки пропали зря. Совсем скоро Вику пришёл ответ, что данные повредились во время транспортировки. Интервью с солдатами переполняли белые пятна, очерки превратились в наборы дежурных фраз, а статья исказилась до сочетания слабо связанных друг с другом тезисов. Конечно, редакторы сумели собрать всё во что-то более-менее убедительное. Ожидали они, правда, совершенно не того.

Когда статья Кима вышла в газете, Вик только грустно улыбнулся. Да, многие важные и новые для жителей Старого Города факты всё же остались. Но в тексте не было самого важного: раскрытия той чертовщины, что творилась в войне со Стрелками. Нижние Уровни снова победили.

Что бы ты ни делал, мир найдёт способ закопать все твои усилия.

— Когда он погиб, я понял, что не стоит тянуть со своими желаниями, — сказал Вик. — Иначе может быть поздно.

— Согласна, — усмехнулась Анора.

— А тебя что заставило сорваться? — перевёл тему Вик. — Разве у тебя нет мужа?

Принцесса вздохнула.

— Ты знаешь, кто он такой?

— Нет, если честно.

— В том-то и дело, — Анора пожала плечами. — Никто не знает. Его зовут Дерек, он

наследник и будущий глава Дома Ноттингемов. Мой отец давно хотел, чтобы они стали нашими союзниками. У них есть и собственные предприятия, банки, даже войска. Они не то чтобы очень крупные, но с ними приходится считаться. Главное, что они могли помочь нам с церковью.

— И что же произошло?

— Да ничего. Отец выдал меня замуж, когда мне было шестнадцать. Приказал сделать наследника. У нас родился сын, назвали его Грегори. Ему сейчас четыре года. И четыре года прошло с тех пор, когда я его видела последний раз. Отец держит его при себе. Не даёт с ним видеться. В конце концов, он же будущий наследник короны. Нужно уберечь его от нашего влияния. А Дерек… ему наплевать на меня. Кто же знал, что он окажется алкашом и игроком. Часть состояния он уже успел промотать. Разойтись с ним я не могу — имидж нашей Семьи пострадает. Будто он может ещё сильнее упасть!

— И поэтому ты решила связаться с незнакомцем? — ухмыльнулся Вик.

— Не то чтобы мы с тобой незнакомы, — буркнула Анора. — И потом, ты так говоришь, будто я бросаюсь на каждого встречного. Ты исключение. Гордись этим.

— Да я просто тебя подкалываю.

— Правда? Что же, мне кажется, ты должен знать, — Анора помялась, прежде чем продолжить. — Я хочу ребёнка.

— Что?

— Я хочу ребёнка, — повторила принцесса. — Такого, который будет рядом со мной. Который будет меня любить. Грегори я уже не увижу, с этой мыслью я смирилась. Слушай, я не прошу тебя быть отцом. Просто… подари его мне.

— Ты просишь от меня слишком многого.

— Я понимаю, — принцесса вздрогнула, словно отказ Вика обжёг её. — Просто… у меня больше ничего нет. И я знаю, что ты не сможешь быть со мной рядом. Это уже и так понятно. Просто сделай это. Для меня. Если всё это хоть что-то значило…

— Хорошо, — Вик поднял ладонь, лихорадочно думая, как перевести тему. — Я подумаю. Но разве король не заберёт к себе ещё одного наследника? Не боишься, что поползут всякие слухи?

— На слухи мне плевать. И потом, с Дереком я не разводилась. Этот придурок не вспомнит даже, был ли он со мной или нет. А отец больше никого не заберёт.

— Откуда такая уверенность?

— Ну, во-первых, я об этом позабочусь. А во-вторых, своё он уже получил.

— Внука, имеешь в виду?

Принцесса ухмыльнулась.

— Всё намного хуже. Мой отец искренне верит в одно древнее пророчество.

Тут уже настала очередь Вика смеяться.

— Да ты мне мозги паришь. Пророчество? Какое?

— Что в шестом веке после Освобождения дочь короля принесёт Старому Городу Освободителя.

***

Ещё ни разу он не заходил так далеко.

Воспоминания возвращались толчками, будто кто-то сверху порционно скидывал их

Вику в разум. Вот только пользы от этих отрывков было не очень много — он до сих пор не мог понять, что же произошло на самом деле. Не мог понять, но чувствовал, что нужно делать.

Он прекрасно знал, что проходил этот путь сотни, а может и тысячи раз. И постоянно погибал где-то в пути. Если бы кто-то сложил все трупы мёртвых Виков Валентайнов, получилась бы небольшая гора. Вполне возможно, что где-то на Нижних Уровнях, вдали от чужих глаз, лежала такая стопка тел. А может, какой-то удачливый следопыт уже успел набрести на них и до сих пор ломал голову, как же так получилось, что один человек умер столько раз.

Даже после стольких смертей, Вик знал, что хочет проиграть. Он жаждал этого, молил об этом. Каждый раз он создавал себе условия всё хуже и хуже. Однажды он даже не сумел выйти из Города: погиб во время задания, порученного королём. Попытался дойти до Караса без сопровождения — его убили сааксцы. Один раз не собрал команду, положившись на катер, рулевого и его помощника. Кончилось всё тем, что Ли зарезал его во сне.

В конце концов, он пришёл к неутешительному выводу: ничего не закончится, пока он не выполнит миссию. Хотел он того или нет, но до Караса придётся дойти. Эдем нужно запустить. Такого были условия его договора.

Условия его освобождения.

Квантовое бессмертие таило в себе очень неприятную особенность: сколько ни откладывай дела, делать их всё равно придётся. Билл, наверное, поспорил бы, что его состоянию можно дать такое название, но Вику было плевать — ему оно больше нравилось, чем «петля». Хотя, в его случае «петля» действительно подходила лучше, потому что вызывала ассоциации с повешением.

Не раз Вик ощущал, будто на его шее затягивается верёвка — и каждый раз он молил, чтобы приговор, наконец, привели в исполнение. Но палач в этот момент решил уйти на обед, потому повешение поручалось самому приговорённому. Ему хотелось хохотать от этой картинки. Действительно, после всего, что он увидел, лучшей ассоциации он придумать не мог.

Тьма грядёт — и он ничего не мог с этим поделать. Только ускорить конец. Прикончить этот агонизирующий мир прежде, чем жить в нём станет абсолютно невозможно.

«Это ваше милосердие?» — усмехнулся он, взывая к бесконечности.

«Ты знал, на что идёшь. Мы предупреждали».

«А Эймс. Почему нужно было втягивать его?»

«Ты этого захотел сам. Когда понял, что иначе не дойти».

Да, действительно, так и было. В какой-то момент он понял, что паясничать бесполезно. Нужно было собрать лучшую команду, лучших бойцов, которых только можно найти. Обеспечить себе все шансы на успех. А потом, наконец, покончить со всем раз и навсегда.

Вик усмехнулся. Даже решившись завершить дело, он всё равно оставил себе шансы на провал, чтобы ещё раз пройти этот проклятый путь на голгофу.

Тьма охватила его, залилась в глаза. Время скрутилось и превратилось в точку.

Он стал всем — и ничем.

***

Ушло больше суток, прежде чем они оказались на Нижних Уровнях. Он терпел. В конце концов, нужно было разобраться, что к чему. Вик потребовал, чтобы они пришли сюда — и он готов был идти у него на поводу. При условии, конечно, что получит все ответы.

На Нижних Уровнях для штаба уже давно было построено отдельное здание. Эймс заранее выгнал всех офицеров, чтобы никто не мог им помешать. Вика он впустил первым. Показалось, будто внутри резко потемнело. Полковник взял стул и сел перед Виктором. Вид у того был, мягко говоря, неважный. Взгляд парня блуждал, не мог ни на чём остановиться. Казалось, в нём заключилась вся тоска мира. Понимание того, что битва проиграна ещё до того, как она началась.

— Все твои ожоги зажили, — начал с очевидного полковник. — Я уж не говорю про новую внешность. Сказать, что это невероятно…

— Так не скажи ничего, — перебил его Виктор. Полковник сжал зубы. Мальчишка был ему дорог как сын, которого у него никогда не было. Но у любого терпения есть свои пределы.

— Я думаю, тебе определённо есть, что нам сказать. Та девчонка, Коннели, исследовав твоё тело, просто с ума сошла. Она сказала, что мы на пороге новой эры. Король займётся её разработками лично.

— Короля уже ничего не спасёт, — сказал Валентайн. В этой фразе не было ни угрозы, ни издёвки. Просто констатация факта. — Никого уже ничего не спасёт.

— Любой на твоём месте радовался бы, что сумел остаться в живых. Да и вообще, чёрт возьми, ты исцелился! Пусть стал другим, но всё же. Это ли не чудо Освободителя?

— Я уже понял, что совершил ошибку, вернувшись, — произнёс Вик и как-то странно дёрнул головой, будто отгоняя назойливую муху. «Или отгоняя назойливые мысли».

— Если хочешь, я могу отправить тебя обратно, — попытался сострить Эймс. Вик, наконец, посмотрел ему в глаза. И полковника окатила бесконечная тьма, что плескалась в них.

— Это ничего не изменит.

Эймс хотел было возразить, но вдруг всё понял. Вик сказал ему что-то, что полковник не столько услышал, сколько почувствовал.

Он представил ничто: словно бездонный колодец, в который бросают мертвецов. Колодец без начала и конца. Он существовал никогда и нигде. Эймс закричал — и тьма проникла внутрь. Его крик потонул в сонме других. В стонах, мольбах, сладострастных вздохах, плаче. Он перестал существовать как отдельное целое. Он стал всем.

Он стал ничем.

Его сознание, воспоминания и мысли стали общим достоянием, просто частью потока, который волнами расходился по всему тому, что нельзя было назвать пространством. Целую вечность того, что не было временем, полковник не существовал. Он бы отдал всё, чтобы обрести хоть какую-нибудь форму — тогда бы он почувствовал обыкновенную боль. Страшную, невыносимую, разрывающую всё нутро агонию. Но ту, которую можно было удержать внутри, а не течь по её волнам, переливаться и понимать, что тебя никогда не было. Что ты пришёл из ниоткуда, в никуда вернёшься снова.

Каждой частичкой своего несуществования, однако, он чувствовал шевеление. Бесконечно малые всполохи энергии, настолько мизерные, что они не значили совершенно ничего. Словно мускул, напрягающийся до того, как сознание отдавало команду телу двинуться.

Всполохи жизни. Там, внизу. Вверху, слева и справа. Везде и нигде.

Если он был тьмой, то эти частички были не светом. Нет. Всего лишь серостью.

— Как можно забыть то, чего не произошло? — спросил Виктор. Полковник не знал ответа. Он продолжал быть ничем.

Вот, значит, как всё было. Это ждало их всех. Это предшествовало им.

Не конец света. У того, у чего не было начала, не было и конца. Это было просто отклонением. Настолько мизерным для вечности, что изменений для неё будто не существовало. Но полковник, всем существом, всей частью того, чем он стал на этот бесконечный миг, ощутил, что этому нечто не всё равно. Даже если это всего лишь искорка давно угасшего пламени, ему-ей-им хотелось стать такой искоркой.

Небытие хотело жить. Но закон диктовал, что сама жизнь всего лишь каприз несуществования.

И однажды, в него всё вернётся. И этого не остановить.

Полковник открыл глаза, чувствуя, как дрожит всё тело. Он посмотрел на ноги: его штанины были мокрые от мочи. Он посмотрел на Виктора. Тьма из его глаз исчезла.

Эймс почувствовал, как из его груди вырывается вздох невероятного облегчения. То, что он почувствовал сейчас — точнее, не почувствовал, — стало для него самым тяжким испытанием в его долгой жизни.

— Ещё раз я так не выдержу, — сказал он Виктору. Парень кивнул с пониманием.

— Я тоже не смог.

— Так вот, значит, как? — горько вопросил полковник. — Наши дети? И дети наших детей? Всё это бесполезно, да? Все мы там окажемся?

Виктор кивнул.

— И это никак не остановить?

Виктор снова кивнул. Эймсу лишь оставалось схватиться за голову. Первой его мыслью было засунуть ствол пистолета в рот и вышибить себе мозги.

Но это бы означало возвращение туда, во тьму. А он знал, что больше её не выдержит.

— Конец света не предотвратить, — сказал Вик. — Царство полной темноты вернёт своё по праву. Она была здесь до нас. И останется, когда никого из нас уже не будет в живых.

Никогда ещё Эймс не понимал абсолютности слова «никого» так сильно, как сейчас. Одно дело признать смертность других людей — солдаты полковника умирали постоянно; он уже привык к тому, что люди всегда будут уходить и на смену им придут другие. Он даже смирился с тем, что умрёт когда-нибудь сам. Но его дети? Дети их детей? Все его потомки и потомки других людей? Всё человечество? Всё живое?

Весь мир вообще?

— Неужели им всё равно? Они ведь видят нас, верно?

— Они видят абсолютно всё, — тихо сказал Виктор. — Каждый момент одновременно. Но они любят и концентрироваться. Сейчас все их взоры сосредоточены на тебе. Я вижу их сейчас, когда смотрю в твои глаза. Но скоро они перелистнут страницу.

Эймс ничего не понял — он вдруг ощутил себя голым под взором миллиардов глаз, которых не было в реальности. И сейчас все они, казалось, смотрели на его обмоченные штаны.

— Знаешь, Эймс, у нас с тобой много общего, — пробормотал Виктор. — Например, то что мы оба предали своих детей.

Эймс перестал трястись и воззрился в ужасе на Виктора. «Откуда он знает?» Валентайн

лишь покачал головой, лицо его исказилось в гримасе боли.

— Я вижу… всякие картинки. Я не знаю, будущее это или прошлое. Но когда-то… когда-то я последовал за тобой на катере.

— Зачем? — спросил Эймс и тут же пожалел.

— Потому что куда бы ты ни отправился, там ты найдёшь Освободителя, — ответил Валентайн. В глазах у него застыли страх и надежда. — А у него… у него будет ответ.

***

Ответа у него не было. Как, собственно, и вопроса.

Потому что он понял всё. А как было не понять? Смысл в происходящем отсутствовал совершенно и парадоксально было его искать. Вику хотелось смеяться над каждым, кто сейчас смотрел на него с вопросом, застывшим в разуме.

«Как же так?»

То, что люди воспринимали как жизнь, для *них* не значило совершенно ничего. И значило одновременно всё.

Возможно, их собственное несуществование так сильно их смущало, что вопрос жизни они решили оставить нетронутым — до поры до времени. Может быть, они какое-то время считали, что именно их состояние может быть отклонением от нормы, и искать ответ нужно в тех всполохах, которые вдруг возникли. До тех пор, пока баланс не нарушился. Пока приток новых душ не сократился до такой степени, что им пришлось вмешаться напрямую. Максимально грубо и неэффективно. Но это привлекло его внимание.

Его, который оказавшись в новом мире, в каждом камне искал угрозу — и нашёл её в Процессе.

Конечно, свет существовал всё время. Даже раньше звёзд, которые были ещё на заре Вселенной — или же они и стали её зарёй? Как бы там ни было, именно жизнь дала оправдание такой нерациональной концентрации энергии. Свет стал жизнью, а жизнь стала светом.

Свет можно было потерпеть — опять же, до поры до времени. Был определённый договор, что они будут давать ему энергию взаймы. В конце концов, она когда-нибудь закончится, и всё вернётся на круги своя. Звёзды стухнут. Жизнь закончится. А время нужно только для того, чтобы вырастить живущих, прежде чем их убить. Так они думали, пока жизнь не поломала всю механику обмена, которая тщательно выстраивалась миллиарды лет. Возвращаться стало намного меньше, чем уходило.

Они это терпели, зная, что время на их стороне. Казино всегда в выигрыше. А ситуация только ухудшалась, причём, с такой скоростью, что терпеть это было невозможно. Им пришлось вмешаться в дела света, потому что ответа за свои поступки он не нёс. Он даже не осознавал, что у его действий есть катастрофические последствия.

Он не знал, что само несуществование может перестать существовать.

Вика, как первого представителя света, вышедшего на контакт, обрекли определёнными полномочиями. Ему выделили неограниченное количество энергии, все инструменты, которые только возможно. Даже время готовы были перекроить, лишь бы он выполнил свою миссию.

У него было всё время во Вселенной, чтобы достичь цели. Нежизнь объявила живущим войну.

Ему хотелось смеяться от того, что ему кто-то вздумал противодействовать. Ему хотелось плакать, потому что он не мог остановить себя сам.

Что бы он ни делал, он победит.

Что бы он ни делал, он победит.

Что бы он ни делал, он победит.

Время на его стороне. Оно нужно только для того, чтобы вырастить живущих прежде, чем их убить.

Сколько ни откладывай дела, их делать придётся.

Стоя сейчас с занесённым мечом над Эммой Коннели, он думал, что у него есть всё время мира. Он может стоять так вечно. Ему необязательно ведь даже опускать клинок. Она погибнет.

Что бы она ни делала, она погибнет.

Для них не будет иметь значения, когда это случится. Они не рассуждали категориями времени. Оно на них не распространялось.

Вик приложил все усилия, чтобы предотвратить повторное нарушение баланса. Свет не мог выиграть, он знал это. Джек может морочить им головы, но в итоге это не приведёт ни к чему хорошему. Лишь увеличит их страдания прежде, чем они придут к тому же самому финалу.

Они, их дети, дети их детей. Тьму не остановить. Она обязательно заберёт своё. В конце концов, почему живущие так боялись несуществования? После того, как Вик попробовал его, каждый миг жизни превратился в сущую муку.

Зачем все эти страдания, если всё кончится тем же самым?

Он стоял с мечом, а позади него лежали разорванные на части дети Саргия. Они уже вернулись в никуда, откуда и пришли. В их действиях не было смысла. Их жертвы были ни к чему. Так почему же они посвятили свои жизни боли вместо того, чтобы пытаться каждый миг провести в наслаждениях? Ведь после смерти им это будет недоступно.

Извивающееся тело у его ног напомнило Вику миг, когда он не смог убить своего сына.

Джек уже был смертельно ранен, жить ему оставалось всего ничего. Так почему он не смог его добить? Почему он не избавил его от страданий? Почему проявил такое малодушие?

Вместо этого он потащил тело к кресту. Он принял решение. Город требовал постоянного контакта с создателем, чтобы существовать. Конструкта, сооружённого Виком, было недостаточно. Нужна была живая плоть.

Почему он повесил сына вместо себя? Чтобы тот продолжал жить, пусть и в таком состоянии? Или же чтобы Вик мог благополучно вернуться домой, к той семье, которую когда-то бросил?

Он до сих пор не знал ответа. Не помнил. Или же специально забыл?

Вик опустил клинок.

Она что-то промолвила. Он удержал лезвие буквально в нескольких сантиметрах от её головы и спросил:

— Что ты сказала?

— Город, — повторила Эмма, не сводя с него глаз. — Ты не Томми. Он держит свой катер под контролем. А Город уже давно контролирует тебя. Требует, чтобы ты поглощал всё больше и больше. Чтобы Эдем распространился везде.

Вик не создавал Город — но сделал его тем, чем он являлся сейчас. Освободителю

нужна была база операций, поэтому он выбрал то, что было под рукой — место жития Бога.

Вик полностью обратил творение против создателя. Когда всё закончилось, Первый Город стал произведением Освободителя: и только ему подчинялся. Абсурдом было бы считать, что он как-то на него влияет. Медичка отчаянно пыталась купить себе время — к сожалению, Вик его не продавал.

Он уже замахнулся, чтобы снести ей голову, как вдруг его обволокла тьма. В этот раз не он её вызвал.

— Кто здесь? — крикнул Вик. Попытался двинуться — не вышло. Казалось, его сковали по рукам и ногам. Откуда-то слева раздался шелест, и перед его взором проплыла смуглокожая девушка в вечернем платье и с красной точкой на лбу.

— Пожалуйста, простите меня, — пролепетала она. — Но я вынуждена была подчиниться. Он приказал.

— Что здесь происходит, Катрина? — спросил Вик. Девушка боязливо огляделась.

— Томми велел сдержать вас. Вы внутри меня.

— Отпусти! — крикнул он. Смуглянка отпрянула, подняв руки, и заплакала.

— Пожалуйста, не делайте ему больно! Если бы я знала с самого начала, кто вы, я бы не делала таких глупостей! Но теперь я вижу! Я вижу, создатель, что это вы, но я не могу ему не подчиниться! Ведь он мой носитель!

Вик дёрнулся ещё раз, но ничего не получилось.

— Ты ведь знаешь, что я выберусь отсюда — и тогда тебе несдобровать, — сказал он Катрине. Через мгновение он почувствовал, что может спокойно двигаться. — Благодарю.

— Нет, — покачала головой девушка. — Он сделал то, зачем пришёл.

— Что именно?

— Спас её, — пролепетала Катрина. — Простите меня, создатель. Я не могла…

Тьма исчезла так же резко, как и появилась. Прямо перед ним стоял катер. Не прошло и мгновения, как с огромной скоростью он двинулся назад. Томми успел вытащить Эмму. Ему хватило ума не вступать в прямую конфронтацию. Правда, его это не спасёт.

Вик остался один. Впрочем, как и всегда. Его окружали статуи людей, которых уже охватил Эдем. Их неподвижность ласкала взор. Наконец-то они обрели счастье и покой. Никаких больше ненужных страданий. Отныне и до конца времени у них всё будет хорошо. До тех пор, пока тьма не вернёт своё. Они снова станут едины.

Только Эдем он смог выторговать в качестве решения. Вик не хотел смертей. Люди заслуживали рая, пусть и искусственного. Раз уж он смог обрести счастье, пусть и ненадолго, то почему этого должны лишаться другие?

Бросив взор на ворота позади, Вик хмыкнул. Джек будто знал, что его ожидает, потому постарался приготовить свой город по максимуму. Пусть Вик и бывал в Карасе раньше, он не смог оценить всех масштабов задумок своего сына. Механизмы здесь работали с помощью света. Разобраться в них без вреда для себя Вик просто не мог.

Будто зная, что именно отсюда начнёт распространяться Эдем, Джек понаставил везде ограничителей, чтобы удержать всё внутри специально подготовленных кварталов. Чтобы прекратить их действие, Вику требовалось убить того, кто их подпитывал. Пока Освободитель пытался поставить сыну ультиматум, тот делал встречный.

— Весь в отца, — буркнул Вик и двинулся меж статуй.

Земля под ногами потихоньку поднималась выше и выше. Река кривилась, начинала испаряться. Похоже, что Джеку почти удалось остановить заражение. Вику стоило

торопиться, если он не хотел отправиться на очередной виток петли.

Место, где проходил ритуал, превратилось в вершину горы. Совсем скоро Вику пришлось лезть по отвесному склону, состоящему из мягкой, покрытой травой земли. Хорошо, что он прихватил с собой парные клинки, оставленные сыном Саргия — здесь они ему очень пригодились.

Пока он карабкался, в голове пролетали неутешительные мысли. Если он проиграет, путь придётся повторять с самого начала. С того самого момента, как он вернулся на Нижние Уровни. Каждый раз Вик стирал себе память, как только знакомился с Биллом — у него были технологии, чтобы это сделать. Вик не хотел помнить все провалы. Того, что с ним сделали — и что ему пришлось сделать.

Прошлого, как и будущего, не существовало. Был только этот конкретный момент, а также иллюзии мозга, считающего, будто воспоминания могут вернуть тебя назад. Нечего там было исследовать или узнавать: только сожжённые руины да разочарования.

Вик не изменит того, что сделал. Он поклялся, что больше не будешь сожалеть о своих выборах. Он не будет жить в мире, который не случился. Он существовал здесь и сейчас. У него была цель — рано или поздно, он её достигнет. Иначе просто быть не могло.

И всё же, несмотря на всё это, он оставил себе возможности для провала. Он подстроил всё так, что с активацией Эдема возвращался и его сын. Пусть не совсем он, пусть в чужом теле. Главное, что проекцию, наделённую всеми принципами Джека, можно было переубедить. Или удостовериться в последний раз, что они не придут к консенсусу.

Вик вдруг понял одну важную вещь: он жаждал, чтобы кто-то нашёл способ его остановить. Пусть он будет повторять этот путь сотни, тысячи, миллионы раз. Он готов это делать до тех пор, пока кто-то не найдёт способ разорвать его чудовищный контракт. Кто-то, кто сможет, наконец, примирить свет и тьму, не уничтожив и то, и другое.

«Пожалуйста, — взмолился он, подтягиваясь на последнем уступе. — Пожалуйста, помогите мне».

«Тебя никто не слышит, кроме нас. Они никогда не смогут ничего решить сами. Свет обречён. Когда-нибудь ты победишь. Мы победим. Это неизбежно. Это закон вселенной. Наш закон».

Наконец, он взобрался на небольшую чистую лужайку, лишённую всякой растительности. Впереди и сверху, на холме, горел яркий свет. К вершине вели каменные ступеньки.

Джек ждал его.

Подъём показался Вику бесконечным. Он так жаждал этого момента. Он так боялся его. Впервые за всё это время он снова увидит сына. Попробует объяснить ему, что делал всё ради общего блага.

Джек стоял к нему спиной, смотря куда-то вдаль, держа козырьком ладонь. На подошедшего Вика он даже не обратил внимания.

— Здравствуй, Джек. Ты один? Где все твои новые прислужники?

Сын обернулся. Одет он был в простую белую рубашку и тёмные штаны. На ногах блестели армейские сапоги, которые ему на совершеннолетие подарил Вик.

Как давно это было.

От его ладоней исходил лёгкий свет. Не присмотришься — не заметишь. Увидев отца, Джек улыбнулся и хлопнул в ладоши:

— Всё-таки ты добрался. Не смущайся, что я один. Саргий отправился перехватить

шамана. Не вовремя он сюда перенёсся. Я уже почти закончил с упаковкой твоего фальшивого царства, как он вмешался в процесс. Теперь придётся ждать, когда с ним разберутся. Зато мы можем спокойно поговорить друг с другом, ничего не утаивая. Чем больше ты тянешь, тем вероятнее, что я задушу всю эту заразу на корню — и твой Эдем так и останется задыхаться в Первом Городе.

— Рад, что ты настроен на разговоры.

— Саргий не дал бы нам поговорить, — хмыкнул Джек. — Кажется, он потерял остатки рассудка. В конце концов, ты убил его детей.

— Им не стоило во всё это вмешиваться.

— О, но ведь именно ты их во всё это втянул. Если бы не ты, Николас бы не выжил — и не повёл бы людей на запад. Жизнь Саргия не превратилась бы в вечные поиски Бога. Его дети не помешались бы на идее исполнить мечту отца и вернуть Освободителя. Я уж не говорю о Страже, который прилетел встречать иммигрантов. «Добро пожаловать в Первый Город, Сергей»? Серьёзно? Ты вёл их к этой миссии чуть ли не всю жизнь, а теперь жалуешься, что они не проявили свободы воли? У тебя больное чувство юмора.

— Может, ты и прав, — пожал плечами Вик. — А может ему слишком нравилось чувствовать себя избранным, чтобы выбрать обычную жизнь. Что дальше? Попытаешься остановить меня?

— Я уже это делаю.

— Ты ведь знаешь, что тьма всё равно придёт, — устало ответил Вик.

— Кто тебе это сказал? Процесс? Поэтому ты решил, что нужно уничтожить всё, на чём стояло наше общество? Покуситься на Бога?

— Он был всего лишь машиной. Как может искусственный интеллект, бездушный механизм, указывать живым, что им делать?

— А значит к машинам, к которым ты насильно припаял душу, ты претензий не имеешь, да? Пока ты не пришёл, люди себя прекрасно чувствовали под руководством Бога. Мир процветал. У нас было будущее.

— Процесс ведь не просто так влился в наш мир, — сказал Вик. — Бог вызвал его своими экспериментами.

— Надо было просто остановить Процесс, — парировал Джек. — А не пытаться идти с ним на контакт. Эта дрянь заразила тебя, отравила все твои мысли. Заставила верить, что конец света неизбежен, а значит, его нужно приблизить. Каждый пророк думает, что разговаривает с богом, хотя у него в голове звучит его собственный голос.

Вик не смог не рассмеяться.

— Всё правильно. Я разговариваю с богом в своей голове — собственным голосом. Ведь я и есть Бог. Ты просто не можешь понять, что свет всего лишь проходящее явление. Энергия когда-нибудь закончится. Жизнь тоже. В конце концов, всё умрёт.

— Я не согласен, — улыбнулся Джек. — У жизни есть один неприятный для тебя подарок: она всегда множится. А света у нас достаточно, чтобы рассеять тьму.

Вик поднял кинжал, который держал в руке.

— Вот таким способом? Убить человека, чтобы создать оружие? Одна жизнь за один нож? Внутри него ведь кости, не так ли?

— Кости, немного крови, нервные окончания, — на этот раз пришёл черед Джека пожимать плечами. — Неужели будешь осуждать нас, что мы готовы всем пожертвовать, чтобы остановить тебя?

— Вы только оттягиваете неизбежное, — вздохнул Вик. Он протянул руку. — Ты никогда не мог меня понять. Возьми мою руку — и я покажу, как на самом деле устроена вселенная. Ты знаешь, я не могу сделать это насильно. Ты должен подойти с открытым разумом.

— После всего, что ты сделал? — рассмеялся Джек. — Плевать на другие жертвы: я знаю, тебе всё равно. Ты ведь убил меня, отец. Повесил на грёбаный крест, страдать вместо тебя, поддерживая жизнь в твоём богомерзком Городе. Наложил сверху конструкт из воспоминаний, будто я твоя плоть, а он разум. И всё для чего? Чтобы ты просто мог вернуться к своей дражайшей семейке из другого мира! Ты всегда получал, что хотел. И всегда этого было мало. Получив одну женщину, тут же гонялся за другой. Выполнив одну цель, выдумывал себе другую. Я не удивлюсь, что, остановив Процесс, ты решился обрушить весь мир только чтобы сжечь самого Бога. Ты ведь всё твердил, что не хочешь жалеть о сделанных выборах. Но только это ты и делал! Тебе никогда не хватало того, что у тебя было! Попав к нам, всё время горевал, что оставил семью без мужа и отца. Как их звали? Синтия и Норман? Твои ненаглядные, ради которых ты бросил вся и всех. И тебе не хватило того, что ты убил меня. Тебе не хватило, что ты повесил меня как кусок мяса на крюк, потому что побоялся принести себя в жертву. О, нет! Тебе нужно было пойти и изуродовать мой город! Сделать из него орудие, которым ты подготовишь приход тьмы. Центр, с которого начнётся апокалипсис. И всё из-за чего?! Просто потому, что ты знал: когда-нибудь ты снова пожалеешь о сделанном выборе. Когда-нибудь ты захочешь снова всё изменить. Ты мог не тянуть. Ты мог запустить Эдем ещё тогда, когда убил меня. Ты не решился. Захотел увидеть семью, захотел прожить жизнь обычного человека. Ты так легко управлял людьми, что понимал — ответственности за поступки тебе никогда не придётся нести. И так ты её боялся, что ради этого готов был всё сжечь!

Голос Джека сорвался на крик. Из глаз брызнули слёзы. На него было жалко глядеть. На мгновение Вик почувствовал к нему отвращение. Собравшись, он мягко произнёс:

— Ты говоришь, что я убил тебя. Ты ведь не умер. Я повесил тебя на крест, правда. Но это был единственный способ поддержать в твоём теле жизнь. Позволить тебе исправить ошибку.

— Исправить ошибку? — Джек сделал шаг вперёд, сжав кулаки. — Я сделал ошибку, попытавшись остановить тебя?! О, нет-нет-нет, папа, нет, ты всё не так понял! Конечно, как я мог обидеться, что ты вырвал моё сердце, отобрал мой город, отобрал мой доспех… И всё для того, чтобы потом снова со мной поговорить. Чтобы показать, как будешь уничтожать моё творение. Ты засунул мою душу в этого мальчишку, пока моё настоящее тело до сих пор извивается в муках неизвестно где. Послушай себя. Тебя не смешит собственное лицемерие?

— Ты просто не видишь мир так, как его вижу я, — ответил Вик. Джек расслабил кулаки и отвернулся.

— Пусть всё так и остаётся. Полковник, он ваш.

Левое плечо обожгла чудовищная боль. Он закричал. За плечом последовала спина. Кровь заполнила лёгкие и рот. Вик почувствовал, что начал захлёбываться. Силы ушли, он упал на колени. Пинок отправил его лицом в траву — благо, голову всё ещё закрывал шлем.

Лёжа на земле, он прислушивался к звукам вокруг, чувствуя, как смерть подступает всё ближе и ближе.

— Я пожертвовал всем. Семьёй, друзьями, верностью королю — даже жизнью, чтобы срастись с этим чёртовым доспехом. И всё ради чего? Чтобы ты принёс бедствие, которое

отправил меня предотвратить?

Ладонь схватила его за шею и подняла. Полковник Эймс сжимал древко окровавленной алебарды. Подняв Вика над собой, он смотрел ему в лицо. Глаза его горели яростью, но тон оставался спокойным.

— Нет уж, Вик. Кем бы ты ни был — Богом, Дьяволом, всем вместе, я не позволю тебе разрушить этот мир. Ты блуждал во тьме. Я заставлю тебя открыть глаза. Я заставлю тебя увидеть свет.

Полковник перехватился и прицелился остриём в живот жертвы. От следующего удара потемнело в глазах. Вытащив орудие из проделанной раны, Эймс бросил Вика на ступени. Он покатился вниз, уже полностью лишившись чувств.

Казалось, будто он со стороны наблюдал, как труп достигает самого основания лестницы.

«Неужели это конец? Я погиб?»

«Ещё нет».

Кровь, заполнившая рот, превратилась в воду, полную чёрного ила. Его чуть не стошнило. Встав на ноги, он ощутил, как все раны начали источать холод. Он был практически мертвецом, движимым чужеродной энергией. Пока доспех окутывал его тьмой, тело двигалось дальше. Его хозяева не собирались просто так сдаваться.

Полковник медленно спускался по лестнице, опираясь на древко.

— Бросай это, Вик. От твоего царства обмана никому не будет легче.

— Вы могли быть счастливы, — прохрипел он. — Но решили продолжить страдать.

— В страданиях суть жизни, — возразил Эймс. — Без страданий нет цели. Без цели нет смысла. Без смысла нет жизни.

— А без жизни нет страданий, — вставил Вик. — Странно, что именно их вы делаете своей целью.

Он выставил вперёд клинки, доставшиеся от сына Саргия. Полковник перешёл в атаку.

Один удар пробил наплечник, второй — шлем. Нижняя челюсть Вика превратилась в труху. Остальные выпады он сумел отбить. Эймс занёс алебарду и ударил сверху вниз. Если бы Вик не откатился в сторону, то развалился бы напополам.

Они сражались на лужайке, и места с каждым мгновением становилось всё меньше. Горизонтальный замах чуть не отсёк Вику ноги. Отпрыгнув, он понял, что если будет отступать дальше, то просто упадёт вниз. К тому же, кинжалы не позволяли ему дотянуться до полковника.

Нужно было срочно сократить дистанцию.

Взявшись за древко обеими руками, полковник крутанулся вокруг своей оси и нанёс удар по диагонали. В этот раз Вик нырнул вперёд и попытался дотянуться до бронированного бока остриём клинка. Эймс крякнул, когда кинжал распорол его броню, словно бумагу. Крови не было. «Внутри доспеха нет тела — доспех и есть его тело». Отступив назад, полковник сжал зубы и бросил:

— С таким спокойствием ты планировал всё это, зная, что придётся нас убить. Неужели ни на секунду не было совестно?

— Конечно, было, — прожевал Вик почти восстановившейся челюстью. — Вы мне нравились, правда. Только вы могли исполнить план настолько безупречно. И только вы знали короля достаточно хорошо, чтобы в нём так сильно сомневаться.

— Так всё это с самого начала было для тебя игрой? Не только наши жизни, но и война?

Ты говоришь о прекращении страданий, сам же их преумножая?

Вик не ответил. Вместо этого он рванул, сделав ставку на эффект неожиданности. Полковник шагнул назад и, взревев, нанёс рубящий удар. Вик уклонился, упав на колени и проехав так остаток пути. Только через секунду он понял, что Эймс всё же достал его.

Отрубленная рука покатилась вперёд, пока он корчился на земле от боли. С победной улыбкой полковник навис над ним.

— Не будет по-твоему, — сказал он. — Какого бы мира ты ни жаждал, твой бой проигран.

— Я одержу победу, — прохрипел Вик, борясь со стонами. — Рано или поздно.

Собрав всю волю в кулак, оставшейся рукой он нанёс несколько ударов по ноге Эймса. Полковник зарычал, падая на колено. Еле сумев подняться, Вик начал бить Эймса в грудь, шею, плечи. Он тыкал кинжалом везде, где только мог достать. Вик уже нанёс дюжину ударов, прежде чем Эймс оглушил его ударом кулака и потащил к краю.

Его броню покрыли трещины. Казалось, она сию секунду готова разорваться на части. Снова схватив Вика за шею и подняв его над пропастью, полковник произнёс:

— Мир не должен следовать за тобой, если ты хочешь умереть из-за своих ошибок. Но я последую. Я уже всё отдал ради тебя. Что же, если ты откроешь глаза, то это не такая большая цена.

Вик попытался дотянуться до полковника, но тщетно. Эймс грустно улыбнулся. Схватившись за Вика двумя руками, он шагнул вместе с ним в никуда.

Падая вниз, Вик кричал от боли и ярости, чувствуя, как доспех полковника сжигает тьму.

«Всё верно, — пронеслось в его голове. — Ведь золото усиливает свет. Особенно если его смешать с кровью».

21. Честь предателя

Честь предателя
«Жизнь должна быть искоренена, как и все следы её существования»
Пророк Заакси, «Истинный лик Отца»

С возмущением захлопнув книгу, он воззрился на небо, сгоравшее в кровавом закате.

— Как впечатления? — раздалось за спиной. Насиф резко обернулся. Учитель выплыл из джунглей, словно призрак далёкого прошлого. Арстан дружелюбно улыбался, перебирая вдетые в седую гриву перья. Сегодня он обошёлся без боевого раскраса, из-за чего в багровой тоге, перевязанной кожаным поясом, больше походил на старейшину торгового клана, чем на шамана.

— Сил больше нет читать эту ересь, — признался Насиф, протягивая учителю ветхий томик, который штудировал почти две недели. — Ни за что не поверю, что это написал сам пророк. Похоже на искусно сделанную фальшивку.

— Это не ересь, а апокриф, — поправил ученика старый шаман. — Пусть жрецы этого не признают, но всё, что здесь написано — правда. Такая, которую никто не должен знать.

— Зачем вы мне это дали?

— Пророчество исполняется, — коротко ответил Арстан, заставив Насифа вскочить с насиженного камня.

— Сегодня? Здесь?!

— Почему, думаешь, я позвал тебя? Грядёт война. И то убежище инакомыслящих, которое ты построил на краю света, не выдержит. Его сметут с лица земли, даже не заметив.

Насиф схватился за голову. Он не стал достойным главой клана Фади. Он не изменил Союз. Всё, что он сумел сделать, так это собрать достаточно людей и увести их подальше от Караса, чтобы начать новую жизнь. Жизнь, свободную от каст и идиотских правил, придуманных выжившими из ума стариками. Он не завёл семьи, не наделал детей. Не оставил достойного наследства. Всё, чего он хотел — так это умереть от старости в окружении людей, которые доверили ему свои жизни. Ему хватало небольшого рая, который он построил.

И теперь всё это грозило сгореть в войне, развязанной мерзавцами, и так уже задушившими почти весь его мир.

Насиф поднял винтовку, лежавшую рядом с камнем, и перекинул её через плечо. В путь он двинулся налегке, взяв только самые необходимые припасы. Около двух недель назад Арстан нагрянул в его деревню и сказал, что им нужно будет зачем-то встретиться на северных окраинах Союза. Оставив маленькую ветхую книгу, старый шаман посоветовал её тщательно изучить. Большую часть дня Насиф проводил в дороге, стараясь избегать саакских поселений и солдат. Казалось, весь Союз пришёл в движение. Что-то будоражило его дряхлеющий организм. Некая угроза заставила никудышного старика мобилизоваться. Насиф чувствовал приближение войны, только не хотел признавать, что она действительно может начаться.

Если выпадала возможность, он пробирался в слабо охраняемые храмы и переносился ближе к месту назначения. Пару раз по прибытии его ловили солдаты, но он прикидывался бродячим жрецом и убеждал их, что произошла ошибка. Дескать, его просто перекинули не

туда, после чего воины отпускали невезучего божьего человека на все четыре стороны. Почти десять лет прошло с открытия переноса — и всё равно деревенский люд едва представлял, как он работает. Иначе бы сразу понял, почему нельзя ошибиться с местом назначения.

Из-за трудностей дороги времени на изучение книги почти не оставалось. Разве что перед сном, в свете звёзд, напрягая глаза, Насиф вчитывался в слова, высеченные на страницах размашистым почерком.

Автор книги утверждал, что он и есть пророк Заакси. Что спустя десятилетия проповедования веры в Отца, он, наконец, осознал истинный план своего Бога. И тот привёл его в ужас.

— Так что мы собираемся делать? — спросил Насиф у старого шамана. — Предотвратим войну?

— Нет, — покачал головой Арстан. — Мы высечем искру, которая разожжёт её пламя. И, когда придёт момент, сами же его потушим.

Старый шаман увлёк ученика за собой через джунгли. Насиф чувствовал, как пространство вокруг него тает, а время обволакивает тело — и так же исчезает в небытие. Учитель переносил его, не имея под собой места силы. Как у него это получалось, Насиф до сих пор не знал. Впрочем, слишком много времени прошло с их последней встречи. Даже старую собаку можно научить новым трюкам. К тому же, сеть храмов Союза разрослась настолько, что объединяла почти все деревни. Вполне возможно, сама земля здесь уже дышала энергией.

А значит, рано или поздно, но они найдут убежище, построенное Насифом. Рано или поздно, их образу жизни придёт конец. И он ничего уже не мог сделать, чтобы остановить сааксцев. Ничего. Если только не…

— Не беспокойся, — сказал Арстан, продолжая протаскивать ученика сквозь время и пространство. — Я найду способ укрыть твою деревню. До неё никто не доберётся, кроме тебя.

— Вы так говорите, будто мне предстоит туда вернуться.

— Конечно. Только так ты сможешь выполнить свою миссию.

Когда они вынырнули, полог ночи уже укрыл землю. Подняв голову, Насиф удивился, почему исчезли звёзды. Кромешная тьма казалась потопом, пролившимся с небес, чтобы затушить даже малейшую искру, прежде чем она превратится в пожар — и озарит всё вокруг.

Он вспомнил строки апокрифа:

«Хлюпающие, потеющие, истекающие, воняющие, лгущие, ноющие, разочаровывающие, долгоживущие, трахающие друг друга сгустки клеток, что только испражняются, мочатся и уничтожают ресурсы.

Вот что такое жизнь для Отца. Он готов погасить весь свет, лишь бы он не смешивался с тьмой.

Лишь бы не создавал серость».

Это казалось абсурдом. Как мог их Бог желать смерти своим почитателям? Это не имело ни малейшего смысла. Но, похоже, пророк — или тот, кто себя им считал, — думал, будто сможет перевернуть мир своим откровением. Ничего удивительного, что жрецы запретили его текст. Он не обогащал людей новыми знаниями, не делал их терпимее или заботливее. Зато подвергал сложившиеся устои сомнениям, вносил смуту в разум, заставлял беспокоиться, что всё вокруг было ложью.

Насиф так давно забросил идею о противостоянии Союзу, что одна только мысль о бунте рассердила его. В каком-то смысле, он понимал автора текста. Если уж народ сумел переврать учение пророка, значит, на то была воля самого Бога. Значит, неправ был именно Заакси, истолковав, будто Господь доброжелателен. Насиф чувствовал связь со строками. Попади апокриф к нему в руки чуть раньше, он бы полностью поддержал все мысли, которые оттуда вычитал. Чёрт возьми, да он бы попросился к этому «пророку» в ученики, чтобы лучше понять, как бороться с этим жестоким миром.

Миром, будто созданным конченым садистом. Миром, в котором матери скармливают себя детям, чтобы те не умерли с голоду, а сыновья убивают отцов, потому что только так можно обеспечить нормальный переход власти.

Кто бы его ни создал, он-то и заслуживал смерти в первую очередь.

Закрыв глаза и дав им привыкнуть ко тьме, Насиф поднял веки и рассмотрел вдали маленькие светлые точки, не меньше сотни. «Белые флаги?»

— Что это? — спросил он у Арстана.

— Парламентёры.

— Но ведь война ещё не началась?

— Они её уже мысленно проиграли.

Джунгли вывели их прямо реке, вдоль берега которой в землю были вкопаны чёрные колонны с вырезанными на них письменами и символами. От одного взгляда на них у Насифа зарябило в глазах.

— Ограждение, — тихо сказал Арстан, погладив каменную поверхность. — Они отделяют реку от земли.

— Зачем?

— Чтобы они не смешались.

— Я не понимаю.

Арстан вздохнул.

— Ты ведь незнаком со здешними местами? — Насиф помотал головой. — Что же, тебе придётся их хорошенько изучить. Но потом. Раньше реки здесь не было. Она пришла из других мест. Эти колонны выполняют две роли — сдерживают наши миры от вторжения друг в друга, а также показывают дорогу к месту, где можно ограничения снять.

Он махнул рукой в сторону горы справа от них. Прищурившись, Насиф рассмотрел каменный храм, вделанный в её основание, и чёрный портал, ведущий во внутренности. Казалось, он пытался сказать ему что-то. Даже прислушавшись, он не смог разобрать речь.

— Я слышу слова, — сказал он Арстану, — но не могу их понять.

— Чужой язык, — кивнул старый шаман. — Пока что чужой. Все мы его знаем подсознательно. Это ведь язык Отца.

С каждой секундой происходящее нравилось Насифу всё меньше и меньше, но он продолжал следовать за учителем. Он так давно начал это делать, что и забыл уже времена, когда принимал самостоятельные решения. Принимал ли он их вообще?

Арстан подошёл вплотную к воде.

— Нам нужно попасть на ту сторону, — сказал он.

— И как же нам это сделать?

— Пойдём напрямую, — ответил учитель.

Он сделал шаг вперёд — и встал на зеркальную гладь реки, словно на ступеньку. Повернувшись, Арстан поманил шокированного ученика за собой.

— Ну что ты стоишь? Идём!

Насиф и раньше понимал, что Арстан не совсем обычный шаман. Лучше даже сказать, совсем необычный. Всё-таки, он никогда не демонстрировал совсем уж сверхъестественных умений. Да, он знал, как прислушиваться к Миру, научил этому Насифа, объяснил, как можно укротить энергию, текущую сквозь землю — и никогда он не показывал, что может сделать что-то запредельное сам, без помощи мест силы.

Сейчас, казалось, все правила, которые Насиф считал непреложными, вылетели из окна.

Словно услышав его мысли, Арстан заметил:

— Дело не во мне. Дело в реке. Ей трудно принимать нас. Во всяком случае, сейчас. Давай, быстрее!

Насиф последовал за учителем, и через минуту они уже были на другом берегу. Насифа начало потряхивать от прилива адреналина. И без того прохладный воздух стал совсем ледяным. На лбу и спине выступил пот. Пахло как после грозы.

Стоило им оказаться на земле, как вокруг начали появляться люди. Насиф никак не мог понять, почему не разглядел их. Обычно он прекрасно ориентировался во тьме — но не сегодня. Здесь были длиннобородые жрецы в белых одеяниях, шаманы, увешанные амулетами, купцы, обернувшиеся в шёлк, и солдаты, как из Большой Пятёрки, так и из Малого Круга. Затесались даже гвардейцы разных кланов, больше всего прислали Хамиды — их он узнал по вышитым на рукавах змеям. Чуть поодаль, отдельно от всех, стояли две самые важные группы — мальцы из Багровых Штыков, служившие Серому Охотнику, а также Чёрные Винтовки, как всегда укутавшиеся в свои походные плащи. Самому старшему Штыку на вид было не больше пятнадцати. Угрюмые мальчишки с оружием, готовые разорвать кого угодно по одному слову жрецов — чрезвычайно опасные, пусть и не всегда толковые. Винтовки же старались прятать лица, потому трудно было сказать, сколько им. Насиф лишь знал, что среди них легендарные воины Союза, которые столько раз обманывали смерть, что она предпочла не преследовать их, а заключить пакт — чем больше врагов они отправят на тот свет, тем дольше дней проживут. Некоторым из них уже давно перевалило за сотню лет.

Насиф даже представить не мог, что за причина заставила совет старейшин выкатить свои самые важные резервы. «Если пророчество исполняется, зачем столько солдат?»

Ответ не заставил себя ждать.

На небольшом пригорке, в окружении солдат в невиданных доселе одеждах, стоял человек огромного роста в золотом доспехе. Насиф всё не мог понять, на самом ли деле он такой большой или же просто кажется громадным из-за того, что светится в темноте. Голову золотого человека прикрывал боевой шлем с высоким гребнем и полями, сильно загнутыми спереди и сзади. Даже издалека на узком лице виднелись торчащие усы да козлиная бородка. Насиф ожидал чего угодно, но точно не такого.

Больше всего его пугало, что человек улыбался.

— Вы, люди, были избраны, чтобы свидетельствовать о нас миру! Вы узрите, что произойдёт здесь сегодня, а потом расскажете об этом!

«Нет, — подумал Насиф, — страшна не его улыбка. Страшно то, что все его слушают».

Солдаты, жрецы, шаманы, купцы — все ловили каждое слово, сказанное человеком в золоте. Они понимали всё, хоть это и был чужой язык. И, казалось, никто не выйдет вперёд, чтобы ответить на абсурдные заявления чужака.

«Неужели Союз никого не прислал? Должен ведь быть переговорщик!»

— Меня зовут Арстан, и я представитель совета старейшин кланов Саакского Союза.

Худшей шутки Насиф представить не мог. Повернувшись, он с удивлением воззрился на старого учителя. Тот развёл руки и двинулся навстречу золотому человеку. Толпа отхлынула от него, словно от прокажённого. «Что здесь происходит?» — хотел было окликнуть его Насиф, но поймал любопытные взгляды сотен пар глаз. Он неожиданно понял: все здесь знали Арстана и ждали его появления. Он действительно был тем, за кого себя выдавал. И пусть всё происходящее казалось Насифу фарсом, остальные же лицезрели исторический момент.

Миры столкнулись. Пророк прибыл — и на небе вмиг загорелись тысячи звёзд. Свет рассеял тьму.

— Назови своё имя и цель прибытия, странник, ибо ты находишься на нашей земле!

— Полковник Ричард Эймс. Я родом из далёкого места, называемого Первым Городом. Пришёл сюда, чтобы попросить у вас помощи — и предложить свои услуги.

— Что именно тебе нужно?

— Моя родина в агонии. Паразиты сосут из неё кровь. Смерть близка. Если не найти спасителя, она сгинет, а вместе с ней, сгинет мой народ. Потому я нахожусь в поиске, в поиске Бога. Он ушёл от нас, оставив без своей благодати. Зато принёс её вам.

— Что ты хочешь этим сказать, чужак?

— Ваш Отец — это наш Освободитель. Покинув Первый Город, он отправился в путь, пока не набрёл на Карас — и не сделал его своим новым домом. Я хочу вернуть его. Не к нам, а в эту реальность. Сюда, рядом с нами.

— И что же ты предлагаешь сделать?

— Я предлагаю вам объявить войну Первому Городу, — чужак воздел вверх сжатый золотой кулак. — Избавить мою родину от паразитов, а затем сделать её частью Союза. И тогда весь мир будет в ваших руках.

Жрецы зашептались. Провокационные речи полковника их явно смущали. «Пророчество говорит о прибытии человека в железе, — подумал Насиф. — Но это ведь не железо. Это золото».

— Ты хочешь кровью наших солдат свести свои счёты, — сказал Арстан. — Мы не твои орудия.

— Как только вы объявите войну, первенцы отправят вперёд войска с переносными утилизаторами. А у них батареи, которые мигом укрепят вашу сеть. Да, я знаю про её существование. Чем больше людей сюда пришлёт Первый Город, тем могущественнее будет Саакский Союз. Я долго воевал на стороне короля, потому знаю все трюки и секреты его армии. Пусть меня и считают отступником, которому нельзя доверять, но я всё же плоть от плоти Синдиката. С моей помощью вы легко одержите вверх над войсками первенцев.

Арстан молчал, следя немигающим взглядом за человеком в золоте. Жрецы продолжали шептаться. Наконец, когда уже солдаты начали роптать, вперёд вышел один из старцев в белых одеждах и промолвил:

— Наш совет пришёл к выводу, что все условия пророчества выполнены. Мы должны послушать, что нам скажет этот человек.

Полковник улыбнулся и поклонился им. Опираясь на древко алебарды, он начал спускаться вниз, прямиком к Арстану. Внутри Насифа всё медленно вскипало от ярости. Всё ещё был шанс закончить весь этот фарс без потерь. Арстану лишь нужно было сказать «нет».

Когда полковник подошёл вплотную, старый шаман встал на одно колено и склонил голову.

— Да как вы смеете! — взорвался Насиф, заставив человека в золоте вздрогнуть. Жрецы с удивлением посмотрели на него, бойцы же вскинули оружие. — Ты, чужак! Пришёл на нашу землю, говоришь о своей родине и предлагаешь нам пожертвовать сыновьями, чтобы спасти её?! И вы, глупые старцы, готовые обречь всю нашу страну на страдания ради какого-то древнего пророчества? В своём ли вы уме? Кем вы себя, чёрт побери, считаете? Какими чарами он вас опутал, что вы думаете, будто это равноценный обмен? Или же всё дело в банальной жадности? Вы уже сожрали все земли, которые только смогли найти. Заставили всех танцевать под вашу дурную дудку. Неужели вам мало? Неужели вам хочется ещё? Когда вы захватите весь мир, что вам нужно будет дальше? Попробуете обуздать солнце?

— Заткнись и не вмешивайся, — прошипел Арстан, не поднимая головы. Это только раззадорило Насифа.

— Да вы посмотрите на себя! Посмотрите вокруг! Сколько можно жить в этом дерьме? Сколько можно подчиняться идиотским правилам сошедших с ума стариков, держащихся за власть?! Неужели это тот мир, которые вы хотите оставить детям? Хотите, чтобы так нас запомнили?

Полковник сделал несколько широких шагов и встал перед Насифом. Так он возвышался над ним, что, казалось, заслонял небо своей фигурой.

— Большой человек, — почти прошипел полковник. — Который хочет, чтобы его считали маленьким. Наследник кланов, заболевший проблемами обычной черни. Что же ты сделаешь, кроха? Твои руки связаны.

Это даже не было желанием — скорее, инстинктивным действием. Порывом, который в него вложили ещё во время обучения ближнему бою. Выхватив у полковника короткий меч из ножен, Насиф подпрыгнул и с размаха отрубил старику голову. Это не было актом ненависти, не было и расчётом. Ему просто хотелось, чтобы этот человек замолчал.

Когда его облило фонтаном крови, он вдруг понял, что находится в самом сердце вооружённой толпы. И все стволы смотрят на него. Мёртвое тело в золотом доспехе рухнуло на землю перед ним, голова покатилась к ногам Арстана. Старый шаман улыбался. Подняв руку, он беззвучно произнёс несколько слов, прежде чем солдаты начали выпускать пули.

Чувствуя, как его начинает переносить, Насиф вдруг понял: именно этого Арстан и хотел.

Дождь из свинца обрушился на то место, где мгновение назад был он.

***

— Я видел, что произойдёт, — произнёс безумный первенец, сидевший рядом с заколотым жрецом. — Он всех погубит, сам того не осознавая.

«Жертва, — подумал Насиф, рассматривая труп мужчины в белых одеждах, что сидел прямо под пятиконечной звездой. — Но зачем? Здесь и так полно силы. Они решили, что нужно укрепить место свежей кровью? Для чего им столько энергии?»

На теле висел крест, явно первенский. Кто его оставил? Безумец, что никак не мог успокоиться? Других кандидатов не было. Более странным казалось то, что распятие так сильно оттеняло белые одежды жреца — словно оно само испускало тьму.

К первенцу подошёл один из офицеров и замахнулся на него кулаком, заставив безумца прыснуть в сторону как шкодливого кота. Засмеявшись, сааксец вернулся к соратникам. Их было не меньше дюжины — и все офицеры, сливки высшего общества Караса. Они сидели

внутри храма, в то время как остальные бойцы круглыми сутками дежурили снаружи, дожидаясь прибытия катера.

Первенец снова начал что-то бормотать.

— Заткнитесь, сержант, — лениво произнёс старший офицер по имени Хаким, высокий детина с длинными волосами, собранными в хвост. — Мы лишили вас командования так же, как вы лишили себя разума. От вас больше нет пользы. Всё, что вы нам показали, так это как первенцы казнят своих пленных — теперь нам необязательно таскать вас с собой. Если будете странно себя вести, ваше тело добавим к уже имеющейся горе. И ничего полковник нам не сделает. Лучше посмотрите: у нас тут высокий гость! Мурад Фади, собственной персоной. Или как ты сейчас себя называешь? Насиф Мусаид? На вашем языке, господин Сайрус, это переводится как «справедливый слуга». Бывший наследник клана пытается быть милым и остроумным. Правда, лично меня от его выходок уже давно тошнит.

Другие офицеры рассмеялись. Командир тоже усмехнулся. Его красивое лицо пересекало множество шрамов. В отличие от Насифа, который решил отслужить реальный срок в армии, этот отпрыск одного из благородных родов Караса в солдаты попал с началом войны. А до этого пытался всем доказать, что к касте воинов причислен не просто так — и старался максимально исполосовать лицо во время потешных фехтовальных дуэлей, популярных у богатой молодёжи. Затем втирал в свежие раны конский волос, усугубляя травмы. Шрамы от этого получались невероятно эффектными.

Первенец, которого назвали Сайрусом, не слушал Хакима. Продолжая бормотать, он озирался по сторонам, словно загнанный в угол зверь. Нетрудно было понять, почему. Воздух вокруг командира сгущался. Храм был просто переполнен силой, настолько, что само пространство начинало кривиться. У обычных людей даже при недолгом нахождении в таком поле начиналась мигрень, чего уж говорить о безумцах. Интересно, как вообще офицеры проводили здесь время? Вполне возможно, деградировали они намного сильнее, чем первенец. Только вот не замечали этого.

— Здравствуй, Хаким, — сказал Насиф. — Здоровья тебе и твоему клану. Боюсь только, желать того же твоим солдатам уже поздно — всех, кто ждал нас на берегу, мы убили. Скажи-ка, я ведь не ошибся? Полковник забрал детей иммигранта с собой?

— Какая проницательность, — командир обнажил ряд красивых белых зубов. — Саргий Лемортов? Всё верно, его выводок охраняет тушку Эймса. Он так за них трясётся, что даже на первые переговоры с нами не взял. Представляешь, как он за них волнуется? Даже больше, чем за себя.

У Насифа немного отлегло от сердца. Не хотелось ему врать единственному человеку, которого он мог назвать другом. Хорошо, что его догадка оказалась верна. Он уломал Саргия потерпеть до прихода Вика, потому что знал — рано или поздно, за Эймсом отправят погоню. Сам Мир говорил об этом, практически без умолку. «Грядут великие изменения, — шептал он. — Человек в железе придёт».

— Какой ты всё-таки умный! — продолжал паясничать Хаким. — Неудивительно, что господин Арстан взял тебя в ученики.

— Это он вас сюда отправил?

— Почти. Мы верны ему, хотя официально подчиняемся генералу Хамиду.

— Приятно знать, что у учителя везде свои люди. Хотя вряд ли старина Мугис Хамид обрадуется, узнав, что вы выполняете поручения его старого неприятеля.

— Где капитан Валентайн? — спросил Хаким, проигнорировав провокацию. «Всё с

вами понятно, — подумал Насиф. — В Карасе уже идёт борьба за власть. Каждый ищет, на кого бы спихнуть вину за начавшуюся войну — и бойцы не знают, кому они будут верны завтра».

— Ждёт снаружи. А чего ты им вдруг заинтересовался? Не твой приказ, разве, заставил солдат открыть по катеру огонь?

— Он не явился в назначенное время, — Хаким практически выплёвывал слова сквозь стиснутые зубы. — А значит, мы обязаны доставить его в Карас — живым или мёртвым.

Насиф не выдержал и засмеялся.

— Серьёзно? Ты ведь сам придумал последнюю часть, признайся. Особенно если учесть, что я услышал от Арстана.

Хаким не нашёл, что сказать, поэтому только сильнее насупился.

Жрецы ошиблись. Эймс был не тем, кого они ждали. Зато стоило шаману увидеть Виктора Валентайна, как стало понятно: это именно тот, кто был им так нужен. Пророчество оказалось правдой. И, к большому несчастью для старейшин Караса, Насиф полностью его контролировал.

Ему хотелось хохотать от иронии. Он посвятил большую часть жизни, отрицая пророчество — теперь же он помогал ему исполниться. В кои-то веки удача была на его стороне. Всё, что он делал, оказалось не зря. Да, ему пришлось покинуть родину и переметнуться на сторону врага. Да, его ожидали несладкие времена: пытки и допросы. Он старался сотрудничать с оккупантами по максимуму. Он знал, что ему нужно выжить. Арстан ведь ожидал, что ученик не вытерпит и нападёт на полковника. Всё это время Насиф задавался вопросом, чего же хочет его учитель. Он всё ещё верил, что был в его действиях некий расчёт. Чего бы ни хотел Арстан, войну он развязал на благо Союза.

Конечно, Насифу это всё не нравилось. Он предпочёл бы обойтись без жертв, а в итоге сам поджёг фитиль, тянущийся к пороховой бочке. Из-за него первенцы вторглись на земли Союза. Из-за него каждый день гибли тысячи людей.

Судьба всего мира была в его руках. И он не собирался упускать её из пальцев. Не сейчас. Особенно после того, что он услышал.

Псы полковника казнили крестьян в деревне, а потом даже не потрудились похоронить их. Множество преступлений можно было простить. Но не такое. И всё бы ничего, если бы не аудиозапись в коробке, из которой раздался голос Арстана:

«Ты и так знаешь, что здесь произошло».

Конечно, он знал. Ему даже не нужно было слышать перечисление деревень, которых постигла та же судьба. С диссидентами Союз расправлялся быстро и беспощадно. Странно было, что конкретно этому месту дали столько шансов на исправление, прежде чем гнев Караса обрушился на него со всей своей силой.

Удивлял способ расправы. Правда, все непонимания быстро устранил голос Арстана:

«То, что вы здесь оказались, идёт вразрез с планом. Капитан Валентайн должен был встретиться с группой на севере. Если вы этого не сделали, а пришли сюда, значит, Виктор скомпрометирован. Полковник усмотрел такое развитие событий — поэтому оставил ему послание из трупов. Несомненно, Валентайн узнает почерк. В твои задачи входит доставка его в деревню на север и передача в руки людей полковника. Другие члены отряда тоже должны добраться в целости и сохранности. Нам не нужны лишние жертвы. Если всё идёт не по плану, что же, план придётся поменять».

«Точно, — подумал Насиф. — Мы поменяем его. Ещё как поменяем».

— Ну, так что? — спросил он Хакима. — Так и будем в гляделки играть? Или скажешь что-то, наконец?

— Позови капитана, — приказал командир. — Пусть он сложит оружие. Остальные члены отряда тоже. Мы перенесём их прямо отсюда в Карас. И никто больше не пострадает.

— Ты знаешь, вот незадача, — шаман почесал подбородок, — когда всё только начиналось, я старался сократить количество жертв. Сейчас? Я уже не уверен, что хочу этого. Особенно после того, как вы забыли предать тела земле.

— Те крестьяне детей в жертву приносили, — проворчал Хаким. — Из-за таких дегенератов ты собираешься отрицать волю Караса?

— Мне просто нужен был повод, — пожал плечами Насиф. — Старейшины, жрецы, полковник, Арстан, ты со своими дружками — мне надоело, как вы вечно указываете, что все мы должны сделать. «На благо Союза», так говорится, да? Судя по всему, капитан больше не следует вашему плану. А если он его забыл, значит, я могу заставить Валентайна делать всё, что захочу. Могу стравить с Эймсом, например. Со старейшинами. Могу заставить разрушить весь Союз. Намного будет проще перестроить его из пепла, чем пытаться переделать. Всё уже давно сгнило. Нечего тут спасать. Особенно если даже мой учитель, который отрицал войну, решил развязать её сам.

— Ты собираешься умереть из-за своего искажённого чувства справедливости? — деловито поинтересовался Хаким, медленно вытаскивая пистолет из кобуры.

— Кто-то умрёт, — поправил его Насиф. Он уже знал, что будет делать.

Когда командир направил на него пистолет, он резко ударил его по руке, из-за чего выстрел пробил голову стоявшему рядом офицеру. Выбив оружие из рук Хакима, Насиф одним коротким ударом сломал оппоненту кадык. Остальные сааксцы начали вскидывать винтовки, кричать и суетиться. Вот только сила в храме была на стороне Насифа. Глубоко вдохнув, он заставил время вокруг замедлиться. Он не собирался давать им даже шанса на выживание. Перемещаясь между практически застывшими офицерами, он ломал шеи и тщательно рассчитанными ударами останавливал сердца. В реальном мире не прошло и нескольких мгновений, когда он закончил зачистку святого места от заполнившей его погани.

Подняв с пола пистолет, он вдруг услышал рык у себя за спиной. Резко обернувшись, Насиф увидел скачущего к нему на четвереньках первенца, обнажившего зубы. Его рука тянулась к оружию в руках шамана. Не медля и секунды, Насиф выстрелил. Со скулежом сержант Сайрус покатился по полу, схватился за запястье пробитой руки и отполз в угол, баюкая раненую конечность.

Всё было кончено. Насиф встал напротив огромной пятиконечной звезды — личного символа пророка Заакси, начертанного на стене. Знак шептал что-то, вот только он не мог понять, что. «Пророк учил нас любви», — вспомнил Насиф слова Арстана и усмехнулся. Вот к чему всё привело. Интересно, в том апокрифе, что дал ему учитель, была написана правда? Неужели к концу жизни Заакси понял, что следовал не тому богу, и Отцу не стоило доверять? Или же всё это было полной брехнёй? Возможно, Насиф никогда не узнает истины. Что же, она ему уже больше не была нужна.

Снаружи доносились звуки боя. Похоже, услышав первый выстрел в храме, Валентайн и остальные бросились в атаку, чтобы вызволить его из западни. Отлично. Именно на это он и рассчитывал.

Как бы дальше ни развивались события, шаман будет задавать их ход.

Прошло совсем немного времени, прежде чем стычка снаружи утихла. Двери храма распахнулись.

— Вижу, договориться не получилось, — раздался голос капитана.

«Да, не получилось. Больше никаких договоров. Арстан, если в той ветхой книжонке действительно написана правда, значит, не предать учение невозможно. Пусть пророк говорил о любви, зато Отец жаждал истребления всего мира. Всё, во что мы верили, было ложью. Следуя за Заакси, ты отрицаешь Отца. Следуя за Богом, ты отворачиваешься от пророка. Это замкнутый круг, который невозможно разорвать. А значит, важны только реальные изменения. Я понял главный урок, что ты пытался мне преподать, Арстан — не пролив рек крови, мир не изменить. Что же, наконец я готов принести эту жертву».

— Я пытался втолковать им… пытался объяснить, — Насиф присел, облокотившись о стену. — Видит Отец, я не хотел этого. Но я должен был это сделать.

«За Союз. И за себя».

***

Всё произошло именно так, как он и ожидал. Или, лучше сказать, как рассчитывал.

Зелёные луга, солнце в зените — и застывшие крестьяне вокруг. Реальность, если её можно было таковой назвать, пульсировала тьмой. Она пожирала всё вокруг. Насиф вглядывался в лица людей, превратившихся в статуи, и видел в их глазах бесконечную бездну, что убаюкивала их обещаниями вечного спокойствия.

Просто так её не изгнать. Никакие жертвы не помогут. Ни волосы, ни ногти, ни даже кровь. Это было окончательным поражением всего живого. Или же новым началом. Зачем изгонять тьму, если можно её просто оседлать?

Всё это время шаманы работали против своего народа. Пока жрецы приносили свет, шаманы орудовали тьмой. Хотелось бы Насифу сказать, что во всём был виноват Арстан, вот только он понимал — вина всегда ложится на исполнителя, а не на идеолога. Визионер может сколько угодно кричать в пустоту, пока не появятся умы, способные сделать его слова реальностью. Именно они лепят облик мира, а не те, что проповедуют свою точку зрению, в надежде на изменения. Они дёргают рычаги на эшафотах, они взмахивают топорами, отрубающими головы, они нажимают на спусковые крючки.

Идеология сааксцев, в конце концов, оказалась права. Важно не быть добрым или злым, светлым или тёмным. Намного важнее быть тем, кто способен из-за идей поменять мир. Насиф раньше думал, что по-настоящему серых людей очень мало. На самом деле, он просто неправильно интерпретировал то, что слышал. Он-то думал, что речь идёт об идеологах. Но, оказалось, что всегда имелись в виду исполнители.

Чтобы изменить мир, потребовалось каких-то пять человек, притащивших на своих плечах капитана в столицу сааксцев. Каких-то пять человек потребовалось, чтобы начать конец света.

Несмотря на нагрузку, Карас держался на удивление хорошо. Куда бы Насиф ни бросил взгляд, везде его встречали древние механизмы, призванные сдержать распространение заразы. Город был пропитан светом. Светом, извлечённым из человеческих жизней.

Апокриф не врал. Освободитель и Отец — одно и то же лицо. Его приход связан со тьмой. Вот только Насиф сильно сомневался, что осознавший истину пророк решил обратить город против создателя. Похоже, Карас никогда и не принадлежал Отцу — он лишь

смог частично вмешаться в его конструкцию, чтобы упростить своё возвращение.

Этим Насиф и воспользовался.

Полковник нырнул в другой мир вместе со своими подданными, пока шаман оставался в настоящем, воплощая волю Эймса в реальность. Он старался как можно меньше привлекать к себе внимания, при этом, всё же проявляя определённую долю неповиновения, чтобы не вызывать лишних подозрений. Он не мог добраться до капитана, чтобы продиктовать, что делать — его спрятали слишком далеко: в другом измерении. Но Насиф не сомневался — обязательно представится повод с ним поговорить. В конце концов, полковник со свитой не мог просто так перенестись в Карас. Для этого ему нужно было вынырнуть обратно, воспользовавшись храмом. Долго ждать не пришлось — катера Эдема нашли их. Насиф представить не мог, сколько времени полковник и остальные провели в другом мире. Это было и неважно. Важно было то, что он успел наладить связь с Карасом и договорился, чтобы Вика, в случае чего, перехватили в городе.

Он знал, что рано или поздно Арстан появится на сцене. Он не ожидал, как быстро это произойдёт. Впрочем, старик ничего не смог изменить. Каковы бы ни были его планы, всё пошло по замыслу Насифа.

Зараза распространялась. Эдем захватывал всё больше и больше кварталов. Посмотрев на солнце, Насиф спросил себя: что его сюда привело? Надежды изменить Союз? Или всё-таки больная, искажённая самоуверенность?

Механизмы начали потихоньку рассыпаться. Барьеры, удерживавшие тьму внутри, таяли. Закрыв глаза, Насиф услышал хор мертвецов, поющий в такт импульсам, стремящимся наружу. У Эдема был свой ритм, напоминающий бой сердца — и сейчас, вторя ему, заражение рывками продвигалось вперёд.

Неожиданно Насиф почувствовал давление, будто бы невидимая сила сковала его со всех сторон. Земля начала вздыматься, образовывая холмы и горы. Казалось, будто бы из-под травы вверх рвётся энергия. Присмотревшись, он понял: на самом деле, это края сворачивались к центру.

Мир схлопывался.

Опустившись на колени, Насиф положил ладони на землю и приложил все силы, чтобы остановить процесс. Казалось, каждая мышца в его теле напряглась, а череп стал слишком тесен для мозга. Он закричал от натуги, чувствуя, как из носа и глаз потекла кровь. Во рту возник металлический привкус. Ладони жгло, словно калёным железом, но он уже не мог оторвать рук.

Он готов был погибнуть, но не дать неизвестной силе спутать всего его планы.

Он представлял, что ждёт их, если тьма захватит всё вокруг — всё сущее исчезнет, испарится из этого мира и присоединится к хору мертвецов. Время остановится. Коллапс, за которым идёт полная гармония. Не нужно будет больше бороться. Не нужно будет больше страдать.

Как шамана, такой вариант его устраивал. Всё предпочтительнее полной неизвестности. Что их ожидало, если распространение Эдема вдруг остановится? Продолжение войны? Тотальный геноцид от рук первенцев? Или же хрупкое перемирие, которое ни к чему не приведёт, ведь так и не излечит гнили, поселившейся в глубинах Союза и Первого Города?

Между предсказуемым концом света и прыжком в океан неведения Насиф выбирал тьму.

Хотя бы потому, что шаманы свободно могли странствовать по ней, словно по

реальному миру. Для Союза это могло стать новым скачком в развитии. Никаких больше внешних и внутренних врагов. Полное объединение — и полный контроль. Насиф мог полностью перестроить мир, в котором находились дремлющие. Если Эдем был сном, то для несогласных он мог превратиться в кошмар.

В каком-то смысле, в новом мире шаман превращался в бога.

Он продолжал держаться до тех пор, пока не услышал крик за спиной:

— Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Насиф был не в силах ответить. Он даже кричать перестал, потому что ему просто не хватало дыхания. Впрочем, ладоней от земли оторвать он тоже не мог.

— Я с тобой разговариваю! Повернись ко мне!

Вздымающаяся вверх земля постепенно оседала, Эдем снова начал медленное движение к барьерам. Оставалось совсем чуть-чуть, ещё немного — и он полностью сломит сопротивление. Тьма восторжествует.

Огромные руки схватили Насифа за плечи и опрокинули на землю, встряхнув, словно шкодливого котёнка. Шаман чуть не задохнулся от удара, обрушившегося на его спину. Запрокинув голову, он продолжал лежать, щурясь от фальшивого солнца, чьи лучи так и норовили обжечь глаза.

Огромная тень заслонила светило.

— Почему ты идёшь против нас?

Собрав все силы, Насиф поднялся на ноги. Скинув с плеча винтовку, он поднял ствол и направил его на иммигранта.

— Потому что… у меня нет другого выбора, — прохрипел он.

— Выбор есть всегда, — сказал Саргий, протягивая руку. — Я понимаю: ты запутался. Послушай, дружище, что бы ты там себе ни думал — всё совсем не так. Мы не возродили Отца, зато принесли в мир его сына — и это запустило процесс заражения. Валентайн всех обманул. Главное другое: этот мальчишка, сын Освободителя, реально может всё предотвратить. Понимаешь? Эдем, конец света — он говорит, что выход есть. Сдаваться нельзя. Дай мне руку — и мы пойдём сражаться дальше, вместе. Как раньше.

«Он до сих пор не понимает», — промелькнуло в голове Насифа. Сплюнув, он спросил:

— А как же твои дети? Почему ты не просишь у них помощи?

Губы Саргия сжались в упрямую линию.

— Они мертвы. Подумал, они достаточно взрослые. Доверился их чутью. Зря. Ничего бы не произошло, будь я в своё время нормальным отцом. Уже поздно горевать. Пойдём, дружище. Ты нам нужен. Возможно, даже больше, чем можешь себе представить. Нам необязательно ещё что-то терять.

Насиф почувствовал, как вскипает.

— Ты ничего не терял, Саргий. У тебя всё отняли. Ты позволил всё отнять. Семью, жизнь, родину. В этом-то и разница между нами. Если ты готов всех простить и закрыть глаза на их преступления, то я не собираюсь позволять меня обкрадывать.

Саргий побелел. Слова шамана разрезали все слои лицемерия, которыми он обложился. Затронули самую его суть. Однако, иммигрант всё же сохранил самообладание.

— Разве ты не хочешь остановить тьму? Она ведь пожрёт весь мир! Карасу придёт конец!

Насиф позволил себе рассмеяться, чувствуя, как оковы, которыми он пленил свою душу, начали распадаться.

— Остановить тьму? Зачем мне это делать? Она моя лучшая подруга, Саргий. Столько времени, бок о бок, а ты всё равно так и не смог меня понять. Сколько раз я повторял, что на всё готов ради счастья Союза? Разве ты не видишь? Вот оно, здесь, вокруг нас! Все, кто угрожал нам, впадают в спячку. Все, кто разрушал нас изнутри, в плену снов. И только шаманы смогут диктовать дремлющим условия. Идёшь против нового мира? Каждое мгновение твоё мы превратим в страдания. Если же готов строить лучшее будущее, добро пожаловать обратно в реальность! Даже самый конченый сибарит не захочет проводить время в раю, зная, что он искусственный. Ты себе представляешь простор для действий? Никакого больше Первого Города, чтобы нам угрожать. Никаких старейшин-маразматиков. Только справедливость и долг перед идеальным обществом.

— И ты, конечно, лучше всех знаешь, как его построить, — хмыкнул Саргий, сжимая кулаки.

— Я достаточно натерпелся от сааксцев, чтобы не повторять их ошибок, — ответил Насиф. — После всего, что произошло, только я смогу сделать всё, как надо.

— А может ты просто решил поиграть в бога? — спросил иммигрант, делая несколько шагов вперёд.

— Я не питаю таких иллюзий. В первую очередь, я всего лишь человек.

— Даже так, — сказал Саргий, продолжая продвигаться навстречу шаману. — И давно ты всё это замыслил? Неужто с самого начала гнал нас на убой?

— Нет, — сказал Насиф. — Я подчинялся чужому плану. Пока не оказалось, что Валентайн всё о нём позабыл. И вот тогда я понял, что могу взять поводья в свои руки. Чем дальше мы шли, тем больше я понимал, что с капитаном что-то не так. Только когда мы дошли до храма, я осознал, что это за человек — и какой мир он с собой принесёт. И знаешь что? Ничего лучше я придумать никогда бы не смог. Я не верил в фатум, Саргий, я не верил в пророчество. Теперь я понимаю, что избран. Всё это время Арстан готовил меня управлять тьмой. Царство, что готовит Отец, было создано специально для меня.

— Я тоже когда-то так думал, — цыкнул Саргий. — Будто я особенный, что у меня священная миссия. И смотри, как всё обернулось.

— Ты всегда был всего лишь марионеткой, друг мой, — сказал Насиф. — А я рождён править. Если бы не я, вас бы вообще здесь не было! Подумай об этом. Хорошенько подумай, прежде чем попытаешься напасть.

— Обязательно, — ответил Саргий.

Хоть Насиф и готовился к атаке, иммигрант сумел застать его врасплох: кулак прошёл по касательной. Ещё бы чуть-чуть левее, и шаман остался без головы. Двигался иммигрант настолько быстро, что глаз едва успевал за ним уследить. К счастью, Саргий не учёл одного — тьма окружала их. А значит, у Насифа было громадное преимущество.

Первую серию ударов он отбил прикладом, от второй уже пришлось уклоняться. Иммигрант не давал ему продыху. Нужно было что-то предпринимать. В очередной раз отступив, шаман снова вскинул винтовку и в упор пальнул в Саргия. Пуля разорвала иммигранту бок, заставив его всего лишь помешкать на мгновение, но не остановиться. Схватив оружие за дуло, Саргий вырвал его из рук Насифа, заставив того взяться за кинжал.

«Один удар кулаком, — стучало в висках шамана, — и ты покойник».

Пудовая пятерня пролетела у него над головой. Стоило Насифу присесть, как Саргий пнул его в живот, отбросив на пару метров. Шамана чуть не вывернуло. Едва успев сгруппироваться, он откатился подальше от топчущего землю Саргия.

— Остановись, дружище! — крикнул иммигрант. — Я ведь могу убить тебя голыми руками, ты знаешь это!

Из его бока хлестала кровь и заливала ему штаны.

— Точно, — процедил Насиф. — Будто бы мне нужно для этого оружие.

Он попробовал нанести несколько ударов — тщетно. Те, что соединялись с корпусом иммигранта, ему не причиняли вреда. Значит, пришло время для тяжёлой артиллерии. Взмахнув руками, Насиф ухватился за края тьмы, окружавшей его, и обернулся, словно в тёплое одеяло в холодный зимний вечер. Мир превратился в серию оттенков чёрного, где едва возможно было различить, где человек, а где уже мертвец.

Души сновали вокруг, истошно крича на разные лады. Насиф не обращал внимания. Сделав несколько шагов вперёд, он приблизился вплотную к Саргию и произнёс:

— Мне очень жаль.

Он воткнул нож в пробитый бок иммигранта и рванул клинок вверх. И всё бы закончилось быстро, если бы не возникшая из ниоткуда ладонь, сжавшая его запястье.

— Что?.. — только и успел промолвить Насиф, прежде чем Саргий сломал ему руку.

Истошно крича от боли, он рванул назад, пытаясь вырваться из хватки, однако иммигрант не отпускал его. Изо рта Саргия хлынула кровь, но он продолжал держать шамана. Размахнувшись, он обрушил кулак на грудную клетку противника, одним ударом переломав несколько рёбер.

Чудовищный огонь начал сжигать Насифа, выбивая воздух из его лёгких. У него был только один шанс завершить драку в свою пользу, и он это знал.

Собравшись с остатками сил, он подпрыгнул и ударил Саргия коленом в челюсть. Та гулко хрустнула, чуть ли не оторвавшись полностью. Казалось, иммигранту всё было нипочём — однако, руку шамана он отпустил. Пытаясь вставить челюсть на место, он утратил на мгновение контроль. Этого более чем хватило.

Чувствуя, что сейчас потеряет сознание от боли, целой рукой Насиф выхватил застрявший в ране Саргия кинжал и ткнул им в глаз бывшего друга. Иммигрант заорал и пошатнулся. Пинок в грудь отправил его на землю.

Смотря, как громила корчится от боли, Насиф почувствовал укол жалости. А ведь совсем недавно этот человек ему во всём доверял. Конечно, шаман никогда не раскрывал полностью своих карт, да и не собирался. Они всего лишь оказались в одной лодке, что шла к тому же пункту назначению. А вот дальше их пути совершенно расходились.

Никакая дружба не стоила предательства родины.

Отдышавшись и подавив боль, Насиф сумел кое-как перезарядить винтовку и проковылять к иммигранту. Тот всё ещё продолжал скулить.

Одной рукой держать ружьё на весу не получалось, потому шаман попытался приставить дуло к виску Саргия. Кисть дрогнула — и оружие упёрлось в глотку. «Что же, не идеально, но сейчас не время для перфекционизма».

— Передавай своим выродкам от меня привет.

Он нажал на спуск. Выстрел получился настолько громким, что чуть не оглушил его. Шея иммигранта за мгновение превратилась в кровавую дымку. Во все стороны брызнула кровь. Пробив горло, пуля немного вспахала землю. Ещё немного подрыгавшись, иммигрант застыл.

Будучи мёртвым, иммигрант выглядел совсем жалко. Шаман испытал такое отвращение, что чуть не плюнул на труп. На это не было времени — да и грудь слишком болела от

сломанных рёбер.

Нужно было торопиться. Из-за Саргия он упустил драгоценное время. Тот, что называл себя сыном Освободителя, снова взялся за тьму и грозил полностью её остановить.

Что-то предпринять Насиф уже не мог — не хватило бы сил, драка слишком вымотала его. К тому же, его оппонент со светом управлялся в совершенстве. Такой мощи трудно было что-то противопоставить, особенно сейчас, в момент, когда инициатива ушла из рук шамана.

Тяжело вздохнув, Насиф уставился на горизонт — и тут же удовлетворённо усмехнулся. Он увидел вдали маленькую тёмную точку. Шаман мигом представил, как может обернуть её в свою пользу. Оставалось только добраться до места назначения.

Пошарив по карманам иммигранта, он нашёл пару обезболивающих и перевязочный пакет. Стоило сделать укол, как по телу разлилось долгожданное успокаивающее тепло. Теперь доковылять до цели будет уже не так сложно. Стараясь не смотреть на труп, Насиф двинулся в путь.

Солнце нещадно палило, будто собираясь сжечь прихрамывающего шамана: прыжок и удар в челюсть Саргия всё-таки стоили ему левой ноги. Он приложил все усилия, чтобы идти максимально быстро. Чтобы не дать мыслям занять разум, затуманить его сомнениями. Прилив боевой злобы прошёл. Остались только горечь и сожаления. Насиф сжал зубы, чтобы не поддаться боли. Не дать слёзам выйти наружу.

«Почему этот придурок просто не мог остановиться?!»

Даже после смерти брата он не чувствовал столько отвращения к себе. Казалось, будто бы Насиф уничтожил собственное отражение — сына вождя, отвергнутого собственным народом. С Саргием умерла не только надежда на лучшее будущее, но и остатки человечности шамана.

Жалеть о сделанном было поздно. Насиф убил последнего человека, которого мог назвать своим другом. И теперь понять могла его только тьма.

Мертвецы окружали его, кричали от боли и разочарования, пока Эдем сворачивался в трубочку. Они думали, будто их царству грозила гибель. Насиф понимал, что это всего лишь отсрочка. Даже если сегодня он проиграет, тени всё равно попытаются вернуться. Таков закон природы.

Тьма была здесь в самом начале — и она переживёт всех, оставшись в самом конце.

Чёрная точка всё увеличивалась в размерах. Она напоминала выбросившегося на берег кита, покрытого смолой. Циклопическая, угрожающая когда-то конструкция сейчас казалась безопасной, лишённой жизни.

«Катрине» словно подрезали крылья. Как и труп Саргия, она выглядела умиротворённой, готовой, наконец, умереть — и избавиться навеки от ненужных страданий. Вот только Насиф не собирался давать ей отдыха.

Томми сидел в испачканном грязью белом кителе прямо на борту, свесив вниз ноги. На лице его застыло ошеломлённое выражение — будто бы в очередной раз он столкнулся со смертью, которой не ожидал. Шамана это даже позабавило: сколько ещё рулевой должен пережить убийств, прежде чем привыкнет к дыханию тьмы?

Даже когда Насиф подошёл вплотную, Марцетти не обратил на него внимания. Зато из внутренностей катера выплыла бледная как мел Эмма. Увидев шамана, она мигом начала вытаскивать медицинские принадлежности. Спрыгнув на землю и взяв его сломанную руку, она принялась сооружать шину и бормотать себе что-то под нос.

Наконец, Томми соизволил посмотреть на шамана. Слегка наклонив голову, рулевой

спросил:

— Конец света уже наступил?

— Нет, — искренне ответил шаман. — Но отсюда его уже видно.

— Где тебя так? — спросила Эмма, продолжая перевязывать руку. Она даже не подозревала, что этими руками Насиф убил единственного мужчину, которого она готова была полюбить после смерти мужа.

— Столкнулся… с неуместным сопротивлением, — почти что не соврал шаман. Кивнув в сторону катера, он поинтересовался: — А с вами что?

— Это Валентайн нас так потрепал, — с отвращением выдал Томми. Вырвавшись из объятий оцепенения, рулевой спрыгнул на землю. — Я попытался его удержать с помощью Катрины, однако, она не выдержала. Ей едва хватило сил, чтобы увезти нас подальше.

— Я не понимаю, — сказал Насиф, продолжая разыгрывать роль надёжного проводника и союзника. Ему даже стало немного жаль этих людей, которые доверили врагу свои жизни, пусть он и обернулся против них в последний момент.

Всё же, они никогда не были друзьями.

— Мы не вызвали Освободителя, — сказала Эмма и замерла, перестав завязывать руку шамана. — Валентайн и есть Освободитель. Мы собирались предотвратить конец света, а в итоге только приблизили его.

— Кто же тогда прибыл? — с наигранным интересом спросил Насиф.

Рулевой покачал головой.

— Мальчишка. Он назвался Джеком. Сказал, что может предотвратить катастрофу. Главное — задержать его отца как можно дольше.

Эмма закончила перевязку и вколола Насифу ещё дозу обезболивающего. Почувствовав прилив сил, шаман взмахнул руками и спросил:

— Так чего же мы ждём?

— А что мы можем сделать? — с унынием протянул Томми. — Катрина едва жива. Меня и Коннели просто порвут на куски, вздумай мы ринуться в драку. Всё кончено.

Насиф усмехнулся.

— Видите всю эту дрянь вокруг? Это ведь Эдем, верно? Так вот, я тоже могу его остановить. Только для этого мне понадобится твой катер.

— Катрина? Зачем?

— Она будет действовать как усилитель моих способностей, — не моргнув и глазом произнёс Насиф. Впрочем, он не сильно врал — судно действительно увеличило бы его мощь.

Пока сын Освободителя пытался предотвратить распространение Эдема, Насиф готовился вдарить из всех орудий, которые только были у него под рукой. Катер бы превратился в огромную антенну, транслирующую сигнал тьмы. В крюк, вонзённый в землю, не дающий Эдему отступить. Этому Джек точно ничего не сможет противопоставить. Механизмы Караса сдадутся. Сад Освободителя пожрёт весь мир.

У Насифа ещё оставался шанс победить. Стать новым богом.

— Ну, чего же мы ждём? — спросил он у рулевого. Томми пожал плечами.

— Мне кажется, это не самая удачная идея. Катрина не выдержит, я это знаю.

— Ты цепляешься за катер будто за живого человека. Подумай! Сейчас жизни всех людей мира поставлены на карту! Неужели ты не хочешь их спасти?

— Я и пальцем не пошевелю ради остальных, если придётся отдать её, — жёстко

отрезал рулевой, сделав шаг вперёд. Не успел шаман отреагировать, как между ними возникла Эмма.

— Послушайте! — почти крикнула она. — Послушайте! Валентайн убил всех детей Саргия, возможно, он уже добрался до Джека. У нас нет выбора. Мы должны пожертвовать всем, даже собой, если потребуется. Я видела его истинное лицо. Я видела его связь с той дрянью, что поддерживает в нём жизнь. Это сам Город.

— Что? — протянул рулевой, совсем позабыв про Насифа. Эмма кивнула.

— Мы ещё можем предотвратить конец света. Надо разорвать их контакт. Тогда он станет уязвим. Посмотрите на меня! Посмотрите!

Глаза её горели ненавистью, по бледному лицу пошли красные пятна.

— Мы. Можем. Его. Победить.

— Только чего это будет стоить? — спросил Томми. — Ты сказала, что он связан с Городом, верно? Если разорвать контакт, ему ведь конец! Творение без создателя не выживет. С катерами и рулевыми ведь то же самое! Тогда все наши старания коту под хвост!

— Первый Город и не должен жить, — ответила Эмма. — Разве ты не понимаешь? Это опухоль на лице мира. Вырезав её, мы только окажем человечеству услугу. Ты ведь помнишь Нижние Уровни! Чёрт возьми, Томми, ты единственный из нас, кто разглядел их сущность! Ты видел, как работают утилизаторы. Скажи — думаешь, нам стоит продолжать жить вот так, в плену этого ненасытного организма, просто потому что так комфортнее?

Помолчав несколько мгновений, Марцетти кивнул.

— Ты права. Мы должны сделать всё возможное, чтобы прикончить Валентайна. Насиф, Катрина твоя.

— Спасибо, — почти без иронии произнёс шаман. — Я не забуду, что ты для меня сделал. И для нас всех.

Кое-как взобравшись через корму на борт, Насиф дохромал до рубки. Положив руки на штурвал, он почувствовал, как катер дрогнул. Она не хотела подчиняться новому хозяину, чувствуя его дурные замыслы. Её мнение Насифа не интересовало.

Он закрыл глаза, и перед его внутренним взором предстала смуглая девушка в испачканном вечернем платье. На лбу её была красная точка. Катрина кричала и пыталась вырваться, однако Насиф крепко держал её за запястья. Нос его щекотал запах, который стоял обычно после прошедшего дождя. Кончики пальцев ощущали влагу и холод. В уши будто бы затолкали вату.

Ощутив, что время пришло, Насиф вцепился зубами в плоть девушки и начал отрывать от неё куски. Чёрные капли брызнули во все стороны. Катрина заверещала, начала пинаться, но это не остановило шамана. Тьма уже была внутри него — она множилась, расплывалась и переливалась всеми цветами небытия, которое начало заполнять весь мир.

Большего наслаждения Насиф никогда не испытывал. Наконец-то он ощутил, будто вернулся домой.

Хор мертвецов окружал его, кланялся новому господину, уже пытался заискивать. Тени знали, что их ждёт.

Удар в лицо быстро вывел шамана из транса. Свалившись на палубу, Насиф схватился за горящую щёку. Томми ревел от ярости, занося руку для следующего удара.

— Что ты с ней сделал, подонок?!

«Конечно, он не мог не почувствовать, что я делаю».

Насиф не стал бить в ответ — лишь щёлкнул пальцами, заставив рулевого провалиться

под пол. Катрина пожрала любимого и даже не подавилась.

За бортом Эмма в ужасе наблюдала за схваткой.

— Нет, нет, только не опять… — шептала она, схватившись за воротник. Шаман улыбнулся, поднявшись на ноги.

— Ты в очередной раз доверилась не тому мужчине, Эмма, — засмеялся он. Хлопнув ладонью по стенке рубки, он заставил Катрину пробить землю якорями из тьмы. Эдем, стремительно до этого сворачивавшийся, снова пополз к краям.

Вот он и победил. Всё получилось так легко, что Насиф не мог перестать смеяться. Темнота, заполнившая его внутренности, привела и руку, и ногу в порядок. Вот только рёбра продолжали болеть. Впрочем, это не было чем-то страшным.

В новом мире им всё равно не понадобятся тела.

Перепрыгнув борт, Насиф обернулся, чтобы полюбоваться, как живописно катер источает чёрные потоки.

— Красиво, не правда ли?

— Ты обманывал нас всё это время, Насиф? — проговорила Эмма, будто не веря собственным словам.

— Нет, конечно! Разве что совсем чуть-чуть, и то в конце! — Насиф всё никак не мог унять смех — он вырывался из него короткими отрывками, будто неспособный больше жить внутри. — Ты ведь сама прекрасно знала, что я готов на всё ради своего народа. Чему же ты удивлена?

— Ты приближаешь конец света — ради сааксцев? Да ты слышишь себя?!

— Прекрасно слышу, — кивнул шаман. Сделав шаг навстречу Эмме, он заставил её отступить. — А вот ты — чего ты добилась? Все твои разговоры о милосердии: к чему они тебя привели?

— Они привели её сюда, — раздался голос за спиной медички. Прищурившись, Насиф едва разглядел приближавшуюся к ним тень. Сначала он принял её за Ли, но стоило гостю приблизиться, как шаман понял свою ошибку.

Это был Джек, сын Освободителя. Мальчишка очень сильно походил на помощника Томми, потому издали их было легко спутать. Впрочем, чему удивляться, если за основу и был использован Ли?

Для сына Бога Джек был одет слишком неряшливо — полурасстёгнутая белая рубашка, тёмные штаны и армейские сапоги. Только лёгкое сияние, исходившее от ладоней, намекало на божественную сущность парня.

Он что-то тащил за собой по земле — и, судя по поту на лбу, что-то довольно тяжёлое.

— Ещё живой, — сказал Джек, бросая искалеченное тело к ногам медички. Эмма тут же бросилась к иммигранту, начала осматривать его раны и шептать себе что-то под нос. Она протянула ладонь Джеку, тот принял её — и через несколько мгновений реальность взорвалась ярким светом.

Насиф чертыхнулся: такого вмешательства он не ожидал. Стоило ему открыть глаза, как ситуация оказалась ещё хуже.

Саргий, вытирая кровь, поднялся на ноги. В глазах его таилось бешенство. Джек, тем временем, усмехался:

— Мой тебе совет — если собираешься кого-то убивать, то стреляй в голову.

— Вы же не собираетесь со мной бороться? — поинтересовался Насиф. Он махнул за спину, в сторону Катрины. — Против меня и катера вы бессильны!

— Ты правда хочешь проверить? — спросил Джек. — Не скрою, твой финт меня немного позабавил. Да, ты удержал кусочек земли, поздравляю. Но вот весь остальной Эдем? О нём можешь позабыть. Я остановил продвижение. Даже если ты убьёшь меня сейчас, ничего не изменится. Как ты ни растягивай этот грёбаный катер, конец света нам уже не грозит.

— Ты блефуешь, — ответил Насиф — и тут уже настал его черед улыбаться. — И делаешь это, чтобы заставить их поверить, будто победа ещё возможна. На самом деле, ты не можешь прочувствовать всего, что здесь творится. Ты остановил продвижение, но это лишь временная передышка. И если я убью тебя, то все старания окажутся напрасны. Ты не знаком со тьмой, ты не знаешь её манер. Ты не знаешь, что после всех остаётся она одна.

Джек пожал плечами.

— Что же, пусть будет по-твоему. Так давай же, убей меня. Чего же ты ждёшь?

Не успел он договорить, как Катрина выплюнула в него очередь из своего носового пулемёта. Насиф моргнул: Джека уже не было на месте. Сын Бога уже был возле борта, ударом кулака вскрывая броню катера. Шаман рванул было к нему, но дорогу ему перегородил Саргий.

Признаться, медичка проделала дерьмовую работу — челюсть так и не встала на место, поэтому иммигрант не мог нормально говорить. Однако, взгляд его сказал всё и без слов.

Саргий напоминал плохо сшитую куклу, из которой вовсю лезла обивка. Он едва стоял на ногах. На шее, где была до этого рана, всё ещё оставалось небольшое отверстие, из которого сочилась кровь. То же самое касалось разреза, которым его вспорол как рыбину шаман.

Ничего из этого не мешало Саргию дьявольски хорошо драться. И на этот раз он уже знал все ходы Насифа.

Шаману оставалось только отступать под градом ударов. Уклонившись от очередной серии, он толкнул плечом медичку, пытавшуюся подкрасться к нему сзади. Одно касание её рук — и он мертвец.

Пинок от Саргия отправил Насифа в полёт. Благо, тьма внутри почти задушила всю боль. Взмахнув рукой, шаман заставил катер пропахать землю и наброситься на Саргия. Дождь из свинца обрушился на иммигранта и Джека. Мальчишка мигнул — и оба исчезли. Если бы не сын Бога, громила бы уже превратился в кровавую дымку.

— Проклятье! — проорал Насиф, когда медичка бросилась к катеру.

Катрина увильнула, практически перепрыгнув Эмму. У кормы возник Джек и ударом кулака рассеял кусок от катера. Зверский скрип испаряемого металла послужил криком боли машины. Уже не ведая, что творит, Катрина начала расплываться и приобрела чуть ли не животную форму, отдалённо напоминающую огромного тигра. Огонь из турелей на её спине заставил Джека отступить. Тем временем, жестяные лапы отмели иммигранта в сторону, сломав ему пару конечностей. Медичка тут же подбежала к изломанному телу и начала накачивать его энергией.

Катрина попыталась добить раненого оппонента, однако её стремительный рывок оборвался вмешательством Джека. Тот, схватив катер за хвост, потянул его к себе. Насиф с криком бросился к мальчишке, сосредоточившись на тьме, что их окружала. Небытие соткало своему апологету короткий клинок. Схватив его, шаман вонзил остриё в спину сына Бога.

Тот лишь крякнул в ответ, перехватил руки Насифа и ударил шамана лбом. За его

спиной поднимался иммигрант. Оглушённый ударом, Насиф всё же сумел пинком оттолкнуть Джека от себя: прямо в лапы Катрины.

Огромная пасть сомкнулась на плече Джека, заставив того верещать от боли. Эмма бросилась к борту катера, попытавшись применить на нём свои силы. Насиф, чувствуя через Катрину контакт с медичкой, активировал утилизатор. Правая рука Эммы погрузилась вовнутрь, отправившись куда-то на Нижние Уровни. Иммигрант схватил её за плечи и, приложив все силы, потянул назад. Поняв, что добился своей цели, Насиф захлопнул борт, отрезав Эмме конечность. Медичка закричала от ужаса, уставившись на изуродованную культю.

Иммигрант в мгновение ока оказался рядом с шаманом. Ладони сомкнулись на шее Насифа. Однако, это тело уже не было смысла ломать — оно не принадлежало шаману, оно лишь служило проводником.

Огромная тёмная балка, выросшая из Катрины, проткнула Саргия со спины. Багровые реки снова хлынули по уже перепачканной форме. Иммигрант, однако, не отпускал бывшего друга. Он даже не стонал от боли. Саргий лишь неотрывно смотрел в глаза шамана, будто пытаясь найти там хоть капельку сожаления.

Насиф уже развеял их все.

Балка рванула назад, увлекая иммигранта за собой. Стальные челюсти разжались, отпустив искалеченного Джека. Медичка продолжала плакать от боли, баюкая разорванную руку.

Насиф откашлялся, пытаясь хоть немного прийти в себя. Да, его телу нанесли урон, но он не был настолько критичен, чтобы его воспринимать всерьёз. В конце концов, он победил.

Никто уже не мог остановить его.

Даже сражаясь, Катрина продолжала распространять тьму вокруг, словно пёс, разбрасывавший повсюду блох. Вот что из себя представляла необузданная сила, которой так стеснялся Томми. В руках Насифа она станет флагманом нового мира, и шаман поплывёт на ней по волнам идеального небытия.

Сын Бога лежал у его ног, израненный, жалкий. Готовый умереть.

— Столько разговоров — и всё ради чего? — спросил его Насиф, чувствуя, как першит в горле. — Предотвратить наступление рая? Зачем столько страданий, скажи мне?

Протяжный хрип отвлёк его. Подняв взгляд, шаман увидел, как раненый иммигрант полз навстречу Эмме, оставляя за собой кровавый шлейф на земле. Даже в последние свои мгновения, он пытался успокоить её. Истекая кровью, он улыбался, протягивая ей руки. Медичка перестала рыдать и лишь завороженно смотрела на полутруп, который тратил остатки жизни, чтобы облегчить её боль. На коленях, она скользнула ему навстречу. Наконец, коснувшись его, Эмма снова зарыдала, на этот раз уже от бессилия.

Она больше не могла его вылечить. Она никого не могла больше вылечить. Её жизненных сил просто не хватало, чтобы сделать что-то.

Эмма положила голову Саргия себе на колени. Через мгновение с её губ сорвались звуки колыбельной. Перестав плакать, медичка заулыбалась, пытаясь отделить иммигранта от его боли.

— Скажи мне, — прохрипел Джек, захлёбываясь кровью. В его голубых глазах застыли слёзы, смешавшиеся с кровью. Очевидно было, что он уже бредил. — Скажи мне, отец, это того стоило? Этого ты хотел?

Насиф наклонился, чтобы нанести удар милосердия, как почувствовал чьё-то присутствие за спиной. Резко обернувшись, он чуть не захохотал от счастья.

К нему двигался Вик Валентайн.

Насиф и подумать не мог, что так рад будет увидеть капитана. Душу слегка кольнуло чувство злобы, что Бог появился так поздно. Хотя какая была разница? Он победил. Они победили.

— Что ты наделал? — спросил шамана Вик.

Только тогда Насиф заметил, что у капитана золотая рука.

22. Короли серости

Короли серости

«Не смерти вам стоит бояться, а страданий, которым не будет конца»

Капитан Виктор Валентайн, ветеран Второй Священной Войны, организатор и исполнитель операции «Сатурн», герой осады Караса

Ему приснилось, будто он убил своего сына. У трона поверженного Бога, он стоял с окровавленным клинком над искалеченным телом и плакал, будто бы слёзы могли что-то изменить.

Пробуждение от кошмара не принесло облегчения — реальность оказалась страшнее любого сна. Всё тело болело так, будто по нему проехались грузовиком.

Над головой висели тучи, ноздри щекотал запах озона. Хорошенько проморгавшись, Вик понял: Эдему конец. Джек сумел его остановить. И всё же, не до конца. Что-то до сих пор удерживало тьму внутри Караса. Что-то — или кто-то.

Капли дождя гулко забарабанили по доспеху. Вик посмотрел на горизонт. Там, истекая тьмой и заслоняя солнце, к небу взвивалось чёрное дерево, прораставшее прямо из поверженного катера.

Последний оплот тьмы, готовый распространить Эдем до самых краёв мира.

Приложив все усилия, Вик сумел подняться на ноги. Взглянув вниз, он с удивлением обнаружил, что рука на месте.

Точнее, к месту среза приросла часть доспеха полковника. Однако, Вик двигал ей так же свободно, словно своей рукой. Из правого плеча торчал длинный золотой осколок, глубоко засевший в плоти. Вытащить его не представлялось возможным. Присмотревшись, Вик заметил, что его броня пробита в десятках мест. И отовсюду виднелось сияние.

Чуднее были даже не прицепившиеся наруч и перчатка Эймса, а исцелившиеся полностью раны. И в этом явно была не заслуга тьмы — её Вик больше вовсе не чувствовал.

— Наконец-то ты встал, — услышал он хриплый шёпот. В нескольких метрах от края склона лежало разбитое тело полковника Ричарда Эймса. Точнее, всё, что от него осталось — помятый торс с головой, да левое плечо. Отдельные куски доспеха валялись повсюду, разлетевшиеся от падения. Металл потускнел, перестав испускать внутренний свет. На окровавленном лице Эймса застыла, словно отпечатавшись, улыбка. Сколько прошло времени с момента, как они упали?

Вик сделал несколько шагов к старому другу и присел перед ним.

— Ты смягчил моё падение, — сказал он. — Зачем? Разве ты не хотел меня убить?

— Я хотел, чтобы ты узрел, — ответил полковник. Вик покачал головой.

— Разницы я не чувствую. Ты ничего не добился.

— Пока что, — ухмыльнулся полковник. — Пока что… Ступай с миром, Вик. Я свою цель в этой жизни выполнил.

— Какую же? Призвал Освободителя? Отсрочил конец света? Оглянись! Эдем всё ещё здесь!

— Я получил то, что хотел, — сказал Эймс. Его глаза расфокусировались. Отвернувшись, полковник посмотрел вверх. — Если бы только жители Города знали, как красиво небо. И этот свет…

Сказав это, он сделал свой последний вздох и замер. Вик опустил мертвецу веки и поднялся. Ему казалось, будто он знает, что делать дальше.

Вик двинулся к катеру, внутренне взывая ко тьме. Та не отвечала. Только тогда он понял, что именно сделал полковник.

Эймс освободил его.

Было ли это результатом присоединения руки или действием золотых осколков, Вик не знал, да и это его мало интересовало. Сама мысль казалась безумием. Неужели такое было возможно с самого начала? «Ведь останется только тьма, её невозможно победить», — сказал себе Вик — и опять не услышал ответа. Получается, его обманывали? На мгновение показалось, что даже есть шанс всё исправить.

Он лишь усмехнулся. Мертвецов не вернуть. Вик уже наломал слишком много дров, назад пути нет. Но кто сказал, что нужно идти вперёд? Нутром он понимал, что ничего не изменить. Конец света неизбежен. Он ведь сам всё видел. Пусть сейчас он не чувствовал нависшего над всеми живущими меча, это не значило, что его нет вообще.

Что произойдёт, если он умрёт? Всё вернётся на круги своя? Его опять закинет к моменту, когда он вернулся в Первый Город? Или же отныне его ждёт небытие? Как бы там ни было, проверять Вик не собирался. Ему дали шанс. Даже не один на миллион, а тот, которого в принципе не должно было существовать.

Давным-давно он сумел выторговать у тьмы Эдем. Теперь же он собирался изменить условия сделки. Вступать в битву, которую невозможно выиграть, как минимум глупо. И всё же Вик сделает это.

Когда-то Джек сказал, что лучше умрёт вместе с отцом. А он даже не попытался пожить с сыном, сразу же распахнув объятия смерти. Настало время всё изменить. Хоть чуть-чуть побороться, прежде чем всё кончится.

Казалось, будто он не спускается, а падает всё ниже и ниже — так быстро увеличивалось чёрное древо, нависшее над ним. Когда до ствола осталось не больше нескольких десятков метров, Вик рассмотрел фигуры, лежавшие на земле. И шамана, стоящего над всеми, упивающегося тьмой.

— Что ты наделал? — спросил его Вик.

Это был риторический вопрос. Капитан уже понял, что произошло. Понял, к чему привели его устремления. Ему стало тошно от мысли, что у его идеи в принципе были последователи — и они сумели достигнуть того, чего не смог достичь он.

— Разве ты не этого добивался, Отец? — спросил его Насиф. Настороженный взгляд выдал его с головой: шаман быстро осознал изменившиеся правила игры, в которой капитан больше не союзник, а угроза. — Ты ведь хотел увидеть конец всего живого. Освобождение от тюрьмы плоти, от мерзкого, вонючего, тошнотворного мяса, удерживающего нас всех в плену! От запахов пота и дерьма, от боли, постоянного, невыносимого давления со всех сторон! От тряпок, природы, других людей! Ты получил, что желал! Почему ты не рад?

— Я не хотел, чтобы кто-то умирал, — сказал Вик. — Эдем был создан, чтобы все жили в счастье.

— Ты лжёшь самому себе, — прошипел Насиф. Подняв руку и сжав её в кулак, он продолжил: — Ты обрёк всех на жизнь во тьме, но не смог смириться с мыслью, что лишаешь людей будущего. Потому и пришлось выдумать, будто Эдем что-то изменит.

Разжав ладонь, он поднял её наверх. Будто следуя движениям шамана, из земли начали подниматься тени. Сначала собралась парочка, потом десяток, а потом уже и несколько

десятков. У многих вываливались кишки, не хватало конечностей, тела и головы были пробиты пулями. Чувство ужаса захватило сердце Вика, когда он начал узнавать лица.

— Что ты делаешь? — вскричал он.

Шаман покачал головой.

— Катрина слишком занята преумножением Эдема. Ещё чуть-чуть — и мы победим. Не хотелось к этому прибегать, но ты не оставил мне выбора. Я ведь говорил, что в следующий раз духи будут злее.

Резко опустив руку, Насиф усмехнулся.

— И если ты видишь их, капитан, то жрать первым будут тебя.

Армия мертвецов волной ринулась вперёд, завывая от возбуждения, поскальзываясь на собственных потрохах, крича, что конец мира неизбежен. Вик сумел уложить направленными ударами десяток, прежде чем утонул в гнили, чувствуя, как разлагающаяся плоть пытается пролезть ему в желудок. Рассыпающиеся кости рук и ног молотили его со всех сторон, пытались порвать на части.

— Посмотри, что ты заставил меня сделать! — доносился голос шамана. — Мои предки складывали тела в землю, сохраняли их, чтобы Карас не утратил ни единой частички родовой памяти! Стоило прийти первенцам, как всё полетело к чёртовой матери!

«Экзопамять, — мелькнули в голове Вика знания из другой, чужой жизни. — Сааксцы копили опыт поколений на случай, если придётся вести тотальную войну. Тогда бы они размножили воспоминания на всех и каждого. И один воин стоил бы целой армии. Вот только сейчас против меня лишь души без тел. А значит, их не существует. Это всё в моём разуме».

Удары казались предельно настоящими. Броня скрипела, но выдерживала. Намного труднее было мириться со смрадом, от которого выворачивало внутренности. Сознание покидало его. Стиснув зубы, он приказал себе встать, не обращая внимания на толчки и пинки.

Конечно же, он узнал умерших. Вот только что они делали здесь, в Карасе? Того, что схватил за ногу, Вик убил ещё два года назад. Остальных он тоже сумел припомнить из операций, проходивших внутри Первого Города. Никто из них не погиб во Вне.

— Ты черпаешь образы из моего разума, — прорычал Вик и начал прокладывать себе дорогу сквозь реку умерших. То, что поначалу казалось ему нескончаемым, непокорным потоком, превратилось в ручеек, едва доставлявший ему неудобство. Нанося размашистые удары, Вик сносил по десятку мертвецов, превращая их и без того разложившиеся тела в пыль. — Меня не сломить дешёвыми фокусами, синегубый!

Зубы и сломанные рёбра разлетались во все стороны. Чёрная кровь омывала доспех, снимая с него черноту. Казалось, что с каждым ударом броня становится всё светлее и светлее. Стоило ей побелеть, как целые сегменты начали исчезать, превращаясь в дым. Под бронёй у Вика не было ничего, кроме рубашки, да солдатских брюк.

Мертвецы иссякли — и вместе с ними исчезла почти вся защита. У Вика не осталось ничего, кроме золотой руки.

Свист пронзил его слух. На смену мертвецам пришёл Насиф, нанося удар за ударом длинной чёрной иглой. Как Вик ни оборонялся, шаман всё же сумел его достать. Клинок из тьмы пропорол рубаху, засев прямо в сердце.

— Будь ты проклят, — выплюнул ему в лицо Насиф.

Вик посмотрел в его глаза и не увидел ничего, кроме пылающей ненависти. Всё, во что

верил шаман, сгорело в ней. Когда-то он надеялся, что сможет восстановить Союз из пепла, но пламя сожгло всё, образовав пустоту. Насиф предпочёл выбрать тьму — и Вик, будучи её бывшим чемпионом, просто не мог его судить.

Подчиняться року он тоже отказывался. Вик поклялся, что не будет жалеть о прошлом. Пришло время нарушить обет.

Оттолкнув от себя шамана, Вик без особых усилий вытащил чёрную иглу, которая у него на глазах превратилась в золото. Насиф с застывшей гримасой боли наблюдал за его действиями.

— Как бы ни была сильна тьма, — произнёс Вик, выбрасывая клинок, — в открытом бою у света больше энергии. Тебе не победить.

Шаман скривился:

— Конечно. Правда, ты забыл, что качество всегда проигрывает количеству.

Насиф снова махнул рукой — и огромное дерево, заслонившее небеса, с чудовищным скрипом склонилось, обрушиваясь на Вика. Капитан присел, закрыв глаза, покоряясь огромной силе, что выступила против. Катрине дали слишком много времени — она успела прорасти так, что способна была покрыть половину Караса.

— Нельзя бороться с неизбежностью, — прошептал Вик, приготовившись к смерти.

Ветви застыли прямо над землёй. Шаман закричал и замахал руками, пытаясь заставить их преодолеть последнюю часть дистанции. Те не поддавались. Оглушающий треск сотряс мир, земля заходила ходуном. В бесконечной дали от смертных, верхушка древа загорелась, словно достигнув солнца. И пламя не знало пощады.

Тьма схлынула со ствола, окутав шамана, находящегося у корней. Насиф пытался сопротивляться: тщетно. Бездна опутала его своими объятиями, и пока сааксец тонул в ней, из разваливающегося древа вываливался рулевой Марцетти. Вик протянул Томми руку и помог ему вылезти. Кричащего Насифа унёс чёрный поток.

Всё было кончено.

Марцетти кашлял и выблёвывая зелёную слизь на землю, Вик продолжал его придерживать. Стоило потоку мерзости кончиться, как Томми воздел на Валентайна глаза и произнёс:

— Спасибо за искру, ублюдок. Без неё не случилось бы пожара.

— Что произошло? — спросил Вик, проигнорировав оскорбление. Томми помотал головой, словно пытался сбросить с себя вопрос. Наконец, он кивнул в ту сторону, где находился до этого шаман и сказал:

— Он забыл, что катер слушается только рулевого. Всю жизнь он подчинял себе чужую энергию, а сам оказался не готов, когда кто-то перехватил его поток.

Огромные горящие ветви падали на землю, едва не задевая капитана и остатки его команды. Вик поднял голову вверх, пытаясь оценить масштабы катастрофы. Горело всё древо. Спастись от пожара не представлялось возможным.

— Я вычерпал из него всю энергию — покрыть территорию, что заразил Эдем, — продолжил рулевой, поднимаясь на ноги. — А потом поджёг всё. Распространению тьмы конец, капитан. Ты проиграл.

— Нет, — покачал головой Вик. — Мы выиграли.

Только тогда, похоже, Томми рассмотрел золотую руку.

— Стоп, — сказал он. — Подожди… ты… ты освободился?

Вик снова покачал головой.

— Вряд ли я смогу избавиться от тьмы до самой смерти. Впрочем, и жить мне осталось не совсем много. Главное, что у тех, кто снаружи, ещё есть шанс. Они должны решить сами, для чего они живут — и стоит ли жизнь того, чтобы её продолжать.

Томми сумрачно кивнул. Он не стал больше ничего говорить. К чему были теперь слова?

Жар от пламени окатывал их обоих с головы до ног. С гибелью Катрины исчезнут последние якори, удерживавшие тьму в реальности. Всё вернётся на круги своя. Люди, захваченные Эдемом, посчитают, что им привиделась массовая галлюцинация. Никто не вспомнит о полковнике и о том, что он пытался сделать. Церковь предпочтёт забыть провалившуюся операцию. И где-то там, в других мирах, будут мирно жить деревни, созданные Эймсом и Насифом, оставив позади кровавую историю, что привела к их появлению.

Вик посмотрел на свои опалённые ладони. Бог погибнет вместе со своими детьми, а значит, с миром всё будет в порядке.

Шорох раздался позади Вика, заставив его обернуться. Там, рядом с двумя искалеченными телами, сидела медичка — и рука её была протянута к капитану.

— Я не позволю тебе умереть, — прохрипела она. — Ни за что. Так легко ты не отделаешься.

***

Он проснулся от громких криков, которые перекрыли размеренное пиканье кардиомонитора. Ожидая воплей страданий, он слегка удивился, когда услышал команды офицера.

— Ну куда-то ты это тащишь? Тебе же сказали — не в штаб, а в лагерь для военнопленных! Как это вообще можно перепутать?! Ты! Да, ты! Что встал? Помоги ему! Клянусь Освободителем, без карты вы и свою задницу не найдёте! Ты как дышать не забываешь, а?

Голову рассекла боль, словно от похмелья. Кривясь, Вик поднялся с кушетки и опустил ноги на пол. Кроме медицинской сорочки на нём ничего не было. Оперевшись о край, он обнаружил, что снова остался без правой руки. «Легко пришло, легко ушло», — с едва сдерживаемым раздражением подумал Вик.

Ему выделили отдельную палатку. Анора постаралась, без сомнений. Справа от кушетки стоял стол с небольшой стопкой документов, а напротив, в углу, располагалось кресло. Принюхавшись, за запахом медикаментов Вик уловил тонкий аромат духов. Принцесса была здесь и не раз. Бросила всё, лишь бы понаблюдать за любимым — убедиться, что он не умрёт во сне.

Кое-как отсоединив электроды от груди левой рукой, Вик спрыгнул на пол. Холод обжёг его босые ноги, а от резких движений потемнело в глазах. Кое-как справившись с накатившей тошнотой, Вик прошлёпал к выходу. Расстегнув замок, он отдался хаосу внешнего мира.

Перед ним распростёрлась огромная долина, изрытая траншеями, утыканная бункерами, изуродованная разорванными трупами и взрывными воронками — и вдали над всем этим возвышались монструозные белые стены, испещрённые зияющими бойницами. Небо над Карасом заслонял плотный дым — похоже, не все пожары ещё удалось потушить.

Казавшиеся с такой высоты муравьями солдаты сновали повсюду, перетаскивая мертвецов к утилизаторам. Серые колонны пленных медленно, словно траурные процессии, двигались от города к лагерям первенцев.

Вик попытался вдохнуть полной грудью — и закашлялся: слишком уж сильны были запахи войны. Тем не менее, больше всего ему сейчас хотелось курить.

Позади него царил организованный хаос. Работали машины, перетаскивая ящики с места на место, пролетали грузовые вертолёты, солдаты деловито сновали туда-сюда. Временные и постоянные здания блестели на солнце. Разрывали шум объявления по громкой связи, возвещающие, что вскоре в лагерь прибудет Максимилиан Штрауд, а значит, стоит поторопиться.

— Дело рук моих, цари, узрите и отчайтесь… — тихий, хорошо поставленный голос каким-то образом звучал одновременно благоговейно и насмешливо. Из толпы навстречу Вику выплыл смуглый седой старик с длинными волосами — в этот раз без перьев в них. Почему-то на нём была униформа первенцев. — Как тебе картина, Виктор?

— Не скажу, что внушает радость, — пожал плечами капитан и скривился от боли. — Я знал, что ты придёшь, Арстан. Или ты бы предпочёл, чтобы я называл тебя по твоему настоящему имени… Заакси?

Пророк сааксцев покачал головой.

— Отец волен называть меня как ему угодно. Это не изменит моего отношения к нему.

— И оно?..

— Скорее презрительное.

— Вот как, — усмехнулся Вик. — Надо сказать тебе спасибо: без твоего учения Карас бы не выжил. Жаль только, в конце ты осознал, кто я такой и чего хочу. Скажи, тебе совсем не жалко было отправлять ученика на смерть? Он ведь тебе верил.

— Насиф сделал всё так, как я хотел, — ответил пророк.

— Даже когда решил заигрывать с тьмой? Ведь весь мир был в шаге от того, чтобы сорваться в пропасть. Ещё чуть-чуть — и Эдем бы победил. Вообще, я думал, ты его снарядил, чтобы остановить меня. А в итоге, он чуть не сыграл мне на руку.

— Он предотвратил худший исход, — сказал Заакси. — И послужил для тебя зеркалом. Увидев на его примере, как даже лучший человек может пасть, ты призадумался. Когда я дал ему свой апокриф, то понимал, что возможны только два исхода: либо он будет держаться света до конца, либо сгинет во тьме. Оба из них меня устраивали. Оба из них гарантировали, что ты не достигнешь своей цели.

— Чертовки рисковый план, — заметил Вик. Пророк лишь отмахнулся.

— Мне это говорит чемпион тьмы, который целью своего путешествия избрал город света.

— Ты всегда лучше понимал меня, чем я сам, — сказал Вик. — Скажи, что будет теперь?

— Теперь? Ничего. Ты проживёшь жизнь как обычный человек и умрёшь своей смертью, оставив мир в покое. Избавив его от своей людоедской идеологии.

— Людоедской? — рассмеялся Вик. — А разве не мой сын приносил людей в жертву, чтобы создать орудия против тьмы?

— Да. И в итоге, спас всех.

— Каким же образом? Первый Город до сих пор существует — и он только что выиграл в войне.

Глаза пророка хитро заблестели.

— Посмотри-ка на себя. Чего ты не видишь?

Только тогда Вик вспомнил про экзоскелет.

— Паразит сгорел. Мы разрубили твой контакт с Первым Городом. А значит, теперь он начнёт отмирать. Опухоли конец. Мир задышит полной грудью.

— А как же люди, что там живут?

— Либо они адаптируются к новым условиям, либо умрут. Вот и всё.

— Такая безжалостность, — сказал Вик, покачав головой. Старый шаман поклонился.

— Я учился у лучших, Отец.

— Ты не учёл одного. Хорошо, твои действия вырвали меня из лап тьмы. Теперь я не вернусь обратно даже после смерти. Не смогу начать всё заново. Не смогу принести тьму в мир через Эдем. А значит, тьме самой придётся продираться сюда.

— Да? И как же она это сделает?

— Так же, как и собиралась.

На лице пророка застыло непонимание. Вик вздохнул.

— Ты позаботился о том, чтобы в недалёком будущем Первый Город погиб. Пока он существует, существует и Эдем. А Эдем связан со тьмой. Эту нить ведь никто не разрывал.

— Я… — начал было пророк, но Вик перебил его.

— А значит, у тьмы осталось совсем немного времени, чтобы начать действовать. Если раньше она могла тянуть до бесконечности, то теперь ей нужно успеть до того, как Первый Город затухнет — или же последний портал в наш мир захлопнется. Ты не предотвратил конец света — ты лишь отсрочил его.

— Когда это произойдёт? — спросил пророк.

— Через десять лет? Двадцать? Кто знает? Может быть, пройдёт ещё одно поколение или два — и всё. И знаешь, если бы Эдем покрыл весь мир, избранные, вроде шаманов, могли бы по нему путешествовать. С этим вариантом можно попрощаться. Тьма не будет идти на компромиссы. Теперь она не успокоится, пока не исчезнет вообще всё.

Уставившись на небо, пророк переваривал услышанное. Наконец, он сумрачно кивнул.

— Что же, остаётся предоставить судьбу мира будущим поколениям. И тебе, Отец. После всего, что произошло, неужели ты позволишь им погибнуть?

Сказав это, он отвернулся и зашагал вглубь лагеря. Мелькнув между проходящими мимо солдатами, пророк испарился. Вик так и остался стоять возле палатки, не в силах сдвинуться.

Его план провалился. Мир погибнет. И он ничего не может с этим поделать. Ничего…

Он увидел, как, расталкивая вояк, бегом к нему приближалась Анора. Будто бы позабыв об окружающих, она с размаху врезалась в него, обняла и зарыдала. Бойцы демонстративно не обращали на них внимания, спеша по своим делам.

— Ты жив… жив! — сказала принцесса, отпустив Вика и посмотрел в его глаза. — Как ты себя чувствуешь? Всё в порядке?

— Да, конечно, — капитан кивнул, смущённо оглядевшись. — Где вы меня нашли?

— На одной из площадей. Ты лежал там совершенно один. Твоё сердце не билось, ты не дышал, хотя ран никаких не было. Все посчитали, что ты мёртв. Но я не дала им отправить тебя в утилизатор. Я приказала, чтобы тебя уложили в отдельной палате — и меньше, чем через сутки, ты задышал! Я не знаю, что это за чудо. Зато знаю точно: мы с тобой его заслужили.

— Один… — прошептал Вик. Он не стал спрашивать насчёт остальных членов отряда. Ему резко стало всё ясно.

— Да, — кивнула Анора. — Всё закончилось! Мы победили — и ты жив! Это самое главное!

— Помнишь, мы с тобой говорили про технологии сааксцев? — спросил Вик. Анора резко шикнула.

— Нет, не здесь — и не сейчас. Я поняла, о чём ты. Поверь, мы позаботимся, чтобы ничего не попало в руки Эдема. Штрауд во всём разберётся, когда прибудет. Забудь о делах. Хочешь, отправимся в Город прямо сейчас? Я уже не могу терпеть этот смрад. Хочу принять по-человечески ванну. И, наконец, увидеть наших детей.

— Наших детей? — переспросил Вик, поперхнувшись. Анора кивнула, как ни в чём не бывало.

— Уотерс предупреждал меня, что у тебя могут быть провалы в памяти. Наши дочери: Сабрина и Елизавета. Они ждут тебя. Я сказала им, что как закончится война, я познакомлю вас. Плевать на отца. Плевать на придворных, плевать, кто и что скажет. Я заслужила свой шанс на счастье. Пусть говорят, что хотят. Мы выиграли войну, а это самое главное.

Разум Вика метался, не в силах ухватиться за что-то одно.

— Уотерс, — наконец, заключил он. — Мне нужно поговорить с Биллом.

— Это невозможно, — ответила Анора, нахмурившись. — Он в тюрьме.

— Что?

— Я приказала заключить его под стражу. Эксперименты, которые он проводил, Вик… они вышли за все пределы. Я не смогла больше это терпеть. Его будут судить за преступления против человечности. Сааксцы теперь наши подданные — и я не могу допустить, чтобы этот монстр разгуливал на свободе.

«Знал ли он? — спросил себя Вик. — Знал ли он, кто я такой на самом деле? А король? Понимал ли Карл, кого отправляет на задания? Подыгрывали ли они мне всё это время или же им действительно было невдомёк, что я и есть Освободитель? Похоже, теперь я никогда этого не узнаю».

Вопросы терзали его. Но намного больше его мучило другое.

У него с Анорой была семья.

Кое-что Вик понял с момента, когда шаман бросил против него духов. Это не были люди, похороненные во Вне. Карас просто использовал опыт умерших, которые погибли от его рук. Он не сразу даже вспомнил, что заметил их среди мертвецов. Сейчас же воспоминание обжигало сильнее калёного железа.

Там были Синтия и Норман.

Он убил свою семью. Почему, зачем, как — он уже никогда не узнает. Никто не сможет ответить на все его вопросы. Впрочем, Вик предполагал, как это произошло.

Это было ещё до того, как он стёр память. Вернувшись из другого мира в свой, зная, что миру грозит конец света, он не вынес бремени *существования* жены с сыном. Сама жизнь казалась ему плохой шуткой. Он убил их, чтобы они не страдали.

И тут же пожалел об этом.

— Вик, что с тобой? — спросила его Анора. — Ты плачешь?

— Думаешь, мы заслужили это? Шанс на лучшую жизнь? На счастье? После всего, что сделали?

— Все заслуживают счастья, — твёрдо ответила Анора, сжав кулаки. — Ты сам мне так

сказал. В этом ведь смысл Эдема, не так ли?

«Она не знает, — промелькнуло у него в голове. — Она не знает, кто я такой».

Секунду помедлив, он кивнул.

«Я избавлю её от этой ноши».

— Хорошо, — сказал он. — Пришло время идти домой.

***

Огонь разгорался всё сильнее и сильнее, уже невозможно было дышать. Падающие ветки грозили раздавить капитана и его команду до того, как всё погрузится в пламя.

— Вы же тоже можете выбраться отсюда! — крикнул Вик Эмме, обнимающей тело Саргия. Она помотала головой.

— Там нет ничего такого, ради чего хотелось бы жить. Зато здесь осталось всё, ради чего стоило умереть.

— Томми! Ну хоть ты образумься! — обернулся Вик к рулевому. Тот ощерился и кивнул на горящее дерево.

— Катер должен погибнуть вместе со своим носителем. Иначе не сработает. Ты же знаешь.

— Проклятье! Я не собираюсь уходить отсюда один! Я привёл вас сюда, а значит, я вас отсюда выведу!

— Ты обрёк нас на смерть! — заорала Эмма, пытаясь перекричать треск горящего древесины. — Теперь тебе жить с этим. Уходи!

Саргий вдруг махнул рукой, подзывая Вика к себе. Капитан присел перед иммигрантом на одно колено. Лемортов не мог говорить, но по жестикуляции стало ясно, чего он хочет.

Показав на золотую руку Вика, иммигрант перевёл взгляд на Эмму. Валентайн кивнул. Взявшись за запястье, он легко отсоединил наруч с перчаткой и отдал их медичке. Та присоединила часть доспеха к своей культе. Теперь, когда у неё было две руки, она вновь могла передавать энергию.

— Возьми мою жизнь! — крикнул Вик. — Вылечи Саргия! И вы оба сможете уйти отсюда. Вы заслуживаете спасения, не я!

Иммигрант помотал головой, ткнул себя пальцем в грудь, а затем показал на бездыханное тело Джека.

— Что? Он разве не умер?

Подтащив к Эмме тело мальчишки, Вик проверил его пульс.

— Проклятье, он ещё дышит.

Саргий удовлетворённо кивнул. Эмма, держа его за грудь, с удивлением посмотрела на иммигранта.

— Ты этого хочешь?

Лемортов повторно кивнул. Понурившись, надрывным голосом медичка произнесла:

— Он хочет… отдать силы ему.

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Ты убил его детей! — с ненавистью бросила ему в лицо Коннели, затем взглянула на Саргия и продолжила уже спокойным тоном: — А он хочет вернуть к жизни твоего сына.

В горле Вика возник комок.

— Я…

— Не говори, — попросила Эмма. — Не говори ничего. Он делает это не потому, что жалеет тебя. Мы хотим, чтобы ты жил с этими воспоминаниями. Ты больше не сможешь бежать, Виктор Валентайн. Тебе придётся взять ответственность за свои поступки. Тебе придётся всё исправить.

…когда свет потух, Джек чуть-чуть зашевелился. Вик закинул его тело на себя и бросил последний взгляд на свою команду. Эмма горестно обнимала лишившееся красок тело Саргия. В золотой руке отражались огни древа. Пламя уже дошло до корней.

— Время пришло, — возвестил Томми. Раскинув руки, он пошёл навстречу огню. Вик не стал смотреть, как он сгорит. Ухватившись покрепче за тело сына, он побежал к выходу.

Эдем схлопывался, равнины превращались в холмы, а Вик всё бежал и бежал к воротам, отделявшим реальный мир от небытия. Одна только мысль билась в его голове: выжить. Непременно выжить.

Если он дойдёт до цели, то вывалится в реальность и, скорее всего, потеряет сознание. Возможно, Джек очнётся раньше него. Захочет ли он свести счёты с отцом, который обрёк весь мир на погибель? Или же решит уйти, оставив всё на совести Вика?

Как бы там ни было, Валентайн знал одно.

Ему дали шанс. И он обязательно всё исправит.

Больше книг на сайте - Knigoed.net